ДИТЯ ЗВЕЗД
Фредерик ПОЛ

Дитя звезд
Фредерик Пол, Джек Уильямсон

Фредерик Пол
Рифы космоса
Глава первая
Глава вторая
Глава третья
Глава четвертая
Глава пятая
Глава шестая
Глава седьмая
Глава восьмая
Глава девятая
Глава десятая
Глава одиннадцатая
Глава двенадцатая
Глава тринадцатая
Глава четырнадцатая
Глава пятнадцатая
Глава шестнадцатая
Глава семнадцатая
Глава восемнадцатая
Глава девятнадцатая
Глава двадцатая

Дитя звезд
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
Блуждающая звезда
1
2
3
4
5
6

7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27

Фредерик Пол

Фредерик Пол

Собрание сочинений

том четвертый

Рифы Космоса
Дитя Звезд
Блуждающая звезда

«Амбер, Лтд»
г. Ангарск
«Сигма-пресс»
г. Москва
1995

Рифы космоса

Глава первая

— Зарегистрироваться, быстро! — отрывисто скомандовал майор. — Эй, опы, вы там что, заснули?

Антенны радара делали майора похожим на Сатану, точнее, на сонного молодого дьявола с отвисшей нижней челюстью, но очень-очень опасного.

— Слушай, сэр, — осматриваясь, сказал Стив Райленд. Вот он, Рейкьявик, совершенно другой мир.

Райленд только что прибыл из лагеря максимально строгого режима безопасности за Полярным кругом. Жмурясь от яркого света, он не мог отвести взгляда от тысячефутовых высотных зданий, от реактивных лайнеров и ракет, усеявших поле аэропорта. Невысокий мужчина, стоявший рядом с Райлендом, чихнул и подтолкнул его.

— Порядок, — успокоил его Райленд и зашел в пустую комнату Службы безопасности. В углу стоял телетайп — так же, как и в углу любой другой комнаты, — на клавишах которого он выстучал:

«ИНФОРМАЦИЯ. Стивен Райленд, оп. АВС-38440,

О. Б. Опорто, оп. ХУЗ-99942, прибыли на…» Он взглянул на табличку с кодом, прикрепленную к корпусу телетайпа «…станцию 3, радиус 4-261, Рейкьявик, Исландия. ЗАПРОС. Какие следуют указания?»

Через мгновение от Планирующей Машины пришел ответ — буква «П». Это означало: Машина приняла сообщение, ввела в банк памяти. Приказы последуют.

В комнату заглянула девица-общительница, но, заметив у Райленда и Опорто железные воротники-кольца, кивнула майору и удалилась.

Зазвенел сигнал телетайпа, Машина отпечатала приказание:

«ДЕЙСТВИЯ. Проследовать к поезду 667, путь 6, купе 93».

Райленд прочел сообщение. Майор, заглянув через его плечо, усмехнулся:

— Прямой билет в орган-банк, могу поспорить.

— Да, сэр, — тихо сказал Райленд. Он не собирался спорить. Опу не переспорить майора.

— Тогда шевелитесь, — проворчал майор. — И еще, Райленд…

— Слушаю, сэр?

Майор подмигнул.

— Спасибо за шахматы. Надеюсь, еще увижу вас,

хотя бы отдельными частями. — И довольный майор загоготал. Кончив смеяться, он добавил: — Только без глупостей, я вас предупредил.

— Я не забуду, — тихо сказал Стив Райленд, тронув железное кольцо на шее.

Опорто опять чихнул.

— Пойдем, — проворчал он.

— Ладно. Какой там был номер?

Темноволосый коротышка Опорто усмехнулся.

— Поезд 667, путь 6, купе 93. Запомнить нетрудно… А-апчхи!

Райленд направился к выходу. Они пересекли тротуар, подошли к стоявшим в ряд такси и сели в свободную машину. Прохожие бросали на них мимолетный взгляд, замечали железные воротники, и на их лица тут же словно опускались непроницаемые завесы. Райленд набрал на пульте такси код места назначения, и машина помчалась по широким бульварам к огромному мраморному зданию на другом конце города.

Над входом в грандиозное здание были высечены слова «ПЛАН ЧЕЛОВЕКА. СТАНЦИЯ СУБПОЕЗДА».

Они пересекли зал ожидания, полный пассажиров. Для них же зал был все равно что пуст. Райленд грустно улыбнулся.

— Только без глупостей. Помни, человеку с железным ошейником не стоит уклоняться от назначенного маршрута. А если он это сделает — всем остальным в этот момент лучше быть где-нибудь подальше, так будет полезней для их здоровья.

— Нам нужен шестой путь?

— Да, поезд 667, купе 93. Память у тебя дырявая, что ли? — проворчал Опорто.

Райленд широко зашагал вперед. Шестой путь оказался грузовым. Они спустились по выключенному эскалатору и оказались у дорожного полотна субпоезда.

С тех пор как подземные линии субпоездов опоясали планету, невозможно было определить, куда именно направляется данный поезд. Из Исландии он мог идти в Канаду, в Бразилию, даже в Южную Африку. Чудовищные атомные буры Плана Человека прогрызали идеально прямые туннели в любой породе. В безвоздушном пространстве туннелей проносились субпоезда, подстегиваемые электростатическими силами кольцевых ускорителей. Поскольку практически отсутствовало трение, скорость путешествия была сравнима со скоростью межпланетных перелетов.

— Где же наш поезд? — проворчал Опорто, глядя по сторонам. Яркий свет заливал неуютную грузовую платформу, сверкая на боках алюминиевых емкостей, лежащих в гнездах люлек. Бригада рабочих с помощью кранов грузила емкости на соседней платформе. На следующей платформе, в сотне ярдов от них, у выхода с эскалатора появилась небольшая группа пассажиров.

— Ставлю шесть против пяти, что следующий поезд наш, — предложил поспорить Опорто.

— Я — пас, — ответил Райленд, отклоняя пари. Он надеялся, что коротышка прав. На платформе было холодно. Вызывающий дрожь холодный воздух гудел в вентиляционных трубах. Опорто чихнул и начал шмыгать носом. Райленд поежился в легкой лагерной робе.

Когда в лагерь пришло указание об их отправке, они прошли тщательный медосмотр. Таково было всеобщее правило Плана Человека. В осмотр входил горячий душ. «В орган-банке мясо должно быть чистеньким!» — зловеще пошутил охранник, но Райленд не обратил на него внимания. Он не мог себе этого позволить. Человека с железным кольцом на шее интересовало лишь одно: как поскорее избавиться от кольца.

Из шахты туннеля донесся вопль предупрежда-

ющей сирены На вакуум-створах шестого пути замигали красны огни. Завздыхали воздушные насосы. Медленно разошлись створы, и появился тягач, медленно тащивший тележку-люльку с вагоном, который они ждали.

— Я угадал, — сказал Опорто.

Вагон остановился. Снова зафыркали клапаны, выравнивая давление, потом высокие двери подались вперед и вниз, образуя лестницу-эскалатор.

— Стив, мне это совсем не нравится! — с тревогой сказал Опорто.

Из вагона выбежали два человека в ярко-голубой форме. На Райленда и его товарища они даже не взглянули. У каждого была толстая кожаная сумка курьера.

— Ярко-голубая форма — это цвет особой охраны… — Не веря глазам, Райленд поднял голову. Под потолком, среди паутины трубопроводов и кабелей, вспыхнул ослепительный свет, осветив сферу вагона. На ее вершине, в сорока футах над платформой, ясно выделялись блистающая голубая звезда и снежно-белые буквы над ней, легендарные слова: «ПЛАН ЧЕЛОВЕКА. КАБИНЕТ ПЛАНИРУЮЩЕГО».

Вагон, который они ждали, оказался личным

спецвагоном самого Планирующего!

Стив Райленд подумал, что теперь, наконец, он сможет представить свое дело самому Планирующему! Но тут же вспомнил, что Планирующий, как и всякий человек на любой из планет Солнечной Системы, — лишь орудие Планирующей Машины. И если Райленд будет освобожден, если с него снимут железный воротник, то только по приказу Планирующей Машины. Человеческие аргументы на нее не действуют.

Усилием воли Райленд выбросил надежду из головы. Единственным утешением было то, что они направляются не в орган-банк.

— Какое у нас купе?

— 93, — вздохнул Опорто. — Ты способен запомнить хоть что-нибудь? Поезд 667, это произведение двух простых чисел 23 и 29. Путь 6 — их разность. Номер купе — обратный порядок последних цифр. Ведь это очень легко…

Но Райленд его почти не слышал. Те особые отношения, которые имелись у Опорто со всем, что касалось чисел и операций с ними, не были для него новостью. Сейчас мысли Стива были заняты более насущными вещами. Они направились к эскалатору и поднялись в вагон. Мимо прошла женщина в голубой форме охраны, заметила их

воротники, нахмурилась. Но прежде чем Райленд успел к ней обратиться, промелькнула мимо и исчезла. Что ж, невесело подумал Райленд, еще одно доказательство эффективности наших воротников: она даже не сочла нужным узнать, что делают два опа в личном поезде самого Планирующего. Не было причин волноваться — один неправильный шаг, и железные кольца сделают этот шаг последним. По этой же причине было небезопасно двигаться наугад. Райленд задержался на месте, пока мимо не прошел другой охранник.

— Сэр! — окликнул его Райленд. — Простите, сэр!

Это был седовласый, с военной выправкой мужчина, в голубой форме охранника и с серебряными грибками полковника Технического корпуса.

— В чем дело? — нетерпеливо спросил он.

— Нам было приказано явиться в купе 93, — объяснил Райленд.

Полковник задумчиво посмотрел на него.

— Имя, — коротко потребовал он.

— Райленд Стивен. И Опорто.

— Ага, — сказал полковник, потом вздохнул. — Ну ладно, не стоит пачкать вагон Планирующего.

Осторожность не помешает. Вам туда. — Он провел их в крохотную комнатку. — Смотрите. — Он повернул ручку двери. — Замка нет. Но должен предупредить, что все коридоры перекрыты радарами. Вы поняли?

Они поняли.

— Отлично.

Он помолчал.

— Кстати, меня зовут Лескьюри, полковник Паскаль Лескьюри. Мы еще встретимся. — И он затворил за собой дверь.

Райленд окинул купе быстрым взглядом. Но интересовал его не комфорт, не великолепие обстановки, а телетайп. Найдя аппарат, он быстро зарегистрировал себя и Опорто.

Ответ пришел быстро: «ДЕЙСТВИЯ. Ждать дальнейших указаний».

Опорто к этому моменту совсем расклеился. Лицо его горело.

— Вот так всегда, — сказал он в нос. — Я простужаюсь, и если не подлечусь, слягу на неделю. У меня уже жар! — Он дрожал как в лихорадке.

— Нет, жара у тебя нет, — покачал головой Райленд. — Мы уже едем.

Человек за пультом управления субпоезда знал, чей вагон ведет по туннелям электростати-

ческого ускорителя. Громадная сфера тронулась с места бесшумно и плавно. Они не почувствовали толчка, просто ощутили необыкновенную легкость. Вагон мчался по хорде из начальной точки в конечную. На дальних маршрутах глубина туннеля доходила до тысячи миль, и первая половина пути напоминала падение в кабине сверхскоростного лифта.

Рассеянно протянув руку, Райленд придержал за плечо покачнувшегося Опорто. Кольцевые поля, опоясавшие стенки туннелей субпоезда, в известной степени были обязаны своей стабильностью ему, Райленду. В тот вечер, в пятницу, три года назад, когда Полиция Плана ворвалась в его кабинет, он как раз закончил диктовать описание новой силовой катушки, в которой потери на гистерезис были уменьшены наполовину, а срок службы по сравнению со старыми катушками удлинялся, самое меньшее, в два раза. Это было единственное, что он мог вспомнить.

Неужели с его мозгом что-то сделали? В тысячный раз Райленд задавал себе этот вопрос. Он мог воспроизвести уравнения своей собственной теории геликальных полей, пришедшей на смену теории примитивных «магнитных бутылок». Но не мог вспомнить хода работы, которая привела

к этим уравнениям. Он помнил конструкцию ионных ускорителей для двигателей атомных ракет, но, однако, автор конструкции — он сам, — оставался загадкой. Что это был за человек? Чего он достиг, что он совершил?

— Стив, — простонал Опорто. — Ты не принесешь мне чего-нибудь выпить?

Райленд повернулся к нему, возвращаясь в реальность. Выпить? Опорто явно бредит.

— Я спрошу Машину, — сказал Стив.

Опорто слабо кивнул.

— Да, спроси. Я заболел.

Райленд колебался. Коротышка явно болен. Что делать? Пока он раздумывал, Опорто нетвердым шагом направился к телетайпу.

— Я сам спрошу, — проворчал он. — Отойди.

Дрожащими пальцами он потянулся к клавишам, лицом повернувшись в сторону Райленда. Это было ошибкой — ему не стоило сейчас отвлекаться. И без того нетвердо державшийся на ногах Опорто покачнулся, потянулся к клавиатуре и, промахнувшись, тяжело повалился на телетайп.

Аппарат с грохотом опрокинулся на пол. Внутри сверкнула белая искра, и по купе волной прокатился едкий запах горелой изоляции.

Райленд хотел что-то сказать, но промолчал.

Какой смысл? Телетайп явно вышел из строя. И Опорто сделал это неумышленно.

Коротышка застонал.

— Проклятье! Стив, куда ушел этот полковник? Может, он принес бы мне какую-нибудь таблетку?

— Не волнуйся, — рассеянно сказал Райленд. Коротышка был в плохом состоянии, но мысли Райленда сейчас занимало другое. Его волновал сломанный телетайп.

За всю свою жизнь, начиная с первых дней после школы, Райленд не совершил ни одного поступка без консультации с Машиной. Даже в лагере максимальной охраны в углу барака стоял телетайп, соединенный непосредственно с Машиной.

На Райленда навалилось чувство одиночества и незащищенности.

— Стив, — прошептал хрипло Опорто. — Дай мне хотя бы воды.

Это Райленд мог сделать. На столике имелся серебряный графин и небольшие хрустальные стаканчики с золотой инкрустацией. Райленд налил в стакан воды и протянул Опорто. Коротышка принял воду и без сил погрузился в массивное, с роскошной обивкой кресло.

Райленд принялся мерить тесное купе шагами. Ничем другим он сейчас заняться не мог. Полковник предупредил о радарных ловушках в коридоре. Нечего было и думать о том, чтобы выйти из купе. Это могло стоить ему жизни.

Они были опасниками, и в железных кольцах на шеях содержалось по восемь граммов мощной взрывчатки. Один шаг в запретную для опасника зону — и радарная волна или луч воспламенят взрыватель. Райленд один раз был свидетелем такого случая и не хотел, чтобы это случилось с ним.

Купе, в котором они находились, было частью личного вагона Планирующего. Такой обстановки Райленд не видел уже три года. Он пощупал портьеры на фальшивом окне, погладил столешницу из полированного дерева.

Три года назад Райленд сам жил в подобной комнате. Нет, отметил он, та комната была поскромнее. Но принадлежала она только ему, и там была мебель, которой пользовался только он, и место, чтобы хранить одежду, книги, и другие вещи. В той жизни он был благонадежным человеком, имел свое место в Плане Человека и соответствующую долю материальных богатств.

Даже теперь, после множества сеансов «вос-

станавливающей терапия», Стив не понимал, что с ним произошло. Предъявленное обвинение звучало как «незапланированное мышление», но безжалостные терапевты тщетно пытались заставить его припомнить хотя бы одну нелояльную к Плану мысль.

Единственной уликой была его библиотечка книг о космосе — несколько пожелтевших старых книг из библиотеки отца, которые он спас.

Конечно, Стив знал, что эти книги не входят в список дозволенных Планом, но не видел в своем увлечении никакой подрывной деятельности. Наоборот, как он много раз объяснял терапевтам, специальные уравнения геликального поля были тесно связаны с процессами во Вселенной, непрерывным воспроизводством вещества в ней. Не зная уравнений, описывающих расширение Вселенной, он вряд ли смог бы усовершенствовать силовые катушки для туннелей субпоезда.

Но терапевты отказывались точнее сформулировать обвинение. У человека в системе Плана не было прав, только функции. Терапевты не обязаны были снабжать его информацией, они обязаны были извлечь информацию из него. К сожалению, он так и не вспомнил, чего добивались от него терапевты.

Он многого не мог вспомнить…

— Стив, позови врача, — простонал Опорто.

— Не могу! — с горечью воскликнул Райленд. — Если Плану нужно, чтобы ты болел, ты будешь болеть…

— Райленд… — взмолился Опорто, и тут на него напал приступ кашля.

Райленд смотрел на человечка в кресле и думал, что, очевидно, Опорто относится к особо чувствительному, аллергическому типу. После трех лет в стерильной атмосфере полярного лагеря он был беззащитен перед инфекцией. Опорто дышал, лоб его, который Райленд пощупал ладонью, был горячим.

— Потерпи, Опорто, — сказал Райленд. — Еще немного, всего пару часов.

За это время они могли добраться до любого места на Земле.

— За пару часов я помру, — ответил Опорто. — Отдам концы. Ты не можешь позвать врача?

Райленд не знал, что делать. Коротышка был прав. План заботился о дополнительной иммунизации тех, кто жил в подверженных инфекциям районах, а сверхаллергический тип, вроде Опорто, мог потерять иммунитет.

— Ладно, — устало сказал Райленд. — Сделаю,

что смогу. Пошли, Опорто.

Дверь была не заперта. Поддерживая Опорто, Райленд выглянул в коридор и вздохнул:

— Хорошо бы появился кто-нибудь из охраны!

— Стив, что ты делаешь, — забормотал Опорто. — Оставь меня! Нам нельзя выходить — полковник предупреждал!

— Тебя нужно отвести к доктору.

Райленд внимательно осмотрел коридор. Там, где его пересекали переходы, были установлены непонятные устройства, напоминающие навесы паланкинов какого-нибудь восточного владыки. Наверное, там были спрятаны радарные ловушки, ничего другого Райленду не пришло в голову. Правда, в том направлении, откуда они пришли, тоже имелось подобное устройство, но ловушки не оказалось.

Райленд решил все тщательно обдумать. Тот факт, что они благополучно добрались до купе 93, еще ничего не значил. Вполне возможно, что ловушки выключили специально, чтобы их пропустить. И вообще, рассуждая логически, один маршрут был для них наверняка запрещен — путь назад к выходу из вагона.

— Опорто, — сказал Райленд. — Видишь эти двери? Я думаю, можно попробовать пройти в

одну из них.

— А ты не боишься? — язвительно спросил коротышка.

— Ничего другого нам не остается, — фыркнул Райленд и потащил Опорто за собой.

Железное кольцо на шее, казалось, потяжелело. Если бы он был суперменом, вроде Дондерево, чье имя почему-то сохранилось в памяти… и чья судьба каким-то образом была связана с его собственной.

Терапистыт так настойчиво спрашивали Стива об этом человеке, что должна быть на то серьезная причина. Действительно ли Райленд знал Дондерево? Когда он его видел в последний раз? Когда он получил от него сообщение? Что в нем говорилось?

Дондерево был сыном космического исследователя, последствии ставшего торговцем, который сколотил состояние, исследуя пояс астероидов и луны внешних планет. Он создал коммерческую империю, независимую от Плана Человека. Рон Дондерево прилетел на Землю изучать космическую медицину в колледже, где математику преподавал отец Райленда. В это время План захватил последние независимые астероиды и луны. Отец Рона был разбит в космической

схватке, защищая свои владения. Сам Дондерево попал в опы из-за участия в студенческой демонстрации, а потом вдруг исчез. Ходили легенды, что ему удалось избавиться от кольца и бежать в космос, за пределы владений Плана.

Райленд помнил лишь одну встречу с Роном Дондерево. Это было в кабинете отца Райленда. Стиву было тогда лет восемь, а Дондерево был уже взрослым человеком, студентом-выпускником, романтической и загадочной личностью, который летал к внешним планетам и дальше, в неисследованный космос. Но разве этим объяснишь непрерывные допросы терапистов?

Кем бы ни был Дондерево, Райленд не мог последовать его примеру. Воротник останется на месте до тех пор, пока Машина не даст замку сигнал открыться.

У Стива мелькнула сумасшедшая мысль: услышит ли он тихий щелчок реле, прежде чем воспламенится обезглавливающий заряд? Или все кончится сразу?

Найти ответ можно было только одним способом — толкнуть дверь и войти в чужое купе.

Райленд наугад открыл одну из дверей. Опорто вырвался, с удивительным проворством отбежал на несколько шагов, круто развернулся и замер.

Райленд без колебаний вошел в купе. Ничего не произошло.

Усмехаясь, смущенный Опорто последовал за ним.

— На первый раз нас пронесло, правда, Стив?

Райленд кивнул. Не было смысла ввязываться во взаимные обвинения, хотя на языке вертелось несколько слов для человека, который сначала подталкивал его на Риск, а потом пытался удрать.

Помещение было примерно такого же размера, что и купе 93. В нем никого не было. Обставлена комната была скромно: узкая кровать, столик с несколькими цветами в вазе, большое зеркало, несколько шкафчиков. Здесь живет девушка, решил Райленд. И она явно не принадлежит к высшему слою пассажиров этого роскошного субпоезда. Наверное, секретарша или горничная.

В комнате была еще одна дверь, выходящая на небольшой лестничный пролет.

Ступеньки были крутые, но помочь Опорто преодолеть их не составило труда — свободно летевший по туннелю поезд уменьшал вес. Они оказались в другой комнате, в которой тоже никого не оказалось. Но эта комната была меблирована с роскошью и походила на женский

будуар. Обстановка была выдержана в белых и золотых тонах, на небольшом туалетном столике с овальным зеркалом в золотой раме лежали эбеново-черные гребни и щетки для волос. По этой лестнице, догадался Райленд, должна была входить личная служанка владелицы комнаты.

В этот момент раздалось чье-то пение.

Стив вздохнул поглубже и позвал:

— Эй, кто-нибудь! Вы меня слышите? Я ищу врача!

Ответа не последовало. Пение продолжалось, голос был чистым и приятным. Девушка пела явно для собственного удовольствия. Время от времени она возвращалась назад, повторяла строчку, делала паузу, снова начинала песню.

Райленд взглянул на Опорто и, пожав плечами, толкнул дверь.

Перед ним была комната, выдержанная в изумрудных и серебристых тонах. По стенам медленно плыли мягкие зеленые огни. В центре стояла серебряная ванна шести футов в диаметре, частично утопленная в пол.

Над толстым слоем пены виднелись колено, голова и руки самой прекрасной девушки, которую Райленд когда-либо видел в жизни.

— П-прошу прощения… — смущенно пробор-

мотал он.

Девушка повернула голову и спокойно посмотрела на него. На ее влажных белых плечах сидели две… птицы? Нет, они только внешне напоминали птиц, похожих на голубей с рубиновыми глазами, но были сделаны из серебра. При появлении Райленда и Опорто металлические птицы угрожающе заворковали.

— Это… это же… — Опорто судорожно сглотнул. — Стив, это же дочка Планирующего! — выдохнул он и упал на колени. — Пожалуйста! — взмолился он и пополз в сторону ванны, — не сердитесь, мы не хотели вас беспокоить!

Его приближение, видимо, встревожило девушку, хотя не сильно, потому что она не повысила голоса, а лишь прервала песню и сказала:

— Охрана!

Видимо, поблизости имелся микрофон, потому что снаружи послышался шум. Кроме того, у девушки имелись непосредственные защитники. Серебряные голуби набросились на лежащего ничком Опорто. Они рвали его острыми клювами и били металлическими крыльями по голове. Распахнулась вторая дверь, и в комнату вбежали четыре высокие женщины в голубой форме охраны Планирующего.

Глава вторая

Три последних года смерть постоянно таилась где-то рядом со Стивеном Райлендом. Она шептала тихим астматическим голосом доктора Трейла, в тысячный раз грозя отправкой в орган-банк, если он не припомнит содержание сообщения от Рона Дондерево, если не даст правильные ответы на вопросы с бессмысленным набором слов, ничего для Райленда не означавших: пространственник, рифы Космоса, нереактивная тяга.

Смерть могла принять различные обличья. Замаскированная радарная ловушка, радарные антенны офицерского шлема, возможность попасть в орган-банк. Все эти личины смерти Райленд знал и научился жить бок о бок с ними.

У женщин-охранниц было пулевое оружие, а не радары. Очень странно, подумал Райленд. Стало быть, опасались здесь не опов, вроде него, а обычных людей. Неужели благонадежные граждане могли представлять угрозу для Плана?

Ответа на этот вопрос пока не было. Атакуемый серебряными голубями, истошно вопил Опорто, женщины-охранницы приближались.

Девушка остановила их одним словом:

— Подождите!

Она смахнула со щеки пену и спросила у непрошеных гостей:

— Что вам угодно?

Райленд поперхнулся.

— Гм, моему другу необходим врач, — хрипло сказал он и отвернулся.

Первая из четырех охранниц засмеялась. Это была высокая брюнетка с мощной фигурой, которая могла бы быть весьма хорошенькой, если ее уменьшить процентов на десять во всех трех измерениях.

— Пойдем-ка, оп, — сказала она. — Мы позаботимся о тебе и твоем друге.

Девушка в ванне лениво шевельнулась, взбила рукой пену и, наблюдая, как разбегаются круги, сказала:

— Не беспокойтесь, сержант. Отведите больного к врачу, если он этого хочет, а второго оставьте здесь.

— Но, госпожа, Планирующий…

— Сержант, — повторила она нежным голосом, не повысив тона ни на йоту.

Сержант заметно побледнела. Указав подчиненным на Опорто, она покинула ванную, метнув на Райленда взгляд, полный откровен-

ной ненависти и презрения. За ней последовали охранницы с коротышкой.

Металлические птицы вернулись на свои места на плечи девушки. Их горящие рубиновые глазки ни на миг не выпускали Стива из виду.

— Так вы один из людей с железными воротниками? — спросила девушка.

Райленд кивнул.

— Да, я опасник.

— Никогда не разговаривала с человеком, носящим железный воротник, — задумчиво сказала девушка. — Вы не против, если мы поговорим? Меня зовут Донна Криири. Мой отец — Планирующий.

— Я знаю. — Райленд вдруг остро почувствовал, что на нем мятая роба и что он находится в ванной с девушкой. Он кашлянул. — Может быть, ваш отец… я хочу сказать, что я не против, но…

— Отлично, — строго кивнула девушка. Она переменила позу, чтобы лучше его видеть. — Как вас зовут?

Райленд задрал подбородок и оттянул вниз воротник рубашки, чтобы стала видна полоска металла.

— «Стивен Райленд», — щурясь прочитала девушка алые буквы. — Подождите, я уже встречала

ваше имя. Вы врач? Пилот?

— Я математик, мисс Криири.

— Конечно же! — воскликнула девушка. — Ваша папка лежала на столе отца. Я видела ее утром, когда мы уезжали из Копенгагена.

От внезапно нахлынувшего волнения Райленду трудно стало дышать. Три года он пытался выяснить, в чем его вина. Тераписты отказались дать ему такие сведения. Их вопросы были тщательно сформулированы таким образом, чтобы он не узнал правду. Они тысячу раз спрашивали, что означает слово «пространственник», и наказывали, если он высказывал предположение, что это обитатель пространства.

— Было ли там сказано… — он сглотнул. — В чем меня обвиняют?

Серо-зеленые глаза спокойно изучали Райленда.

— Вы проявляли незапланированный научный интерес.

— Как? Что это значит?

— Вы держали у себя собрание книг и рукописей, запрещенных Машиной.

— Неправда! — В затылок словно дохнуло ледяным ветром. — Это какая-то ужасная ошибка…

— Планирующая Машина не ошибается, —

строго напомнила девушка. — В деле были указаны названия книг. Авторы — ученые из Доплановой эпохи — Эйнштейн, Гамов, Хойл…

— Вот как? — Он вздохнул. — Но это лишь книги моего отца… Те немногие, что я сохранил. Понимаете, когда я был еще маленьким, я мечтал о полетах в космос. Однажды я встретился с Роном Дондерево. Я хотел стать пилотом космического корабля, исследовать новые планеты. Но Машина убила мою мечту. Она перевела меня из Технокорпуса в исследователи-математики. Я был направлен в какую-то подземную лабораторию, не знаю, где она находилась, мы даже не знали — суша над нами, полярные льды или дно океана. Память… В моей памяти сейчас много пробелов. У меня было два помощника: девушка-телетайпист и человек по имени Опорто, нечто вроде живого компьютера. Машина выдавала нам проблемы для работы, например: проблему гистерезисной потери в катушках туннелей субпоезда. Это были проблемы, на которые Машина сама найти ответа не могла, как я понимаю…

Даже она не знает всего. И все же мы находили решения. Конечно, у меня не было недостатка в справочниках и других книгах для работы, я мог спросить Машину, и она выдала бы мне

любой фактический материал. Но для большей производительности она позволила мне держать у себя несколько книг, и среди них были книги из библиотеки отца.

Он с надеждой улыбнулся девушке.

— Вы ведь понимаете, что для человека, с детства мечтавшего о космосе, жизнь в подземелье не очень привлекательна. И чтение этих книг было для меня чем-то вроде хобби. В них описывались устаревшие теории о природе Вселенной. Используя современную математику, я вывел несколько систем уравнения, описывающих расширение Вселенной и непрерывное воссоздание вещества в межгалактическом пространстве.

Девушка нахмурилась, сдвинула брови, и это его остановило. Да, тема была не самая подходящая для беседы с девушкой, да еще в ванной.

— Но это нельзя назвать незапланированным научным интересом, — с отчаянием заключил Райленд. — Просто безобидное увлечение. Более того, это было даже полезно для Плана. Уравнения, которые я вывел для описания работы новых катушек субпоезда, я нашел благодаря чтению тех книг.

— И потому вы стали опасником? — Она задумчиво и хмуро смотрела на него. — На вид вы

совсем неопасны.

Что он мог ответить? Он ждал, а она тем временем чуть взмахнула рукой. Один из голубей перелетел к хрустальному дельфину и клюнул в плавник-рычаг. Струйка ароматизированной воды послушно иссякла.

— А на самом деле вы опасны? — спросила девушка.

— Нет, мисс Криири, — сказал Райленд. Он помолчал, не зная, как все объяснить этому ребенку. — Воротник — это не наказание. Это предосторожность.

— Предосторожность?

— У Машины есть основания подозревать, что в определенных условиях я мог бы представлять опасность для Плана Человека, — ровным голосом сказал Райленд. — Я ничего преступного не совершал, понимаете? Но Машина не хочет рисковать, и вот… воротник.

— Создается впечатление, что вы это одобряете, — с некоторым удивлением сказала девушка.

— Я лоялен по отношению к Плану Человека!

Она обдумала его слова.

— Но ведь мы все лояльны, верно? Но не все из нас носят воротники, правильно?

Райленд покачал головой.

— Я никогда не совершал ничего, что угрожало бы безопасности Плана.

— Но, может, вы что-то сделали, и это было не совсем…

Райленд улыбнулся. Удивительно легко было с ней разговаривать.

— Да, — признался он. — Я действительно совершил что-то «не совсем»… Там была одна девушка…

— Стивен, Стивен, — Донна Криири с насмешливой угрозой покачала головой. — Опять девушка. Я думала, так бывает только в романах.

— И в жизни тоже, мисс Криири, — Райленд почувствовал себя свободнее.

Внезапно в настроении дочери Планирующего произошла резкая перемена.

— В вашем деле сказано нечто иное, — ледяным тоном отчеканила она. — Вы обвиняетесь в сокрытии информации об устройстве, представляющему угрозу Безопасности Плана Человека.

— Это не так! — отчаянно запротестовал он. — Это какая-то ошибка! Меня три года обрабатывали терапевты в лагере повышенной изоляции, пытались вытащить сведения, которых у меня не было!

Ее глаза чуть расширились, выдавая интерес.

— Какие именно сведения?

— Не знаю. — Стив задрожал, вспомнив то, что ему пришлось пережить. — Они не говорили мне и наказывали за попытку догадаться. Они выпытывали что-то, связанное с набором определенных слов, — продолжал он. — Меня привязывали, цепляли электроды, записывали все реакции. Они повторяли эти слова миллион раз. «Пространственник», «рифы Космоса», «фузорит», «пироподы», «нереактивная тяга». И еще два имени: Рон Дондерево и Даниел Хоррок. Собрав в одно целое все эти слова и имена, я понял, что терапевты уверены, будто этот Хоррок доставил мне какое-то сообщение от Дондерево. Весть из космического пространства, что-то о рифах космоса, пироподах и фузоритах. И особенно о «нереактивной тяге». Они пытались из меня вытащить устройство нереактивного двигателя.

Она нахмурилась.

— А что такое «нереактивная тяга»?

— То, чего не существует. Нереактивная тяга — двигательная система, не основанная на противодействии. Сумасшедшие изобретатели триста лет пытаются сделать такой двигатель, но любому ясно, что такая система будет нарушать третий закон движения. Невозможно толкать

вперед лодку, не отталкивая назад воду.

— Понимаю, — серьезно кивнула Донна. — Так же невозможно, как создать новый космос.

Райленд пристально посмотрел на нее.

— Но я никак не мог получить сообщение от Хоррока или кого-нибудь еще. Во всяком случае, не в тот момент, когда это, как они считают, произошло. В ту пятницу чудак Опорто и телетайпистка были со мной весь день. Мы работали допоздна, заканчивая документацию для новой силовой катушки. Опорто я отпустил примерно в шесть вечера, у него разболелась голова. Телетайпистка вышла вместе с ним, чтобы принести кофе и бутерброды. Не прошло и получаса, как кто-то постучал в дверь. Я думал, что вернулась девушка, но за дверью оказалась Полиция Плана.

— Только случилось это не в пятницу. — В глазах Донны Криири было какое-то странное, отсутствующее выражение. — Судя по записям в вашем деле, вы были доставлены в камеру предварительной изоляции в шесть часов вечера в понедельник. Таким образом, три дня выпадают из вашего рассказа.

Райленд с трудом сглотнул.

— Не может быть! — он покачал головой. — Опорто и девушка только-только вышли, и…

— Я довольно тщательно изучила ваше дело и уверена, что вас арестовали в понедельник. — Почему Донна взялась за изучение дела Райленда, она не сочла нужным сообщить.

Райленд испытал легкий укол радостного возбуждения. Это даже больше, чем он надеялся узнать о своем деле.

— Что ж, может быть, — пробормотал он. — Сначала я находился в каком-то месте, которое называли центром отдыха. Тераписты работали круглые сутки, и я не знал ни времени, ни даты. И все же, я не имею понятия, как создать нереактивную двигательную систему, и по-прежнему уверен, что Машина допустила ошибку.

Донна Криири укоризненно покачала головой.

Райленд прервал себя, чувствуя, как туго обхватывает шею железное кольцо. Он сошел с ума! Так разговаривать с дочерью Планирующего!

— Мисс Криири, я вам мешаю. Я должен идти.

Она засмеялась, словно вдали заиграла неуловимая музыка.

— Я вас не гоню, — очень мягко сказала она.

— Но… вы в ванне.

— Я всегда предпочитаю проводить поездки в воде. Так удобней. И не волнуйтесь о том, что скажет отец. Он правит миром — для Плана,

конечно! Но он не властен надо мной. — Она улыбнулась.

Наверное, ей нет и двадцати, печально подумал Райленд, но она уже знает силу своих женских чар.

— Не бойтесь моих голубей, — сказала Донна. Райленд насмешливо взглянул на железных птичек. — Мне очень жаль, что они поранили вашего товарища. Но он сам спровоцировал их. Как видите, даже без охраны я продолжаю оставаться под защитой.

Она взмахнула рукой, и комнату наполнила тихая музыка.

— Та девушка… какая она? — требовательно спросила Донна.

— Красивая, — кратко ответил Райленд.

— И опасная!

Он кивнул, чувствуя холодок на затылке, возле железного воротника. Опасная? Но Донна Криири куда опаснее для него. Он не должен был сюда заходить. Машина этого так не оставит. Словно успокаивая его, Донна попросила:

— Расскажите о ней. Она хорошенькая?

— Да, наверное. Мне так казалось. У нее длинные русые волосы, зеленые глаза — как у вас. Она работала в тайной полиции. Я этого не знал до

самого дня ареста.

Девушка рассмеялась, металлические птицы беспокойно зашевелились, сохраняя равновесие.

— И она вас предала. Теперь вы боитесь, что я сделаю то же самое? Не бойтесь, Стивен.

Райленд пожал плечами.

— Я уже говорил. Мне повезло — я попал в лагерь. А могли отправить в орган-банк.

Обдумывая его слова, девушка наклонила голову, и он заметил в ее волосах красноватый оттенок. Наконец она вздохнула и сказала:

— И вы стали опасником. Вам следовало быть осмотрительнее, Райленд. Не стоило уклоняться от требований плана. Теперь вы носите железное кольцо. Вы не можете от него избавиться?

Райленд хрипло рассмеялся.

— Не можете, — утвердительно сказала она. — Мне кажется, что на вашем месте я нашла бы способ решить эту проблему.

— Воротник изобрел полковник Замфиреску, — с ноткой гнева в голосе сказал Райленд. — Он был лучшим инженером Технокорпуса… до того, как сам попал в утилизацию. Он предусмотрел все.

— Но это лишь полоска металла, Стивен!

— Самая прочная сталь в мире! А внутри — обезглавливающий заряд, подключенный к

водородной ячейке: энергии хватит лет на сто. Кроме того, воротник нельзя повредить или вскрыть. Стоит лишь попытаться его перепилить или открыть запор… Даже если я достану ключ, но поверну его не в ту сторону — заряд прикончит меня на месте. Вы видели, как срабатывает обезглавливающий заряд, мисс Криири? Я видел.

Донна вздрогнула, потом сказала:

— На вашем месте я бы убежала.

— Далеко бы вы не ушли. Волны радара бегут быстрее. А если бы вам и удалось удрать — куда-нибудь к Ледяным Мирам или на орбитальную станцию Меркурия, — то на этот случай в воротнике есть реле времени. Его нужно периодически переключать специальным ключом. Если вы его вовремя не перенастроите… конец! И неизвестно, когда наступит крайний срок.

— О! — девушка печально покачала головой. — Тогда его нужно снять.

Райленд рассмеялся.

— Не смейтесь, Стивен. Рону Дондерево это удалось, — сообщила она.

— Дондерево? Что вы знаете о нем?

— Совсем немного. Я была с ним знакома еще совсем Ребенком. Помню, что видела его с кольцом на шее, а потом… увидела, но уже без кольца.

Райленд смотрел на нее, не отрываясь.

— Так вы видели Дондерево… — начал он.

В это время в дверь громко постучали и послышался встревоженный мужской голос:

— Мисс Криири! Планирующий послал за этим опом!

Райленд стремительно выпрямился. На мгновение он позволил себе забыться, но голос охранника вернул его к реальности.

— Вам нужно идти, Стивен, — сказала девушка. Она что-то прошептала, и один из серебряных голубей мира взлетел с плеча Донны и, описав круг, тронул на лету дверь, которая тут же беззвучно отворилась. — Будьте осторожны, — мягко посоветовала Донна. — И не особенно огорчайтесь из-за Анжелы.

— Хорошо, — пробормотал Райленд и как заводной автомат направился к двери, где офицер, ощетинившийся рогами антенн, уже поджидал со злорадным выражением на гранитной физиономии. Когда за спиной Райленда затворилась дверь, он вспомнил, что ни разу не упомянул имя девушки, которая его предала — Анжелы Цвик.

Райленд привык к тому, что всю жизнь за ним наблюдал Планирующий. Мужественное, доброжелательное лицо смотрело на него со

стереоплакатов в родительском доме, в казармах Технокорпуса, в школьных классах, на любом перекрестке или площади, в любой лаборатории, в любом здании, где ему приходилось работать. Райленд знал это лицо лучше, чем лицо собственного отца — как, впрочем, и любой другой житель Солнечной Системы.

Сейчас Планирующий сидел перед ним за массивным письменным столом. Казалось, он полностью погружен в разложенные на столе бумаги. Испытывая крайнюю неловкость и смущение, Райленд терпеливо ждал.

Дочь Планирующего не была похожа на отца. Она — черноволосая, привлекательная, с лицом невинного ребенка. Он — угловатый, седой, с львиными чертами лица. Волосы были коротко подстрижены, и прическа напоминала шлем. Над самой его головой, на спинке громадного кресла, застыл серо-стальной ястреб. И это было не украшение — металлические веки медленно приподнялись, горячие гранатовые глаза уперлись в Райленда.

Наконец Планирующий поднял голову, улыбнулся.

— Сынок, ты не привык регистрироваться? — бархатным голосом спросил он.

Райленд вздрогнул.

— Простите, сэр.

Он поспешил к облицованному золотыми пластинками телетайпу, выстучал имя. Кодовая пластинка на панели аппарата гласила просто: «Номер один».

Седоголовый человек улыбнулся.

— Итак, ты — Стивен Райленд. Когда-то я тебя видел, но ты этого не помнишь.

— Простите, сэр? — не понял Райленд.

— Это было очень давно, сынок, — задумчиво сказал Планирующий. — Я пришел к вам домой. Ты был совсем ребенком. Не удивляйся. Понимаешь, я знал твоего отца.

Райленд пошатнулся. Не веря собственным ушам, он сказал:

— Сэр, родители никогда не говорили мне об этом. Наверняка, они были бы горды…

Планирующий громко рассмеялся.

— Сынок, видишь, как многого ты не знаешь о родителях! Они вовсе не гордились знакомством со мной. Наоборот, им было стыдно. Твой отец ненавидел меня очень. — Он кивнул, улыбка его медленно испарилась, а голос приобрел скрежещущий оттенок: — Твой отец был врагом Плана!

— Сэр, — запротестовал Райленд. — Мне об

отце ничего не известно. Он исчез, когда я был маленьким. И мать ничего мне не рассказывала.

— Еще бы, — свирепо процедил Планирующий. — Она была очень опасной женщиной, и очень неглупой. Твои родители вообще были неглупыми людьми, это нужно признать. Что же случилось с тобой, а?

— Сэр? — Райленд не знал, что сказать. Он совсем запутался.

— Как же ты попал в опасники? — хрипло спросил Планирующий. — Не стоило тебе пытаться перехитрить План. Ты совершил глупость!

Райленд глубоко вздохнул. Может быть, ему выпал счастливый случай представить свое дело.

— Сэр, позвольте объяснить, — начал он. — У меня и в мыслях не было идти против Плана. На меня донесла одна девушка, и Машина переклассифицировала меня в опасники. Я думаю, что это была ошибка, но…

— Ты сомневаешься в правильности решения Машины?

— Нет, сэр. Не Машины, а информации, которая…

— Оставь! — фыркнул Планирующий. — Не усугубляй своего положения. Ты — сын своего отца и должен помнить: все, что ты делаешь, попадает

под подозрение уже только поэтому.

У Райленда перехватило дыхание. На секунду он буквально онемел. Чуть покачиваясь, вагон несся вперед, начиная вторую половину пути — против силы тяготения.

— Сэр, правильно ли я вас понял? — вдруг взорвался Райленд. — Вы говорите, что Машина посчитала меня опасником только потому, что мой отец совершил нечто еще до моего рождения? Это несправедливо. Это…

— Справедливо? — проревел Планирующий. Ястреб приоткрыл глаза, тревожно завертелся на своем насесте. — Что это за слово, Райленд? Справедливость, свобода, демократия. Эти слова часто повторял твой отец. И они не значат ничего! Какое отношение имеет справедливость к 750 калориям в день? Справедливость изжила себя, ей крышка! Ее больше нет! Ты знаешь, чем занимались твои благородные предки, сынок? Они добывали «справедливость и демократию» из природных запасов мира. Они истощали Землю, как фермер истощал свое поле — двадцать колосьев пшеницы, и нет фута почвы. Чернозема больше не существует! И вместе с черноземом исчезла «справедливость», исчезла «демократия». Теперь мир стал замкнутой системой, сынок. У

меня мало что осталось!

Этот дикий взрыв эмоций совершенно ошеломил Райленда.

— Но… но сэр, — пробормотал он. — Ведь дальние планеты наверняка откроют новые горизонты, новые источники ресурсов…

— Молчать! — гаркнул Планирующий, угловатая львиная голова угрожающе качнулась вперед, как молот. Серо-стальной ястреб на спинке многозначительно шевельнул крыльями.

Планирующий сверлил Райленда горящим взглядом. Тем временем кресло его немного откинулось назад, компенсируя усилившуюся тяжесть второй части пути субпоезда. Вес стал нормальным, потом немного больше нормального. Потом Планирующий Криири сказал:

— Райленд, ты совсем как твой отец. Он так и не понял, что новых горизонтов — нет. Но ты должен это понять. План Человека стоит на постоянном урезании твоих пагубных личных свобод, которые когда-то едва не разрушили мир. Войны! Пылевые бури! Наводнения! Ураганы! Лесные пожары! — Каждое слово было словно ругательство, он их будто выплевывал в лицо Райленду. — Нам приходится платить по счету за долги твоего отца и таких, как он. Никогда не

забывай этого, сынок.

Райленд молчал. Спорить с этим человеком было невозможно, эту властность и самоуверенность мог бы поколебать ствол пистолета, но не человеческие аргументы. Немного спустя Райленд сказал:

— Я этого не забывал никогда. — «И не забуду, — подумал он, — пока у меня на шее железный воротник».

— Тебя беспокоит кольцо, — неожиданно тихо сказал Планирующий и усмехнулся. Он словно прочел мысли Райленда, что было не так уж сложно. — Но мы все носим своим воротники, сынок. Все мы, от Планирующего до отверженных, ждущих очереди в орган-банк, должны отчитываться перед Машиной за каждый час прожитого дня. Каждый из нас носит невидимые кандалы Машины. Но я готов согласиться, что твой воротничок более неудобный, — серьезно добавил Планирующий.

Райленд невольно улыбнулся. Нет, в этом человеке была не только способность повелевать, он обладал и обаянием, таким, что действовало даже на опасника.

— Если ты предпочитаешь другой, — небрежно добавил Планирующий, — то можешь избавить-

ся от железного воротника.

На мгновение Райленд не поверил собственным ушам.

— Избавиться от воротника?

Планирующий величественно кивнул. Он тронул специальную кнопку, массивное кресло мягко наклонилось немного назад. Ястреб взмахнул металлическими крыльями, взмыл в воздух — подлокотник кресла выдвинулся из спинки и удобно обхватил голову Планирующего. Субпоезд начал основной этап торможения. Даже сквозь звукоизоляцию доносился слабый визг — свидетельство силы, толкавшего вагон сквозь кольца невидимой электростатической силы. Визг вызывало не трение, а гетеродинные колебания от генераторов, мчавших вагон. Райленд пошатнулся, когда его вес начал увеличиваться.

— Все мы связаны с Планом тем или иным образом, — сказал вдруг Планирующий. — Я должен найти неразрушимую связь, которая привязала бы тебя к Плану и заменила бы железный воротник. Или ты должен найти эту связь сам. Тогда воротник будет снят.

— Наверняка моя работа доказывает мою лояльность, — в отчаянии сказал Райленд.

— Наверняка не доказывает, — передразнил

Планирующий. Он покачал головой, как большой медведь, отчитывающий непослушного медвежонка. — Дело не в том, что ты уже успел сделать, — пояснил он, — а в том, что ты будешь делать теперь. Ты работал, как тебе нравилось. Возможно, ты работал талантливо, но работать ты должен только в рамках Плана. Всегда. Каждую минуту. Планирующая Машина даст тебе задание. Если ты его выполнишь…

Он тяжело вздохнул.

Райленду тоже было тяжело дышать, и тело превратилось в тяжкую ношу — поезд все дальше уносился от расплавленного ядра Земли. Он хотел поговорить с Планирующим, возможно, узнать секрет трех пропущенных дней. Но напрягаться не хотелось. Они мчались внутри туннеля из раскаленного камня, и только силовые кольца не давали стенам сомкнуться. Он опять чувствовал себя в лифте, только этот лифт шел вверх. Вертикальная составляющая скорости вагона доходила до 150 миль в час. Даже голос Планирующего, несмотря на противоперегрузочное кресло, стал хриплым, и говорил он медленно.

— Можешь теперь идти, Райленд. Но, может быть, ты хочешь знать, в чем заключается задание?

Райленд промолчал, но глаза его говорили красноречивее слов.

Планирующий усмехнулся:

— Да, конечно, Машина считает, что ты справишься. Ты должен… Впрочем, — глубокомысленно заметил он, — у нас здесь у каждого своя роль, и я не обязан понимать все, что говорит Машина. Твоя задача — изобрести нереактивную тягу.

Райленд, едва не упав, ухватился за край стола Планирующего.

— Не… нереактивную тягу?

Планирующий, кажется, был доволен.

— В твою задачу так же не входит понимать слова Машины. Тем не менее, Машина требует именно этого.

— Вы имеете в виду, — Райленд пытался отдышаться, — вы говорите о нереактивной двигательной системе?

— Именно.

— Знаете ли вы, что ваши мастера пыток, эти ваши «восстанавливающие тераписты» три года пытались заставить меня сказать, как построить нереактивный двигатель? Почему-то они были уверены, что я знаю, как это сделать.

— Это мне известно, — величавый человек в кресле пожал плечами. — И мне известно, что у

них ничего не вышло. Машина получила информацию, что ты сконструировал такой двигатель. Возможно, информация была ложной. Но три прошедших года сделали такой двигатель еще более необходимым для Безопасности Плана. И… еще более опасным для Плана, если он попадет в руки врагов. Машина должна иметь нереактивную тягу в своем распоряжении. Информация о твоих достижениях и возможностях показала Машине, что ты годен для такой работы. Сейчас мы не будем говорить, является ли твоя амнезия естественной или искусственной, то есть притворяешься ты или действительно ничего не помнишь. Я говорю — если ты желаешь снять воротник и остаться в живых, ты создашь работающий нереактивный двигатель. Теперь, — устало завершил Планирующий, — ты должен идти.

Словно сквозь туман Райленд увидел, как Планирующий слабо шевельнул узловатыми пальцами в сторону выхода. Ястреб заволновался, рассекая воздух крыльями. Открылась дверь.

Вошел офицер охраны. Это был настоящий великан, но и он шел с трудом, испытывая перегрузки, порожденные большой скоростью.

— Райленд, — прошептал человек в кресле.

Райленд обернулся, опершись на офицера в

голубой форме.

— Моя дочь… — тихо сказал Планирующий. Визг перешел в рев, почти заглушая слова. — У Донны мягкое сердце, которое она унаследовала от матери. Но мозг она унаследовала от меня. Не придавай особого значения тому, что она позволила тебе беседовать с ней в ванной.

Планирующий закрыл глаза, и его голова медленно Погрузилась в подлокотник кресла.

Глава третья

Оператор-майор Чаттерджи мягко сказал:

— Вам у нас понравится, Райленд. У нас тут приятная компания.

— Да, сэр, — согласился Райленд, глядя по сторонам.

Они находились в небольшой комнате со стальными стенами, со знаком Службы Безопасности на стене. Райленд понятия не имел, в каком именно месте на Земле — или под землей — они находились.

— Не волнуйтесь из-за пустяков, — тараторил майор. — Главное — делать дело, вот о чем мы должны помнить.

Райленд кивнул. Маленький майор был по-юношески подвижен и легок. Антенный шлем носил небрежно, словно часть маскарадного костюма. Он перехватил взгляд Райленда.

А, это… — смущенно заметил он. — Чертовски неудобная штука. Но все же, вы опасник, и приказом Машины…

— Я к этому привык.

— Но вы здесь не единственный опасник, — поспешно добавил оператор-майор Чаттерджи. —

Бог мой, кое-кто из наших лучших работников тоже, и вообще…

— Прошу простить меня, майор, — перебил его Райленд. Он наклонился к телетайпу, быстро выстучал имя и код, подтвердил факт своего прибытия. Телетайп ответил без промедления:

«ИНФОРМАЦИЯ. Оператор-майор Чаттерджи уполномочен изменить ваш статус. ДЕЙСТВИЯ. Затребовать необходимое оборудование для разработки систем уравнений общего силового поля и равновесного состояния».

Райленд нахмурился. Майор Чаттерджи, заглянув через плечо, воскликнул:

— Уже задание, Стив! О, у нас все быстро делается. У меня есть шестирегистровый калькулятор и комната, куда можно его установить, пока вы переоденетесь. Гарантирую вам мешок долларов!

— Я не понимаю, — сказал Райленд, — общая теория и равновесное состояние — что это значит?

Но майор оказался жизнерадостным невеждой в данной области. Он был всего лишь администратором и не имел никакого отношения к науке. Райленд пожал плечами.

— Ладно. Калькулятор мне не нужен, пока есть Опорто.

— Второй опасник? — Оператор-майор Чаттерджи моргнул. — Всегда держаться вместе, понимаю. Я откомандирую его к вам.

Райленд снова посмотрел на телетайп. Задание требовало немалого размышления. «Оператор-майор Чаттерджи уполномочен изменить ваш статус». Вот этот человек с блестящими, подвижными, как ртуть, глазами, крючковатым носом, вот этот человек и должен будет повернуть ключ, открыть воротник?

Или Райленд неточно толкует сообщение? Машина всегда выражается точно. Это люди не всегда правильно понимают то, что она говорит. Например, имеется в виду, что Чаттерджи освободит Райленда или лишь изменит его статус… до статуса сырого мяса в орган-банке?

Эта мысль его отрезвила.

Воспоминания о прошлом вызвали у Райленда ноющее чувство одиночества и потерянности.

— Зачем Машине нереактивная тяга? — натужно спросил он майора. — Ионные корабли способны долететь до любой планеты, и План Человека, кажется, все глубже зарывается в землю, забросив космические колонии.

— Прекратите! — одернул его майор. — Мы не имеем права так думать!

Но Райленд продолжил:

— Кажется, Машина опасается, что нереактивный двигатель попадет в руки врагов Плана. Чьи же это могут быть руки? Какие такие враги? План покорил все планеты, теперь в него включено все Человечество. За исключением нескольких беглецов вроде Рона Дондерево…

— Не надо об этом! — Майор, казалось, был потрясен. — У нее хватает забот и без незапланированных разговоров.

Райленд пожал плечами и замолчал, а к Чаттерджи сразу вернулась прежняя жизнерадостность.

— Вас нужно устроить, разместить, — заулыбался он, поблескивая золотой оправой очков. — Вера! Девочка, войди!

Открылась дверь. В комнату важно вплыла высокая блондинка. На ней были алые брюки и короткий алый жакет. Два века назад она могла бы быть мажореткой в оркестре, но в эру Плана исполняла куда более важную функцию.

— Знакомьтесь, Стив, это Вера. Одна из наших общительниц. Она вам поможет освоиться. Гарантирую!

Общительница улыбнулась хорошо отрепетированной улыбкой.

— Знай в совершенстве свои функции, только свои, — пропела она. — Таков наш лозунг, мистер Райленд. — У нее был высокий, кукольный голос.

— И превосходный лозунг, в самом деле! — Сияя поддержал ее майор Чаттерджи. — Можете приступать, Вера. И не забудьте, сегодня в семь Вечер Общения.

Конечно, сейчас все мысли Райленда вертелись вокруг приказа. Машины, нереактивной тяги, гипотезы равновесного состояния, трех исчезнувших из его жизни дней, фразы: «Майор Чаттерджи уполномочен изменить…», вокруг того факта, что Планирующий знал о его разговоре с Донной. Но и то, что говорила ему общительница, имело немалое значение. Он постарался на время отключиться от остальных мыслей и прислушался.

— Вам здесь понравится, Стивен, — прошептала Вера, торжественно взяв его под руку. Улыбнувшись, она повела его вдоль тоннеля с серыми бетонными стенами. Окон не было.

— Это называется «пункт Черный Круг». Странно, правда? Но ты привыкнешь. Я тебе помогу!

Пункт Черный Круг являлся штаб-квартирой майора Чаттерджи, который был ответственным за снабжение и работу персонала.

— Пункт Серый Треугольник, — прощебетала девушка, указывая на перекресток впереди. — Это медицинский сектор. Проверки, недомогания, травмы, а также… — она игриво хихикнула, — отправка в орган-банк.

Райленд вздохнул.

— О, не стоит волноваться, Стив, — успокоила она. — Можешь доверять майору Чаттерджи. Ты делай свое дело, он будет делать свое. Это и есть Работа Сообща.

— Да, я понимаю, — пробормотал Райленд. — Просто… у меня уже был шанс оказаться в орган-банке. Целых три года я имел такой шанс. Признаюсь, идея оказаться в мясорубке меня не восхищает.

Общительница, шокированная, застыла на месте, ее ровные бровки сердито выгнулись:

— В мясорубку? Стив, что за неплановое слово?

— Я имел в виду…

— Плановый термин, — твердо сказала она, — звучит так: утилизация. И ты не можешь отрицать логику Машины, верно? — Она не стала ждать ответа и заученно продолжала: — Орган-банк обеспечивает проблемную группу необходимым стимулом, который гарантирует максимальную продуктивность работы. При успешной работе

группе опасаться нечего, в противном случае… — Она пожала очаровательными плечиками и вздохнула: — План Человека требует от них иного вклада в Работу Сообща. Их анатомические органы будут участвовать в улучшении здоровья его граждан. Такова Работа Сообща.

— Благодарю! — раздраженно сказал Райленд.

В лагере максимальной изоляции за Полярным кругом, подумал он грустно, было тяжело и тоскливо и не было никаких удобств, но там, по крайней мере, его не заставили выслушивать подобные глупости.

Названия этих пунктов, Серый Треугольник, Черный Круг и так далее, были изобретением Службы Безопасности. Все заведения называлось Групп-центром. Оно могло находиться где угодно — под озером Эри или на дне Индийского океана. Райленду об этом ничего известно не было.

В пункте Серый Треугольник он прошел необходимые тесты и мельком видел Опорто. Тот оказался вполне здоровым, но несколько удрученным. Они поприветствовали друг друга взмахом руки, но поговорить им не удалось — Опорто только что вышел из лаборатории, а Райленд входил в другую. По крайней мере, подумал Райленд, коротышку еще не утилизировали.

Последовавшие пять часов скрупулезных тестов заставили его забыть о судьбе Опорто. Сотрудники Серого Треугольника принялись за измерение его функциональных показателей и коэффициента лояльности, применяя все виды тестов, каким он уже подвергался до этого, и даже введя парочку совершенно новых. Лаборанты крепили электроды, привязывали его к креслам аппаратов, а допрашивающий тем временем требовал от Райленда мельчайших деталей о его жизни, вплоть до точного указания, какие игрушки дарила ему мать на третьем году жизни.

Память снова вернула его к тем горьким дням, когда он проходил сеанс за сеансом в «центре отдыха:», дням, которые он запомнил на всю жизнь. Когда его снова и снова подвергали наказанию лишь за то, что он не в состоянии был понять смысл безумных вопросов, которыми его бомбардировали тераписты. Внутри у Райленда все сжалось от страха: вдруг этот ад повторится? Что если его снова спросят о пироподах или Роне Дондерево, о том, куда делись из его жизни три дня, потребуют начертить схему нереактивного двигателя.

Но все обошлось. Вопросы были стандартными.

Практически все эти вопросы ему уже задавали прежде, и не один раз. И каждый ответ давно был записан на барабанах памяти Планирующей Машины. Но допрос продолжался как положено. То его мучили невыносимо слепящим светом, то фотографировали в инфракрасном излучении, что для Райленда было равносильно полной темноте. Снова и снова у него брали анализы. Постоянные инъекции то стимулировали, то успокаивали его, а один раз погрузили в короткий сон. Бог знает, какие зонды и щупы проверяли в этот момент напряжение его внутренних органов.

Наконец все закончилось.

Он облачился в новенькие хрустящие брюки и куртку алого цвета и был выставлен в серый бетонный коридор, где ждала Вера. На губах ее застыла слащавая улыбка, глаза сияли удовольствием.

— Ты все прошел благополучно! — восхитилась она. — Я знала, что ты справишься. Теперь ты полноценный и полноправный член Группы.

Она шла рядом с ним, заливаясь соловьем.

— Теперь я покажу тебе твою комнату. Очень симпатичная комната, Стив! А потом... О, потом у нас много дел. Тебе понравится наша Общая Столовая. У тебя будут замечательные условия

для работы! И это справедливо, правда? От тебя так много ждут, и от всей Группы тоже, верно? Вы должны оправдать доверие — такова Работа Сообща!

Она водила его по коридорам Центра около часа, не умолкая ни на минуту. Затем они зашли в местную столовую — перекусить. Столовая была пуста — они опоздали к обеду из-за проверки Райленда в Сером Треугольнике. Пища была обычная: стандартный рацион для служащих общего профиля разряда «А», примерно то же самое, что и в лагере полной изоляции, но с повышенным содержанием калорий. Все же приятно было посидеть и покурить после обеда. А потом Вера показала ему его комнату.

Жилище оказалось довольно удобным. Кровать — неожиданно мягкой, книжный шкаф был набит справочниками и таблицами — об этом позаботился оператор-майор Чаттерджи. Имелся также просторный ящик для личных вещей, которых у Райленда давно не было.

— Какая прелесть, правда? — с энтузиазмом воскликнула общительница. — Но нам нужно спешить, Стив. Уже почти семь часов!

Общая Столовая находилась над Группой-центром. Ее серые бетонные стены были довольно

легкомысленно оживлены пестрой краской.

В столовой было светло и шумно. Общительниц собралось около двадцати, все такие же стандартно симпатичные, как Вера. Они танцевали с офицерами Технокорпуса, сидели за столиками, пели у фортепиано. Рядом сновали расторопные официантки, такие же вышколенные и хорошенькие. Они разносили напитки и легкие закуски. Были здесь и новые коллеги Райленда.

Все они были одеты в плотную алую униформу. Сердце Райленда забилось сильнее — он заметил, что, по крайней Мере, у троих, как и у него, на шее железные кольца. И они Развлекались. Один танцевал с высокой рыжеволосой Девушкой, двое играли в карты.

Железные воротники, казалось, не слишком тяготили их.

Райленд удивленно вздохнул. Может быть, именно о таком месте он мечтал три года.

В комнате было огромное окно футов двадцати в высоту из толстого бронестекла. За стеклом почти севшее солнце заливало оранжевым светом древние утесы. Под порывами неслышного ветра качались вершины сосен, а дальний склон был покрыт вечнозелеными елями и пожелтевшими осинами.

Вера тронула его за руку.

— Что случилось, Стив? Ты боишься высоты?

Он почти не замечал то, что видел за окном. Мысли его были заняты воротником. Затем он вздрогнул и вернулся к действительности.

— Я… я до сих пор не знал, где мы находимся.

— Но ты и сейчас не знаешь, — засмеялась она. — Пойдем, я представлю тебя Руководителю Группы.

У генерала Флимера были большие навыкате глаза и тесная униформа, отчего он был похож на самодовольную жабу.

— А, так это вы Стивен Райленд? — Генерал тряс его руку, сияя от удовольствия. — Рад, что вы к нам присоединились, Стив! — Он усмехнулся, щелкнул ногтем по металлическому кольцу. Металл тихо зазвенел. — Мы с тебя эту штуку быстро снимем! Главное — давай результаты и свобода тебе обеспечена. Что может быть справедливее?

Он ухватил Стивена за свободный локоть и потащил вперед. Вера едва поспевала с другой стороны.

— Хочу познакомить вас с сотрудниками, — гудел генерал. — Ага! Паскаль! На минутку! Стив, позвольте представить…

— Но я уже знаком с полковником Лескьюри, —

сказал Райленд. Это был тот самый седоволосый инженер, офицер Технокорпуса, который показал им дорогу в вагоне Планирующего.

Полковник кивнул ему и отвел в сторону, пока генерал собирал остальных членов Группы.

— Я не хотел вам ничего говорить… тогда… но я уже знал о вашем направлении. И я рад. Ваше… э-э, собеседование прошло успешно? — И он шутливо ткнул Райленда в бок.

Райленд прекрасно понимал, что полковник вел бы себя иначе, если бы собеседование прошло неудачно, но решил не придавать этому значения.

— Да, — сказал он. — Планирующий был настроен…

— Планирующий? — Полковник Лескьюри подмигнул. — Я о другом собеседовании, парень! Ничего себе девица, а?

Стивену Райленду начало казаться, что едва ли найдется гражданин Плана, которому неизвестно, что он три четверти часа провел в ванной комнате Донны Криири.

— Эй, там! — Генерал махнул рукой. — И вы тоже, Отто!

Когда Райленд вернулся к генералу, полковник Отто Готтлинг с каменным лицом тяжело

подошел к ним. Оказалось, он был экспертом по ракетным камерам сгорания. Камеры его конструкции применялись на всех кораблях последних двенадцати экспедиций к внешним планетам.

Каждый сотрудник Группы был специалистом в какой-нибудь области, и Райленд не понимал, что это за работа, которая объединила всех этих ученых, представляющих столь разные науки. Например, полковник Лескьюри, как он узнал, был не инженером, а специалистом по биологии, директором отдела Космической Биологии Плана. Майор по фамилии Ланггрен был астрофизиком. Были здесь два математика: специалист по теории чисел, имя которого было смутно знакомо Райленду, и еще один, кажется, он занимался стандартными числами. (Совпадение или нет, но оба носили на шее железные кольца.) Третьим опом был химик, специалист по пищевым продуктам, полный, веселый человек, обладатель неистощимого запаса каламбуров и смешных стишков.

Несколько часов спустя Райленду удалось все же кое-что узнать — вечер был далеко не полностью посвящен Сообщности.

Когда все собравшиеся немного захмелели,

генерал Флимер вскарабкался на стол и, стуча каблуком, потребовал общего внимания.

— Тост! — проревел он. — За Работу Сообща и за План Человека!

Раздались одобрительные возгласы, Флимер вместе со всеми осушил бокал, потом вдруг стал серьезен.

— Кое-кто здесь, — гаркнул он, — может быть, не понимает, на что нацелена наша Группа. Что ж, скоро вы поймете! Но ради новых наших товарищей позвольте мне в общих чертах обрисовать философию Групповой Атаки. Это наисущественнейший инструмент научного прогресса.

— Ура Групповой Атаке! — взревел один из математиков-опов, а девицы-общительницы захихикали.

Генерал Флимер благодушно улыбнулся ретивцу и продолжал:

— В давние-давние времена, как мне объяснил один групповой историк, наукой занимались одиночки. Кто-то из вас, может быть, думает, что так обстоит дело до сих пор, — он послал Райленду ледяную усмешку. — Те времена давно прошли. Конец этому положила Группа Эйнштейна, собравшаяся в городе Хиросима, чтобы атаковать фундаментальные проблемы деления атомов.

К сожалению, — с печалью в голосе продолжал генерал, протягивая стакан, чтобы его наполнили, — все пионеры атомной науки погибли в результате удачного опыта по делению урана. Но принцип группового штурма выжил! С тех пор План Человека усовершенствовал этот принцип и отшлифовал приемы Групповой Атаки. Когда Плану Человека требуется новое научное открытие, для этого образуется группа. Необходимость в такой группе созрела именно сейчас, и эта группа — это вы. Вы — моя группа, вы все!

Продолжительные аплодисменты, крики, возгласы.

Флимер сделал паузу и зловеще улыбнулся, что как-то не вязалось с его приторным рыхловатым лицом.

— Я уверен, что вы понимаете, — он весело кивнул Райленду и остальным кольценосителям, — понимаете, почему от вас ждут успеха! Если вы добьетесь успеха, то поймете, что принцип Группы работает в обоих направлениях. Если вы добьетесь… Если нет, тогда…

Он не закончил фразы. Мрачно и многозначительно посмотрев на опасников, он широко улыбнулся и коротким толстым пальцем провел по жирной шее:

— Жжжж! И в орган-банк! Но мы добьемся успеха!

Аудитория взорвалась смехом. Оператор-майор Чаттерджи вскочил на стол, очки его сверкнули.

— Троекратное «ура» генералу Флимеру и Плану Человека! Гип-гип…

— Ура-а! — Возглас получился громкий, но недружный.

— Гип-гип…

— Ура-а! — На этот раз кричали уже все.

— Гип-гип…

— Ура-а-а! — Райленд обнаружил, что кричит вместе со всеми. Он не мог не заразиться общим настроением. Он был рожден в системе Плана Человека и не сомневался в его правильности. Это лишило бы его жизнь смысла, так же, как дарованный Планом железный воротник уже однажды лишил его надежды.

Последовали громкие аплодисменты. Генерал Флимер, улыбаясь, поднял руку.

— На этот раз Машине необходим принципиально новый двигатель. — Он пожал плечами, насколько вообще был на такое способен при своей комплекции. — Я не ученый, я не знаю, насколько это сложное задание. Вероятно, некоторые из вас считают его слишком трудным. Что

ж… — он захихикал, — все остальные должны будут убедить их в обратном! — Закончив, он шутливо ткнул себя пальцем в шею.

Как Райленд не старался, он мало что извлек из разговоров с сотрудниками. Они темнили, говорили, что он все узнает в свое время. Машина даст ему детальное задание, заверяли его. А пока — как насчет еще одного стакана?

Час спустя Вера предложила ему показать самый короткий путь к его комнате. Они взялись за руки и отправились в путешествие по серым коридорам.

— А здесь ты еще не был, — щебетала Вера. — Видишь? Это Центр связи.

— Отличный Центр связи, — согласился Райленд. Он чувствовал себя прекрасно. Даже кольцо на шее не казалось таким уж твердым и холодным. Какая она милая девушка, эта Вера, мечтательно подумал он. Конечно, общительниц специально обучают этому делу, едва ли не разводят, как особую породу. Она напомнила ему его Потерянную Любимую, Анжелу, о которой дочь Планирующего знала больше, чем ей следовало. Но она могла все это прочесть в его личном деле, и…

— Пункт Зеленый Полукруг, — пропела девуш-

ка, указывая на новую эмблему, украшавшую стену.

— Превосходно, — машинально заметил Райленд, потом присмотрелся повнимательнее.

Девушка заколебалась. Она замолчала на полуслове, нахмурилась, потом сказала Райленду:

— Знаешь, Стив, этот короткий путь — не совсем то, что нам нужно. На старом пути есть…

— Нет, ты погляди, — настаивал Райленд. Несмотря на поздний час, два охранника в алой форме Группы отпирали массивную освинцованную дверь. За ней виднелась громадная шахта, пол которой освещался яркими прожекторами откуда-то сверху.

Райленд понял, что это посадочная шахта для ракеты. Мощные формы портального крана, огромные трубопроводы пламегасителей, черные раструбы в бетоне пола. Какой-то частью сознания он автоматически отмечал все детали. Ракеты, должно быть, часто когда-то садились здесь. Но сейчас в шахте, внутри этой массивной металлической клетки, было что-то другое.

— Что это? — в которой раз спросил Райленд. Существо напоминало морское животное, котика или тюленя, которых Райленд встречал на скалах возле лагеря полной изоляции. Но это животное

было цвета металлического золота, когда его освещает заходящее солнце. Только сейчас его заливал немилосердный свет прожекторов с потолка.

Существо было живым. Ничего подобного Райленд в жизни не видел.

Оно лежало на полу большой стальной клетки, словно обессилев после попытки вырваться на волю. Золотой мех был заляпан кровью, возле головы чернела рваная рана. Рядом валялись погнутые металлические прутья в засохшей крови.

— Пойдем скорее, Стив! — испуганно сказала общи-общительница. — Пожалуйста! Майор Чаттерджи не велел показывать пространственника, пока… — Она запнулась, смутилась. Потом попросила Райленда: — Пожалуйста, забудь мои слова. Я вообще не должна была вести тебя в эту сторону. Но… О, прошу тебя, Стив, пойдем!

С неохотой он позволил увести себя. Охранники быстро вошли в шахту, и тяжелая освинцованная дверь закрылась. В любом случае смотреть было больше не на что.

Глава четвертая

В семь часов утра на следующий день звонок телетайпа вырвал его из глубокого сна. Не успев как следует протереть глаза, он подскочил к машине. Его ждал запрос:

«ЗАПРОС. Присутствует ли Стив Райленд, оп. АВС-38440?»

Побледнев, Стивен выстучал подтверждение. Затем хотел было извиниться, но Машину извинения не интересовали. Рычаги литер немедленно простучали ответ.

«ИНФОРМАЦИЯ. Гипотеза равновесного состояния основана на теории Фреда Хойла, английского астронома и физика XX века, утверждающей, что облака водорода постоянно формируются в межзвездном пространстве, восстанавливая, таким образом, потери вещества при синтезе внутри звезд.

ДЕЙСТВИЯ. Найти математическое обоснование теории, указать, в каких условиях процесс возможен. Дать оценку возможности математического подтверждения нейтрализации и реверсии процесса формирования водорода».

Райленд тупо смотрел на бумажную ленту. В

дверь тихо постучали, и в комнату, пританцовывая, влетела общительница. Она принесла поднос с чаем, тостами и стаканом розового сока.

— Доброе утро, Стивен! Проснись и пой. Ой!

Жестами он попросил ее помолчать. Телетайп издал серию толчков, а затем выбил новое сообщение:

«ИНФОРМАЦИЯ. Существуют экспериментальные подтверждения возможности механизма, не подчиняющегося третьему закону Ньютона.

ИНФОРМАЦИЯ. Вышеупомянутый механизм в дальнейшем именуется нереактивной тягой.

ДЕЙСТВИЯ. Разработать необходимое математическое обоснование возможности воспроизведения нереактивной тяги в двигателях кораблей Плана.

ДЕЙСТВИЯ. Познакомиться с работой полковника Готтлинга по общей теории силового поля».

Когда машина перестала печатать, Райленд оторвал ленту и сел. Вера нежно извлекла ленту из его пальцев.

— Завтракать! — укоризненно напомнила она. — И душ! Сначала нужно как следует проснуться, тогда и думать будет легче.

Двигаясь как во сне, Стивен позволил отвести себя в ванную. В сознании его бешеным вихрем

крутились облака межзвездного водорода в ньютоновских силовых полях.

Обжигающий душ привел его в себя. К тому времени, когда он оделся и сел завтракать вместе с общительницей, он уже полностью проснулся.

— Нереактивная тяга! — повторил он. — Но это невозможно! Противоречит закону Ньютона!

— Пей чай, Стив, — успокоила Вера. — Разве Машина дала бы это задание, если бы оно было невозможным?

— Но я не… хорошо, где экспериментальные подтверждения? Я пока ничего не видел.

Общительница украдкой взглянула на часы.

— Полковник Лескьюри ждет тебя, Стив. Допивай чай.

Полковник казался очень официальным в алой униформе и белоснежном халате.

— Я вижу, вы взволнованы, Райленд. Успокойтесь, — сказал он.

Стив многозначительно коснулся железного воротника. Полковник улыбнулся.

— Естественно. Но вы ведь стремитесь от него избавиться, а? И наилучший способ сейчас — успокоиться, потому что сначала вы должны внимательно меня выслушать. Я расскажу вам о рифах Космоса.

Рифы Космоса! Райленд судорожно сглотнул, попытался расслабиться. На него навалились воспоминания о годах, проведенных в лагере изоляции. Он снова лежал, привязанный к кушетке в комнате тераписта, в лицо бил ослепительный свет. Над ним склонился доктор Трейл, толстый, вежливый, с тихим астматическим голосом. Раз за разом он повторял слова «пространственник», «пироподы», «нереактивная тяга», «рифы Космоса» и методически регистрировал каждую реакцию.

— Успокойтесь, Райленд, — откуда-то издалека донесся голос полковника. — К этой проблеме нужно подходить постепенно. Первый этап — я вам представлю информацию, вы с ней познакомитесь.

— Да, конечно, — выдохнул Райленд. — Я понимаю.

Но напрасно он старался успокоиться. В рассказе полковника, возможно, был ответ на загадку трех потерянных дней.

— Давайте сначала немножко выпьем, — предложил полковник. — Вода — плохой помощник в разговоре.

Райленд заколебался. Алкоголь всегда был под запретом и в Академии, и в лагере.

— Присоединяйтесь, — подмигнув, пригласил

полковник. — Небольшая трансфузия не повредит.

Он открыл шкафчик, извлек стаканы и маленькую коробочку. Пока он наливал в стаканы, Райленд нетерпеливо вернулся к теме их разговора.

— Рифы Космоса — что это? Наверное, метеоритные облака?

Паскаль Лескьюри захохотал.

— Нет, это примерно то же, что и коралловые рифы. Прошу!

И он поднял свой стакан.

— Ну вот, теперь другое дело, — сказал он и открыл коробочку.

На стол была высыпана коллекция фантастических существ, миниатюрных подобий, изготовленных из пластика. Райленд невнимательно посмотрел на них. Он думал над словами Лескьюри. Ведь коралл — это продукт деятельности живых организмов.

Полковник кивнул.

— Рифы Космоса тоже построены живыми существами, только на создание их ушло гораздо больше времени.

Райленд резко поставил нетронутый стакан на стол, Расплескав содержимое.

— Но какие организмы могут жить в космосе?

— Как какие? — очень серьезно сказал полковник, постукивая пальцем по пластиковым игрушкам. — Примерно такие. Это уменьшенные копии реально существующих организмов. А создатели рифов — простые одноклеточные организмы, они существуют повсюду!

Усилием воли Райленд заставил себя говорить медленно и рассудительно:

— Сегодня утром я получил приказ Машины. Я должен заняться гипотезой о равновесном процессе… И с этого момента я постоянно думаю о теории Хойла. О том, что жизнь появилась еще до образования планет, она возникла под воздействием ультрафиолетовых лучей в остывающих облаках газа и пыли вокруг звезд. Но как могла эта жизнь уцелеть? Облака исчезают, когда начинается формирование планет.

— Жизнь умеет приспосабливаться, — веско сказал полковник, поигрывая пластиковыми «драконами».

Он сделал еще один глоток.

— Если отбросить всякую мистику, — тоном лектора продолжал он, — жизнь есть сочетание материи и энергии. Эффект Хойла снабжает ее материей в виде облаков водорода, которые

постоянно возрождаются в межзвездном пространстве. А энергию жизнь добывает сама.

— Каким образом?

— Синтезируя на основе водорода более тяжелые элементы, — торжественно заключил полковник.

Он щелкнул выключателем. С потолка соскользнул экран. На нем появилось изображение: стрелоподобные тела, сверкая, беспорядочно носились по экрану. Все это было похоже на жизнь в капле прудовой воды под микроскопом, если бы не странная форма существ и их непонятное свечение.

— Фузориты, — сказал полковник мрачно. — Жутко выносливые малютки. Они производят термоядерный синтез водорода и генерируют энергию. И живут в открытом космосе.

Фузориты! Райленд напрягся, словно перед ударом. Он знал, что полковник наблюдает за ним, и попытался расслабиться, но полковник еще секунду глубокомысленно его разглядывал.

— Не удивительно, что вы поражены, — сочувственно подмигнув, сказал он. — Идея непростая. Она означает, что планеты не единственные оазисы в мертвых пространствах космоса. Они — лишь острова в бесконечном океане жизни, о

котором мы никогда и не подозревали.

— Но почему они не попадают на Землю? — Райленда раздражала неторопливость полковника. Для Райленда это был вопрос жизни и смерти — быть может, здесь был ответ на все его вопросы. А полковник, кажется, считал это лишь еще одной скучной лекцией. Весьма скучной.

Лескьюри пожал плечами.

— Наверное, они тонут в воздухе. Я подозреваю, что более тяжелые элементы — это отходы их жизнедеятельности и потому ЯДОВИТЫ для них. — Он сделал еще ОДИН глоток. — Возможно, именно такие существа построили Землю, — задумчиво продолжал он. — Это объясняет проблему тяжелых элементов лучше, чем теория космогонистов. Но, в сущности, это не имеет значения. Для Плана.

Райленд нахмурился. В тоне полковника было что-то нелояльное. Он решил переменить тему.

— А эти существа, — он ткнул пальцем в пластиковые фигурки, — это фузориты?

— Нет, Это пироподы. Они живут в рифах. — Не спеша полковник шевельнул рукой, экран опять засветился.

Райленд подался вперед.

— Сказочная страна! — выдохнул он.

Полковник хрипло засмеялся. На экране переплелись светящиеся ветви и лианы, какие-то феерические существа, вроде разноцветных фосфоресцирующих птиц, сновали меж деревьев.

— Называйте как хотите, — сказал полковник. — Когда я был там, я выражался немного иначе. Понимаете, во Вселенной действительно постоянно рождается новое вещество. И действительно в межзвездном пространстве формируются водородные облака. Я знаю, я это видел.

Он нервно отпил:

— Это произошло несколько лет назад. Уже были обнаружены пироподы, но поймать хотя бы одного не удавалось. Планирующий приказал отправиться в охотничью экспедицию и поймать живого пиропода.

Райленд нахмурился.

— Охота? Но ведь План Человека не располагает такими излишками энергии? Каждая калория должна расходоваться продуктивно!

— Ты старательный ученик, — кисло усмехнулся полковник, — и все же таково было решение Машины. Во всяком случае, так сказал Планирующий. Мы отправились искать новую планету за орбитой Плутона. Мы знали, что в пределах

орбиты Плутона они не живут. Это был долгий полет. Мы шли на старом «Кристобале Колоне» с водородными двигателями. Рабочим телом служила вода. Всего нашего запаса едва хватило бы для посадки на предполагаемую планету. Перезаправиться мы должны были там — если бы нашли воду, конечно. — Полковник сухо рассмеялся. — Но планеты мы не нашли, — добавил он.

— Тогда… как же вы вернулись? — удивился Райленд.

— Мы с чем-то столкнулись. И назвали это образование Краем. Только это были не рифы, до них оставались миллиарды миль. Край принадлежал Солнечной Системе, это редкий пояс небольших астероидов, снежных и ледяных глыб. В основном, метановый и аммиачный снег, но и воды мы нашли достаточно, чтобы наполнить баки. И мы отправились дальше. Машина дала совершенно определенное задание.

Полковник зябко поежился, допил содержимое стакана.

— Мы все дальше и дальше уходили от Солнца, за пределы Края, пока Солнце не превратилось в маленькую звездочку. Мы начали тормозить и были готовы повернуть назад, когда… увидели первый риф!

Полковник Лескьюри помахал в сторону изображения на экране. Он снова оживился.

— Поначалу он выглядел не слишком впечатляюще. Какая-то крапчатая масса неправильной формы, снежок — но она светилась!

Райленд обнаружил, что незаметно для себя пьет. Молча он протянул полковнику опустевший стакан, и тот немедленно наполнил его, не забыв составить коктейль и для себя.

— Сказочная страна. Мы совершили посадку в настоящем лесу хрупких коралловых образований. Мы пробирались сквозь сверкающие кристаллические заросли, и тонкие шипы ломались о наши скафандры. Мы бродили по металлическим джунглям, грозившим ловушками из живой проволоки и острейших лезвий. Но это еще не все! Там были гигантские прекрасные цветы, сиявшие всеми цветами радуги и распространявшиеся смертельные гамма-лучи. Были там такие золотистые кусты, которые на прикосновение отвечали высоковольтным ударом. То тут, то там блестели лужицы радиоактивных изотопов, в других местах эти изотопы были гейзерами. Это был кошмар! Но пока мы дезактивировались и залечивали царапины, мы познакомились с природой рифа. Это было скопление живых существ

— колония фузоритов! Мы насчитали до сотни видов. Очевидно, развились они из нескольких спор, плававших в межзвездном водороде. Росли они очень медленно — не больше нескольких дюймов за миллион лет. Но фузоритам спешить некуда. И тут мы сели и посмотрели друг на друга. Мы поняли, что открыли нечто большее, чем то, за чем нас посылали. Мы открыли новый рубеж для Человечества. Новое жизненное пространство.

Райленд, подчиняясь внезапному всплеску эмоций, вскочил со стула.

— Новый рубеж! Там… могут жить люди?

— Почему бы и нет? Там есть все необходимое. Водород для добычи энергии, металл для машин, сырье для синтеза пищи. Мы привезли с собой целое богатство! Мы загрузили в корабль образцы всего, что могли найти. Невероятные алмазные сталактиты, кристаллические массы практически чистого железа. Живые призмы, светившиеся собственным светом радиоактивного процесса. И губчатые грибоподобные конгломераты, в которых, как показал анализ, девяносто процентов урана-235. Попадались куски в сотню фунтов — гораздо больше критической массы! Но они не взрывались — пока были живыми. Один «гриб»

взорвался, когда мы забросили его в открытое пространство. После этого мы осторожно разрезали их на мелкие части.

— Так вот зачем Машине нереактивная тяга… — В сером тумане запутанных фактов, не выпускавшем Рай-Райлендас момента, когда он покинул лагерь, блеснул луч понимания. — Чтобы достичь рифов, ведь они за пределами досягаемости наших ионных ракет.

— Очевидно, — кивнул Лескьюри. — Хотя подобные рассуждения несколько выходят за рамки наших функций.

— Но зачем Машине рифы Космоса? — нахмурился Райленд. — Неужели рифы угрожают безопасности Плана?

— Это не наше дело, — предупредил Лескьюри. — Думаю, планеты хорошо защищены от космической жизни своими атмосферами и поясами Ван-Аллена. Конечно, пиропод нас протаранил…

— Пиропод?

На мгновение Райленд опять оказался на кушетке в комнате терапии, с холодными электродами на теле, и хриплый голос доктора Трейла бессмысленно бормотал: «пиропод»… «фузорит»… «нереактивная тяга»…

Глаза Лескьюри сузились.

— Райленд, что вы так волнуетесь? Успокойтесь. Я не совсем понимаю вашу реакцию… Вы что, уже слышали о рифах?

— Нет, не слышал. — И это было правдой, ибо терапистыы тщательно избегали каких-либо деталей или намеков, и от них ничего нельзя было узнать о рифах, пироподах или фузоритах.

Еще несколько секунд Лескьюри с неприятной подозрительностью наблюдал за Райлендом.

— Тогда успокойтесь, — сказал он и улыбнулся. — Прошу прощения. Я спросил, потому что член нашей команды сбежал с корабля после посадки, прихватив несколько образцов и описание жизни в космосе. Он был схвачен, конечно, и отправлен в орган-банк. Неприятный инцидент.

Глаза его, будто случайно, еще раз пристально взглянули на Райленда.

— Не помню вот, как его звали… Херрик? Хорлик? Хоррок?

Райленд буквально окаменел.

Небрежным жестом полковник Лескьюри отправил экран обратно в потолок, а потом спросил:

— Еще выпьете?

Райленд молча покачал головой.

Лескьюри вздохнул и пошевелил пальцем пластиковые фигурки на столе.

— Вот, — сказал он вдруг.

Райленд взял протянутую двухдюймовую фигурку из черного и серебристого пластика, со страшным лезвиеподобным носом. Лескьюри сияющими от восхищения глазами рассматривал ее.

— Вот такая штука на нас напала.

— Такая маленькая?

Полковник засмеялся.

— Нет, она была девяносто футов в длину. — Он забрал фигурку у Стива, погладил ее нежно. — Злобное создание, — сказал он с заметным восхищением в голосе. — Но злобными их сделала эволюция. Это живые боевые ракеты. Эволюция довела их до совершенства.

Он сгреб модельки в коробку.

— Но они всего лишь ракеты. Им тоже нужна рабочая масса. Мы отловили около десятка таких созданий. В принципе, они ничем не отличаются от петарды… Но такие прожорливые. Они нападают на что угодно с такой голодной яростью… В дальнем космосе мало вещества, и они потребляют все, что могут найти.

Вот такая штука нас протаранила и, в общем…

двенадцать человек были ранены. — Полковник пожал плечами. — Все произошло очень быстро. Его скорость превосходила нашу, но потом кто-то добрался до торпедной установки, и мы победили.

— Но даже пиропод не обладает нереактивной тягой. Если она вообще возможна, — сказал Райленд.

Полковник Лескьюри усмехнулся. Он внимательно посмотрел на Райленда, словно подбирая наиболее подходящий вопрос. Потом сказал:

— Вы думаете, Групповая атака ничего не даст?

— Я сделаю все, что смогу, — сухо сказал Райленд. — Но, полковник, третий закон Ньютона…

Полковник Лескьюри громко засмеялся.

— Кто знает? Может, нереактивной тяги не существует.

Очень довольный, — Райленд не понимал чем, — полковник сунул коробку с фигурками обратно в ящик.

— Спокойной ночи, уродцы, — ласково сказал он.

— Вы так говорите, словно влюблены в них, — заметил Райленд.

— А почему бы и нет? Они нас не очень бес-

покоили. И если они не напали на Землю за прошедшие несколько миллионов лет, то едва ли нападут в ближайшем будущем. Они не могут жить в атмосфере или при сильном солнечном свете. Только несколько пироподов, самых сильных, рискнули залететь за орбиту Плутона, где их и засекли перед нашей экспедицией. Ближе орбиты Сатурна их вообще не встречали, а тот, что был замечен, я думаю, просто залетел по глупости.

Райленд был озадачен.

— Но вы говорили об опасности.

— Да, в рифах Космоса таится ужасная опасность!

— Какая?

— Свобода! — фыркнул полковник Лескьюри и плотно сжал губы.

Глава пятая

Вера повела Райленда на следующее собеседование.

— Полковник Лескьюри такой милый, правда? — тараторила она. — Очень милый. Если бы это зависело от него, рифокрыса не пострадала бы… — Она вдруг споткнулась и от смущения густо покраснела.

Райленд пристально посмотрел на нее:

— Что это такое — рифокрыса?

— А вот и кабинет майора Чаттерджи, — сказала Вера и почти втолкнула его в дверь.

Оператор-майор Чаттерджи поднялся навстречу — очки зеркально сверкали, улыбка лучилась. Он помахал Райленду копией приказа от Машины.

— Вы готовы, Райленд? — спросил он, поприветствовав вошедших. — Мы готовы. Слово за вами.

Райленд, задумавшись, подошел к столу.

— Мне потребуется мой компьютер, — сказал он. — И пусть кто-нибудь познакомится со всеми работами Хойла, переварит их как следует и даст мне основные сведения.

— Правильно! Вы получите троих помощников

из секции полковника Лескьюри. Я уже выделил двоичный компьютер.

— Нет, — нетерпеливо сказал Райленд. — Мне нужен мой компьютер. Чудо-Опорто.

Золотые дужки очков тревожно сверкнули.

— Опасника? Ну, в самом деле, Райленд!

— Он необходим мне для работы, — упрямо повторил Райленд. — В приказе Машины все сказано предельно ясно.

Чаттерджи сдался.

— Но нам потребуется разрешение генерала Флимера. Пойдемте.

Он вывел Райленда в коридор к лифту. Вера ненавязчиво следовала за ними. Втроем они сначала поднялись наверх, потом спустились в другое помещение. Чаттерджи постучал в дверь.

— Минуту, — проворчал голос из динамика над дверью. Потом она распахнулась. Они вошли в комнату с серебряными стенами и инкрустированной серебром мебелью. Из спальни выбрался генерал, запахивая полы серебристого халата.

— Слушаю.

Оператор-майор Чаттерджи откашлялся.

— Сэр, Райленду для работы нужен второй оп, Опорто, приписанный к нему ранее.

— Для проведения расчетов, — вставил Рай-

ленд. — Он феноменальный счетчик. Чудо природы.

Глубоко посаженные глазки генерала уперлись в Райленда.

— Это поможет вам разработать нереактивную тягу?

— Понимаете, — начал Райленд, — я еще не приступил к этой проблеме. Сначала мы займемся гипотезой Хойла. Приказ Машины…

— Мне известен приказ Машины, — проворчал генерал и задумчиво почесал нос. — Ладно, дайте ему этого человека. Но помните, Райленд. Главное в вашей работе — нереактивная тяга.

Райленд был удивлен.

— Но, сэр, Машина не указывала на приоритет именно этой проблемы.

— Зато я указываю, — внятно сказал генерал. — За работу, парень. Вперед.

Когда они вышли в коридор, майор Чаттерджи поспешил в свой кабинет. Его место заняла общительница.

— Очень приятный человек — генерал Флимер, правда? — защебетала она по дороге к лифту.

Он глубоко вздохнул.

— Вера, тут что-то не так. Генерал Флимер живет ужасно роскошно. И все берет на себя, даже

истолкование приказов Машины.

Девица-общительница медлила с ответом. Взглянув на Райленда, она молча повела его по коридору. Затем они остановились перед другой дверью.

— Генерал Флимер, — сказала она наконец, — очень приятный человек. Он тебе понравится, вот увидишь! И полковник Готтлинг тоже понравится, не сомневайся!

Не сказав более ни слова, она открыла дверь в кабинет полковника Готтлинга, после чего оставила Райленда одного.

Как оказалось, возгореться симпатией к Готтлингу было нелегко.

Это был плотный, массивный человек, с похожим на череп лицом и рогатым радарным шлемом на голове. Он сердито водил пальцем по кнопке спуска радара, пока Райленд докладывал Машине о прибытии.

— Живее, живее, — бормотал Готтлинг. Когда Райленд кончил печатать, он открыл дверь и вывел Райленда в коридор.

— Ты будешь следующим, — сказал он, пока они шли по коридору. — Лескьюри уже работал с этой тварью, но у него ничего не вышло. Мне они не разрешают заниматься ею! Так что теперь

это твоя забота.

— Не понимаю. Какая тварь?

— Пространственник! Рифокрыса! Тварь, у которой нереактивная тяга!

Готтлинг развел руки и закатил глаза к потолку.

— Великий План, что такое? Что за дебилов направляют в Группу высшей степени важности? Ты хочешь сказать, что никогда не слышал о рифокрысе?

— Я слышал только само слово, — признался Райленд. — Но вы, кажется, только что сказали «пространственник»?

— Это одно и то же! — Готтлинг остановился и указал на ряд картотечных ящиков. — Вот здесь все! — гаркнул он. — Все, что мы о них знаем. Начиная от веса в состоянии покоя и до химического состава жидкости, которая заменяет им кровь. Одного не могу вам сказать, как они летают. Но я бы и это выяснил, если бы мне разрешили поработать с этой тварью!

— Но…

— Болван, оставь свои идиотские «но»! — заорал полковник Готтлинг. — Смотри сюда!

Он распахнул дверь. Внутри была большая комната, наспех переделанная из ремонтной

мастерской в лабораторию. Комнату делили на отсеки некрашенные перегородки, по стенам бежала открытая электропроводка. На узких лабораторных столах сгрудились банки с реактивами, стеклянная химическая посуда. В воздухе чувствовался резкий запах реактивов. Тут же стояли трансформаторы, генераторы рентгеновских лучей, какие-то массивные устройства, похожие на центрифуги, и прочее, бог знает для чего предназначенное оборудование.

В лаборатории кипела работа.

Возле столов и приборов работало не менее десятка мужчин и женщин в алых формах Технокорпуса. Они лишь вскользь взглянули на вошедших и тут же вернулись к работе, не говоря ни слова.

Очевидно, оптимистическое настроение высших чинов не распространялось на нижние уровни Группы.

Полковник Готтлинг, к которому вернулось хорошее расположение духа, закурил длинную зеленоватую сигарету и взмахом руки обвел комнату.

— Теперь все это в вашем распоряжении, — сказал он. — На время.

Райленд взглянул на него.

— Или навсегда, — усмехнулся полковник. — Если вы откроете нам секрет полетов пространственника. По-моему, ничего у вас не выйдет. Вы слишком мягкотелый человек, Райленд. Воротник не закалил вас. Все же… Может, рассказать вам что-нибудь о пространственнике?

— Да, будьте так любезны, — с нетерпением сказал Райленд.

— Ладно, почему бы и нет. Существо довольно сообразительное, где-то на уровне наших приматов. Млекопитающее, теплокровное, дышит кислородом… что вы на меня уставились?

Райленд закрыл рот.

— Я просто думал, что оно живет в космосе, в открытом пространстве.

— И правильно думали, — захохотал полковник. — Там оно и живет! Дышит кислородом и живет в открытом пространстве! Забавно, верно? Но у него есть одно исключительное свойство.

— Какое именно?

Разговор полковнику уже явно наскучил.

— Вам нужно было все узнать у Лескьюри. Я занимаюсь двигателями. Ну ладно. Во-первых, нереактивная тяга. Потом — какое-то силовое поле, которое удерживает воздушное облако вокруг существа, даже в межзвездном вакууме.

— Не связаны ли эти два эффекта между собой? — задумчиво спросил Райленд.

— Связаны? Конечно, могут быть связаны, идиот! Но связаны ли на самом деле? Я, например, не знаю. — Обращаясь с Райлендом как с ненормальным, полковник постепенно развеселился. Он сказал снисходительно: — Конечно, это возможно. Я сам об этом думал. Как знать? Но… давайте посмотрим пространственника, — вдруг сказал он. — Так нам будет легче говорить.

Они вышли из лаборатории через противоположный выход и прошли в камеру, напоминавшую воздушный шлюз. На стеллажах у стен стояли неуклюжие защитные костюмы, выкрашенное в красный цвет аварийное оборудование. На внутренней двери шлюза пылало табло: «ОПАСНОСТЬ! ПОСАДОЧНАЯ ШАХТА! ЖДИТЕ ДЕЗАКТИВАЦИИ!»

— Сейчас там безопасно, — заверил его Готтлинг. — Шахту дезактивировали несколько месяцев назад, когда посадили туда пространственника.

Он потянул рычаг. Заворчали моторы. Внутренняя дверь, массивная, обитая листами свинца, отягощенная стальной арматурой и огнеупорным кирпичом, дюйм за дюймом начала отползать

в сторону.

Похожий из-за рогатого шлема на викинга полковник ступил в шахту. За ним последовал Райленд.

Шахта была огромная и круглая, как арена цирка. На почерневший бетон пола сверху лились потоки прожекторного света. Даже дезактивирующая команда, со своими пеноструями и пескодуями, не смогла очистить бетон от черной памяти стартовавших ракет.

Райленд сразу узнал место. Это была та самая шахта, в которую он случайно заглянул прошлой ночью. Он инстинктивно поднял глаза, опасаясь увидеть голубое небо и опускающуюся ракету, но армированные бетонные стены уходили в туманную темень над головой. Фермы кранов казались призрачными силуэтами. Ни один луч не проникал сквозь громадные створки наверху, в сотне футов над головой, за которыми, наверное, голубело небо.

Готтлинг тронул Райленда за руку, жестом указывая на что-то впереди.

На почерневшем бетоне стояла клетка размером с комнату. Внутри клетки светилось странное зеленоватое облачко. В центре облачка, на стальном полу, неподвижно лежал…

— Пространственник, — гордо сказал Готтлинг.

Это существо явно не раз пыталось вырваться на свободу.

Подойдя ближе, Райленд понял, какой яростной была борьба. Стальные прутья клетки толщиной превосходили человеческое запястье, и, тем не менее, некоторые из них были погнуты. На них запеклась красная кровь, она же испятнала золотистый мех пространственника. Тяжело дыша, существо лежало на полу из листовой нержавеющей стали.

— Что-то он ленивый сегодня. Мы его подстегнем, — хвастливо сказал полковник.

— Подождите, полковник! — сказал Райленд. — Он ранен. Клянусь небом, вы…

— Что? — вспыхнул полковник. — Что???

Его палец многозначительно коснулся кнопки радара. Черепоподобное лицо с рогами антенн стало еще страшнее от ненависти.

— Идиот, ты смеешь мне указывать? Может, желаешь, чтобы я расширил поле радара? Одно мое движение, и от тебя ничего не останется даже на утилизацию в орган-банк.

Райленд сделал шаг назад, сглотнул. Его рука невольно коснулась железного воротника, за-

ключавшего восемь грамм мощной взрывчатки.

— Так-то лучше! — рыкнул полковник.

Он хлопнул в ладоши, позвал:

— Сержант! Вы заснули? Пощекочите его!

К клетке подошел сержант в алой форме Технокорпуса. В руках у него был шест с острым лезвием на конце. Черный провод шел от лезвия к аккумуляторной коробке на его плече.

Пространственник повернул разбитую голову.

Он открыл глаза — большие, темные, прозрачные, похожие на глаза тюленя. В них Райленд увидел ужас перед болью и страданиями. По гладким бокам существа пробежала дрожь.

— Пощекочи ему брюхо! — приказал Готтлинг. — Мистер Райленд желает увидеть нашу крошку в действии!

Пространственник вскрикнул. Крик был полон ужаса, словно в отчаянии кричала женщина.

— Не надо! — выдохнул Райленд.

Полковник зашелся от смеха. Из его кабаньих глазок выкатились две слезы и оросили костистые скулы. Наконец он успокоился.

— Ну конечно, почему бы и нет, — сказал он. — Ведь теперь ваша очередь, как я уже сказал. И если вы уверены, что поймете, как это существо летает, даже не посмотрев… — Он пожал пле-

чами.

Судорожно вздрагивая, словно его ужалил электрощуп, пространственник опять вскрикнул.

— Пусть сержант уберет эту штуку, — хрипло сказал Райленд.

— Как угодно, — полковник вежливо кивнул. — Сержант, возвращайтесь на место. А вас, Райленд, я оставляю наедине с новым другом. Возможно, он вам откроет на ушко свой секрет! — Расхохотавшись, полковник Готтлинг вышел из шахты.

Час спустя Райленд уже представлял в общих чертах, с какой трудной проблемой столкнулся.

Он вернулся в комнату с картотекой, где нашел краткое описание уже известных фактов о пространственнике. Взял материалы с собой в шахту, прочел их, одновременно наблюдая за существом. Животное почти не шевелилось, только следило за Райлендом взглядом.

История пространственника была трагична. Его поймала вторая экспедиция к рифам, шедшая по следам ракеты Лескьюри. Та часть отчета, где говорилось о поимке существа, отсутствовала. Рассказ начинался с момента помещения пространственника в поспешно переделанную ракетную шахту. Сначала пространственник сидел на цепи, и первые исследователи подходили

к нему свободно, без опаски. Потом цепь убрали, и вскоре полдесятка сотрудников были серьезно ранены — их с неимоверной силой бросило на прутья. Пространственник не нападал на них, нет. Он просто хотел освободиться, и они случайно оказались на пути. Тем не менее с тех пор наблюдения велись преимущественно снаружи. А в последнее время, когда делом занялся полковник Готтлинг, — с помощью электрического «стимулятора». Или чего-нибудь похуже.

В отчете были результаты анализа крови и образцов тканей. Райленд отложил их в сторону — они для него ничего не значили. Результаты рентгеноскопии и исследования радиологов тоже в данный момент не представляли для него никакой ценности. Это было поле деятельности полковника Лескьюри.

Потом пошли данные физических экспериментов. Динамометры замеряли силу натяжения цепей. Телеметрические датчики чертили графики изменений в работе важнейших внутренних органов существа в разных состояниях: в покое, в «полете» или «под воздействием особых стимулов», как скромно было написано в рапорте.

Следов какого-нибудь излучения не было обнаружено. Кто-то предложил окружить существо

чувствительными маятниками для определения возможной боковой отдачи. Ничего похожего на отдачу замечено не было — ни один маятник не шелохнулся.

Никакой отдачи!

Значит, вся небывальщина о нереактивной тяге, о которой здесь так много говорят — вовсе не чепуха!

Райленд изумленно уставился на существо, обессиленно лежавшее на полу клетки, тревожно следившее за ним большими тюленьими глазами. Нереактивная тяга!

Внезапно Райленд почувствовал себя каким-то маленьким, потерянным и ужасно одиноким, несмотря на все усилия Групповой работы и Сообщности. Вот здесь, в этом существе таится сила, которая не подчиняется третьему закону Ньютона. Получив такой двигатель, План Человека расширится до бесконечности. Минуя бесполезные ледяные метановые миры-гиганты, План шагнет к звездам!

Райленд покачал головой. Мысли его путались.

Ему вдруг расхотелось помогать Плану в освоении звезд. «Свобода» — так сказал полковник Лескьюри… Свобода!

В системе Плана ей места не находилось.

Неожиданно по шахте прокатился раскат дальнего грома.

Удивленный Райленд вскочил, а пространственник тревожно замяукал. Темноту над головой пробил луч света. Райленд поднял голову и увидел, как все шире становится полоска голубого неба.

Позади застучали подошвы бегущих, кто-то влетел в шахту. Сержант Технокорпуса позвал Райленда:

— Мистер Райленд, мистер Райленд! Уходите! Какой-то ненормальный идет на посадку!

Сержант кинулся к клетке, начал лихорадочно откручивать крепежные болты, чтобы отодвинуть клетку в сторону. В раскрывшиеся створки люка хлынул огонь, и миниатюрная ракета, тормозя, опустилась в шахту.

«Слава богу, машина небольшая!» — с облегчением подумал Райленд. Ракета помощнее убила бы и пространственника, и сержанта, и его. А эта гоночная яхта спокойно приземлилась, не причинив никому вреда. Одноместный кораблик, созданный для прогулок и развлечения, коснулся черного бетона в сотне ярдов от клетки, окатив их горячей волной. Сквозь раструбы вентиляторов задул искусственный ветер, выметая остатки

выхлопного дыма.

Опустился трап.

Стройная фигура в белом комбинезоне легко сбежала на бетонный пол. Над ней кругами вились знакомые Райленду серебристые птицы.

— Стойте! — крикнул Райленд. — Не подходите к клетке!

Прибывший игнорировал его крик. Райленд быстро догнал незнакомца, дернул за руку, развернул и… ахнул от удивления. Серебряные голубки свирепо набросились на него.

— Руки прочь, оп! — Это была она… та самая девушка! Теперь он видел, что белый комбинезон не скрывает признаков пола. Он узнал эти зелено-голубые глаза, полный негодования голос.

Она махнула рукой, голуби мира отпорхнули в сторону.

— Что это значит? — Она сбросила его пальцы со своего локтя.

Райленд судорожно вздохнул. Это была Донна Криири, дочь Планирующего.

— Я… я не знал, что это вы! Но что вам здесь нужно?

— Что мне нужно? Глаза цвета океанской волны сверкали гневом. — Это я хочу знать, что вы затеяли… что вы здесь делаете? И зачем мучаете

моего пространственника?

Глава шестая

Своим огненным взором она смущала оробевшего Райленда. Теперь в ней почти нельзя было узнать красавицу из круглой ванны. Исчезла пленившая его детская невинность во взгляде Донны. Сейчас перед ним была властная дочь Планирующего. От ребенка не осталось и воспоминания.

Райленд вздохнул. Дочь Планирующего стояла у него на пути. Единственный способ избавиться от железного кольца был тесно связан с животным в клетке.

— Уходите, мисс Криири, — резко сказал он. — Пространственник умирает. Его нельзя беспокоить.

— Что??? — Голуби мира тревожно заворковали на ее плечах.

— Вам туда нельзя! — упрямо повторил Райленд. — Пожалуйста, уходите!

Не веря своим глазам, она уставилась на Райленда. Потом, ни слова не говоря, повернулась к клетке.

— Погляди, маленькая, — прошептала она золотистому существу. — Не бойся, твоя Донна с

тобой.

Пространственник поднял голову, посмотрел на нее большими прозрачными глазами.

— Мисс Криири! — недовольно сказал Райленд. — Я же просил вас уйти.

Девушка даже не обернулась.

— Хорошая, хорошая, — ворковала она, словно ребенок, успокаивающий щенка. — Где эта гадкая дверь?

— Туда нельзя, — разозлился Райленд и схватил ее за руку. С таким же успехом он мог поймать за хвост тигра. Ударив другой рукой так быстро, что он не успел среагировать, она хлестнула его по лицу. Он отшатнулся, а когда пришел в себя, дочь Планирующего уже нашла задвижку и проникла в клетку.

Хныча, пространственник пополз навстречу, переваливаясь, как морской котик.

Райленд попал в трудное положение. Если что-то случится с девушкой, отвечать придется ему. Готтлинг об этом позаботится. И тогда прощай мечта о свободе.

И скорее всего, ему придется распрощаться с головой.

Райленд зло выругался. Голуби мира запищали, закружились над ним. Он осмотрелся и увидел

кусок тяжелой цепи на полу, сразу за дверью клетки. Бог знает, чему она служила, хотя характерные темные пятна недвусмысленно говорили о том, как ее использовали. Он поднял цепь и вслед за девушкой вошел в клетку.

— Стой! — спокойно сказал она. — Или я напущу голубей.

— Тогда выходите отсюда! — потребовал он. Пол был скользким, в вонючей слизи. Это была и кровь пространственника, и какие-то разлагающиеся крохотные существа, незнакомые Райленду. Очевидно, они попали сюда с пространственником. Запах был сильным и тошнотворным, но Райленд старался не обращать на него внимания, как, впрочем, и дочь Планирующего.

Девушка склонилась над существом, ласково поглаживая его по золотистому меху.

— Брось цепь, — приказала она через плечо. — Она боится.

Вначале существо дрожало и уклонялось от прикосновений ее руки, но вскоре успокоилось. Длинный черный язык коснулся щеки Донны. Клетку вдруг наполнило басовитое рокотание, похожее на мурлыканье громадной кошки.

Снаружи раздался какой-то шум. К клетке мчался полковник Готтлинг, наклонив рогатую голову

в шлеме радара. Его маленькие глазки яростно сверкали. За ним следовало десяток сотрудников в алых формах Технокорпуса.

— Убирайся отсюда, болван! — взревел полковник, помахивая в сторону Райленда электрическим щупом.

Пространственник увидел полковника, перестал мурлыкать и сильно задрожал.

— Стойте! — нашелся Райленд. — Вы его напугаете! Он может напасть на мисс Криири!

Но Донне Криири не требовалась помощь. Она опустилась на колени прямо в кровавую слизь рядом с пространственником, подняла взгляд от разбитой, в запекшейся крови головы и с ненавистью посмотрела на полковника.

— Полковник Готтлинг, — сказала она. — Я должна с вами поговорить!

Рот полковника беззвучно открылся и закрылся. Но Готтлинг не собирался отступать.

— Вы должны выйти из клетки, мисс Криири! Это опасное животное. Несколько человек уже получили травмы и переломы!

— А что они с ним делали? — спросила девушка, гладя пространственника. Две или три большие зеленые мухи уже кружились в облачке света вокруг пространственника, подбираясь к ранам

на боках.

— Какая здесь грязь! — брезгливо поморщилась Донна. — Наведите порядок!

Поднявшись, она жестом велела Райленду покинуть клетку.

— Пусть соберется вся Группа, — холодно приказала она, закрывая дверь. — Сейчас же! А ваши люди, Готтлинг, пусть пока вычистят клетку. И если я поймаю кого-нибудь электрощупом, они испытают его действие на себе.

Готтлинг побагровел и деревянным голосом сказал:

— Я больше не отвечаю за это, мисс Криири.

— Тогда соберите людей, — сказал она. — У меня к вам серьезный разговор!

Они вернулись в пункт Зеленый Треугольник. Сотрудники Группы уже собрались. Председательствовала на собрании Донна Криири. Что-то застенчиво лепетал майор Чаттерджи, генерал Флимер произнес длинную речь о пользе Групповой Работы Сообща, полковник Готтлинг багровел от бессильного бешенства, а полковник Лескьюри лаже пытался возражать. Но ни один из них не взял верха над девушкой.

— Если животное умрет, — зловеще проговорила она, — большинство из вас отправится

вслед за ней. У меня есть последние новости. В орган-банке нехватка утилизируемого материла. — Она оценивающе обвела присутствующих взглядом. — Наверное, кое-кому из вас очень хочется попасть в орган-банк. Я понятно говорю?

— Вполне понятно, — смиренно подтвердил генерал Флимер. — Но мисс Криири, цель нашей Группы…

— Помолчите-ка, — ласково сказала девушка. — Да, что там?

С величайшим почтением в голосе майор Чаттерджи сказал:

— Для вас сообщение на телетайпе.

— Это подождет. — По комнате пронесся явственный вздох изумления, но девушка не обратила внимания. — Начиная с этого момента за Группу отвечает мистер Райленд.

Пораженный генерал Флимер прошипел:

— Но, мисс Криири, опасник… опасник не может…

— Нет, опасник может, — отрезала Донна Криири. — Хорошо, сейчас я отдам приказ.

Она прошла к телетайпу, спокойно нажала клавишу «сбой» и под изумленный шепот начала печатать. Через секунду Машина прострекотала ответ:

«ДЕЙСТВИЯ. Группа Флимера подчиняется указаниям Донны Криири».

— Вам что-нибудь еще непонятно? — резко спросила Донна.

— Нет, ничего, — выпучив жабьи глазки каркнул генерал.

— Отлично. Все остальные могут разойтись. Райленд, я с вами хочу побеседовать.

Тихо перешептываясь, сотрудники Группы потянулись к выходу из конференц-зала. Донна Криири зевнула.

— Вот так-то лучше, — сонно сказала она. — Что там такое?

Райленд кашлянул.

— Кажется, это сообщение для вас, мисс Криири.

— Опять, — вздохнула она. Небрежно положив руку ему на плечо, она встала рядом с телетайпом.

«ИНФОРМАЦИЯ. Планирующий Криири находится на пути из Момбасы в Кейптаун. ИНФОРМАЦИЯ. Личная ракета Криири заправлена и готова к взлету. ИНФОРМАЦИЯ. Лондонское филармоническое общество подтверждает получение инструкций к открытию сезона. ДЕЙСТВИЯ. Укажите исполнителя для концерта Бетховена

для фортепьяно с оркестром. ИНФОРМАЦИЯ. Лунная колония „Альфа-6“ просит Донну Криири присутствовать на праздновании 25-й годовщины. ИНФОРМАЦИЯ.....»

— Рутина, — рассеянно сказала девушка. — Это подождет. — Она посмотрела по сторонам. — Ужасно мрачное место. У вас есть своя комната? Пойдемте туда! — Она не стала ждать ответа Райленда, просто приказала следовать за собой.

Он не удивился, обнаружив, что Донна знает расположение помещений в Центре. Похоже, она бывала здесь часто.

Но события выходили из-под контроля.

Девушка отдавала приказы целой исследовательской Группе. Это было совсем не ее дело. В системе Плана Человека приказы отдает только Машина! Люди же — даже дочери Планирующего — должны выполнять свою работу, и только свою. Такова логика планирования, логика Плана Человека.

В замешательстве он стоял у двери и думал, что же он скажет девушке. Донна тем временем проследовала в его комнату и с интересом огляделась. Райленд вошел следом, оставив дверь приоткрытой.

— О, прикройте дверь, — нетерпеливо сказала

Донна. — Разве мои голуби недостаточно надежно охраняют меня?

Увидел лицо Райленда, она засмеялась, хлопнулась на койку, растянулась во весь рост и закурила сигарету. Изгнанные с привычного места голуби нашли себе новый насест на передней спинке кровати.

Райленд, скрепя сердце, затворил дверь и кивнул в сторону телетайпа:

— Вы не хотите зарегистрироваться?

— Машина найдет меня, — весело сказала Донна Криири. — Вот, посмотрите.

И в самом деле, едва она успела это произнести, как защелкали литеры телетайпа.

«ИНФОРМАЦИЯ. Планирующий Совет просит Донну Криири назначить ежегодные Премии Плана. ИНФОРМАЦИЯ. Журнал „Лайф“ просит разрешения использовать Фотографию Донны Криири для обложки номера „Женщина года“ ИНФОРМАЦИЯ……»

— Кто-нибудь обязательно окажет мне услугу и сообщит Машине, куда я отправилась, — без улыбки сказала Донна. — И даже если нет… Машина всегда знает, где я нахожусь. Она успела хорошо изучить меня.

Она говорит так, подумал Райленд, будто Ма-

шина — ее старый приятель. Девушка не дала ему возможности дальше развить свою мысль. — Она вдруг сказала:

— Ты мне не очень нравишься, Стив, но все же ты лучше остальных. Ты сохранишь моего пространственника?

— Вашего пространственника?

Она засмеялась.

— Да, моего, потому что я его люблю. Все, что я люблю — мое. Такое у меня правило. — И она добавила серьезно: — Но я еще не решила, что делать с тобой.

По спине Райленда пробежал холодок.

— У меня есть обязанности, мисс Криири, — твердо сказал он. — И я намерен их исполнять! Я надеюсь, мы подружимся с вашим симпатичным пространственником, но если потребуется… Вы вот это видите? — Он показал на свой железный воротник. — Я хочу от него избавиться! Если мне для этого придется выпотрошить миллион пространственников, я это сделаю!

Девушка лениво ткнула в его сторону сигаретой.

— Готтлингу вы говорили другое, — заметила она.

— Откуда вы знаете, что я говорил?

— О! Я много всего знаю. Почему бы и нет? Машина вездесуща, а мой отец — часть этой Машины. Кроме того, мне нравится Машина, а все, что мне нравится... — Она грациозно повела плечами. Райленд внимательно смотрел на девушку. Она явно его дразнила. Это была не смешная шутка.

— Мисс Криири, я не одобряю подобных разговоров о Машине, — сдержанно сказал он. — Я верю в План Человека!

— Ужасно мило с вашей стороны, — с восхищением сказала Донна.

— Черт бы вас побрал! — вспыхнул Райленд, потеряв терпение. — Хватит делать из меня клоуна! Плану Человека необходим нереактивный двигатель! Вы понимаете, глупая девчонка! И если для этого пространственник должен умереть, что с того?

Девушка встала с койки, подошла вплотную к Райленду. Несколько секунд спокойно и дружелюбно она смотрела на опасника.

— Ты все еще любишь ту девушку? — неожиданно спросила она.

Вопрос застал Райленда врасплох.

— Какую?

— Анжелу Цвик, — пояснила Донна. — Дочь

Стефана Цвика. Блондинка, двадцать лет, рост пять футов четыре дюйма с четвертью, глаза зеленые. Однажды вечером она была назначена твоим телетайпистом и в тот же вечер уже заставила тебя ее поцеловать. Та, что донесла на тебя. Ты все еще любишь ее?

Глаза Райленда расширились от удивления.

— Я знал, что у вас много информаторов, — удрученно сказал он, — но я не подозревал, что…

— Отвечай на вопрос, — нетерпеливо потребовала она.

— Не знаю, — сказал Райленд. — Наверное, да.

Донна Криири кивнула.

— Я так и думала. Хорошо, Стив. Просто я подумала… Нет, ничего не выйдет, правда? Но я восхищена силой твоего духа.

Райленд глубоко вздохнул. У девушки просто был талант ставить людей в неловкое положение. Он решил, что соревноваться с ней бесполезно, единственная возможность сохранить лицо — стараться говорить правду. Поэтому он сдержанно сказал:

— Если речь идет о Плане Человека, никакой особой силы духа не нужно. Плану необходим секрет нереактивной тяги — значит, такова моя функция в системе Плана. Вот и все.

Она кивнула, снова села на кровать. Голуби мира устроились на ее плечах.

— Скажи, Стивен, а ты знаешь, зачем Плану Человека этот секрет?

— Ну… точно я не знаю. Но догадываюсь.

— Не надо догадок. Он нужен для освоения рифов Космоса. Ты знаешь, что ищет План среди рифов?

— Нет.

— Плану нужен Рон Дондерево, Стив.

— Дондерево? — Он нахмурился.

— Человек, который сумел снять железный воротник, Стив, — сказала девушка. — Человек, с которым ты не без пользы для себя мог бы познакомиться. Это железное кольцо, оснащенное всеми видами ловушек, которое никто не может снять или повредить, пока Машина не даст разрешения, он ухитрился снять и остаться при этом в живых. Машина очень хочет побеседовать с Дондерево на эту тему. Очень.

Райленд напряженно смотрел на нее.

Она кивнула.

— А Дондерево сейчас там, на рифах. Машина должна что-то делать. Может, она просто уничтожит рифы. Над подобным проектом идет работа, я знаю… Но если не получится, она пошлет ту-

да человека, который найдет Дондерево. Она пошлет человека с радарной винтовкой, Стив! Чтобы убить Дондерево! Для этого ей нужен секрет нереактивной тяги!

Глава седьмая

Новое положение Райленда как руководителя Групповой Атаки не заставило его коллег проникнуться к нему особой симпатией.

Райленда это не волновало. Он был полностью поглощен работой. Чудо-Опорто весьма ему пригодился. Дар молниеносных вычислений, которым обладал коротышка, сберегал Райленду много времени. Конечно, по скорости Опорто не превосходил компьютер. Но у него имелось значительное преимущество — отпадала необходимость кодировать и декодировать задания.

К тому же расчетов требовалось не так уж много. Проблема была крепким орешком. Райленд не находил ни малейшей зацепки, которая помогла бы решить проблему.

Опорто оказался полезным и в другом отношении. У него был тонкий нюх на сплетни и новости, он держал Райленда в курсе всех событий внутри Группы.

— Флимер в дурном настроении, — сообщил он как-то. — Заперся в своей норе, никуда не выходит.

— Понятно, — рассеянно ответил Райленд. —

Слушай, куда подевались «Физические константы для уравнений Равновесных состояний»?

— Они под индексом 603.811, — сказал Опорто. — Ходят слухи, что Флимер затеял спор с Машиной. Сообщения идут туда и обратно без передышки.

— Что? — Райленд уставился на коротышку, мгновенно забыв о заказе на книгу, который торопливо выписывал. — С Машиной никто не может спорить!

Опорто пожал плечами.

— Тогда не знаю, как это назвать.

— Генерал Флимер подает рапорты, — твердо сказал Райленд.

Он поманил скучавшую в углу Веру. Общительница охотно подошла, увидела заказ, недовольно пожала плечами и отправилась за книгой.

— Не сомневаюсь, — сказал Опорто. — Слушай, ты что-нибудь получил от Донны Криири?

Райленд покачал головой.

— Я слышал, она сейчас в Порт-Канаверал.

— Это ее дело, — отрезал Райленд. — У дочери Планирующего много причин отправиться в космос, не сомневаюсь.

— И я не сомневаюсь, — согласился Опорто, — но…

— Но ты можешь заниматься своим делом, — сказал Райленд, тем самым прекращая разговор.

Вера принесла книгу, Райленд проверил несколько цифр и передал лист с расчетами Опорто.

— Вот, нужно кое-что рассчитать. Чтобы ты не скучал.

Он встал, рассеянно оглядел комнату. Это была А-секция, занятая теорией Хойла. Здесь трудилась целая Подгруппа. И все равно, подумал он, это пустая трата времени.

— Запросто, — радостно сказал Опорто и занялся уравнениями.

— Спасибо. — Несколько секунд спустя Райленд взял листок с готовым расчетом, просмотрел и положил на стол одного из заместителей.

Задачи были рутинными, он мог поручить их помощникам. Вот почему это было напрасной тратой времени. Все уже было готово, оставались чисто математические расчеты. Потом он сможет ответить на вопрос Машины. Практически, он знал ответ уже сейчас. При каких условиях возможен рост количества водорода в межзвездном пространстве? Это было просто. Большую часть ответов дала фундаментальная теория. Анализ данных экспедиции Лескьюри указывал путь

к остальным. Есть ли возможность задержать или редуцировать процесс? Тоже непросто. Люди едва ли могут влиять на процессы, формирующие звезды. В конечное время с конечным оборудованием вероятность успеха равна нулю.

Но о чем говорит сам факт такого вопроса? Уж не об… отчаянии ли? Отчаянии Машины. Если вообще такое слово можно применить к Машине.

— Пойдем, Опорто, — сказал Райленд, чтобы развеять тревогу от подобных мыслей. — Посмотрим пространственника.

Существо находилось в секции «В». Там дела шли из рук вон плохо.

Нереактивная тяга! Создать такой двигатель было невозможно, вот и все. Если бы Райленд не имел перед глазами очевидного факта — пространственника, — он бы мог поклясться, что Ньютон был и остается прав.

Каждое действие, как вывел Ньютон несколько столетий назад, вызывает противодействие, равное по силе, но противоположное по направлению. Этот закон движения распространялся на всякое существо, передвигавшееся по лицу Земли. Микроскопическая инфузория в пруду перемещается, отбрасывая ресничками назад пропорциональную массу воды. То же самое

— пропеллер в воздухе, винт корабля в море или реке. Реактивная отдача толкает вперед ракету: масса раскаленных молекул из дюз летит в одну сторону, масса корпуса в другую. Действие и противодействие!

Закон легко изображался в виде уравнения: масса, умноженная на ускорения, равна масс-прим, умноженной на ускорение-прим. Как усомниться в истинности древнего уравнения?

И все же оно не было верным. Испуганное животное из открытого космоса опровергало Ньютона. Оно могло висеть в воздухе, ни от чего не отталкиваясь, ставя тем Самым величайшего гения человечества в глупое положение.

Пространственник перемещался без всякого реактивного взаимодействия вообще!

То, что позволяло ему парить в воздухе (назовем это Фактором Х), не вызывало возмущения воздушной среды, не раскачивало чувствительных маятников, не регистрировалось на фотоэмульсию, не разряжало электроскопа, не воздействовало на магнитную стрелку, не порождало доступных измерению электронных полей, не увеличивало вес клетки, не оказывало влияния на основной метаболизм самого животного, не оставляло следов в пузырьковых камерах для

регистрации элементарных частиц.

С другой стороны, кое в чем фактор «Х» себя проявлял. Он оказывал влияние на работу «мозга» пространственника — в этот момент происходили определенные изменения в его энцефалограмме. Этот фактор тревожил других млекопитающих. Это было замечено случайно, когда в ракетную шахту забрел кот. Едва пространственник «взлетел», как кот стрелой выскочил из шахты, выгнув дугой спину. Шерсть стояла дыбом, глаза горели.

И кроме того, фактор «Х» давал нереактивную тягу. Что бы это ни было, но оно поднимало пространственника со дна клетки.

Однажды пространственника обмотали цепями весом более шести сотен фунтов. Словно развлекаясь, существо взлетело с цепями так же легко, как и без них, и парило около часа, что-то мурлыча про себя.

Такая загадка способна была свести с ума любого исследователя.

И все же пусть это и было небольшим утешением, самому пространственнику в последнее время стало лучше. Раны затягивались. Маленькие существа-симбиоты частично выжили. И животное казалось теперь более энергичным и

подвижным.

Донна Криири была довольна.

Но больше никто, кажется, доволен Райлендом не был. Генерал Флимер преимущественно сидел в своих квартирах, наружу выбирался только для того, чтобы мешать своими ядовитыми замечаниями. Другие высшие офицеры Группы не могли ретироваться по примеру Флимера, они имели непосредственные обязанности. Но и они старались в полной мере выразить Райленду свою неприязнь.

Дружелюбно держался лишь майор Чаттерджи — такова была его природа. Он каждый час являлся с рапортом. Он не доставлял хлопот. Если Райленд был занят, майор незаметно ждал за его спиной. Если Райленд был свободен, майор задавал минимум необходимых вопросов и уходил. Райленд был уверен, что все сведения тотчас поступали в Машину, потом — генералу Флимеру, но не видел причины, чтобы вмешиваться. Да и задумай он помешать, у него ничего бы не вышло.

Он был занят.

Однажды Опорто сказал ему:

— Слушай, тут что-то про твою подружку.

Моргая, Райленд поднял глаза от листа бумаги.

— О ком? — Он и в самом деле не мог сообразить, о ком идет речь. Потом вспомнил предыдущие замечания Опорто. — Ты говоришь о мисс Криири?

— Ну да. Она отправилась на Луну вместе с папочкой.

— Прекрасно, — сказал Райленд.

Он старался, чтобы голос не выдавал его. Но кого он хочет обмануть? Как бы старательно не скрывал он свой интерес от Опорто, он не мог скрыть его от себя. Разговоры о Донне Криири волновали его.

Опорто лениво облокотился на стол Райленда.

— Ну, не знаю, так ли это хорошо, Стив, — сказал он. — Может, им стоило остаться дома и присматривать за делами. Ты слышал о катастрофе в парижском субпоезде?

— О чем? — Райленд устало отложил в сторону пачку докладов и посмотрел на товарища. Глаза у него болели от усталости. Мне необходимо выспаться, подумал Райленд. Нет, не стоит, он уже проспал восемь часов за последние двое суток. Времени было мало. Поэтому он выбросил мысль о сне из головы и сказал:

— Черт подери, о чем ты говоришь, Опорто?

— Парижский субпоезд по пути в Финляндию попал в катастрофу. Обвалился туннель. Пропа-

ли без вести более сотни человек. То есть, они погибли, ясное дело. Если туннель обвалился на глубине в сто миль, то ясно, что это за «пропали».

Райленд был поражен.

— Как же так? Туннель может обвалиться, но не сразу. Часа за три до аварии начнется ослабление кольцевого поля. Поезд всегда можно успеть задержать.

— Сто погибших пассажиров были бы рады это услышать, — пожал плечами Опорто.

Секунду Райленд молчал.

— Возможно, ты и прав, — устало сказал он. — Наверное, Планирующему следовало бы лично следить за подобными вещами… А, здравствуйте, майор.

В комнату, улыбаясь и дружелюбно поглядывая сквозь линзы очков, вошел оператор-майор Чаттерджи.

— Я подумал, нет ли у вас новостей, мистер Райленд.

Пока Райленд перебирал бумаги, Опорто сообщил:

— А мы как раз говорили о катастрофе под Парижем, Майор.

Карие глаза Чаттерджи стали непроницаемы-

ми. Повисла неловкая тишина.

Райленд вдруг понял, что майор очень интересуется аварией между Парижем и Финлядией. Странно, подумал он, какое он к ней имеет отношение? Но Райленд слишком устал, чтобы развивать эту мысль. Он нашел нужный листок и протянул заявку майору.

Чаттерджи просмотрел бумагу сначала мельком, потом внимательнее. Его подстриженные «ежиком» волосы, казалось, встали дыбом.

— Но мой дорогой Райленд! — запротестовал он, замигав сквозь очки с золотой оправой. — Это оборудование…

— Я сверился с Машиной, — упрямо сказал Райленд. — Вот. — Он показал майору Чаттерджи на телетайп.

— «ДЕЙСТВИЯ. Запрос одобрен. ДЕЙСТВИЯ. Связаться с майором Чаттерджи. ИНФОРМАЦИЯ. Источник энергии пункта Черный Круг не удовлетворяет запросу».

— Но мой милый Райленд! — вскричал майор с выражением мученика. — Дело не только в источнике энергии.

— Все, что требуется Плану, План должен получить, — процитировал Райленд и вдруг почувствовал, что настроение у него становится

лучше.

— Конечно-конечно. Но… — Майор еще раз взглянул на листок. — У вас сейчас и без того электронного оборудования на университетскую лабораторию, — простонал он. — И вы просите еще. Часть этих устройств небезопасна. Вы понимаете, что после аварии, о которой сказал мистер Опорто, мы не можем позволить себе рисковать.

— А какое это имеет отношение к работе Группы? — уставился на майора Райленд.

— План не терпит случайных аварий. Заказанное вами оборудование, кроме всего прочего, угрожает радиоактивным облучением, а в пунктах Черный Круг, Серый Треугольник, Зеленый Полукруг и Серебряный Квадрат трудятся восемь тысяч человек. Мы не можем рисковать их здоровьем.

Райленд многозначительно постучал по телетайпу.

— Ох, — вздохнул майор. — Если Машина одобряет… — Он на мгновение задумался, потом повеселел. — Придумал! Нам нужна ракета на орбите!

— Что? — не сразу понял Райленд.

— Нужно вывести на орбиту ракету, поместить туда установку и все ваше оборудование, — объ-

яснил Чаттерджи. — Почему бы и нет? Все будет управляться на расстоянии. Ракету я могу вам сразу выделить, мистер Райленд! И можете заполнять ее любыми, самыми опасными аппаратами и приборами. Какое нам дело до какого-нибудь заблудшего пространственника, а? — Он подмигнул и захихикал.

— Ладно, — подумав, ответил Райленд. — Можно и так.

— Конечно, можно! Мы обеспечим телеконтроль с дистанционным управлением. Вы спокойненько себе работаете в лаборатории, а оборудование летает в космосе. Устраивайте любые эксперименты. И если случится взрыв, — майор усмехнулся, — пострадает только ракета, а не мы. — Кончив говорить, он вышел из лаборатории.

Поразительно, но План Человека был способен на чудеса. Ракету подготовили и запустили в сорок восемь часов.

Райленд ни разу ее не видел. Он проверил приборы на ее борту через телеэкран монитора, дав свое одобрение и на катодном экране телевизора увидел, как прыгнула в небо с пусковой установки огнехвостая птица. Райленд тут же принялся за работу. Единственный установленный факт

относительно пространственника и его нереактивной тяги был факт нерегистрируемости этой «тяги». Исследования группы Райленда также обнаружили другое явление — высокопродуктивную ядерную реакцию, дававшую больше энергии, чем уходило на нее. Это было вполне возможно и даже более того, подтверждало предположение, что недостающая энергия не пропала, ее просто нельзя было зарегистрировать. Так же, как и энергию пространственника… Райленд намеревался смоделировать ядерные реакции, имеющие отношения к проблеме.

Но однажды утром общительница разбудила его неожиданной новостью.

— Проснись и пой, Стив! — прощебетала она, внося завтрак. — Угадай, что я хочу сказать? Генерал Флимер будет сегодня присутствовать на собрании Группы!

— Большая честь, — хрипло ответил Райленд.

Общительница была, как всегда, свежая, привлекательная, сияющая молодостью, хотя полночи неутомимо исполняла поручения Райленда.

— Разве ты никогда не устаешь? — спросил он.

— Нет-нет, Стив! Завтракай! — Она присела на краешек стула и сказала серьезно: — Мы здесь не для того, чтобы отдыхать. У нас важная работа!

Мы — общительницы, мы соединительные провода, ответственные за цельность Плана.

Райленд удивленно уставился на нее. Но Вера говорила совершенно серьезно.

— Да-да, — кивнула она. — План Человека так же нуждается в нас, как в транзисторах и сопротивлениях, роль которых выполняешь ты и другие чины. Важна каждая часть! Не забывай, Стив: «Каждый должен заниматься своим делом и только своим!»

— Не забуду, — он вяло выпил лимонный сок. Вера явно собиралась ему что-то сказать и лишь ждала возможности заговорить с ним. — Ну? Что случилось?

Она казалась смущенной.

— Понимаешь, Стив… девушки спрашивают… они хотели бы знать…

— Ради бога… в чем дело?

— Мы просто подумали, — чопорно сказала она, — правда ли, что наша Группа связана с авариями в туннелях?

Райленд моргнул, затем потер глазами. Ничего не изменилось. Девушка сидела на том же месте, со слегка смущенным лицом.

— Авария? Вера, о чем ты?

— О туннеле на линии Париж — Финляндия, —

повторила она. — Взрыв на энергостанции в Бомбее. Катастрофа грузового самолета в Неваде. Ты понимаешь, о чем речь?

— Нет, не понимаю. О половине этих случаев слышу впервые. Наверное, Опорто начал бить баклуши.

— И это не все, Стив. Девушки говорят… — Она сделала паузу. — Я боялась, вдруг это правда. Они говорят, что аварии вызывает работа нашей Группы. Они даже сказали, что ты, Стив…

— Что я?

— Я понимаю, это нелепо. Генерал Флимер сказал во всяком случае, что это неправда… будто ты связан с авариями. Но они сказали, что ты конструировал для субпоезда.

— Они говорят чушь, — прорычал Райленд. — Извини, я буду одеваться. Что за глупости? Как только возникают подобные слухи?

Дневное собрание Группы в самом деле почтил присутствием генерал Флимер. Райленд задумчиво смотрел на него и думал о глупых слухах, о которых узнал утром.

— Прежде чем мы начнем, — требовательно сказал он, — объясните мне, что это за сплетни насчет того, что наша работа вызывает аварии?

Лица присутствующих сделались непрони-

цаемыми. Потом руководитель компьютерной группы кашлянул и нерешительно сказал:

— В общем, есть такие разговоры, мистер Райленд.

— Какие именно?

Компьютерщик пожал плечами:

— Так, разговоры. Один кодировщик слышал от двоюродного брата, тот слышал от кого-то еще. Вы знаете, как это бывает. Суть в том, что якобы наша работа нарушает настройку контуров радиоконтроля. Бог знает, как это может быть, конечно…

— Что за чушь! — взорвался Стивен. — Что они этим хотят сказать, черт бы их побрал! — Он взял себя в руки. Электронщик ни в чем не виноват. — Ладно. Если кто-нибудь услышит подобные разговоры, пусть доложит мне.

Все послушно закивали в знак согласия, кроме генерала Флимера. Генерал каркнул раздраженно:.

— Райленд, мы пришли сюда слушать сплетни или обсуждать задание Группы на этот день?

Райленд погасил злость. Несмотря на то, что Донна Криири поставила его во главе Группы, звание генерала обязывало его считаться с Флимером.

— Хорошо, — сказал Райленд. — Приступим к делу. Я видел ваш доклад, Лескьюри. Желаете сделать сообщение?

Полковник Лескьюри прокашлялся.

— По предложению мистера Райленда мы провели новую серию исследований пространственника, используя рентген. Методом тонограммы внутренних органов и способом дистанционной хроматографии мне удалось обнаружить некую кристаллическую массу, которая концентрируется на пересечении основных нервных каналов животного. Примерно то же самое предвидел мистер Райленд.

— И что это означает? — хриплым голосом спросил Флимер.

— Означает, что мы движемся вперед, — с готовностью ответил Райленд. — У пространственника должно быть какое-то образование, управляющее нереактивной тягой. После вчерашней обработки данных на компьютере и подготовки опыта я попросил полковника Лескьюри провести эксперимент. И он выполнил просьбу в неурочное время.

— Это означает, — продолжал полковник, словно читая лекцию, — что мы нашли место, где генерируется нереактивная тяга. И еще одно мы

узнали из вчерашних расчетов — вероятность электромагнитной или гравитационной природы этой силы равна нулю. Вот мой доклад, готовый к передаче в Машину.

Генерал Флимер, глядя на Райленда, кивнул и, помолчав, спросил:

— И это объясняет то, что вчера случилось на рудниках Антарктиды?

— Не понимаю… — озадаченно начал Райленд.

— Не понимаете? Я имею в виду взрыв реактора, случившийся прошлой ночью и уничтоживший все рудники, с большим убытком для Плана Человека. И это не единственная потеря, Райленд. Пропал корабль — из-за аварии в кольцевых полях ускорителя. То же самое вызвало аварию реактора и все остальные катастрофы, мистер Райленд. То самое кольцевое поле, которое помогали создавать вы.

— Конструкция здесь ни при чем, — запротестовал Райленд. — Причиной аварии может быть механическая поломка, или ошибка человека, или намеренный саботаж…

— Вот именно!

— Как я могу отвечать за аварию в Антарктиде, в сотне миль под землей, или в космосе?

[1]— Именно это и захочет узнать Машина.

— Возможно, это чистое совпадение, — Райленд лихорадочно искал причину. — Аварии и раньше случались целыми сериями…

— Когда именно?

— Я не помню. Я… не могу сейчас припомнить.

Он запнулся и судорожно вздохнул. Туманная пелена, скрывающая его прошлое, стала еще гуще. Все, кроме научных фактов и воспоминаний о работе, превратилось в ничто, в вихрь, который унесся в небытие.

Уже наедине, в своей комнате, он опять вернулся к загадке трех пропущенных дней. Что подозревали терапевты? Что он мог натворить за это время? Почему они считали, будто он получил сообщение из рук Дана Хоррока, и знал о пироподах, пространственниках, фузоритах или о том, как создать нереактивную тягу?

Кое-что он понял из рассказа Лескьюри, но ясности детали не прибавили. Хоррок покинул борт «Кристобаля Колона», унеся материалы и образцы с рифов Космоса. Неужели Машина подо-

---

[1] Примечания: 1

С этого места и до начала следующей главы идет несколько абзацев, которые частично отсутствуют, частично находились в другом, не соответствующем авторскому замыслу, месте. Восстановлены по англоязычному изданию.

зревала, что он связался с Райлендом до того, как его успели поймать и отправить в органбанк?

Райленд вертел эту головоломку так и эдак, но не видел и намека на отгадку.

В соответствии со словами Донны между стуком в его дверь и появлением полиции Плана действительно прошло три дня. Неужели тогда к нему в дверь постучал Хоррок? Если это так, почему он ничего не помнит?

Он мучительно пытался пробить стену серого тумана, блокировавшего память, пытался припомнить Хоррока. Наверное, на нем была форма, испачканная, забрызганная чужой кровью, он тяжело дышал от усталости, тащил с собой черный полетный саквояж, в котором прятал украденные образцы и записи…

Картина стала зримой до реальности. Или это только игра воображения?

Приносил ли ему Хоррок информацию, необходимую для создания нереактивного двигателя? Он не мог вспомнить. Наконец он заснул и увидел страшный сон, где он и Хоррок спасались бегством от Полиции Плана.

На следующий день Райленд прямо от себя пошел к клетке пространственника в ракетной шахте. Войдя, он застыл в испуге.

Истекая кровью, пространственник неподвижно лежал на дне клетки.

Райленд метнулся к металлической дверце. Существо не испугалось, оно успело привыкнуть к нему. Его окружала гаснущая туманная аура, глаза погасли. Но когда в клетку вошел Райленд, они вспыхнули гневным огнем. Существо поднялось в воздух. Поняв, что происходит, Райленд задом выскочил за дверь, захлопнул ее — и вовремя. Пространственник бросился на него с быстротой молнии. Клетка качнулась, когда он ударился о закрытую дверь. Загремели цепи крепления.

По прутьям заструилась кровь, на пол полетели клочья золотистого меха. Жалобно мяукая, животное упало на дно.

Первый раз за все годы Райленд почувствовал настоящее бешенство.

Он стремительно развернулся на каблуках.

— Готтлинг! — рявкнул он. — Дьявол вас забери, что вы наделали?

Полковник появился с ядовитым и самодовольным видом.

— Здравствуйте, мистер Райленд, — кивнул он.

Райленд приказал себе успокоиться. Лицо Готтлинга сегодня более чем обычно напоминало череп, рога радарных антенн придавали жесто-

кому и холодному лицу сатанинское выражение.

Но антенны были не просто украшением. Хотя Райленд являлся Групповым руководителем, он продолжал оставаться опом. Холодная самодовольная усмешка тронула углы рта Готтлинра, и этого было достаточно, чтобы напомнить о шатком положении Райленда. Одно прикосновение к кнопке радара на портупее Готтлинга — и Райленду конец.

Но это было уже слишком.

— Вы опять мучили пространственника! — взорвался Райленд.

— Да, — спокойно согласился Готтлинг.

— Черт подери! Я приказывал…

— Заткнись, оп! — Улыбка испарилась с лица полковника. Он сунул Райленду листок телетайпа: — Сначала прочти вот это, чтобы не наговорить лишнего!

Райленд поколебался, потом взял листок. Там было написано:

«ИНФОРМАЦИЯ. Работа ведется слишком медленно. Связь между исследованиями и авариями должна быть изучена самым тщательным образом. ИНФОРМАЦИЯ. Возможно, Райленд связан с прямым саботажем в туннелях, реакторах, ионных двигателях. ДЕЙСТВИЯ. Руководство Группой

вернуть генералу Флимеру. Дополнительные действия производить генералу Флимеру по его усмотрению».

Райленд изумленно смотрел на листок. Машина опять изменила решение!

Отнюдь не собственное положение сейчас больше всего волновало Райленда. Опасность грозила пространственнику.

— Послушайте, вы же его убьете! — прогремел он.

Рассматривая пространственника, Готтлинг пожал плечами. Тяжело дыша, животное лежало на металлическом полу и смотрело на людей.

— Я не стану ждать, пока эта рифокрыса умрет сама, — задумчиво сказал полковник. — Паскаль не хочет делать вивисекцию, но едва ли откажется, если получит приказ Машины. Едва ли. — Он холодно усмехнулся. — Все вы из одного теста! Ты, дочка Планирующего, Паскаль Лескьюри. Боитесь вида крови. Но боль не заразная болезнь. Не надо бояться чужой боли, на вас не перейдет, честное слово. Наоборот, на страданиях других можно многому научиться, — весело закончил Готтлинг.

— Я доложу об этом Донне Криири, — тихо сказал Райленд.

Полковник широко раскрыл глаза.

— Неужели? Значит, для защиты потребовалась дочечка Планирующего? — Он дождался тишины и снисходительно сказал: — Это не имеет значения. Ничего у тебя не выйдет, Райленд. Мисс Криири сейчас на Луне. Теперь ты понял, оп? Жить или не жить пространственнику, зависит только от меня!

Глава восьмая

Райленд рывком распахнул дверь лаборатории и направился прямо к телетайпу. В углу сидели Опорто и общительница. Он задержался на мгновение. Похоже было на то, что он помешал им своим появлением.

— Опорто! — гаркнул он. — Какой номер вызова у Донны Криири?

Опорто кашлянул.

— Да ну же, Стив, не знаю. Три? Пятнадцать?

— Не тяни, — угрожающе проговорил Райленд.

— Три.

Райленд ударил по клавишам телетайпа.

«ЗАПРОС. Прошу разрешения на прямую связь с Донной Криири, станция номер 3».

Телетайп почти мгновенно отстучал ответ:

«ИНФОРМАЦИЯ. Отказ».

— Видишь, Стив? Это бессмысленно. Ну, что ты разбушевался?

Райленду хватило минуты, чтобы объяснить, отчего он так разбушевался.

— О, как жаль, — пробормотала общительница. — Бедная рифокрыса.

— Да, неприятно, — поддержал ее Опорто. — Ну,

и что Думаешь делать? Мы всего лишь опасники. Не нам ссориться с Готтлингом и всей этой компанией. — Он чихнул и пожаловался. — Вот, Стив. Совсем ты меня расстроил. Держу пари, я опять простудился.

Райленд невидяще взглянул на него. Он не слышал слов Опорто и даже не сознавал, что в комнате, кроме него, находятся еще двое. Лишенный связи с Планирующим и его дочерью, он не мог предотвратить убийства пространственника. И это был конец работы Группы. Если то, что рассказал Планирующий — правда, под угрозой окажется весь План, для существования которого необходимо было раскрыть тайну нереактивной тяги. И все же Планирующая Машина не позволила ему…

Комната снова обрела четкость очертаний в его глазах.

— Планирующая Машина! — громко сказал он.

— Что ты говоришь, Стив? — простонал Опорто. — Что ты задумал?

Но Райленд не ответил. Он сел за клавиатуру телетайпа и твердой рукой напечатал сообщение о том, что полковник Готтлинг умышленно не выполняет приказов Донны Криири и самой Машины. Что пространственник в опасности, а

значит, существует угроза самому Плану. Закончив печатать, он задумался в ожидании ответа.

Ждал он долго. Опорто и девушка шептались за его спиной, а Райленд не мог понять, почему Машине требуется столько времени на ответ! Возможно ли, чтобы были перерезаны провода или Машина была так перегружена, что не могла принять сообщение? Он нагнулся и проверил, вставлен ли штепсель в розетку. Но тут телетайп зажужжал и застучал…

От неожиданности Райленд испуганно вскочил со своего места.

Сообщение было непонятно кратким. Оно состояло из одной буквы.

— «П».

— Принято и понято, — охотно перевел из-за спины Райленда Опорто. — Ого-го, Стив, и это все? Вот тебе и Машина, видишь? Нам с ней спорить не положено. Эй, Стив, ты куда? — Но Райленд уже спешил к генералу Флимеру. Он зря потерял много времени, было довольно поздно. Он постучал в дверь, потом, без паузы, забарабанил кулаком.

— Минутку-минутку — проворчал генерал. Дверь распахнулась.

Генерал был уже в пижаме — пурпурной куртке

и полосатых ало-пурпурных штанах. Воротник и манжеты украшали витые серебряные шнуры, комната позади него утопала в серебряном свете. Серебряные стены, серебряная мебель на таком же серебристом ковре. Эффект был ошеломляющий.

— Райленд? — раздраженно проворчал Флимер. — Какого дьявола вам нужно?

— Мне необходимо поговорить с вами, генерал.

Он не стал ждать приглашения и проскользнул в щель между генералом и дверью. Потом он увидел нечто, от чего застыл на месте, забыв на несколько секунд, зачем пришел.

У камина стояла статуя, сверкающая серебристая статуя девушки. Но она двигалась! Она открыла рот, посмотрела на Райленда. Медные губы шевельнулись.

— А это кто?

— Иди в другую комнату! — рыкнул генерал.

Серебряная статуя пожала плечами и пошла в другую комнату. Как только Райленд увидел, как она двигается, ему стало ясно, что это живая девушка.

Он не верил глазам. Девушка, покрытая серебряной пыльцой, от макушки до кончиков

пальцев, игрушка для генерала Флимера. Но сейчас Райленду было не до этого.

— Сэр, должен заявить вам, что полковник Готтлинг намерен уничтожить пространственника, — быстро сказал Райленд. — Я опасаюсь, что он преднамеренно саботирует проект.

Лицо генерала неожиданно преобразилось. Глаза по-кошачьи быстро опустились, черты лица обрели каменную твердость.

— Продолжайте, — сказал он секунду спустя.

— Это все, сэр. Разве недостаточно? Если полковник Готтлинг не прекратит свои опыты, животное погибнет. В этом отношении, я уверен, мисс Криири оставила недвусмысленный приказ…

— Подождите, — сказал генерал, не приглашая сесть. Повернувшись к Райленду спиной, он направился к рабочему столу, нажал на селекторе кнопку и нагнулся к микрофону:

— Готтлинг, — завопил он, — ко мне. Здесь Райленд.

Из динамика послышалось приглушенное бормотание.

Динамик был направленного действия, и Райленд не мог Разобрать ни слова.

— Быстрее! — приказал генерал и отключился.

Не глядя на Райленда, он тяжело опустился в кресло, прикрыл глаза ладонью и просидел так до самого момента, когда послышался стук в дверь.

Вошел полковник Готтлинг. Он не казался встревоженным ни в малейшей степени и был не один. Улыбаясь и кивая, за ним семенил оператор-майор Чаттерджи.

— Какая прелестная комната, генерал! В самом деле! Только истинно утонченный вкус способен преобразить наши унылые бараки в…

— Заткнись! — Генерал Флимер поднялся с кресла. Райленд ждал, что Готтлинг начнет оправдываться, и приготовился подтвердить обвинения фактами. Но генерал не спешил начинать разбирательство. Он вообще не смотрел на Готтлинга. Он повернулся к Чаттерджи:

— Итак, Чаттерджи, вы получили приказ?

— Да, генерал, конечно! Вот, пожалуйста. Я знал, он вам понадобится, и потому…

Генерал чуть шевельнул рукой, и майор испуганно замолчал. Флимер взял листок телетайпной бумаги из рук майора и молча передал Райленду. Райленд озадаченно смотрел на бумагу.

Затем в голове у него полыхнуло, перед глазами поплыли разноцветные круги. В приказе говорилось:

«ИНФОРМАЦИЯ. Стивен Райленд, опасник, подлежит одобренному изменению в классификации. ДЕЙСТВИЯ. Означенный оп должен быть доставлен в резерв НЖК без промедления».

— Резерв НЖК? — вслух повторил Райленд. В ошеломлении он покачал головой. — Но… здесь какая-то ошибка, послушайте. Резерв НЖК — это «Небеса». Я хочу сказать…

— Ты хочешь сказать, орган-банк, вот что это такое. — Генерал Флимер кивнул с умным видом. — Верно, и как раз туда ты отправишься. Ты правильно угадал насчет Готтлинга. Он саботирует проект. Но ты думал, что он один, и в этом твоя ошибка!

Глава девятая

Орган-банк «Небеса» находился на Кубе.

Субпоезду понадобился почти час, чтобы туда добраться. Райленд едва ли сознавал ход времени. Они мчались внутри серого стального шара, куда менее роскошного, чем вагон Планирующего. Когда они прибыли на место назначения, Райленд, все еще не пришедший в себя после пережитого потрясения, выбрался наружу и, моргая, увидел массивную бетонную арку над стальными воротами.

Буквы на бетоне гласили:

«ВОСКРЕСНЕШЬ В ЛИЦЕ ПЛАНА!»

Стены станции были отвратительного серого цвета. Раструбы вентиляторов обдавали холодным и влажным Дыханием. Навстречу вышел охранник в белой форме. На груди у него было вышито красное сердце. Майор, конвоировавший партию — двадцать два свеженьких живых трупа для орган-банка, — с радостью передал их под ответственность охранника и вернулся в вагон, даже не оглянувшись. Он не любил конвоировать. Это напоминало ему о том, что смерти избежать нельзя, что он, как и любой другой

конвоируемый, в любой момент может оказаться на «Небесах»!

— Пошли! — рявкнул охранник, и двадцать два ходячих комплекта запчастей вяло последовали за ним в стальные ворота.

Узкий коридор, потом длинная прямоугольная комната с деревянными скамьями. Райленд сел и принялся ждать. Одного за другим их вызывали в соседнюю комнату. Когда подошла его очередь, он вошел в дверь, и девушка в белом схватила его руку, сунула в поток ультрафиолета. У нее были ярко-рыжие волосы, почти такие же яркие, как вышитое сердце на груди. В потоке невидимых лучей татуировка на его руке призрачно засветилась. Девушка прочитала его имя и номер.

— Стивен Райленд, — скороговоркой продолжала она. — Пройдя через эти ворота, ты расстанешься с жизнью. Как индивид, ты не оправдал своего места в системе Плана…

Она зевнула, покачала головой:

— Прошу прощения, на чем я остановилась? Да! Но ткани твоего тела еще долго будут служить Плану. Прежде чем уйти, хочешь ли ты что-нибудь сказать?

Райленд подумал. Что тут можно сказать? Он отрицательно покачал головой.

— Тогда вперед. Вот в эту дверь, — сказала девушка.

Дверь захлопнулась за ним с металлическим лязгом, и только теперь он до конца осознал, что это конец.

Сначала были тесты.

Райленда раздели, вымыли, взвесили, обмерили, просветили рентгеновскими лучами, взяли анализы крови, тканей, прощупали и простучали — только что не обнюхали и не попробовали на вкус.

Кусочек его плоти был быстро перенесен на лабораторный стол, где целая бригада девушек пропустила его через серию операций. В результате была составлена генетическая карта его хромосом. Карту закодировали двоичными символами, которые потом оттиснули на его воротнике.

Это было интересно. Пересадка органов тела невозможна, даже если применять вещества, подавляющие сопротивление организма, в том случае, когда донор и получатель слишком разнятся по своим генетическим структурам. Начинают формироваться антитела. Пересаженная ткань подвергается атаке агрессивных антител и умирает. Вслед за ней, как правило, отдает концы

и пациент. Чем сложнее пересаживаемый орган, тем ближе должно быть сходство генных карт. Проблема была старой.

Роговую оболочку легко пересадить из одного глаза в другой, ткани ее грубы и примитивны, в основном, это вода. Миллионы людей передают свою кровь друг другу — это ткань не многим более сложная, чем роговица.

Но более сложные органы могут быть пересажены без применения подавителей антител лишь у близнецов. Хорошо, что Райленда заинтересовал этот вопрос. Это помогло ему избавиться от мыслей о предстоящей смерти. К счастью, он не чувствовал себя в том же положении, что и пространственник в лапах Готтлинга. Ему не надо было мучиться в догадках, что ждет его впереди — его ждала анестезированная и смягченная Смерть от Тысячи Ран.

Потом вдруг его оставили в покое. Без предупреждения. Он ждал, что попадет в тюремную камеру. Но вместо этого оказался в парке отдыха для миллионеров.

Под ногами был сплошной травяной ковер, он щурился от блеска теплого карибского солнца, которое уже клонилось к закату. Он стоял в обширном парке среди деревьев и уютного вида

домиков. Он сделал шаг, потом что-то вспомнил и вернулся к охраннику.

— И что я должен делать? К кому мне обратиться, чтобы зарегистрироваться?

— Ни к кому, — тихо ответил охранник, закрывая дверь. — Больше регистрироваться тебе не придется.

Райленд пошел к воде, сверкавшей в конце широкой Зеленой аллеи. Это направление было не хуже любого другого. Еще никогда в своей жизни он не оказывался в таком положении — без приказов и регистрации. Это успокоило его не меньше, чем перспектива разобранным на запасные части. Новое чувство так поглотило его, что он едва услышал, как его зовут:

— Эй, эй, новенький! Вернись!

Райленд повернулся.

Судя по голосу, звавшему было лет пятьдесят. Самый, так сказать, расцвет. Райленд вообразил себе крепкого, загорелого мужчину, с густой шевелюрой, едва нуждающегося в очках. Фактически впереди у него было еще около сорока приятных лет жизни.

Однако к Райленду, спотыкаясь и хромая, ковылял человек совсем иной внешности, чем та, которую вообразил Райленд. Человек этот был со-

вершенно лыс. (Через мгновение, когда блеснул солнечный луч, Райленд понял, что это не кожа, а пластиковое покрытие.) Ходил он с Помощью высокой, почти до плеча, трости, и держали его в вертикальном положении не ноги из плоти и кости, а протезы. Один глаз заменяла заплата, другой косил — новый кусок пластмассы прикрывал то место, где раньше было ухо.

— Слушайте! Вы только что прибыли? — Голос его был чистым и глубоким.

— Да, только что, — ответил Райленд, с некоторым трудом сохраняя нормальную интонацию. — Меня зовут Стивен Райленд.

— Вы в бридж играете?

Райленд на секунду потерял контроль за выражением лица, но тут же опять овладел собой.

— Боюсь, что нет.

— Проклятье. — Когда мужчина хмурился, было заметно, что у него нет и бровей. — А в шахматы?

— Да, немного.

— Громче говорите. — Мужчина повернулся в сторону Райленда единственным ухом.

— Я сказал «да»!

— Ага, это уже кое-что, — обрадовался мужчина, впрочем, сохранив недовольный вид. — Гм,

может, вы научились бы и в бридж? У нас хорошая компания. Без грубостей, чужого не берут и без «обрубков». Я староста в нашем домике, — с гордостью заявил он. — Посмотрите на меня, много еще чего осталось, верно? А я ведь здесь дольше всех.

— Вы хотите сказать, что я могу выбирать, в каком домике поселиться? — медленно спросил Райленд. — Я пока не знаю здешних правил.

— А никаких правил нет. Впрочем, — вздохнул мужчина, — запрещено драться с повреждением органов. Никаких опасных игр — иначе утилизируют целиком, понимаете? Ведь все ваше тело вам уже не принадлежит. Это собственность Плана, и вы должны заботиться о нем. — Он сделал шаг вперед, налегая на трость-костыль. — Ну, так как? По-моему, вид у вас самый подходящий. Послушайте совета, пойдемте со мной. Не слушайте тех, из других домов. Будут хвастаться настольным теннисом! А какой от него прок, если завтра вы не сможете играть в настольный теннис? — Он усмехнулся, обнажив ряд небрежно вставленных искусственных зубов.

Райленд отправился вместе с этим одноглазым, которого звали, как выяснилось, Уайтхарт. Из него вышел бы хороший продавец, к тому же со-

вет его оказался полезным. Райленд уже заметил, что некоторые домики имели нид запущенный, неприглядный, обитатели слонялись вокруг с угрюмым видом. В домике Уайтхарта было, по крайней мере, веселее.

Удивительно, но «Небеса» показались Райленду приятным местом. Еду давали отличную. Продукты только натуральные, никаких эрзацев! (Тело должно быть в хорошем состоянии.) Масса свободного времени. (Пациент всегда должен быть в хорошей форме для операции.) Здесь была даже… свобода. Так, по крайней мере, выразился Уайтхарт. Потом, правда, смутился и не захотел объясняться. Но Райленд понял. «Небеса» оставались тюрьмой, но стены были вне поля зрения. Не было страха за совершение фатальной ошибки — более страшного, чем органбанк, уже не существовало.

Обстановка была превосходная. Домики, разбросанные по густому ковру травы. На зеленых холмах шевелились ветви пальм. Вокруг озера разрослись дубы и кедры, а в озере водилась настоящая рыба. Тропическое небо было вечно голубым, в вышине его оживляли кучки облаков.

Обитатели коттеджа, в котором поселился Райленд и где старостой был Уайтхарт, почему-то

называли себя «Президентами Дикси». Никто уже не помнил, какой обреченный на утилизацию выбрал такое название, но давать название домикам стало традицией. «Президенты Дикси», согласно договору, был чисто мужским коттеджем. Но обитатели могли и выбирать — на «Небесах» не придерживались монашеских правил, существовали смешанные коттеджи, оттуда по вечерам слышались жуткие вопли и смех. Это тоже было правом обитателей.

Прислушиваясь вечером к разговорам жильцов коттеджа, Райленд обнаружил несколько вещей, сильно его удививших. Коттедж напротив занимала целая семья. Странно! Семья по фамилии Минтон — какое групповое преступление могла совершить целая семья Минтонов? Что-то здесь было не так.

Райленд хорошо знал принцип, лежавший в основе орган-банка. Ему подробно объяснили этот принцип во время транспортировки в субпоезде — как будто в системе Плана мог быть хоть один человек, не знавший этих принципов с детства. Каждый индивидуум в системе Плана обязан Вносить свою лепту в общее дело на благо всего человечества. Если неумение или нежелание не дают ему выполнить заданную работу, тогда

свою долю он должен внести иным способом. Его конечности, внутренние органы и кожа шли на лечение более ценных граждан Плана. Ими заменяли пострадавшие в авариях органы, или части тела, разрушенные болезнью.

Конечно, процесс был намного привлекательнее для реципиента, чем для донора. Но была в нем и своего рода суровая справедливость, и, как подумал Райленд, утешение, помогающее перенести наказание. Благо всего мира было важнее, чем его собственное мелкое благополучие!

И все же…

Одна мысль его весьма беспокоила. Он слышал и знал о многих людях, утилизованных в орган-банке.

Но что-то не мог припомнить, встречал ли он хотя бы раз человека, который получил новые органы.

Теперь, наконец, когда поздно было над этим размышлять, Райленд мог вернуться к загадке трех пропавших дней. Его мучило опасение, что он когда-то действительно обладал секретом, способным преобразить весь План Человека — если бы только он мог вспомнить!

В тот вечер, посмотрев немного, как играют в карты, он прилег на койку и попытался вспом-

нить, что же тогда произошло. Неужели в дверь его стучали дважды? Первый раз в пятницу, а потом в понедельник? Если в самом деле приходил Хоррок, какое сообщение мог он принести? И даже если бы нереактивную тягу можно было изобрести, какую могла она представлять опасность для Плана? Кто еще, кроме Дондерево, сумел освободиться от власти Машины?

Ответов он найти не мог. Туман в памяти становился только гуще. Даже пухлое, с каким-то извиняющимся выражением лицо доктора Трейла успело немного затуманиться. И Райленд больше не вздрагивал, припоминая, как холодные электроды пристегивались к телу. Он заснул и увидел во сне, что он изобрел нереактивный двигатель.

Это было обыкновенное помело. Сидя верхом на помеле, он летел сквозь джунгли мишурных пятиконечных звезд, по пятам следовал генерал Флимер на пространственнике. Флимер пришпоривал и терзал животное, и оно жутко вскрикивало.

— Подъем! Подъем! Всем вставать!

Райленд моментально проснулся. В конце ему снилось, что он в орган-банке, в мягкой постели, и вдруг оказалось, что это и в самом деле так. Он

сел, протирая глаза, глядя на кровать напротив. Она больше напоминала склад протезов, чем кровать нормального человека. На колесном кресле с автономным питанием и мотором были смонтированы около десяти фунтов стальных, медных, резиновых и пластиковых заменителей. Большая часть тела товарища по комнате находилась сейчас не в постели, а в этом кресле.

Комнату с Райлендом делил некогда полный человек с розовым лицом — это было видно по тем местам, которые еще уцелели, — и с неприятным характером. Звали его Аладен.

— Давай, Райленд, — проскрипел он тонким шепотом недавно оглохшего человека. — Ты знаешь порядок. Помоги мне.

— Хорошо.

Времени для утренней поверки и завтрака было достаточно — иначе старожилы коттеджей не успели бы прицепить свои многочисленные искусственные руки, ноги и прочие органы. Как новичок, не успевший лишиться ни одного органа, Райленд имел кое-какие обязанности. Младшие жители орган-банка заботились о старших. Старшими здесь считались не по возрасту, а по времени нахождения на «Небесах». Система была справедливой, и, как объяснили Райленду,

она сохранялась благодаря заботе о собственном будущем.

— Увидишь потом сам, — мрачно предрек Уайтхарт. — Вот отрежут от тебя пару кусочков…

С утра разговоры были куда менее дружелюбными и мирными, чем вечером. Странно, подумал Райленд, прислушиваясь. Наверное, обычная раздражительность, свойственная всем людям после пробуждения. Тем не менее, даже несчастные человеческие обрубки, — «корзинки», как их здесь называли, — громко рассуждали в соседней комнате о планах, тщательно выверяя расписание патрульного облета территории геликоптерами охраны. Алден минут двадцать рассуждал о том, что можно было бы уплыть за линию прибрежных рифов, где мог бы ждать верный друг на резиновой лодке — если бы такой друг имелся. Слышать это было и смешно, и грустно. От Алдена оставалось так мало, что собственно нечему было убегать. Но еще вчера вечером в его тоне сквозило полное смирение. «Ты поймешь, сынок, — говорил он Райленду. — Мы все здесь оказались не зря. Мы этого заслужили». Да, как-то одно не сочеталось с другим.

Ночью Райленду что-то мешало спать, упираясь в ребра.

Едва Алден выехал из комнаты в своем мотокресле, Райленд поднял матрас. Под матрасом обнаружилась плоская алюминиевая коробка. Он снял крышку и вытряхнул наружу содержимое: куски сахара, листки с планами местности и жалкие подделки путевых приказов Машины. И тетрадь.

Это был, очевидно, дневник предыдущего обитателя комнаты, который обозначил только инициалами: Д. У. Х. Дневник охватывал почти три года. Первая запись содержала трезвую, суровую оценку положения.

«16 июня. Сегодня утром нас привезли на „Небеса“. Выбраться отсюда я не смогу, но если бы и мог, бежать некуда. Правда, если оставить надежду когда-нибудь выбраться отсюда, это будет равносильно смерти. Поэтому попытаюсь бежать. Долго здесь маяться не намерен».

Последняя запись, сделанная явно плохо работающей рукой, была менее трезвой и менее решительной:

«Май, кажется, 9-е число. Одна мин. прд. поверкой. Каж. я нашел! Нкто нкгда не след. за „свалкой“ остатков трупов. Я знал других, кто выглядел получше меня — и у-у-уп! — вниз по трубе и прямо на баржу. Поэтому, сгдня ночью.

Глвное — еще одна поверка. У меня осталось много всго. Наружи. рли не игр. Если т-ко… Звон. Остальн. потом».

Все остальные листы в дневнике были чистыми. Завтракали перед началом утренней поверки. Райленд, сунув дневник под матрас, задумчиво направился завтракать.

Уайтхарт не обманул его относительно еды! Нормированного рациона здесь не было вообще. Вволю сахара. Кофе. Настоящие густые сливки. Ветчина под красным соусом, овсянка с густыми сливками, фрукты, горячие бисквиты.

Райленд ел, пока не набил живот до отказа. Теперь он чувствовал себя гораздо лучше. Мир казался более сносным, соседи перестали ворчать и строить планы побега, послышался смех, кто-то переговаривался за другим концом стола.

Рядом с Райлендом сидел Уайтхарт, и Райленд заговорил с ним о бывшем обитателе комнаты.

— А, старина Дэнни, — вспомнил одноглазый. — Пробыл здесь целую вечность. Видно, какой-то очень редкий и нужный тип организма — с него столько всего посрезали. Под конец он держался на механическом сердце и фильтрующей искусственной почке. Забавный был парень — набирал неплохо, но когда играл…

— Что с ним случилось?

Уайтхарт нахмурился.

— Взяли сразу два легких. Жаль, да. Но он до самого конца был с обеими руками — от плеча и до кончиков пальцев.

Звонок позвал их на утреннюю поверку.

Поверки проводились три раза в день. Каждый обязан был присутствовать. Иначе — немедленная полная утилизация. Вдоль нестройных рядов сновали охранники в сером с красными сердцами на груди, сверяя татуировки с номерами в списках.

— Гатник, Феаведер, Биррин, Морчанд, — пропел охранник, отвечавший за домик «Президентов Дикси». — Для вас сегодня ничего нет, парни. Можете идти обратно. Алден, Хенсли… Хенсли? Что такое? Как он сюда попал? Его ведь на той неделе уже разобрали? — Полдюжины голосов подтвердило, что так и было. Охранник вычеркнул имя из списка. — Паршиво работает администратор. Так, а ты кто? — Он поднял руку Райленда. — Ага, Стив Райленд. Добро пожаловать. Для тебя сегодня ничего, пока. Уайтхарт… Так, Уайтхарт, пойдем-ка, сегодня твоя очередь.

Райленд ушел оттуда как можно скорей. Все смеялись, чувствовали себя свободно, но при

виде Уайтхарта, которого уводили, Райленд почувствовал, как легкое тепло, распространившееся по телу после завтрака, куда-то исчезло. В любой момент его имя могло оказаться в списке. И если он мог что-то сделать, чтобы помочь себе, делать нужно было немедленно. Он снова извлек тетрадку дневника из-под матраса, выскользнул через черный ход и отыскал солнечное укромное местечко на вершине холма. Он присел, облокотился о каменную ограду и начал читать дневник покойного Д. У. Х.

Там ничего не говорилось о прошлом этого человека. Но кем бы он ни был, это был умный и образованный человек, имевший понятие о методе. Он начал с систематического изучения места, в которое попал. Из записей за первые месяцы Райленд извлек кое-какие полезные цифры.

На «Небесах» в тот момент обитали 327 человек, включая двенадцать детей в возрасте до восемнадцати лет (и что ни могли совершить, чтобы попасть сюда?). «Небеса» не были единственными в своем роде. Имелось еще несколько аналогичных заведений. Дважды отправлялись партии людей в неизвестные места за пределами банка — наверное, пополнять запасы материала в других банках. Внутри стен банка между поверка-

ми охраны не было. Обычно на поверку выходило до двенадцати охранников, а однажды Д. У. Х. насчитал пятнадцать человек еще и наружной охраны. Территория «Небес» занимала сто акров, в дневнике была карта, много раз переделанная и исправленная. Запись на карте говорила, что по стенам наверху был пропущен электрический ток и перебраться через них невозможно, а в глубину они уходят самое меньшее на пятьдесят ярдов. Видимо, кто-то попытался совершить подкоп такой глубины!

С моря территория не огораживалась, но в воде была установлена стальная сетка, а за ней — еще и опасность акул. Стену нарушало только здание, через которое Райленд попал сюда, и сопутствующие ему строения: клиника, дом администрации, силовая станция. И санитарное отделение. Именно там находилась «свалка», которая привлекла внимание Д. У. Х. Она находилась недалеко от берега, и трубопровод вел на баржу, которую буксировали в море и освобождали от останков обитателей «Небес» вместе со всеми остальными отходами этого небольшого сообщества в несколько сотен жителей.

Райленд задумчиво размышлял над картой. Обещающе выглядела только «свалка», и однако

писавший дневник не подумал о ней сразу, мысль пришла через несколько месяцев, когда, судя по записи, трезвость мышления начала покидать его. И все же, стоило подумать… Возможно, этим путем удастся бежать.

Но куда потом деваться.

Райленд отбросил на время мысль о побеге, начал внимательно читать дневник. От читал до тех пор, пока шум, донесшийся от коттеджей, не подсказал ему, что подошло время полуденной поверки.

Глава десятая

Никого из обитателей «Президентов Дикси» в полдень не вызвали. И лишь когда им позволили разойтись, Райленд осознал, что почти все время стоял не дыша. Гатник, стоявший рядом, подмигнул Райленду.

— Поначалу так всегда. А потом становится все равно.

— Что это? — испуганно спросил Райленд.

Гатник повернулся. Вдоль гравиевой дорожки два охранника торжественно катили кресло на колесиках и тележку с дополнительными аппаратами, которые были подсоединены к владельцу кресла. От ездока осталось очень мало. Голова была замотана бинтами, только на месте рта виднелось отверстие. На дополнительной тележке высилось внушительное сооружение из помп, трубок, цилиндров из нержавеющей стали и электрических проводов.

— А, этот, — Гатник не мог помахать рукой, обе его руки понадобились кому-то в другом месте, но он наклонился всем туловищем и крикнул:

— Привет, Алек! Что на этот раз?

Забинтованная голова чуть кивнула. В осталь-

ном тело осталось неподвижным. Невидимые губы, словно дым, выдохнули слова:

— Ты, Гатник? Я думаю, вторую почку отняли.

— У тебя еще много всего осталось, — жизнерадостно сказал Гатник, и они пошли на ленч. Райленда не оставляла картина встречи с живой «корзинкой».

— Я не знал, что они нас поддерживают в живых, даже когда почти ничего не остается.

— Я так не думаю, что Алек — случай особый. Он старше всех на «Небесах». Он здесь уже, — в голосе Гатника слышалось неподдельное уважение, — почти шесть лет.

Особого аппетита у Райленда не было, к тому же ему пришлось заняться питанием Гатника. Но потом он как-то приободрился. Поразительно все-таки, думал Райленд, прохаживаясь после ленча по дорожкам «Небес», как еда улучшает настроение. На хорошей диете и чувствуешь себя хорошо. Это доказывает… да нет же, это доказывает, что обреченное существо, такое, как Райленд, способно утопить свои страхи в физических удовольствиях. Он решил сейчас же вернуться в дом, взять дневник…

Его кто-то позвал.

Он повернулся и увидел, что к нему мчится

Чудо-Опорто.

— Ух ты! Это ты, Райленд?

Оба остановились. Райленд поймал себя на том, что они осматривают друг друга, проверяя, все ли части тела у них на месте. Как быстро это стало привычкой!

— Кажется, у тебя все в порядке.

— Я здесь всего пару дней. Попал в партию прямо перед тобой… я видел, как ты входил… Эх, лучше бы он остался в Исландии. Нет, я тебя не виню, — мрачно закончил Опорто.

— Извини.

— Ничего. Ну, как ты теперь живешь?.

Райленд рассказал о «Президентах Дикси».

— Ха! Эти старые развалины? Слушай, переходи в нашу компанию! У нас как раз два свободных места, среди наших ребят есть отличные парни. Знаешь, как бывает? Потеряешь то да это, остается голова. Приходится искать занятие для мозгов. Один парень, мой сосед, нашел «Лилавату» — сборник древних индийских задач. В основном, диофантные уравнения, если подойти к сути, но…

— Меня сейчас другая проблема интересует, — мягко прервал его Райленд.

Опорто замолчал, ожидая продолжения.

— Я хочу отсюда выбраться.

— Ну, Стив, не сходи с ума! У такого парня, как ты, впереди целые годы. Неужели ты хочешь…

— Да, хочу, — сказал Райленд. — Хочу отсюда выбраться. И это не только вопрос жизни, хотя и она меня очень волнует.

— А что еще? А-а, можешь не говорить. Девушка.

— Нет, не девушка. Не совсем. Хотя это меня тоже волнует. Я должен спасти пространственника от полковника Готтлинга.

— Ну, Стив, — мрачно сказал Опорто. — Эти разговоры ни к чему. Во всяком случае… — Он замолчал.

Райленд хорошо знал коротышку, а потому молча ожидал продолжения разговора.

— Во всяком случае что? — подсказал он.

— Во всяком случае, — нерешительно продолжил коротышка, — я не понимаю, зачем тебе эта девушка. Я думал, тебе важней другая, ну, помнишь, 837552… я забыл, как ее звали.

Для Райленда это было равносильно удару между глаз. Номер… он не обладал феноменальной памятью Опорто, но это явно был тот самый.

— Анжела Цвик, — прошептал он, вспоминая русые волосы, голубые глаза и губы, вкус которых

опять почувствовал на своих губах, стоило лишь произнести ее имя…

— Именно Анжела. Ага, ты ее не забыл! — Опорто наслаждался произведенным эффектом. — Почему бы тебе не пойти к ней в гости? Она тоже здесь — вот в том коттедже, возле озера.

— Она здесь? Но она работала для Полиции Плана… — Райленд был потрясен. Неужели План начал утилизировать собственных тайных агентов?

— Да, — рассудительно сказал Опорто. — Я же сказал, что она здесь. Во всяком случае, большая ее часть. Ты сам увидишь.

Сначала он испытывал потрясение и смущение. Неловко переступая онемевшими ногами, Райленд подошел к креслу, в котором сидела девушка. Он хрипло, нарочито грубовато произнес ее имя. Потом встретил ее взгляд и больше уже ничего говорил. Анжела? Неужели в кресле та, которую он когда-то знал? У нее не было рук и, судя по складкам халата, ног тоже не было. Только лицо оставаясь нетронутым — зелено-голубые глаза, золотистые волосы, и тот же голос — сильный, грудной.

— Стив! Как я рада тебя видеть! — Она не смутилась ни на секунду, только приятно уди-

вилась. — Не смотри так, — засмеялась она. — Я знаю, что ты чувствуешь. Ты только что прибыл, а я здесь провела уже двадцать один месяц.

Чувствуя себя все еще не в своей тарелке, Райленд присел на траву рядом с креслом. Коттедж Анжелы стоял посреди небольшой рощицы, вокруг пестрели аккуратно ухоженные клумбы. Цветы! Райленд не мог вспомнить, чтобы вокруг дома он где-нибудь видел цветы. Только в парках. Но это тоже был своего рода парк.

— Я иногда думала, увижу ли тебя еще когда-нибудь, — тихо сказала Анжела. — После всего, что случилось. — Она вскинула подбородок — зажужжал маленький мотор. Очевидно, в бархатном подголовнике был спрятан выключатель, чтобы она могла управлять креслом. Развернувшись лицом к Райленду, она сказала:

— Ты не винишь меня, правда?

— Ты всего лишь исполняла свою работу, — пробормотал Райленд.

— Это мудрая мысль, Стив. Ах, Стив! Я рада снова тебя видеть.

Анжела подняла свой красивый подбородок.

— Нам о многом нужно поговорить. Отвези меня к озеру, — попросила она.

Почти три года Райленд готовился к возмож-

ной встрече с Анжелой. Но теперь он забыл все, что хотел ей сказать. Все, о чем думал по ночам на лагерной койке или высказывал валунам, окружавшим изоляционный лагерь. Оказавшись с девушкой лицом к лицу, он болтал о пустяках. Они смеялись. И ему было приятно. Приятно! Но это же она надела железное кольцо на его шею!

— Когда работаешь для Плана, всегда чувствуешь себя правым, — заметила она, будто прочитав мысли Райленда.

Они остановились на берегу озера.

— Я теперь даже не обращаю внимания на воротник, — пробормотал он, подавляя зевок.

— Конечно, Стив.

Он почесал лопатку о ствол пальмы.

— Никогда не думал, что смогу. Я разговаривал с одним человеком в лагере. Он сказал, что я привыкну, а я…

Он замолчал, нахмурился.

— Что ты ему ответил, Стив?

— Я ответил, — медленно произнес Райленд, — что никогда не перестану ненавидеть воротник, только если умру или наглотаюсь наркотиков.

Она улыбнулась детской безмятежной улыбкой.

Вернувшись в коттедж «Президентов Дикси»,

Райленд перелистал дневник бывшего владельца койки. Там была одна запись, которую он вдруг захотел перечитать. Он отыскал ее.

«Это коварное место. Атмосфера такая спокойная — Бог знает почему! — так и тянет расслабиться. Пусть все идет, как идет. Каллен вернулся из клиники. Хихикает. Сестра рассказала ему анекдот. И это при том, что ему вырезали оба глаза!»

Два дня спустя:

«Вчера потерял вторую ногу. Больно, но помогают уколы. Странно, почему я так равнодушно к этому отношусь? Вспоминаю Каллена».

Нахмурившись, Райленд закрыл тетрадь и отправился на вечернюю поверку. Остальные «Президенты Дикси» были уже там и приветствовали Райленда с холодком. Он понимал, в чем дело. Он не уделял внимания общественной жизни коттеджа. Но он не обращал внимания даже на охранников с алыми сердцами на белых куртках, которые пошли вдоль шеренг, монотонно читая списки.

Голова его была занята чем-то более важным.

Райленд был вполне уверен, что сознание его так же ясно, как и прежде, и тем не менее он перестал обращать внимание на воротник. Это

первое положение силлогизма. Второе вытекало из записи в дневнике. Каково заключение?

— Пойдем, я сказал!

Раздраженный тон охранника привел Райленда в чувство. Было названо его имя.

— Я? Вы меня вызывали?

— Именно тебя! Сегодня твоя очередь. Пошли в банк тканей!

Глава одиннадцатая

Группа вызванных на утилизацию ждала у лифта.

Человек, стоявший рядом с Райлендом, что-то лихорадочно и неслышно шептал, глаза его прикипели к дверям лифта, словно это были врата преисподней. Он заметил взгляд Райленда и криво усмехнулся.

— Первый раз? Я тоже. Я думаю, на первый раз много не возьмут, правда?

— Давай-давай, — охранник начал подталкивать их к раскрывшимся дверям. — Давай, проходи!

Лифт стремительно полетел вниз и высадил всех в подземном зале. На стенах помаргивали светильники, гудел воздух в вентиляционных трубах. Охранники приказали сесть. Здесь стояла дюжина деревянных длинных скамей. Но «зал ожидания» был достаточно просторным, хотя почти два десятка живых трупов слонялось туда-сюда. Райленд принялся рассматривать их. У некоторых все части тела были на месте. У некоторых не хватало ноги, пальца, уха. А несколько человек были так запротезированы, так мало

оставалось в них плоти и крови, что приходилось удивляться, как хирурги умудряются еще что-то у них брать.

Нервного вида мужчина подсел к Райленду и зашептал на ухо:

— Понимаете, на первый раз они много не возьмут, я так понимаю. Зачем? Например, ваша ткань плохо приживается. Тогда сначала нужно сделать пару опытов и посмотреть, как идет дело, а потом уже делать операцию. Друг, я в этом положительно уверен…

Он замолчал, потому что дверь открылась. Глаза у него были, как у тонущего котенка. Но вошла всего лишь медсестра, она не обратила на них внимания. Райленд поспешил отвлечься от собственных забот, чтобы успокоить человека.

— Совершенно верно, — сказал он. — Так оно и должно быть.

Хотя в действительности дело обстояло совсем не так. План уже знал все, что нужно было знать об их организмах. Но нервный мужчина ухватился за это предположение, как утопающий за соломинку.

— Да, сейчас нам нечего опасаться, — пробормотал он. — Наверное, какой-нибудь неуклюжий болван отрезал себе пару пальцев. Ну, возьмут

они пару пальцев… — Он удивленно посмотрел на ладонь. — Два пальца. Ну и что? Можно обойтись и без них. А может, понадобится нога? Но в первый раз они ничего серьезного не берут, потому что…

Дверь отворилась.

Вошел молодой стройный охранник. Он явно скучал, и во взгляде, который он бросил на ожидающих, ничего человеческого не было.

— Экротч? — вызвал он, заглянув в список. Мужчина рядом с Райлендом вскочил.

— Пошли!

Нервный мужчина судорожно глотнул, в отчаянии посмотрел на Райленда и вышел. Дверь беззвучно затворилась за ним, будто навсегда.

Райленд сидел и ждал.

Одного за другим «живых трупов» вызывали в операционные, чтобы План мог получить то, что ему полагалось по плану. Райленд смотрел, как они уходят — легче было думать о других, чем о том, что ждет его самого. Здесь был ветеран с ярко-голубыми глазами, сипевший трубками дыхательного аппарата, заменившего его собственные легкие. Молодая девушка со странно плоской правой стороной тела. Другие мужчины и женщины, разных возрастов и разных

телосложений. Райленда вызвали почти самым последним.

Его поманила сестра. Он встал, ощущая внутри необычную пустоту. Где-то на окраинах нервной системы возникло странное, щекочущее ощущение, будто рождалась боль, еще не нашедшая себе определенного места в теле.

Что с ним сделают? Нога, рука, какие-то внутренние органы?

— Пойдем-ка, — раздраженно сказала медсестра. Это была симпатичная рыжеволосая девушка. Он даже заметил кольцо на ее пальце. Она обручена. Где-то есть планопослушный парень, он смотрит на нее с любовью и теплотой. А здесь она становится воплощением чего-то, что очень скоро намерено лишить Стивена Райленда части собственного тела.

Он обреченно шагал вслед за медсестрой. В ушах грохотал пульс. Краски казались очень яркими, в воздухе висел резкий запах антисептиков. Он чувствовал тесноту, давила поношенная красная форма. — Голубой стерильный свет ламп стал нестерпимо ярким.

Он был в маленькой операционной. Основное пространство занимал сверкающий хромированный хирургический стол в центре.

Райленд провел языком по пересохшим губам.

Медсестра вдруг захихикала.

— Боже! Такие нервные все! Ты разве не знаешь, зачем здесь?

Райленд с трудом кивнул. Он знал. Но почему не видно блестящих хирургических инструментов?

— Не думаю, — преувеличенно весело сказала девушка. — Сегодня у тебя возьмут только кровь, друг. Только пол-литра красной крови. Конечно, в другой раз может быть по-другому.

Райленд лег на спину на стол, его накрыли стерильной простыней, пристегнули руку ремнем. Он лежал, глядя, как течет кровь в стеклянный сосуд. Кровь была винно-красного цвета, и текла очень медленно, пока не заполнила половину сосуда.

Боли он не чувствовал. Конечно, и приятных ощущений тоже не было. Что-то противно пульсировало в руке, как предупреждение о настоящей боли. Трубка время от времени мерзко сопела, как сифон, всасывающий воздух. Затем сестра ушла, оставила его одного. Поразительно, как все вокруг замерло… И как поразительно четко начало вдруг работать мышление Райленда!

Он был спокоен.

Более того, понимал, что спокоен.

Он вдруг осознал, что до сих пор невозможным, глупейшим образом был спокоен — с самого прибытия в орган-банк! Так же, как и все остальные! Вот чем объяснялась жизнерадостность ветеранов ампутации в комнатах «Президентов Дикси». Успокоение! Это казалось ему неестественным. Значит, их кормили наркотиками.

Райленд лежал, глядя на капли крови, стекавшие в сосуд, и удивлялся, почему же он до сих пор всего этого не замечал, хотя и подошел к разгадке вплотную. Наркотики!

План Человека понимал, что инстинкт самосохранения приговоренных может помешать ему творить свои злодеяния. Могла ли Машина рисковать? Она должна быть уверена, что в любом случае угроза расчленения направленных в орган-банк не вызовет взрыва.

Поэтому Машина предприняла меры. Самое простое решение — накачать «живые трупы» транквилизаторами. И как этого еще никто не заметил?

Вошла сестра. Постучала по стенке сосуда, отсоединила трубки, проворно вытащила иглу из вены. Она что-то напевала про себя. Ватку, смоченную спиртом, прижала к красной точке на сгибе.

— Согните руку и держите ватку!

Райленд подчинился, едва слыша слова. Транквилизаторы — отдавалось в голове эхом. Это все объясняет. Вот почему тщательно разработанный план Д. У. Х. ни к чему не привел. Пока план созрел, исчезло побуждение, способное реализовать его в жизнь. Райленд чувствовал, что зря теряет драгоценное время. Его лишь удивляло, как удалось ему найти отгадку?

Сестра распрямила руку, выбросила ватку.

— Прямо туда.

Райленд послушно направился к двери, потом остановился. Он пришел в себя.

Вдоль коридора медбрат вез электроносилки. На носилках, закрыв глаза, лежал тот самый нервный мужчина, с которым Райленд вместе сидел в «зале ожидания». Казалось, он спал. Ему явно что-то удалили. Но что именно? Руки были на месте, ноги проступали сквозь простыню. На лице следов операции не было видно.

— Простите, — обратился Райленд к сестре. — Что сделали с этим парнем?

— А, с этим… — Глаза ее потемнели. — Сложная операция. Вы его знали?

— Да.

— Понимаю. — Помолчав секунду, она быстро

сказала: — Нам нужен был целый позвоночник. Не было смысла утилизировать все остальное.

Спотыкаясь, Райленд вышел в коридор, следуя за трупом нервного мужчины, который навсегда обрел покой. Он посмотрел через плечо на сестру и сказал:

— До свидания.

— До встречи, — ответила она.

Где-то за стенами «Небес» тринадцать миллиардов людей работали, учились, любили, ссорились, исполняли свои обязанности в системе Плана Человека. В Саскачевани инженер повернул рубильник, и половина горы поднялась в воздух, открыв жилу бедной урановой руды, одно из последних нетронутых месторождений. В городе Фиесоле, в Италии, полковник Технокорпуса производил инспекцию нового водохранилища. Уровень воды со времени последнего рапорта поднялся на добрых девятнадцать дюймов. Стоя на плоском днище суденышка, он отметил, что хаотического вида сооружение, которое он видел здесь раньше, уже почти полностью исчезло под водой. Это был дворец Питти, но он о таком, в общем-то, не слыхал. Обвалился туннель субпоезда под Гондурасом, тысяча восемьсот мигрирующих сельскохозяйственных рабочих были мгновенно

поглощены магмой. Планирующий, вернувшись с Луны, подписал приказ, который должен был привести к понижению уровня Средиземного моря на девяносто футов, создавая этим тысячи миль новой земли на новых берегах и гигантскую электростанцию в проливе Гибралтар.

Но на Кубе ничего об этом не знали. Здесь царил покой. Здесь было так уютно. И Стив Райленд думал, как с этим бороться. Он серьезно поссорился со всеми «Президентами Дикси». Главный старожил был шокирован, обижен и подавлен. А в результате он потерпел поражение на 880 очков в вечерней партии бриджа. Райленд был очень доволен. Ссора повышала содержание адреналина в крови. Он отправился наружу искать предмет для новой ссоры.

Рассуждая логически, самым подходящим кандидатом была Анжела. Он нашел ее на старом месте. Она загорала перед своим коттеджем.

— Стив, дорогой, — томно прошептала она. Но Райленд не желал поддаваться ее обаянию.

— Только что сделал первый взнос в органбанк, — грубо сказал он. — Угадай, какой? — Он дал ей время тревожно осмотреть его, потом объяснил: — Ничего особенного, только кровь. Повезло, а?

Тон его был отвратительно грубым.

— Да, Стив. Это большая удача. Но почему мы должны только об этом? Давай снова пойдем к озеру. Сегодня тепло, у фонтана должен быль ветерок…

— И это все, что тебя заботит?

— Стив!

— Еда и уют. Это все, что тебя интересует?

— Стив, ты сегодня в дурном настроении, — раздраженно сказала Анжела. — Если ты не хочешь пойти со мной, я пойду одна.

— А тебе не все равно?

Она раскрыла рот, потом молча закрыла, тряхнула головой. Она вяло рассердилась, хотя это ее мало трогало. Райленд ее раздражал, значит, она уйдет от него.

Задумавшись, он стоял на месте. Даже когда Анжела поспешила уйти — если можно так назвать отъезд безрукой и безногой женщины, он остался стоять неподвижно. Одно дело — знать, что в крови присутствует транквилизатор, другое — с этим бороться. Он мог поддерживать боевой уровень адреналина, ссорясь с жителями орган-банка, но это утомляло. Лучше было перестать принимать наркотики. А для этого надо было отказаться от еды и питья.

Систему он разработал тщательно. Есть все же надо было что-то, и тогда он остановил выбор на сахаре. В тот день, после полуденной проверки, он унес поднос в угол столовой и оставил там, не притронувшись к еде. Набив Карманы кусками сахара, он вышел. Это был необходимый оправданный риск. Под подозрение попадала вся еда, в том числе и сахар. Но вряд ли Машина, при всей ее педантичности станет возиться с нашпиговкой сахара наркотиками.

Конечно, вода была теперь запрещена. А Райленд уже начал мучиться от жажды. Он вспомнил устройство дистиллятора для очистки воды. Это могло привлечь внимание к тому же пить хотелось уже сейчас.

Чтобы не думать о жажде, он отправился повидать Анжелу. Они прогуливались вместе, девушка чувствовала себя удобно в поразительно маневренном кресле. Но Райленд показался ей сегодня крайне мрачным. Они сели у озера, Стив с вожделением уставился на воду. Вода! Такая чистая, притягивающая! Сладкая вода! Но это был источник всей питьевой воды на «Небесах», и скорее всего, его обработали. С Анжелой он разговаривал, в основном, о плавании, о том, как позванивает лед в стакане с водой, как разбега-

ются волны у носа лодки. Наконец Анжела, придя в легкое раздражение, сказала:

— Тогда иди поплавай. Обо мне не беспокойся. — Она улыбнулась. — Я, пожалуй, не буду, по очевидным причинам. А ты плавай. Ведь тебе хочется искупаться, правда?

И это было так. Вначале он отказывался, потом ему в голову пришла одна мысль. Он отправился на поиски обломков древесных стволов. Почему бы и не поплавать? Этот фокус придумали матросы несколько столетий назад, когда их корабли шли на дно от попадания вражеских торпед. Если просто лежать в воде, расслабившись, это поможет утихомирить жажду… Немного, но поможет. Он будет держаться до тех пор, пока его мозг полностью не освободится от наркотиков, и тут он сможет найти какой-нибудь выход.

Он лежал на мелководье, изображая из себя загорающего. Ставкой была вся его жизнь. Он позволял воде подойти к самому подбородку. Позволял ей коснуться губ. Он взял в рот несколько капель, потом наполнил водой весь рот.

Как приятно было бы проглотить воду! Как легко избавиться от жажды! Конечно, один маленький глоток не играет роли, убеждал он себя, перекатывая воду от щеки к щеке, наслаждаясь

этим ощущением…

Закашлявшись, он выплюнул воду и поспешил выйти из озера.

Соблазн едва не победил. Но кое-что он успел понять — жажда имела такую же роль, что и раздражение. Он уже замечал и чувствовал многие вещи, на которые вчера не обращал внимания. Саднила ранка на внутреннем сгибе локтя — сестра неловко вставила иглу. Одежда терла бедро — она отвратительно сидела. И какой радостью казалось все это чувствовать.

Анжела смотрела на него с подозрением.

— Что с тобой? — раздраженно спросила она.

— Ничего.

— Ты так себя ведешь… Я просто не знаю. Словно Машина дала приказ перевести тебя отсюда. Словно с тебя обещали снять воротник.

И это вполне возможно, подумал Райленд. Нужно продержаться еще немного, и у него появится шанс. Он насухо вытерся полотенцем и сказал:

— Почему бы и нет? У Дондерево это получилось.

— Стив, это антиплановые мысли! — официальным юном сказала Анжела. — Я в тебе разочаровываюсь! Никто не сможет бежать способом Дондерево! И даже если бы ты мог, твой

долг перед Планом…

— Погоди, — он перестал вытираться и повернулся к Анжеле. — Что ты сказала? Что ты знаешь о Дондерево?

— Я знаю, как он бежал. В конце концов, бежал он отсюда.

Райленд услышал треск, опустил взгляд и увидел половинки разорванного полотенца. Он бросил их на землю и прошептал:

— Как?

Анжела развернула кресло, чтобы оказаться в тени. Она нахмурилась, как бы обдумывая ситуацию, а затем ответила:

— Думаю, вреда не будет. У тебя все равно ничего не выйдет, даже если бы ты решил повторить побег. На это больше никто не способен.

— Анжела! Как он это сделал?

— Ты бы никогда не догадался, Стив. — Улыбка дразнила Райленда. — Он соблазнил неплановыми мыслями группу врачей в этой клинике. Рассказывал о космосе за пределами Плана, пообещал свободу и богатство в рифах Космоса. Он подкупил их, чтобы снять кольцо… с помощью операции.

— Как?

— Предатели-хирурги подделали бумаги. Одна-

жды утром Дондерево вызвали на операцию. На операционном столе его разобрали полностью, включая позвоночник. Перевезли все это в соседнюю операционную и собрали — но уже без кольца на шее. Ты не радуйся, — предупредила она. — Заговор был раскрыт, участники Попали в утилизацию. К сожалению, Дондерево успел бежать.

— Но каким образом?

— Это самое главное. Понимаешь, хирурги пошли на хитрость, чтобы замести следы. Их отходов утилизации они собрали человека и надели на него воротник Дондерево. Это чучело заняло место Дондерево. А потом преследовать было уже поздно.

Райленд зябко поежился, хотя и сидел на солнце. Способ побега казался очень страшным. Да и возможности применить его у Райленда не было.

— Давай займемся чем-нибудь поинтересней, — предложила Анжела.

— Я хочу узнать еще одно. — Он внимательно посмотрел на нее. — Как ты все это узнала?

Она лениво потянулась, медленно, грациозно, как змея.

— Наверное, я могу тебе сказать, Стив. — Она доверительно ему улыбнулась. — Это не секрет,

что я работала для Полиции Плана. Сюда я попала по делу Дондерево. Его не могли раскрыть до тех пор, пока я не уговорила одного из тех врачей помочь бежать и мне тем же способом.

Она сладко зевнула.

— Если ты сюда попала как агент, то почему…

Он замолчал, ему было ужасно неловко.

— Почему я до сих пор здесь? Не стесняйся задать этот вопрос, Стив. Я до сих пор здесь, потому что к концу дела я уже была вот в таком виде. Разумеется, только ради меня План не мог пойти на возвращение утилизированного материала… и меня переквалифицировали. Не буду скрывать, сначала это меня беспокоило. Но потом я привыкла. И ты привыкнешь, Стив. У тебя нет выбора.

Глава двенадцатая

Но смириться с судьбой он не мог, как бы ни было сильно искушение. Его разбудил ночной дождь. Перебудив соседей, он выбежал из коттеджа, нашел водосточную трубу и долго пил. Это вернуло ему силы. А наутро он увидел результат: вытянутая вперед рука дрожала! Он нервничал!

И еще хотелось есть.

Вода у него теперь была. Он отыскал кувшин и аккуратно наполнил его водой из десятка водостоков. Вода отдавала цинком и смолой, но была свободна от наркотиков…

Но голод…

Он не стал завтракать.

Утром к нему подошел Опорто. Его быстрые глазки ничего не пропускали:

— Нет аппетита, да?

Райленд отодвинул в сторону нетронутый поднос — соблазнительная ветчина и отличный ароматный кофе!

— Да, что-то не хочется.

Потом, в домике «Президентов Дикси», куда за ним увязался коротышка, он указал на кувшин с дождевой водой.

— Что это?

— Вода. Если вдруг захочется пить. — Райленд позволил себе маленький глоток.

Маленькое смуглое лицо Опорто стало задумчивым.

Райленд обнаружил, что сила рока неотвратимо нависла над ним. Страх высушил рот, нарушил пищеварение, и без того расстроенное неправильным питанием. Но он радовался этому. Он наслаждался дрожью ужаса между лопаток. Он смотрел по сторонам на остальных жителей «Небес» и видел толпу зомби, еще живых, но обреченных на медленное умирание наркоманов. Они смеялись, веселились, прогуливались (если было на чем), будучи уже мертвецами. Кроме Райленда. Он был жив, отдавал себе отчет, что его ждет. И очень хотел есть.

Ему удалось сбежать от Опорто перед полуденной проверкой и выкроить время, чтобы прочесть несколько страниц из дневника.

«16 октября. „Свалку“ только осматривают с обзорной галереи в северной клинике. Иногда там никого нет. Не знаю почему».

«5 ноября. Сегодня был в северной клинике, на пятом этаже, где дежурит охранник. Кажется, я понял, почему иногда охранник отсутствует…

Его дважды вызывали помочь перенести пациента, очевидно, это входит в его обязанности. Меня привязали к столу. Лично я не видел, но всякий раз, когда его вызывают, он отсутствует по крайней мере полминуты. Чаще всего вызывают, когда много операций. Следовательно, самое удобное — через три часа после каждой поверки. Утренняя и полуденная отпадают. Во-первых, не удастся отсидеться на „свалке“ более двух часов, во-вторых, „мусор“ выбрасывают только к ночи. Значит, остается ночь. К сожалению, операций в это время делают немного… Сегодня у меня взяли левую ногу, включая бедро».

«3 декабря. Сегодня на утренней поверке вызвали необычно много народу. Ходят слухи, что в Бадже, Калифорния, взорвался завод реакторов и потребуется много запасных частей. Когда же? Сегодня ночью?»

Райленд перевернул страницу с последней записью. Он уже знал, что найдет там.

Д. У. Х. близко подошел к отгадке, но не нашел ее.

Голод начал серьезно мучить Райленда. Организм больше не принимал сахар.

Опорто явно начал что-то подозревать. Он ни на минуту не оставлял Стивена. Сидя спиной к

валуну у озера с пальмами, он наблюдал, как Райленд мрачно швыряет камни в кокосовые орехи. Сбить хотя бы один ему не удалось, но посетив несколько рощиц, он нашел упавшую пальму.

— Ты, видно, очень любишь кокосовое молоко, — хмуро заметил Опорто, глядя на Райленда, жадно пробивающего скорлупу.

— Я его обожаю. — На самом деле орех перезрел, и вкус у молока был отвратительный.

— Хорошо идет с чесноком, а? — Опорто имел в виду какие-то дикие коренья, которые откопал Райленд. Их стрелообразные зеленые листья высовывались из травы, а под землей скрывались маленькие, узловатые, с сильным запахом корешки. Опорто заметил, что Райленд пробует их на вкус.

— Оставь меня одного, пожалуйста, — попросил Райленд. — Я… э-э, не совсем хорошо себя чувствую.

— И неудивительно, — вздохнул Опорто. Немного спустя он куда-то побрел.

Райленд сразу о нем забыл. Он был истощен, чувствовал слабость. Это только самовнушение, уговаривал он себя. Потерпевшие кораблекрушение моряки выдерживали месяцы и годы на той диете, и даже более скромной.

Но они, конечно, не подвергались трижды в день искушению хорошенько поесть.

Стоя на берегу озера, Райленд часто с вожделением смотрел на мелких рыбок. Можно было попытаться поймать рыбешку и зажарить на костре. Но он и так привлек к себе внимание, больше рисковать не стоило. Охранники «Небес» наверняка знают, как поступить с колонистом, раскусившим тайну транквилизаторов. Если они обнаружат такого, свяжут и так накачают бунтаря наркотиками, что не поможет никакая сила воли.

Но долго отказываться от еды тоже было невозможно.

Уже сейчас соседи поглядывали на него с нескрываемым любопытством, не говоря об Анжеле Цвик и Опорто, который открыто подозревал его в мыслях о побеге. Сомнений быть не могло — коротышка обо всем догадался.

На следующее утро Райленд скрылся от остальных обитателей и обошел «Небеса» по периферии. После обхода пришлось согласиться — стены были непроницаемы. Оставалась только «свалка».

Остатки утилизованных обитателей органбанка сначала скапливались в контейнере из нержавеющей стали рядом с северной клиникой.

Сейчас там было пусто — тонна человеческих останков была уже переправлена на баржу, и буксир оттащил баржу в море. Горячее солнце блестело на стальных стенках. Резервуар окружала колючая проволока, которую, в свою очередь, скрывали цветущие кусты бугенвилии. Райленд подумал, что проволока, наверное, под током. А может, и нет…

Наверное, не стоит тянуть с побегом. Чем раньше он это сделает, тем больше шансов сохранить тело в целости. На крыше северной клиники виднелись охранники, там же стояли устройства, похожие на мощные прожекторы. Райленд нахмурился. Если «свалку» будут освещать, его задача усложнится. Хотя прожекторы какие-то странные — с рефлекторами, но без линз, и размерами довольно скромные. Райленд сложил пальцы крестом — на счастье. Может, у аппаратов другое назначение? Оставалось только надеяться на это.

— Стив! Стив Райленд! — послышался громкий знакомый голос. Это был Опорто. Он что-то кричал и сильно размахивал руками.

Райленд навстречу не спешил. Откуда коротышка узнал, что он здесь? И почему он так возбужден? Опорто тяжело сопел и выглядел

сильно напуганным.

— Вот кошмар, Стив! Ты уже слышал?

— О чем?

— Еще один туннель обвалился! На этот раз погибла тысяча восемьсот человек. Знаешь, что я думаю? Это саботаж, вот что я думаю.

Райленд покачал головой. Настороженность его не покидала. Откуда Опорто это знает, когда они полностью отрезаны от мира?

— Саботаж? Но кто?

— Антиплановые элементы, — охотно объяснил Опорто. — Аварии ведь были повсюду! Повреждены пути сообщения! — Он бросил взгляд через плечо, улыбнулся и сказал громко: — Или ты так не думаешь, Стивен Райленд?

Райленд явственно чувствовал, что ему что-то угрожает. Он посмотрел в ту сторону, куда оглядывался Опорто, и увидел, как три охранника мощного телосложения направлялись прямо к ним. Он понял, почему Опорто так громко назвал его имя. Коротышка кивнул, нимало не смущенный.

— Да, Стив, правильно. Иуда Искариот — мое второе имя.

Охранники, кажется, готовились к тому, что Стивен окажет сопротивление. Но Райленд не

стал драться. Он позволил отвести себя в клинику, где в руку ему вонзилась игла. Он смотрел на нее бесстрастно. Укола он почти не чувствовал — транквилизаторы снова были в его крови. Но на этот раз он был к ним готов.

— И чтобы больше таких глупостей не было, — проворчал охранник, выводя Райленда из клиники.

Райленд сразу почувствовал действие наркотиков. Он снова почувствовал безразличие ко всему, но это уже не меняло дела. Опорто теперь он доверять не будет, больше такой ошибки уже не совершит. А тем временем их позвали на завтрак.

Во время ленча у стола «Президентов Дикси» дежурил мрачный охранник. Не обращая на него внимания, Райленд наслаждался жареной свининой с картофелем и выпил три чашки кофе. Все было ужасно вкусным. Почему бы и нет? Ведь транквилизаторы не влияют на образ мыслей, они только заглушают эмоции, которые будят эти самые мысли! Страх и беспокойство уже сыграли для Райленда свою благотворную роль. План побега был готов. Если удастся, он приведет его в исполнение сегодня ночью, в крайнем случае, — следующей ночью. Он рассудил, что теперь, когда

Опорто донес охране о том, что Райленд избегает пищи, оставаться на голодной диете не имело смысла. Транквилизаторы станут вводить прямо в вену. Но это уже не имело значения.

Райленд с нетерпением ждал сумерек. Он понимал, что если не убежит сегодня, завтра может оказаться поздно. В этот день вызывали очень многих. Сосед по комнате попал в список на полуденной поверке и до сих пор не вернулся. Он уже не вернется, говорили опытные обитатели орган-банка, потому что если человек не возвращается к следующей поверке, то не возвращается никогда. Днем назвали пятерых. После ужина — еще семерых. В коттедже оставалось только трое, среди которых был и Райленд. Судьба явно была к нему благосклонна.

После вечерней поверки он решил в последний раз пройтись по дорожкам банка, чтобы уже не возвращаться сюда. И сделал это вовремя.

Едва он успел скрыться в сгущающихся сумерках, как до него донеслись слова охранника в белом, подходившего к коттеджу по ракушечной дорожке. Райленд замер, вслушиваясь.

«Райленд», явственно сказал охранник, и еще что-то, кажется, «клиника».

Один из жителей коттеджа ответил ему.

— А-а, — сказал охранник, не очень заинтересовавшись. — Ладно, когда появится, скажите, чтобы пришел. Она подождет.

Райленд затаился в ночной темноте. Он не знал, чего от него хотят, но был уверен, что время его истекает даже быстрее, чем он предполагал. Но кто же эта «она», которая могла подождать? Анжела?

Едва ли. И все ж, почему бы не повидать ее? Если Анжела уговорила охранника взять на себя миссию мальчика-рассыльного, почему бы не выяснить причину? Если же это не она… все равно, чем дальше он будет от коттеджа «Президентов Дикси», тем лучше для него.

Посылала за ним не Анжела. Она не имела понятия, зачем охранник его искал, и совершенно этим не интересовалась.

Время от времени поглядывая по сторонам, он присел рядом с Анжелой. Темная тропическая ночь была ласковой и теплой. Скорее для того, чтобы увидеть ее реакцию, он рассказал о доносе Опорто и полученной новой дозе транквилизатора.

— Он правильно поступил, Стив. Ты не должен совершать антиплановые поступки!

— Я тебя не понимаю, — печально сказал Рай-

ленд. — Одно дело — работать для Плана. Это понятно, это обязанность. Другое — выдать товарища... — Он замолчал, быстро взглянул на Анжелу, но та лишь засмеялась.

— Ты ошибаешься, Стив. Помнишь, что я делала, когда мы встретились в первый раз?

— Работала с компьютером.

— Правильно! Мы задавали ему задачи. Сложные задачи. Я так любила эту работу, Стивен! И компьютер решал все задачи, одну за другой, раздва, щелк-щелк! Он не ошибался, он был частью Плана, понимаешь? Одной из частиц всеобщего Плана Человека, которым управляла Машина. Знаешь, почему он не ошибался?

— Почему? — спросил он, удивляясь ее спокойствию.

— Потому что мы его постоянно проверяли! — торжествующе воскликнула она. — Там имелся специальный тестирующий контур. После каждой задачи мы посылали проверяющий сигнал — в пять раз превышающий по напряжению обычный — через каждую лампу, каждый транзистор, каждое реле. Если какая-то деталь была ненадежной, она выходила из строя сейчас же, и мы знали, где неисправность, могли ее заменить. И... Стив, я — такой же проверяющий заряд, —

сказала она с серьезным выражением.

Она подалась вперед, оперлась на поручень, не дававший ее безрукому туловищу выпасть из кресла.

— Такие, как ты, нарушают план! — крикнула она. — Таких, как ты, нужно выявлять и заменять. У меня и у Опорто была одна функция в системе Плана — сообщать о ненадежных деталях системы. Ты был плохой деталью, признай это, Стивен — ты мог подвести. И ты действительно подвел! Машина куда лучше будет справляться с Планом без тебя!

Райленд принялся ходить вокруг кресла. Девушка смотрела на него с торжеством и состраданием одновременно. Наконец, он спросил:

— Ты все еще стараешься быть полезной Машине? Даже теперь, когда она отобрала твои руки и ноги?

— Да, стараюсь.

— Тогда ты еще ненормальнее Опорто, — проревел он. — Машина — это чудовище. План Человека — надувательство!

Анжела сохраняла каменное спокойствие.

— План Человека позволяет жить тринадцати миллиардам людей на Земле, — напомнила она.

— Отличный способ — держать в рабстве все

тринадцать миллиардов!

— Ты знаешь другой способ?

Он нахмурился.

— Не знаю. Но возможно… В рифах Космоса…

— Забудь о рифах Космоса, дорогой. И о Роне Дондерево можешь забыть. О, это был настоящий мужчина… и Рифы, может быть, в самом деле существуют, не знаю. Но какая нам разница? — Она шевельнула головой, кресло переехало ближе к Райленду. — Разве это так плохо — быть рабами? Я знаю, у тебя свои идеалы… И я Тебя за это уважаю, честное слово! Но ведь речь идет о жизни и смерти человечества. И разве не справедливо, что для каждого в Плане Человека предусмотрена доля счастья?

Он коротко рассмеялся.

— Это счастье попадает в нас вместе с водой в стакане.

— Только ли? — Она лениво откинулась на спинку кресла, глядя на Стивена огромными искренними глазами. — Ты забыл обо мне, Стивен. Разве ты не хочешь меня?

Вопрос застал его врасплох. Он вспыхнул.

— Я… я не знаю, что…

— Ведь я здесь, Стив, — вкрадчиво и нежно продолжала Анжела. — Если ты хочешь меня,

я рядом. И я беспомощна, я не могу сопротивляться.

Он глотнул.

— Ты… ты можешь закричать. Прибежит охрана… Проклятье!

Он отскочил, отпрыгнул в сторону.

— Я тебе никогда не прощу этого, Анжела! Ты постоянно провоцируешь меня. Но дважды этот фокус не пройдет.

— Не знаю, о чем ты, дорогой. — В голосе ее слышалось искреннее сожаление.

Немного успокоившись, Райленд понял, что она говорит правду, что она принадлежит ему, и если он захочет, она не станет его за это винить.

— Ты в самом деле высоковольтный проверяющий контур, Анжела, — грубо сказал он. — Но ты меня однажды уже пережгла. Второй раз я не позволю тебе это сделать.

Наконец сомнения оставили его. Он понял, что не может больше находиться внутри этих стен. Он переберется на другую сторону, даже если к тому времени у него отберут руки и ноги. Он выберется. Потому что… по ту сторону стены есть кое-что… именуемое свободой. И там есть человек, который знает, как избавиться от кольца.

И еще там была Донна Криири.

Встревоженный мыслью о дочери Планирующего и не желая больше думать об этом, он вдруг повернулся к Анжеле.

— Я… не хотел, — сказал Райленд.

— Не извиняйся, Стив. Из всех людей ты…

Не закончив, она замолчала.

— Что ты хочешь сказать? — спросил Райленд.

— О… ничего. Ничего особенного. Просто…

— Анжела! — Он рассердился. — Ты всегда что-то от меня скрывала. Пожалуйста, перестань, хотя бы здесь. Ну, так что ты хотела мне сказать? Чем я отличаюсь от других?

Красивые безмятежные глаза ясно смотрели на Райленда. Потом она сказала:

— Так ты не знаешь, кто ты такой?

Райленду стало немного не по себе.

— Что ты имеешь в виду?

— Разве ты не замечал, что ты не такой, как все?

Он уже собирался отрицательно покачать головой, как что-то удержало его. Он вспомнил о загадке трех пропавших дней. И вдруг ему показалось, что он уже слышал голос Анжелы, из темноты, из-за конуса света, направленного на кушетку тераписта, к которой он был пристегнут.

— Ты должен был заметить, что отличаешься от других, Стив, — насмешливо продолжала она своим нежным голосом. — И ты никогда не задумывался почему?

На мгновение ему захотелось ударить ее. Железное кольцо стало вдруг тесным, он начал задыхаться, кровь запульсировала в жилах. Внезапно ослабев, он опустился на траву.

— Ты думал, ты человек, как все? — Голос ее был полон презрения. — Я думала, ты догадался, когда я тебе рассказала, как бежал Дондерево. Ты — «подсадная утка».

— Подсадная… что?

Волосы на затылке Райленда зашевелились. Он почувствовал озноб, хотя было очень тепло. Железный воротник стал вдруг тяжелее свинца, холоднее льда.

— Это существо, которое предатели-хирурги собрали из ненужных органов, чтобы скрыть побег Дондерево. «Подсадная утка» для охраны. Так вот, Стив, это ты и есть.

Он сидел неподвижно, едва дыша, и слушал.

— Ты обладаешь привлекательной внешностью, Стив. Это потому, что хирурги старались придать тебе сходство с Дондерево, а он был красивым мужчиной. Если ты ненавидишь План,

то потому, что твои органы и железы внутренней секреции собраны из того, что осталось от нескольких наиболее неблагонадежных граждан, выдающихся, так сказать, врагов Плана. Если ты и сумел что-то изобрести, то только потому, что твои лобные доли взяты у человека, который эту теорию разработал… Остальная часть твоей памяти расплывчата и противоречива — потому что мозг твой собран из разных кусков, принадлежащих разным людям.

— Нет! — хрипло прошептал он. — Это невозможно!

Воротник сжимал ему горло, не давал сказать. Он ослаб только от одной мысли, что все это может быть правдой.

— Если я и был здесь раньше, — в отчаянии сказал он, — я все равно ничего об этом не помню.

— Это еще одно доказательство, — Анжела вяло улыбнулась. — Люди, собравшие тебя, были врагами Плана. Они использовали мозговые ткани, стараясь улучшить уже созданное природой. Когда они собирали мозг, то постарались создать опасный для Плана ментальный механизм.

Потрясенный Райленд только покачал головой.

— Доказательств достаточно, даже если ты

мне не веришь, — сказала она. — Вспомни свои попытки диверсий, туннели, субпоезда, реакторы, ионные ускорители в ракетах, которые ты уничтожил своими «усовершенствованными» катушками…

Райленд дрожал, как в лихорадке.

— Я не помню…

— Это еще одно преимущество твоего мозга, — спокойно сказала она. — Врачи-хирурги оснастили созданный ими мозг контуром самоуничтожения памяти, чтобы предохранить себя от соблазна выдать секреты под пыткой. Неужели ты не замечал пробелов в своем прошлом?

— Да… замечал, — дрожа всем телом, согласился он.

— Вот и все. — Ленивая угроза поблескивала в ее улыбке. — Особое внимание, которое тебе уделяли эти три года, только еще раз доказывает, что действовал ты великолепно. Но теперь все кончено. Твой случай войдет в историю — твои органы будут использованы повторно. Но не задирай нос, Стив. Собственно, ты всего лишь шестьдесят фунтов подкормки для акул, которую украли врачи-хирурги.

Глава тринадцатая

Корм для акул! Если это правда, то там ему и место!

Райленд нырнул в заросли бугенвилей, окружавшие стальной сборник для отходов, и оттуда принялся наблюдать за часовыми на крыше клиники. Уже почти стемнело, и в разрывах между тучами появились звезды.

Райленд ждал, стараясь не думать о провале. Одной тревогой меньше. Нужно выждать еще чуть-чуть. Охранники со скучающим видом смотрели в сторону океана. Ночь была нежной, тропической.

То, что увидел Райленд, выглядело ужасно… В сборнике отходов лежало несколько тонн человеческого мяса — ампутированные конечности, искромсанные туловища и отжившие органы.

У этой мертвой плоти отобрали самую малость — Жизнь. Осталась лишь превосходная органика. И это тоже странно, подумал Райленд. Отходы могли бы стать отличным кормом для животных. Гектары истощенной почвы Могли бы восстановиться с помощью протеина и фосфатов, заключенных в этом мясе.

Но План решил использовать их иначе. Каждую ночь Накопившиеся отходы по трубопроводу переправлялись на баржу. Мясо достанется крабам, рыбам, медузам. Почему бы и нет? Эту рыбу потом съедят люди. Так ведь можно сохранить цепочку.

Райленд с беспокойством заерзал и переключил мысли на другой предмет. Если Анжела сказала правду, то из таких отходов составлено его тело… К тому же нужное время практически подошло.

Со стороны коттеджей доносилось бормотание динамиков общего оповещения. Он не мог разобрать слов, но понял: что-то случилось. Обычно так поздно их никогда не включали. Потом пришли в действие другие громкоговорители, расположенные ближе, и, кажется, назвали его имя.

Райленд беззвучно выругался. Ближайший часовой стоял непоколебимо, как сама Машина, глядя в сторону территории «Небес». Неужели он не может отвлечься даже на секунду: посмотреть на звезды, зевнуть, почесаться, потянуться.

Снова заговорили динамики, расположенные вокруг озера. В тоне говорившего слышалось раздражение, будто его торопило начальство, и он переключил свой гнев на несчастных обита-

телей «Небес».

Потом заговорили динамики, развешенные совсем близко, и Райленд ясно услышал свое имя. «Райленд!» Эхом отозвалось по цепочке громкоговорителей: «Райленд! Райленд… Райленд…»

Он не удивился — он ожидал именно этого. Эхом отдавались слова: «Вам… приказано… явиться… в Южную клинику… Немедленно!» В стороне озера Райленд увидел мелькающие огоньки ручных фонарей.

Он глубоко вздохнул. Придется попробовать, даже если охранник не отвернется…

Он напрягся, замер. Охранник на крыше вдруг повернул голову и кивнул кому-то внутри здания, потом стремительно, так быстро, что Райленд мог и не заметить, если бы его взгляд не был прикован к фигуре охранника, тот исчез внутри коридора верхнего этажа.

Бросившись вперед, Райленд перелетел через загородку. Разодрав одежду, он тут же сбросил ее, спрятал под кучей мертвых тел и сам упал туда же, содрогнувшись от ледяного прикосновения.

Это был настоящий ужас в лучших традициях старинных рассказов о заживо погребенных. Райленд чувствовал-себя солдатом, получившим в бою смертельную рану, который пришел в себя

в общей могиле, среди десятков убитых. Вокруг были одни мертвецы, и сам он был почти верный мертвец.

Райленд поблагодарил бога за то, что тот создал мепробомат, и попытался принять естественную позу, насколько это было возможно. Руки он постарался спрятать под себя — чтобы часовой не удивился, как это на свалке появился целенький труп. Трупный запах вызывал тошноту, ему стало холодно. Райленд выругался про себя. Ему и в голову не приходило, что стенки резервуара-сборника будут охлаждаться.

Ждал он долго.

Он не осмеливался поднять голову, не осмеливался глубоко вздохнуть. По его расчетам, только через несколько часов отходы из сборника будут переправлены на баржу. От этой мысли ему сделалось нехорошо, но он не позволил себе даже вздрогнуть.

Вспыхнул яркий свет.

Райленд замер. Послышались далекие голоса. Настало время смены часовых. Это хорошо, значит, время бежит быстро. Свет — это не страшно, обычный осмотр… Включили еще один прожектор, а затем и еще один.

Теперь металлический резервуар сборника был

залит ослепительным светом. Над головой зашумели винты гелиокоптера, его прожекторы тоже были направлены вниз. Райленд не осмеливался шевельнуться. Но все оказалось напрасным. Вскоре послышалась команда, По металлическим ступеням лестницы в сборник спустились охранники. Их было четверо. Они не искали, а прямо направились к Райленду, наступая на куски тел, отпихивая их в сторону носками ботинок. Они шли прямо к нему.

— Неплохо придумано, — ухмыльнулся один из них. И добавил уже с угрозой: — Только не вздумай попробовать еще раз.

Они подтолкнули его к лесенке, не разрешили найти одежду. Теперь, когда все было кончено, Райленд содрогнулся от ужаса.

— Как… вы меня нашли? — пробормотал он. Охранник взял его за локоть, помог взобраться на крышу Северной клиники. Спокойно и даже добродушно показал на ряд устройств, которые Райленд принял за прожекторы.

Это инфракрасные локаторы. Учуяли тепло твоего тела. Их можно обмануть — только пришлось бы надеть одежду, чтобы скрыть тепловое излучение тела. А одежда тебя сразу бы выдала, — добавил он сочувственно. — Поэтому не

расстраивайся. У тебя не было ни одного шанса.

Охранник открыл дверь, подтолкнул Райленда внутрь, в холл клиники.

— Иди. Там кто-то тебя требует. Кто-то очень важный.

Глава четырнадцатая

Его провели по коридору, втолкнули в какую-то комнату, оставили ненадолго одного, затем Райленду выдали комбинезон и приказали быстро одеться, не обращая внимания на то, что комбинезон был на четыре размера меньше, чем требовалось.

— Там смотреть не станут, — проворчал охранник с алым сердцем на белой куртке. — Пошли! — И они отвели его в другую комнату, где и оставили одного.

Сквозь открытую дверь Райленд видел операционную.

Хорошо, что есть на свете транквилизаторы, спокойно подумал он. Райленд явно прибыл на конечный пункт своего пути. Над двойным столом пылали асептические бестеневые лампы. Члены хирургической бригады собрались за прозрачной стерильной перегородкой. На столе лежал человек примерно такого же сложения, что и Райленд, рядом с ним хитроумный аппарат шипел трубками и шлангами. Похоже было, что этот человек должен получить новые легкие. И получит он их, естественно, от Райленда…

Или не получит? Второй стол уже был занят каким-то обитателем «Небес».

Странно.

Возможно, подумал Райленд, ему предстоит стать донором в следующей операции. План человека не мог заботиться об эмоциональном состоянии каждого человека, и ему, Райленду, позволили стать свидетелем операции.

Операция подходила к концу, когда за спиной Райленда послышался какой-то шум.

Он повернулся.

Донна Криири! Она взглянула на Райленда мельком, словно он был частью мебели.

— Долго же вы искали, — недовольно сказала она человеку, который вошел следом. Судя по знакам отличия, это был главный хирург клиники. — Ладно, у меня есть эта штука… — Она помахала радарным пистолетом. — Я с ним справлюсь. Правда, Райленд?

— Но это же нарушение правил, — несмело возразил хирург.

— Вы сами видели приказ Машины, — промурлыкала Донна и помахала куском телетайпной ленты.

— Да, конечно, — поспешно согласился хирург, — конечно, мисс Криири. Вы ведь знаете,

я не стал бы… Но, тем не менее, это совершенно против правил.

Донна холодно кивнула, поманила Райленда рукой.

— Можете рассматривать это как особый случай, — сказала она. — Теперь покажите, как нам пройти к ракете.

Они вышли из клиники и направились к посадочной площадке. Там, покоясь на стабилизаторах, стояла скоростная яхта Донны.

— Чиквита! — тихо сказала девушка.

— Постойте, мисс Криири, — решительно сказал Райленд. — Куда вы меня везете?

Она задумчиво посмотрела на него.

— У меня приказ Машины, — помолчав, сказала она. — Она велит доставить вас в другой орган-банк, где наши органы нужны для лечения важного члена Планирующей комиссии.

— Звучит довольно странно, — ответил он.

— Да, очень. Чиквита! — Девушка топнула ногой к сердито уставилась на ракету.

Внутри люка что-то засверкало, потом засветилась бледная голубоватая дымка, и из люка выплыл пространственник. Его оранжево-коричневые глаза с обожанием смотрели на Донну. С кошачьей грацией пространственник выгнулся,

завертелся в воздухе, не скрывая своей радости. Потом замер, повис перед девушкой неподвижно.

Райленд хотел что-то сказать…

— Молчите! — прошептала девушка. — На разговоры у нас нет времени. Вам нужно удирать отсюда, пока они не спохватились.

— Но почему? Ведь указание Машины…

— …подделано. — Она хладнокровно встретила изумленный взгляд Райленда. — Да. Я лично подделала его, поэтому знаю, что говорю. Хирург объявит тревогу, как только сообщит о выполнении приказа. А это произойдет… Как вы думаете, когда? Минут через пять?

— Я не понимаю!

— И не нужно, — взорвалась девушка. — Времени нет! Я стараюсь спасти вам жизнь. Кроме того… — она заколебалась, — есть и другая причина, если говорить правду. Вы нужны моему отцу.

— Планирующему? Но… зачем ему подделывать приказы Машины?

— Я не могу сейчас объяснить всего. — Она тревожно осмотрелась. Вокруг никого не было. — Помоги вам бог, если что-то случится! Я не могу спрятать вас в ракете — там негде укрыться, а ракету они обязательно обыщут. Меня скорее

всего не тронут. Но вас... — Она пожала плечами.

— Что же я должен делать?

— Делать? — воскликнула она. — Как что — залезайте на спину Чиквите! Зачем же, по-вашему, я ее привезла? Куда лететь, она знает сама.

Райленд летел на пространственнике. Это было похоже на езду верхом на золотистом потоке.

Туловище пространственника было более обтекаемым, чем у тюленя, мех отливал чистым золотом, у хвоста становясь черным. Это был самый необычный скакун, на котором когда-либо приходилось ездить человеку. Когда Райленд взобрался на спину пространственника, Донна отдала короткую команду. Пространственник едва слышно замурлыкал, мускулы его спины вздрогнули и, подпрыгнув, животное поднялось на сотню футов.

Райленд не почувствовал ни толчка, ни удара перегрузки. Просто они вдруг оказались в небе.

Сквозь тонкий комбинезон Райленд почувствовал, как вибрирует тело пространственника. Внизу он видел ракету Дочь Планирующего, которая входила в люк. Она не собиралась ждать неприятностей. Райленд услышал рев двигателей.

Райленд затаил дыхание, припал к спине про-

странственника, хотя и не чувствовал встречного ветра. Далеко внизу, на дорожках парка, как муравьи, шевелились люди. Но заметить что-либо в небе люди не могли — они не смотрели вверх. Было темно, геликоптеры охраны с прожекторами уже висели между пространственником и «Небесами».

Они поднялись примерно на тысячу футов. Ракета Донны, похожая на черную точку внутри огненного цвета, казалось, прилепилась к бетону взлетной площадки. То, что она не уменьшалась в размерах, означало, что ракета идет за ними следом. Но вскоре и она пропала из виду.

С северо-востока надвигались грозовые тучи. Перистые облака предостерегающей завесой закрыли звезды, черные кучевые вздымались темными башнями, дождевая пелена уже скрыла горный район Кубы. Пространственник повернул в сторону грозы.

— Подожди! — крикнул Райленд. — Не надо туда!

Но пространственник или не понимал его, или не хотел слушаться. Он громко мурлыкал, как котенок, и стремительно летел навстречу грозовым тучам.

Райленд по-прежнему не ощущал движения.

Поле пространственника, какова бы ни была его природа, одновременно ускоряло каждый атом его тела. С ними вместе передвигался и своеобразный воздушный карман, заключенный в пространстве светящегося голубоватого ореола вокруг животного. Полет был почти беззвучен, хотя они неслись со скоростью звука. Невероятно! Математический ум Райленда мгновенно оценил факты. Очевидно, пространственник создает вокруг силовую капсулу, форма которой зависит от встречного сопротивления. Сейчас она представляла из себя тупоносую обтекаемую каплю. При достижении звукового барьера капля переформировалась в иглу.

Они летели над океаном, и их окружали облака. Они мчались прямо навстречу клубящемуся фронту грозы.

Ледяной дождь мгновенно промочил Райленда насквозь. Интересно, подумал он, дождь проникает внутрь капсулы, которая не пропускает воздушный поток! Но сейчас не было времени об этом думать. Холодный дождь не понравился пространственнику, он жалобно замяукал, задрожал, но направления не изменил.

Райленд уже перестал понимать, где они находятся.

Со всех сторон их окружали тучи, хлестал ледяной, дождь, мелькали вспышки молний. Он надеялся, что пространственник знает, куда летит.

Пробурив верхнюю кромку облачного фронта, они вышли в чистое воздушное пространство. Их окатило ослепительным солнечным светом — солнце снова показалось из-за западного горизонта. Несмотря на огромную высоту, они продолжали подниматься еще выше! Райленда вдруг охватила невыразимая эйфория. Произошло невозможное! Он бежал и остался при этом цел.

Он больше не был пронумерованным комплектом запасных частей, он снова стал человеком. И помогла ему Донна Криири — без нее ничего бы не вышло. Он сделался ее должником. Что она имела в виду, сказав о своем отце? Райленд задумался, но в голову ничего не приходило. Он чувствовал лишь восторг от парения в бесконечном небе. Затем небо стало черным — настолько разреженным был воздух. Они продолжали подниматься, пока громадное пространство океана не обрело отчетливо выпуклый характер. А они поднимались все выше и выше, Райленд почувствовал, что дышать становится все труднее, и не

понимал почему, ведь поле пространственника должно было падежно удерживать воздух. Но и сам пространственник начал тяжело дышать. Мурлыканье перешло в сухой кашель. Райленд чувствовал, что полет его становится все более неуверенным.

Они забрались на опасную высоту. И вдруг он почувствовал, что не может вздохнуть. Измученное тело Райленда насквозь продрогло, несмотря на немилосердное сияние белого солнечного диска.

Очевидно, виноваты были раны пространственника, подумал Райленд. Пытки в клетке Готтлинга не прошли бесследно. Большая часть симбиотов пространственника погибла. А ведь именно фузориты давали теплокровному существу возможность жить в открытом космосе. Конечно, они не исчезли полностью, потому что воздух еще оставался вокруг пространственника. Он наполнял горящие легкие Райленда, предохранял от закипания крови в вакууме, хоть немного защищал от холода и смертоносной ультрафиолетовой радиации Солнца. Воздух еще был… но хватит ли его?

— Это я скоро узнаю, — хрипло прошептал Райленд мрачно усмехнулся и… потерял сознание.

Он не улови; момента, когда это произошло, просто почувствовал, что сознание покидает его.

Когда он пришел в себя, то искренне удивился, что еще жив.

Красиво очерченный овал лица Донны Криири склонился над ним, и от этого Райленд удивился еще больше.

— Мы добрались, — прошептал он, не веря самом) себе.

— Пока что все в порядке, — серьезно, без улыбки сказала девушка. — Но не радуйтесь раньше времени, Райленд. Мы еще в опасности.

Он попытался встать и поплыл по кабине, пока девушка не вернула его обратно в противоперегрузочное ложе. Они находились в кабине корабля, в невесомости. Он посмотрел по сторонам.

— Мне нужно заре… — начал Райленд и замолчал. В телетайпе больше не было нужды.

Донна Криири взмахнула рукой.

— Тебе нравится здесь, Стив? Это твой корабль.

— Мой? — Он был поражен.

— Да. Помнишь, генерал Флимер оборудовал для опытов ракету? Для дистанционного управления из пункта Серый Треугольник. Это она и есть, но с некоторыми переделками. Я убрала все

приборы дистанционного управления. Во всем остальном это отличная межпланетная ракета. Она летала по орбите, достижимой для Чиквиты. Только… — Ее лицо погрустнело. — Почему до сих пор нет отца?

Райленд потряс головой.

— Простите, — сказал он, — но я не понимаю. Почему Планирующий должен быть здесь? Зачем ему я?

— Наверное, мне самой придется рассказать. Стивен, знаешь ли ты, что за последние два месяца произошло более сотни сильных подземных толчков — и все под основными населенными центрами? Отец думает, что в этом виновата Машина.

— Машина?!

— Я понимаю, Стивен, тебе трудно поверить. Но отец обнаружил, что генерал Флимер и его помощники что-то сделали с Машиной! Отец слишком хороший человек, он говорит, что не может этого понять. А я могу. Флимер хотел бы контролировать Машину — он рвется к власти над Планом Человека. Уничтожение проекта нереактивного двигателя — лишь одно из звеньев его плана. Подземные толчки, аварии субпоездов, взрывы реакторов и ионных ускорителей на

ракетах — все это входит в его план! Изощренные диверсии. О, Стивен! Как тщательно все это было разработано! — Машина, как ты сам понимаешь, это только транзисторы и реле. Она знает лишь то, что в нее накладывают люди. Флимеру удалось изменить ее входные контуры, теперь Машина почти открыто противостоит отцу. И во главе всего стоит нереактивная тяга. Машина уверена, что такой двигатель уничтожит План Человека. Поэтому отцу пришлось пойти на хитрость и подделку. Он позволил мне спасти тебя — это один из его ответных ходов. Но боюсь, уже слишком поздно.

Она обеспокоенно заглянула в иллюминатор.

— Пока, кажется, нас не преследуют. Но это пока. Райленд только теперь почувствовал, что дрожит от холода. Не потому, что в корабле было холодно, просто его короткий комбинезон был насквозь мокрым.

— Кто? — спросил он.

— Полиция Плана, — раздраженно ответила она. — Генералу Флимеру нужна Чиквита — даже если он не подозревает, что ты со мной. Но не стоит на это рассчитывать. Машина сообщит ему о твоем бегстве. Генерал собирается убить Чиквиту, поэтому я ее похитила. Она моя! И единственное

безопасное место для Чиквиты — это рифы. Если только мне удастся ее туда доставить. Кстати, для тебя это тоже единственное безопасное место.

— Ты уговариваешь меня бежать! — возмутился Райленд. — Стать преступником, отверженным?

— Стивен, а кто ты сейчас, как по-твоему? Ты забыл про «Небеса»? Я спасла тебе жизнь… Радуйся тому, что ты здесь. Чиквита могла и не выйти за пределы атмосферы. Я совсем не была уверена, что она сможет.

— И я тоже.

Донна улыбнулась ему, на секунду снова превратившись в немного капризную шаловливую девчонку, ту, что разговаривала с ним в ванной. Но она быстро помрачнела.

— Если бы отец успел долететь, — сказала она. — Чиквита не выживет, если не вернется в рифы, не пополнит запас фузоритов. А я… свою яхту я взорвала, она сгорела в атмосфере. Они найдут обломки. Может, подумают, что мы погибли. Но, — спокойно добавила она, — едва ли они настолько глупы. Машина глупостей не делает. Положение вещей пока что очень… неустойчивое. Но мы с отцом все тщательно обсудили, он хорошо знает Машину. Он думает, что у нас есть часов двенадцать.

— А что потом?

— Потом Машина взорвет твой воротник.

Райленд невольно коснулся холодного ошейника.

Девушка была права. Машина так и поступит. Двенадцать часов? Возможно, Планирующий не ошибся. Хорошо. Тогда за двенадцать часов они должны выйти: за пределы действия радаров Машины.

— Мы сможем выйти за пределы радарного луча за двенадцать часов?

— Не знаю, Стивен. Думаю, да. Машина может не знать, что ты в космосе.

Оттолкнувшись от кресла, Донна подлетела к иллюминатору.

— Но отца нет, и неизвестно, сколько нам еще ждать? Не знаю. Конечно, стоит нам добраться до рифов, и можно считать, что мы в безопасности. Тогда тебе больше не придется носить воротник.

Вид у Райленда был растерянный, и она улыбнулась.

— Ты забыл, Стив? Рон Дондерево, человек, снявший с шеи кольцо, там, в рифах. Наверняка он сможет снять и твой.

Райленд беспокойно потрогал ошейник.

— Пожалуйста, — попросил он, — расскажи,

что ты знаешь о Дондерево.

О человеке, подумал он, для замены которого было слеплено мое тело и мозг.

— Ты уже знаешь все, что я могу рассказать. Или почти все. Когда-то он был другом отца, несмотря на их разногласия, несмотря на разные взгляды на будущее Плана Человека. Именно Дондерево первым рассказал отцу о рифах и пространственниках и уговорил его попробовать создать нереактивный двигатель. К сожалению, когда План присоединил его владения, Дондерево принял участие в антиплановой деятельности и был классифицирован как опасник. В конце концов его отправили на утилизацию. Отец знал о его плане побега и не стал мешать. Этот факт генерал Флимер использовал, настроив Машину против отца.

Теперь Дондерево может помочь отцу в борьбе с Флимером. Он сможет рассказать о рифах — ведь Машине известны только рапорты Лескьюри, которые Флимер соответствующим образом отредактировал. Вот туда мы, Стивен, и отправимся — в рифы, на поиски Дондерево!

Райленд вдруг испугался рассказывать Донне, как сильно желает он встретиться с Дондерево. Он может снять воротник, может рассеять туман,

застилавший прошлое. Но была вероятность, что Дондерево объявит воротник неснимаемым без сложного хирургического оборудования, которое есть только в орган-банке. Он боялся подтверждения слов Анжелы, что был «подсадной уткой». Что его собрали из отходов орган-банка, и едва ли он стоит того, чтобы его спасали.

Если это правда… если Донна Криири узнает об этом — он этого не вынесет. Дочь Планирующего и несколько десятков фунтов утилизованного человеческого мяса. Пропасть между ними станет слишком широка, чтобы ею можно было пренебречь.

Донна Криири снова посмотрела в иллюминатор и вздохнула.

— Не знаю, почему отца до сих пор нет, — сказала она. — Но мы не можем больше ждать. Я пошлю ему сообщение, и мы отправимся в путь. Даже обычный радарный луч может сейчас до нас добраться. Нужно уходить, и чем скорее, тем лучше. — Она улыбнулась. — И не только ради тебя. Если заряд взорвется внутри этого корабля…

Она печально покачала головой.

Глава пятнадцатая

Райленду снилась золотоволосая девушка, у которой не было ног, не было рук… Потом над ним зависло ухмыляющееся лицо Опорто, в руках у коротышки была ультразвуковая пила… Когда пила заработала и вибрация пронзила его тело, он проснулся. Над ним стояла Донна Криири.

Он потянулся и потер затекшие лодыжки. Потребовалось несколько секунд, чтобы полностью проснуться. Сон того особого рода, что помогает преодолевать межпланетные расстояния, не так просто стряхнуть. Их перелет должен был длиться сто пятьдесят дней. Подошел ли он к концу?

На лице Донны читалась тревога, громкое мяуканье доносилось из грузового отсека. Райленд застонал от боли в суставах, которые будто заржавели за время долгого перелета. Минимальное ускорение предохраняло тело от пролежней и синяков, неизбежных на Земле. Слава богу что они в космосе.

— Стивен! — в отчаянии воскликнула девушка.

— Извини, — пробормотал он, заставил себя встряхнуться и, наконец, окончательно проснул-

ся. — Что случилось?

— Чиквита сошла с ума!

Райленд тяжело вздохнул и подобрался к иллюминатору грузового отсека. Пространственник метался по отсеку, как кот, упустивший мышь. Животное отчаянно мяукало.

— Мы на месте?

— Нет, Стив. Но Чиквита мяукала так громко, что включилась аварийная система и разбудила меня. Нам долго еще лететь.

— Ладно. Посмотрим, что ее беспокоит.

— Ничего не видно. Мы в глубоком космосе, за орбитой Плутона. Но до рифов далеко. Здесь нет ничего. Что могло ее испугать?

Замолчав, она прислушалась.

Они услышали одновременно: что-то или кто-то стучал по наружной обшивке корпуса.

Райленд и Донна посмотрели друг на друга.

— Ну-ка, посмотрим, — мрачно сказал Райленд. Через иллюминаторы ничего видно не было, но на наружной двери воздушного люка находилось окошко со шторкой от радиации. Райленд снял задвижку и отодвинул шторку.

Снаружи в шлюз заглядывал человек и от нетерпения барабанил по обшивке.

Райленд и девушка снова посмотрели друг на

друга. Этого не могло быть. И тем не менее, они видели человека.

На человеке не было даже скафандра. Он кутался в ветхое одеяло, стучал по люку ручкой длинного ножа. Худой, невысокий, немолодой рыжебородый мужчина.

— Стивен, — воскликнула вдруг Донна. — Я его знаю. Это Куивера. Да, это он привез на Землю Чиквиту, чтобы забрать Дондерево из банка. — Она помолчала, а затем Решительно сказала: — Стивен, открой люк!

— Что?

— Открой люк!

— Но воздух…

— Можешь не волноваться, — нетерпеливо сказала девушка. — Смотри! — И она показала на какой-то длинней обтекаемый предмет за спиной человека в одеяле. Еще один пространственник! Неудивительно, что Чиквита так волновалась. Она почувствовала появление собрата. Этот пространственник был больших размеров и более темного цвета. — У них собственная воздушная оболочка. Открывай люк!

Райленд колебался. Здравый смысл говорил, что девушка права, что другого объяснения быть не могло. Но открывать люк ему все равно не

хотелось. Воображение рисовало ему яркую картину смерти в безвоздушном холодном костюме. Только усилием воли Райленд заставил себя повернуть ключ клапана, который тут же завыл, зашипел, выравнивая давление. Затем люк открылся. Они все еще дышали, втягивали в легкие необычно пахнущий воздух — он отдавал каким-то странным химическим ароматом, впрочем, довольно приятным.

В шлюз быстро влетел человек в одеяле и с ножом.

За ним следовал пространственник. У этого существа нос был красный, он светился и пульсировал. Большие глаза пространственника осмотрели камеру, и животное довольно заурчало.

— Стой! — крикнул рыжеволосый человек. Пространственник был возбужден, но повиновался, ожидая, пока человек раскроет внутренний люк и закрутит клапан наружной двери. Покончив с этим, Куивера сказал:

— Ладно, Адам, беги, встречай друга.

Два пространственника кружились в тесноте грузового отсека и мяукали, один — густым баритоном, второй — высоким сопрано.

— Как дети! — усмехнулся Куивера. — Так рады

видеть друг друга! — Он поклонился и снял с головы нечто похожее на шляпу. — Дамы и господа, я — Квинатоно Куивера, ваш покорный слуга.

Он снова посмотрел на Донну Криири и улыбнулся с неподдельным удовольствием:

— О, дочь Планирующего! Рад вас видеть. И вас, сэр, я тоже рад видеть, хотя не знаю пока вашего имени.

— Стив Райленд. — Он протянул руку, и они скрепили знакомство крепким рукопожатием.

— Мы тоже рады тебя видеть, Куивера. Но…

— Но что Куивера делает здесь? — Человек улыбнулся и опять поклонился. — Думаю, я смогу вам ответить. Мой Адам почуял присутствие Чиквиты. — Куивера погладил темно-золотистый бок пространственника.

Оба существа висели неподвижно, прижимаясь друг к другу боками.

— И мы поспешили присоединиться к вам. Есть и вторая причина. — Улыбка исчезла с лица Куиверы. — Мы с Адамом специально поджидаем вас уже некоторое время. У Адама есть отличная способность видеть даже в темноте космоса, не говоря уже о даре ощущать присутствие другого пространственника даже там, где не поможет никакое зрение. И Адам кое-что заметил. С его

помощью увидел и я.

— Что именно?

— Вас преследует крейсер Плана, — с тревогой сказал Куивера.

Пальцы Райленда невольно сжали холодный металл воротника. Лицо Донны Криири стало белым как мел. Должно быть, Флимер перехватил их сообщение Планирующему и теперь генерал знал, где они находятся.

Уравнения военных действий в космосе допускали только одно решение — более быстрый корабль навязывал бой менее скоростному. Наличие взрывчатки в воротнике Райленда не оставляло сомнений в исходе такого боя. Если они попытаются бежать, крейсер Плана догонит их. Даже если они выключат двигатели, на крейсере рассчитают их место нахождения исходя из последних зарегистрированных координат и скорости движения, и ошибки уже не будет.

Пламя дюз, в свою очередь, представляло прекрасную мишень, видимую за миллионы миль в специальные сканеры. Любая попытка бегства сейчас же отзовется сигналом на инфракрасных экранах крейсера.

А потом импульс радара детонирует воротник.

— На корабле есть оружие? — хрипло спросил

Райленд.

На иссеченном морщинами лице Куиверы появилось Удивление.

— Сражаться против Плана? О нет, мой юный друг. Мы с ними не станем сражаться. Это их метод. Мы пойдем своим путем — просто убежим, вот и все. — Он кивнул. — Да, до рифов еще несколько миллионов миль — это приличное расстояние. Но в конце нас ждет свобода. Возможно, — он посмотрел на пальцы Райленда, сжимавшие металл кольца, — свобода от этой штуки на шее.

— Но у нас нет шлюпки!

Куивера поджал губы и показал в сторону пространственников.

— Нереактивная тяга, — быстро догадался Райленд. — Конечно! Они могут снять нас с ракеты, а так как пространственники не имеют двигателей, приборы Плана их не засекут. Но… самка ранена. В прошлый раз она едва не погибла в открытом космосе. Смотрите! — Он показал на шрамы, которые оставило на золотистой шерсти знакомство с полковником Готтлингом.

— Раны давно зажили, Стив, — воскликнула Донна. — Не забывай, мы в полете более четырех месяцев!

Куивера вдруг забеспокоился. Не обращая внимания на слова девушки, он наклонился над пространственником. Чиквита резво перевернулась и повисла перед ним, весело мурлыкая. Наконец Куивера поднял встревоженное лицо:

— Это были опасные раны, мисс Криири. Не думал, что вы с ней так обойдетесь.

— Но это не я!

Куивера покачал головой.

— Очень опасные, — повторил он. — Не знаю, заживут ли они когда-нибудь полностью.

— Значит, на пространственнике мы бежать не сможем? — упавшим голосом спросил Райленд.

— Нет-нет, — расстроенно сказал маленький человек, — я не хотел вас напугать. Мой Адам сможет перевезти всех, я обещаю. Но нужно спешить.

— Нет, — сказал Райленд.

Девушка и Куивера замерли.

— Подождите. Ракета оборудована специально для меня, для исследований нереактивной тяги. Мне необходимо это оборудование. Мы обязаны овладеть секретом нереактивной тяги. Пространственникам придется его тащить… Не возражайте, — сказал он, видя что Куивера хочет что-то сказать. — Я знаю, это трудно, но приборы

мне необходимы. И еще…

Куивера холодно смотрел на Райленда, потом, наконец, улыбнулся.

— Очень хорошо. Если вы желаете ползти, как улитка, то Адам и Чиквита смогут утащить все, что вам нужно. Что еще?

— Я хочу поставить запал на топливный бак корабля. Чтобы они не обыскивали корабль. Лучше будет его взорвать.

За десять последующих минут они отобрали целую гору электронных и компьютерных устройств, источников питания и множество другого оборудования. Еще минут пять у Райленда ушло на установку контактов реле времени на запале, который он поместил в топливный отсек. После этого они были готовы отправиться в путь.

Ступить за борт корабля оказалось не легче, чем спрыгнуть с крыши небоскреба. Они стояли в открытом люке шлюза, снаружи мерцала Вселенная. Райленд чувствовал себя таким крошечным и беспомощным. Как может человек выжить в этой холодной пустыне, пронизанной светом далеких солнц?

Но Куивера заверил, что поле пространственника удерживает воздух вокруг корабля даже

сквозь обшивку корпуса. И в самом деле, хотя их глаза еще не совсем привыкли к темноте после яркого света кабины, они различали странные движущиеся силуэты необычных расцветок.

Райленд и Донна взялись за руки и прыгнули вперед. Они попали в мир пространственников.

Они ничего не ощущали, но двигались. Рядом, не обращая на них внимания, парили пространственники. Поле нереактивной тяги несло их по касательной к курсу ракеты, постепенно уводя в сторону. Когда они удалились от корабля, воздух, который держали вокруг них пространственники, оторвался от стенок ракеты и дышать сразу стало легче.

Позади едва заметно мерцал в звездном свете хвост, состоявший из взятого оборудования, которое отобрал Райленд.

В это трудно было поверить! Когда некие частицы и тельца заняли надлежащее им место внутри светящегося зеленого облака, такого яркого, что сквозь зеленое сияние Райленд едва видел звезды, они оказались в окружении лоз с невероятного вида листьями, которые несли на себе невиданные плоды. Между листьями лоз порхали существа, похожие на рыб и птиц одновременно.

Они находились в центре пузыря, где плотность воздуха достигала земной, и невидимые крошечные создания, дававшие свет и жизнь, были сконцентрированы наиболее плотно. Они могли свободно передвигаться. Райленд сновал туда-сюда внутри «облака», и лишь несколько ярдов отделяли его от открытого космоса. Время от времени он задавал Куивере какой-нибудь вопрос. Маленький человек не всегда отвечал ему, и Райленду чаще всего приходилось довольствоваться тем, что он видел.

— Невероятно! — бормотал Райленд. — Фантастика! — Он уцепился за ветки лозы всего в восемнадцати дюймах от призрачной границы свечения, обозначавшей конец обитаемого пространства. Он смотрел на звезды и не мог найти ни одного знакомого созвездия. Орион и могучий Южный Крест остались на местах, но утонули в тысяче более слабых звездных огоньков, которые с Земли не были видны. Наконец, в глаза ему ударил голубой яркий луч, и он понял, что нашел знакомую звезду — это мог быть только Сириус. Он был настолько ярким, что смотреть на него было почти больно.

За спиной его послышался голос Донны:

— Что это такое, Стивен?

Райленд повернулся к девушке.

— Потрясающе! Кажется, я начинаю понимать... Тяговое поле удерживает вокруг нас воздух. Оно притягивает пыль и атомы водорода. В этих лозах и лианах находятся клетки фузоритов, которые синтезируют кислород вместе с другими необходимыми элементами — углеродом и так далее. Они же излучают свет и тепло. Подозреваю, — задумчиво сказал он, — что в этих растениях изрядная доля тяжелых элементов. Консервация энергии. Реакция термоядерного синтеза освобождает слишком много энергии. Если бы энергия переводилась только в легкие элементы, свет и тепло, мы бы погибли мгновенно. Но синтез элементов более тяжелых, чем серебро, уже требует энергии... — Он покачал головой. — Извини. Не могу оторваться от всего этого. Это настоящий маленький мир, со своим собственным совершенным кругооборотом вещества.

— А что мы будем есть? — просто спросила Донна.

— А, еда! — перебил Куивера.

Он поплыл сквозь зеленое свечение, как пловец под водой, где вместо водорослей росли необычайные лозы фузоритов. Он набрал полные

руки странных ярких плодов и поплыл обратно к ним.

— Попробуйте! — предложил он. — Вкусные. Платина? Золото? Я ничего не понимаю в тяжелых элементах, мистер Райленд, но я знаю, что такое настоящий вкус!

В этот миг позади, в той точке, откуда они начали путь, беззвучно распустился ослепительный цветок пламени. Они обернулись.

— Наша ракета, — с тревогой сказал Райленд. — Я надеюсь, нам понравится в рифах, Донна. Все равно ничего другого нам не остается.

Они находились у границы пузыря воздуха и выглядывали наружу.

— Не подходите к границе слишком близко, — предостерег Куивера. — Даже не пытайтесь высунуть наружу палец — разорвет.

Райленд, пораженный, какое-то мгновение смотрел на него, потом кивнул.

— Конечно, все, что превышает размерами молекулу, поле не отражает, так? И если поле пробито, его разорвет внутренним давлением воздуха.

С большой осторожностью они устроились подальше от границы, продолжая наблюдать за кораблем. Взрыв уже погас. Обшивка ракеты бы-

ла полностью уничтожена, но вблизи светящихся останков корабля они заметили мигание световых точек. Это был крейсер Плана, как уверенно объяснил Куивера. А мигающие точки — вспышки дюз корректирующих двигателей. Крейсер корректировал свое положение относительно корпуса взорванной ракеты.

Пространственники жалобно повизгивали, наблюдая за звездным небом через путаницу лиан. Куивера погладил блестящую шерсть и что-то ласково сказал вполголоса.

— Они увидели крейсер Плана, — объяснил он остальным. — Корабль излучает яркий инфракрасный свет. И теперь они хорошо видят крейсер.

— Близко? — спросил Райленд.

— Конечно, мистер Райленд. План выбрал правильное направление.

— Но… Они должны были подумать, что мы погибли. И у них нечем засечь нереактивную тягу пространственников.

— Да, — согласился Куивера. — Они просто не хотят Рисковать. Я могу представить, о чем сейчас говорят на крейсере: «У них есть спасательная шлюпка. Если так, то куда они могли бы направиться? К рифам, больше некуда». А где находятся

рифы, План знает.

Пространственники вели себя все тревожнее.

— Наши друзья начали уставать, — заметил Куивера. — Нужна передышка. Даже вдвоем им тяжело тащить вас и все ваши аппараты, мистер Райленд. Двигаться быстрее невозможно, поэтому они попробуют спрятаться.

Он показал куда-то сквозь светящуюся сеть лиан.

Райленд ничего не увидел — мешало свечение атмосферного облака. Он осторожно оттолкнулся, перелетел на Другую сторону воздушного пузыря, уцепился за лиану и повис, всматриваясь вперед. За ним последовал Куивера.

— Это скопление рифовых образований, — объяснил он. — Вон там, возле трех голубых звезд.

Привыкшие к условиям Земли глаза Райленда не справились с задачей. Чиквита и Адам, проскользнув рядом с ними, повисли неподвижно среди ярких светящихся листьев. Их большие грустные глаза были направлены куда-то в усыпанную звездной пылью пустоту. Райленд покачал головой.

— Я ничего не вижу.

— Я тоже ничего не видел, — признался Куивера, — пока они мне не показали. Мы не в

состоянии отыскать что-либо в этой кромешной тьме, а они — могут.

— Даже если здесь есть риф, — с сомнением сказал Райленд, — и мы доберемся до него, то почему за нами не может последовать корабль Плана?

Куивера пожал плечами.

— Может, конечно. Но рифы окружает гораздо более плотное облако, чем этот пузырь. Там светляки-фузориты создадут помехи для поисковых экранов. Большие куски рифа замедлят ход их ракеты, а может быть, даже произойдет авария, мистер Райленд, если они будут неосторожны! Хотя они вполне могут добраться до нас. Это так. Но это наш единственный шанс и ничего другого нам не остается, как только попытаться использовать его.

Они летели долго. Поскольку и цель и преследователя разглядеть было нельзя, единственными точками отсчета были звезды. Правда, гигантское расстояние до них было несоизмеримо с ничтожной скоростью пространственников. Адам и Чиквита, казалось, совсем не напрягали сил, грациозно скользя между лиан, но Куивера заверил Райленда, что они двигаются почти так же быстро, как и крейсер Плана, несмотря на следующий за «облаком» хвост из приборов и

прочего оборудования.

Потом Куивера вдруг сказал:

— Мы почти на месте.

Райленд начал всматриваться в темноту. Задача осложнялась тем, что у них не было ни носа, ни кормы, и невозможно было понять, в каком направлении они двигались. Он ничего не мог разглядеть. Звезды сияли во всем великолепии, незамутненные атмосферой. Райленд висел у самой границы воздушного пузыря, глядя на светящиеся точки, на голубых гигантов, красных карликов, скопления туманностей…

Потом он увидел риф.

Глава шестнадцатая

Сначала это было пятнышко, затем оно выросло в выпуклую, бугристую сферу — мерцающую, прекрасную. Это был мяч, инкрустированный самоцветами, величественно плывущий в пространстве.

Словно комета, они подошли к нему совсем близко, потом замедлили полет. Райленд увидел шипастые деревья кристаллического углерода — алмазы! — переливающиеся собственным внутренним светом. Странные пузыристые массы, формой напоминающие человеческий мозг, излучали голубой и фиолетовый свет на прогалинах белого песка, посреди замершего леса с яркими методическими листьями.

Для Райленда и Донны это была волшебная сказочная страна, но Куивера смотрел вперед цепким оком профессионала. Он покачал головой.

— Не очень подходящее место для укрытия, — сказал он, всматриваясь в светящийся шар рифа. — Хотя твердое ядро может и пригодиться. Рифы большей частью пустые внутри, там они уже умерли.

Райленд кивнул.

Очевидно, организмы наружного слоя поглощают весь свободный водород и поэтому растут. Оставшиеся в глубине умирают. От голода.

Куивера не слушал. Он вдруг воскликнул радостно:

— Вот и подходящая пещера! И свободная! Хотя это неизвестно…

Райленд непонимающе смотрел на него. Куивера пожал плечами.

— У этих рифов слабое поле притяжения, воздух здесь нужно удерживать искусственно, как это делают пространственники. Это может делать другой пространственник или микроскопические живые клетки самих рифов. Каждый риф — особый живой мир, и я не знаю, что именно мы встретим здесь. Но воздух может держать третья сила, весьма неприятная. — Он поднял руку. — Стоп. Нужно посмотреть.

Шар из драгоценных светящихся камней был уже близко.

— Смотрите, — сказал Куивера. — Чиквита входит в атмосферу рифа. Сейчас нас тянет Адам, а Чиквита следит за воздухом. Видите?

Чиквита в этот момент устремилась вперед. Адам повис неподвижно.

— Я над этим уже задумывался, — ответил

Райленд. — Когда две сферы встречаются, давление воздуха должно расталкивать их в разные стороны.

Куивера покачал головой.

— Видите, она нас «шлюзует».

Райленд внимательно наблюдал за происходящим.

Они все ближе и ближе подходили к рифу. Маленькие существа, полуптицы-полурыбы, начали суетиться, забеспокоились, и Райленд понял, что диаметр оболочки из воздушного пузыря сокращается. Но он не чувствовал увеличения давления.

— Я понял! — воскликнул он. — Она создает новую оболочку, достаточно большую для нас и рифа. Потом она продырявит нашу «внутреннюю» оболочку и выходящий воздух уравняет давление!

Куивера кивнул. Они почувствовали дальнюю вибрацию, словно к ним дошла волна далекого взрыва, отозвавшись в барабанных перепонках. Внутренняя оболочка полностью исчезла.

Все внимание Райленда было поглощено открывшимся ему новым миром. Непрерывный световой дождь мириадов звезд, проникавший даже сквозь туманное свечение атмосферы рифа,

являл картину волшебной страны. Солнце, не ярче Сириуса, бросало желтоватые отблески на кристаллические ветви… «деревьев»! Но Куивера не дал времени насладиться картиной сказочной страны.

— Теперь наша очередь, Райленд, — усмехнулся он.

Оба пространственника повисли на некотором расстоянии от темной пасти пещеры. Красные носы мелко и быстро вздрагивали. Оба пространственника похныкивали, по бокам Чиквиты, покрытым шрамами, волнами пробегала дрожь.

— Что мы должны делать?

Куивера спокойно объяснил:

— У пространственников есть естественные враги — грубые, бронированные бандиты. Двигаются они медленнее пространственников — в космосе им их не догнать. Но они смертельно опасны и устраивают засады вот в таких местах. Так что в нору придется лезть сначала нам, мистер Райленд, если вы окажете мне честь и присоединитесь.

Ловко оттолкнувшись, Куивера подлетел к входу в пещеру, заглянул, обернулся и пожал плечами.

— Посмотрим, — только и сказал он.

Спокойно размотав тряпичный узелок, он вытащил довольно древний полицейский пистолет. Обращался он с пистолетом не очень ловко — долго не мог открыть магазин, чтобы проверить заряды. Райленд заметил, что их осталось всего четыре. У Куиверы явно были трудности с пополнением боеприпасов. Наконец Куивера защелкнул магазин и поудобнее взялся за рукоятку. Потом ударом каблука поношенного ботинка он сломал зеленоватый кристаллический сталагмит у основания. Длиной кристалл был футов восемнадцати, и довольно острый на конце. Получился достаточно серьезный меч. Райленд сообразил, что из сталагмита вышел бы отличный факел. Внутри пещеры было темно, а кристалл светился благодаря заключенным в него фузоритам.

Куивера вошел в пещеру, и Райленд поспешил следом, Не успев даже оглянуться на Донну.

Внутри рифа оказался лабиринт, состоящий из десятков тоннелей, переплетенных между собой. Стенки были Удивительно ровными, словно отполированные боками громоздкого существа, постоянно входившего и покидавшего пещеру. Райленд прикинул возраст рифа и успокоился. Время здесь текло по-другому. Эти погруженные во тьму коридоры, гладкие стены,

созданные тельцами умерших фузоритов, были, наверное, мертвы еще до того, как Земля успела сконденсироваться и остыть. Ничего нельзя было определить точно. Точно так же у Райленда не было представления о глубине и длине коридоров. Они находились внутри лабиринта, похожего на те, что встречаются среди земных морских кораллов, внутри которых крабы поджидают добычу — какую-нибудь заблудившуюся мелкую рыбешку.

Куивера задержался у развилки. Коридор разделялся на два рукава, и оба рукава всего в нескольких ярдах разделялись снова. Он внимательно смотрел на стену. Райленд присоединился к нему и понял, что именно привлекло внимание Куиверы.

На гладкой стене коридора были видны длинные глубокие царапины, словно выкрошенные клыками какого-то невероятного чудовища.

— Кажется, они пользуются этим проходом, — весело сказал Куивера. — Если бы мы только знали, когда именно. Ладно, если вы не против, то охраняйте это место. — Он повернулся лицом к Райленду. — Если пиропод появится из этих коридоров, пока меня не будет, то… — Он сделал мрачное лицо, развел руками и исчез.

Райленд уцепился за выступ скалы и принялся ждать.

Он снова услышал это слово — пиропод — которое тихим, как бы застенчивым голосом называл доктор Трейл. Он как будто снова оказался на кушетке тераписта в «центре отдыха!», весь обклеенный холодными электродами, беспомощно ожидая, когда же кончится эта пытка. Райленд поежился, вспомнив безжалостную силу, старавшуюся вырвать потерянный секрет, которого он никогда не имел…

Или… он действительно когда-то знал, как построить нереактивный двигатель? Призрачный туман забытых и неразрешимых проблем прошлого хлынул в его сознание. Откуда-то раздался тихий насмешливый голос Анжелы, дразнивший его возможным ответом на загадку. Он — «подсадная утка», искусственный человек, созданный для диверсий против Плана, лишенный памяти о несуществующем прошлом.

Да, неплохой товарищ для дочери Планирующего. Он еще раз дал себе слово: ничего не рассказывать Донне о своем происхождении. Теперь, когда они так одиноки, когда в ее мире осталось только два живых человека — он и Куивера, — сможет ли она пережить потрясение,

узнав, что Райленд — ненастоящий человек?

Он нетерпеливо повел плечами, словно один этот жест был в состоянии развеять парализующий туман, окутавший его памяти, и объяснить истинную сущность его, Райленда, существа. Но этой старой загадке придется подождать решения, очевидно, до момента, пока не сработает часовой механизм воротника, который детонирует заряд и навсегда лишит хозяина кольца необходимости разгадывать загадки. Насущные проблемы требовали сейчас основного внимания.

В глубине пещеры было тепло, хотя основное тепло и свет производились фузоритами на поверхности рифа. Но Райленд вдруг почувствовал, что дрожит. Пироподы… Он помнил это слово и не хотел сейчас вспоминать, что ему рассказывали о пироподах. Так легче было сохранить самообладание.

Время шло.

Темно… тихо… пусто… Райленду вдруг начинало казаться, что темные стены сжимаются. Он вытирал вспотевшие ладони, касался стен и убеждался, что они на старом месте. Затем он усмехнулся. Приступ клаустрофобии — и это здесь! За миллиарды миль от Земли, внутри плы-

вущей в пустоте пылинки! Нелепость ситуации придала ему уверенность. И когда в дальнем проходе он увидел отсвет «факела» Куиверы, он уже был относительно спокоен.

Показался и сам Куивера со светящимся кристаллическим «мечом». Он весело приветствовал Райленда:

— Здесь тупик и никого нет. Очень хорошо.

Он подтянулся ближе к Райленду и заглянул в следующий коридор.

— Думаю, — с некоторым сомнением сказал он, — что эти коридоры мы пока оставим в покое. Похоже, они пустые, а обследовать их все — на это нужна неделя. Считай, что нам повезло, мой друг. Мы еще не познакомились с пириподом.

По призыву Куиверы пространственники плавно проплыли вниз по коридору, их красные носы помигивали, Посылая в глубину инфракрасные импульсы. За ними нерешительно следовала Донна, глядя по сторонам с детским любопытством и страхом.

— Здесь безопасно? — спросила она.

— Пока с нами воротник Райленда, мы в опасности, — спокойно ответил Куивера. — Что до пироподов, то я не уверен на все сто. Взрослых особей здесь точно нет.

Но какой-нибудь щенок может бродить где-нибудь рядом. Это не страшно. А пока — почему бы нам не устроиться поудобнее?

Три дня они работали без передышки. Пространственники все время беспокойно мяукали, потому что крейсер Плана по-прежнему находился где-то поблизости. Надо было ждать, и они принялись обустраивать свой новый дом.

В каверны и переходы они натащили растений, выделяющих кислород фузоритов, отгородили столовую, комнату для отдыха и спальни. Каждое помещение окутывалось лианами, устанавливались светящиеся кристаллы рубинов и топазов для обогрева и освещения.

Это было завораживающе красиво, Донна не могла удержаться от восхищенных восклицаний. И это было еще не все. Под руководством Куиверы Райленд научился плести сети и канаты из волокон лиан. Поверхность рифа снабжала их кристаллами и кусками металла — чистого железа, меди, алюминия, серебра. Из кусков они выковывали примитивные инструменты. Наконец они изготовили маскировочную сеть из лиан и кристаллов, которую натянули над входом в пещеру, чтобы скрыть его.

Куивера оценил работу хозяйским взглядом.

— Ладно, — сказал он с сомнением. — Сойдет. Хотя сеть могла бы быть толще, и все твои причиндалы можно было бы получше спрятать. Будем надеяться, что крейсер тебя не обнаружит.

— Меня? А вы?

— Я отправлюсь на основной риф. — На высохшем морщинистом лице Куиверы появилась радостная улыбка. — Я возьму там в помощь новых пространственников и Дондерево!

Райленду и Донне было жаль расставаться с ним, но их печаль не шла в сравнение с печалью расстающихся пространственников. Адам должен был нести на себе Куиверу. Чиквита оставалась с ними, чтобы поддерживать атмосферу и на случай бегства, если крейсер Плана все же вычислит их местонахождение.

Они смотрели вслед улетающему Куиверу. Несколько секунд спустя Куивера скрылся из виду. На миг Райленду показалось, что он заметил красную искру — нос Адама, повернувшегося, чтобы послать последний привет Чиквите. Они всматривались в пустоту, пока на глаза не навернулись слезы, и напрасно — без радара они были слепы.

Донна тронула Райленда за руку.

— Здесь так… одиноко, — прошептала она. —

Пойдем вниз.

— Обратно в пещеру! — насмешливо сказал он. — Каменный век! Самая подходящая обстановка для принцессы Планеты!

Она отодвинулась в сторону и через секунду вместе с Чиквитой исчезла за маскировочной сетью из лиан. Райленд же бродил по рифу, стараясь восстановить душевное равновесие.

Но успокоиться он не мог. Это было невозможно, пока он не избавится от кольца на шее, от этого страшного ошейника… пока не удастся проложить мостик через пропасть, отделявшую его от собственного прошлого, затянутого завесой противоречивых фактов и забытья.

Время шло. Они нашли себе занятия. И теперь чувствовали странную скованность в присутствии друг друга. Райленд едва узнавал в девушке самоуверенную дочь Планирующего, с ее обычным голубем мира на плече и охраной, готовой прийти на помощь по первому зову. Донна стала спокойнее и, казалось, моложе. Они разговаривали об ее отце, и впервые в жизни Райленд начал думать об этом полумифическом правителе как об обыкновенном человеке. Донна ужасно волновалась за него.

— Но ведь мы не могли ждать его, Стив! И все-

таки… лучше бы мы подождали…

Он снова спрашивал, почему Планирующему пришлось скрываться от Машины, и получил тот же ответ, что и раньше. То есть никакого ответа.

— Не знаю, Стив. Отец волновался. И причина всему — твои уравнения!

А это, само собой, заставляло Райленда возвращаться мысленно к своей прерванной работе, к той груде аппаратов и приборов, которые они притащили с собой. Но он только и мог, что разглядывать их. Для работы нужен был порядок и пространство, а на этом маленьком рифе не было ни того, ни другого.

Они жили словно на необитаемом острове, вылавливая маленьких летающих существ плетеной сетью, наслаждаясь плодами лиан. Райленд ужаснулся при мысли о радиации, которую они поглощали, но желудок его ликовал. Кроме того, думал он, мы не первые пробуем их и остались живы. Возможно, радиация имела здесь чисто световой характер или была разновидностью биолюминисценции, сходной с фосфорическим свечением светлячка.

Райленд снова расспрашивал девушку о том, каким образом Флимеру и его сторонникам удалось взять власть над Машиной, и снова получал

тот же ответ, что и раньше.

— Я не знаю, Стив. Но все это как-то связано с нереактивной тягой. Отец говорит, что поиски двигателя для межзвездных перелетов были им одобрены как часть первоначального Плана, встроенного в Машину. Когда он узнал о пространственниках, он начал прилагать усилия к изучению феномена. И сразу натолкнулся на фантастическое сопротивление людей вроде генерала Флимера. Я не знаю причин этой оппозиции. Это нечто большее, чем простое желание занять место отца. Каким-то образом они научились манипулировать Машиной, взяли ее под свой контроль. Но я верю, что мы сможем спасти и отца, и Машину, и План Человека… если узнаем секрет передвижения пространственников.

Это заставило Райленда взяться за сборку и настройку компьютера, привезенного с ракеты. Но туман в памяти стал еще гуще. Он сидел, уставясь на панель компьютера, и не мог ничего придумать, кроме того, что уже было сделано под началом генерала Флимера. Он не был уверен, что провал Групповой Атаки — дело рук генерала. К тому же, думал он, мало что можно сделать, сидя на крошечном космическом рифе. Даже если бы ему дали чертежи реального нереактивного

двигателя, он беспомощен без инструментов и мастерских.

Он оставил усилия, видя их бесплодность.

Проходили неделя за неделей. Чиквита взволнованно бродила по крошечному острову их маленького мира. Они не обладали способностью Куиверы угадывать настроение пространственников, но беспокойство Чиквиты было очевидным. Был ли тому причиной крейсер Плана? Или какая-то другая близкая угроза? Они просто не могли определить. Донна становилась все грустнее, потом они поссорились из-за какого-то пустяка, и она, разразившись рыданиями, прижалась к Райленду.

— Извини. Это потому, что я привыкла к комфорту. Слуги, чистая одежда, готовая еда. И власть. А теперь…

Она улыбнулась, глядя на Стивена. Однако Райленд отстранил девушку. Внутри у него бушевали необъяснимые чувства, с которыми он не мог справиться. Теперь настала его очередь хмуриться и раздражаться. Он сам этого не сознавал еще, но его внутреннее «я» уже стало полем боя. Война шла между здравым смыслом, с одной стороны, и растущей любовью к дочери Планирующего, с другой…

Даже сон его стал беспокойным.

Ему снилось, что он задыхается… Он сидел в своем кабинете, в нескольких милях под поверхностью Земли, в недрах лабиринта с кондиционированным воздухом, в котором работали обслуживающие Машину операторы. Он слышал стук в дверь, открывал, чтобы впустить Анжелу.

Но это была не она. Это была Донна Криири, в белом халате, как медсестра из орган-банка. Она принесла кофе и бутерброды на пластиковом подносе. Она подняла глаза на Стивена, закричала, уронила поднос.

— Дондерево! Это Дондерево!

Он хотел сказать ей, что она ошиблась, что он не Рон Дондерево, но вдруг оказался привязанным к кушетке тераписта, тело его сотрясала агония. И опять она подходила к нему, в белом халате, с тонким изогнутым скальпелем в руке, и на ее высокой груди алело вышитое сердце.

— И вы могли бы нам также сказать, — шептала она астматическим голосом доктора Трейла, — сказать нам, как построить нереактивный двигатель!

Он готов был помочь им. Схема четко светилась в его мозгу. Он не понимал, зачем весь этот шум и суета. Но сказать ничего не мог из-за спазмов,

сжавших горло железной хваткой. Да и Донна не позволила бы ему говорить.

Теперь у нее на голове был рогатый радарный шлем, и она насмешливо сказала голосом Флимера:

— Одно прикосновение, Райленд. Одно прикосновение к кнопке, и твой драгоценный секрет умрет вместе с тобой!

Затем он увидел лицо Анжелы. Кольцо на шее словно вспухло… И он проснулся, жадно ловя ртом воздух.

— Это был сон! — Рука в панике потянулась к кольцу.

Нет, не сон. Кольцо было на месте и наверняка должно было вот-вот взорваться. Воображение заставляло Райленда физически ощущать, как оно пульсирует, сдавливает пересохшее горло. Ему даже показалось, что он слышит внутри кольца тихое тиканье.

— Нет! — закричал он, выскакивая из плетеного гнезда лиан, где спал. — Кольцо взорвется, и не через год, а сейчас! — Закричав, он бросился к выходу из пещеры.

К нему подлетела Донна Криири, и ужас, написанный на ее лице, тут же заставил его забыть о собственном кошмаре.

— Что случилось?! — сурово спросил он.

— Стив… Чиквита… Она забралась в нижние коридоры, куда мы никогда не ходили, и… — Донна замолчала, не в состоянии договорить. Позади нее жалобно мяукнул пространственник.

Бок Чиквиты представлял ужасное зрелище — вдоль всего тела тянулся рваный след громадного острого клыка.

Глава семнадцатая

В пистолете было четыре патрона. Райленд еще раз проверил магазин, поблагодарил Куиверу, который не забыл оставить оружие, и направился вдоль коридора. Он ничего не сказал Донне Криири. Он не знал, что нужно сказать.

Значит, где-то внутри их рифа притаился пиропод…

В горле было сухо. Пиропод, то есть «огненогий», обитатель открытого космоса, напоминающий, как смутно помнил Райленд, обычную земную петарду. Райленд пытался представить пиропода и не смог. Да, Куивера был прав. Хищный космический зверь оказался вполне реальной опасностью.

Райленд остановился в конце коридора, который они Успели исследовать, поднял обломок зеленого кристалла, брошенный Куиверой. Кристалл ярко светился. Теперь это был единственный источник света для Райленда. Потом Райленд двинулся по одному из ответвлений.

Через пять минут он уже был в его конце. Тоннель Резко сужался, так что Райленд едва мог протиснуться, и свисавшие со стен и потолка

нити и кристаллы говорили, что здесь уже давно никто не появлялся.

Он отправился назад, к развилке, а потом по новому туннелю, который оказался более длинным и тоже заканчивался тупиком. Ему было трудно передвигаться в почти невесомом состоянии, а узкое сечение туннеля затрудняло прыжки.

Он вышел к началу нового разветвления и остановился. Впереди лежали два туннеля, огромные, темные и безмолвные. Воздух здесь был с неприятным кислым запахом порохового дыма.

Вход одного из туннелей был отмечен царапиной от гигантского клыка, подобно стене в туннеле у поверхности.

Райленд, не раздумывая, двинулся вперед.

Он почти сразу же оказался в небольшом зале, завис у входа, всматриваясь в темноту, которую едва рассеивал кристалл в его руке. Зал был грубого сферического сечения, противоположная сторона была плохо видна. В нише с одной стороны что-то лежало.

Очень осторожно Райленд приблизился.

Это было похоже на мусорную кучу. Но вдруг кровь ударила Райленду в голову. Куча представляла из себя гору костей и клыков какого-то невиданного животного. Некоторое время он

рассматривал эти странные останки, потом приблизился к ним и осветил их кристаллом. Ничего не произошло. В зале царили тишина и неподвижность.

Райленд отплыл в сторону.

У космоса собственные временные мерки. Куча непонятных костей и след клыка на стене будут такими же и через миллион лет. Пещера, несомненно, была давно покинута.

Он повернулся, чтобы уйти.

За его спиной послышался вопль и грохот. Он едва успел повернуться, как куча костей словно взорвалась.

От мгновенной смерти Райленда спас тот факт, что размеры пещеры были ничтожны по сравнению с космическим пространством. У пиропода, живой ракеты, не было возможности как следует разогнаться. Тем не менее, он атаковал Райленда с быстротой молнии. Это был очень крупный — больше лошади — экземпляр, и тело его покрывала броня зеркальной чешуи. Единственный глаз выдвигался вперед на тонком отростке, в виде большого зеркала. На переднем конце извивающегося червеобразного тела находился смертоносный клык. С ревом взлетающей ракеты монстр несся на Райленда. Его огромный

металлический клык зловеще поблескивал в полумраке.

Райленд мгновенно прицелился и выстрелил.

Даже сквозь рев живого ракетного двигателя он услышал звон и визг пули. Она рикошетом отскочила от зеркальной брони чудовища. Пироног не стал разворачиваться для новой атаки. Он повернулся к сторону Райленда хвостом. Хвост оказался еще более страшным оружием. Пламенем, с помощью которого пироног преодолевал огромные космические расстояния, он мог испепелить Райленда в мгновение ока, но тот успел уклониться. Разряд выхлопа прошел мимо, едва задев ногу, на которой Райленд потом обнаружил сильные ожоги. Райленд врезался в стену, перевернулся, как пловец в бассейне, и выстрелил три раза подряд.

Теперь обойма была пуста…

Но одна из пуль попала в цель. Ножка-отросток, на конце которой находился глаз пирогона, была повреждена. Глаз взорвался, и чудовище ослепло. Оно носилось по пещере, как взбесившаяся ракета, врезаясь в стены, отскакивая и снова устремляясь вперед. Пламя выхлопа лизнуло стену в опасной близости от Райленда.

Затем рев двигателя послышался в коридоре,

начал слабеть, удаляться, пока совсем не стих…

Райленд сильно ударился о стену, у него была обожжена нога, текла кровь из пореза, болел каждый мускул. После стычки он никак не мог отдышаться. Но ждать было нельзя. Он выпрыгнул в коридор. Наверху оставалась Донна!

Он летел по темным коридорам. Потеряв светящийся кристалл, Райленд пытался хоть что-нибудь рассмотреть в темноте, закрывая голову руками от ударов о стены. Хорошо все-таки, что туннель был такой узкий — он мог Двигаться лишь в одном направлении.

И наконец, после бесконечного полета он увидел свет.

Повернув в очередной раз, Райленд увидел спешащую к нему Донну Криири. В руке у Донны был кусок лианы со светящимися фузоритами.

— Стив! Слава богу!

Она бросила ему конец лианы, он ухватился, и они подтянулись друг к другу. Райленд ухватил Донну за плечо.

— Пироподa! Где он?

— Улетел. Он пронесся мимо, а я задерживать его не стала, ведь у меня не было атомного гарпуна. Думаю, больше мы его не увидим.

— Он прятался в куче костей, — устало сказал

Райленд. — Я… я, кажется, попал ему в глаз.

— Да, по крайней мере, он вел себя как слепой. И… Стивен!

Он не сразу понял, в чем дело. Нервная реакция? Стресс? Он постарался приободрить девушку.

— Он не вернется, Донна, ты сама ведь сказала…

— Нет-нет, это из-за Чиквиты… Стивен, кажется, она умирает.

Он кивнул.

— Бедняга. Но за нее мы отомстили.

— Но что будет с нами, Стив? Ты забыл, что, если умрет Чиквита, некому будет удерживать пригодный для дыхания воздух!

Пространственник неподвижно лежал в небольшой пещере, оплетенной лианами.

Время от времени Чиквита беспокойно вздрагивала. Она казалась одновременно осунувшейся и какой-то обмякшей. Мех потерял блеск. Нос перестал светиться, стал черным, сухим, холодным. Райленд пощупал ее горячий бок и предположил, что у нее жар. Температура тела пространственника была выше, чем в тот раз, когда на ее спине он бежал из орган-банка. Казалось, Чиквита понимала Райленда. Она слабо шевельнула черным языком — единственное усилие, на которое была

способна.

— Мы ничем не сможем помочь, — медленно сказал Райленд.

— Кажется, ее беспокоит свет.

— Хорошо. Это, по крайней мере, в наших силах.

Но затенить пещеру оказалось непросто. Они нашли какие-то растения, которые почти не светились, и начали перетаскивать их в пещеру, пока она не превратилась в полутемную нору. В глазах Чиквиты читалась слабая благодарность. Но вид у пространственника был очень плохой.

Они оставили ее одну и вышли на поверхность. Полная беспомощность буквально сводила с ума. Райленд уцепился за выступ у входа в пещеру и уставился в пустоту, на звезды. Где-то там невидимые, но реальные были рифы. Большие, настоящие рифы, где удалось выжить бежавшим из-под власти Плана, где жил Рон Дондерево, человек, родившийся в космосе, сначала студент, потом пленник на Земле. Он носил железный воротник опасника — такой же воротник, который сейчас душил Райленда, и он смог его снять. Он рассказал Планирующему о нереактивной тяге, был списан в орган-банк, и Чиквита помогла ему бежать обратно в рифы.

Но… был ли он сверхчеловеком, суперменом?

Смог бы он снять кольцо с Райленда здесь, в рифах, без сложного хирургического оборудования, имевшегося в орган-банке? Смог бы он заполнить пропасть в тумане прошлого, мучившего Райленда? Или его просто не было вообще до того момента, когда из остатков утилизованных врагов Плана было слеплено думающее двуногое существо без прошлого?

К этому времени Куивера должен был добраться до рифов. Может, они уже на обратном пути! Может, через пару дней они доберутся до маленького рифа и найдут Райленда и Донну!

Найдут ли?

Скорее всего, они найдут их трупы.

Время шло, Чиквита все еще была жива, хотя с каждым днем слабела.

Рифы Космоса превратились в мечту Райленда. Он потерял чувство времени. Часов у него не было, по небесным телам он тоже не мог отмечать течение времени. С большим трудом Райленд отыскал Алголь и начал вести вахту звездочета — период изменения яркости звезды должен был стать его часами.

Донна мягко сказала:

— Это не поможет. Ты ведь не знаешь, когда

должен сработать воротник.

Он понял, что Донна читала даже те из его мыслей, о которых он сам не подозревал. Чиквита может выжить, крейсер Плана может не найти их, но кольцо-убийца все Равно настигнет свою жертву. Можно убежать от радаров крейсера, можно добраться до рифов и укрыться там от сверхмощного импульса, который пошлет через всю систему Машина. Но невозможно остановить часовое устройство, безжалостное, неумолимое. Самое большее, через год оно взорвет воротник…

Основываясь на наблюдениях за Алголем, на тщательном восстановлении в памяти предыдущих событий, Райленд предположил, что шесть месяцев из этого срока уже прошли.

Чиквита была очень плоха.

Рана от клыка пиропода начала зарастать, но жар не спадал. Казалось, ее мучит жажда, хотя пить она не хотела. Похоже, ей не давала покоя боль. Лишь тихое, жалобное мяуканье доносилось из укрытия, где она лежала.

Наконец, Райленд принял решение и отправился наверх. Всего несколько секунд спустя Донна последовала за ним.

— Что ты делаешь? — резко спросила она.

Райленд замер над грудой аппаратуры с иссле-

довательской ракеты, которую он предполагал использовать совсем для другой цели.

— Как там Чиквита? — спросил он, продолжая работу.

— Я спрашиваю, что ты делаешь?

— Хочу собрать передатчик и связаться с Куиверой, если получится, поторопить его…

— Или связаться с крейсером лана?

— Почему бы и нет? — решительно сказал Райленд. — Возможно, мы слишком понадеялись на удачу! План Человека достаточно благоразумен. Они возьмут нас на борт, если я сдамся. Это не хуже, чем ждать смерти.

— Стивен! — она посмотрела ему в глаза. — Я не пущу тебя обратно!

— Какого черта ты мне приказываешь? — крикнул он в приступе холодного гнева.

Она приложила палец к его губам.

— Не надо, — прошептала она. — Я не пущу тебя. И к тому же, кажется, уже все равно поздно.

Потребовалась секунда, чтобы он понял.

— Чиквита!

Обогнав девушку, он стремительно полетел вдоль туннеля к умирающему пространственнику. Чиквита уже не реагировала на окружающее, едва дышала, лежала совершенно неподвижно.

Живот у нее раздуло — словно от голода. Тело еще больше осунулось и сморщилось. Теперь она была похожа на голодного ребенка из рассказов о древних засухах в странах Востока.

Райленд протянул к Чиквите руку… И опустил ее.

Слишком поздно, все было кончено. Пространственник перестал дышать.

Машинально Райленд погладил тускнеющий золотистый мех на холодной шее. Да, она умерла.

Непонятно было, как долго продержится поле, дающее им воздух.

Райленд этого не знал. Например, биолюминесценция светлячков наблюдается в течение нескольких часов после смерти организма. Схожи ли эти два эффекта между собой? Вероятно, нет. Странная сила, которую использовал пространственник, вряд ли имела связь с зеленоватым свечением поля. Эта сила могла продержаться еще несколько минут или исчезнуть в любое мгновение, и тогда они погибнут во взрыве вырвавшегося в пустоту воздуха.

— Стивен, — тихо сказала девушка, — давай поднимемся наверх. Там видны звезды.

Риф, маленькая полая планетка, медленно

вращалась, очевидно, благодаря какой-то предсмертной судороге пространственника. Наверху им открылось все звездное великолепие неба. И само Солнце, желтая, далекая звезда, показалось им сквозь лианы прожектором идущего вдали поезда.

— Солнце, — прошептал Райленд. — По-прежнему, самая яркая звезда. Мы не так далеко ушли.

Потом он взглянул на главные созвездия — они выглядели странно, словно припорошенные звездной пылью, но все же были различимы. Могучий Орион, туманное скопление Плеяд, серебристый рукав Галактики. Вот она, с горечью подумал Райленд, новая империя, которую он хотел помочь завоевать для Человека. И он проиграл.

Как это ни странно, он испытал умиротворенность. Они все еще были живы. И только это казалось Райленду важным. Смерть пространственника лишила их последней надежды, и теперь каждая секунда стала драгоценностью. Каждая секунда была наслаждением.

Райленд висел, уцепившись за выступ космического коралла, рубиновый и серебряный. В его руках невесомым грузом покоилась Донна Крии-ри. Они разговаривали просто так, только чтобы

не молчать. Каждый хотел что-нибудь сказать.

Они обходили молчанием только один факт — висящую на волоске собственную жизнь.

— Отец, наверное, еще на Земле, — сказала Донна. — Он не получил моего сообщения. Иначе он догнал бы нас. Стив, он всегда был очень занят, и я за это обижалась на него, но… О Стив, как я теперь жалею!

— Ты, наверное, не помнишь, — сказал Стивен. — Ты была в ванной, я случайно попал туда, смутился. И ты, наверное, тоже. Нет, ты совсем не смутилась, у тебя были голуби, они едва не заклевали… как его звали? Опорто. — Удивительно, подумал Райленд. Я почти забыл имя человек который когда-то был моим близким другом.

— Голуби мира — это придумал отец, — сказала Донна. — Если ты ненавидишь черное, назови его белым и будешь любить. Потому он и назвал убивающую машину «голубем мира». Он всегда любил хвастаться, что он — первый правитель на Земле, которому не нужны телохранители. Но как еще назвать моих голубей и его ястребов?

И Райленд сказал во внезапном приступе изумления:

— Донна! Мы до сих пор живы!

Глава восемнадцатая

Они удивленно посмотрели друг на друга, потому что это в самом деле было так. Они не умерли от недостатка кислорода. Окружавший их маленький мир рифа был цел и невредим.

— Но пространственник наверняка умер! — воскликнула Донна.

— Нет сомнений. Я ничего не понимаю!

Они с тревогой смотрели вокруг. Сияли звезды — и это было все, что они могли увидеть сквозь границы маленького воздушного пузыря, составлявшего весь их мир.

— Смотри! Там! — воскликнул Райленд. — Что это?

На краю рифа вдруг словно произошел небольшой беззвучный взрыв. Паффф! Взлетело облачко тумана. Колония летающих полурыб-полуптиц, кружевное плетение лоз фузоритов, целое скопление цветов, горящих Жидким золотом — все это было отброшено в сторону. Но затем потревоженный покой восстановился.

Очертания воздушного пузыря изменились. Один край мира потерял воздух. На какую-то тягостную секунду Райленду показалось, что это

и был конец, которого они Ждали. Непонятные силы, еще державшие воздух вокруг рифа, были на исходе. Они встретились лицом к лицу со смертью. Донна в ужасе прильнула к Райленду.

— Тут что-то не так, Донна, — прошептал он. — Происходит что-то непонятное. Если поле пропадает, то оно пропадает сразу и полностью.

— Но что же это, Стив?

— Посмотрим!

Они быстро вернулись в пещеру. В мозгу Райленда вертелось какое-то кошмарное видение: их мир гибнет, все миры гибнут, все солнца, потому что Райленд не смог изобрести нереактивный двигатель для межзвездного полета… теперь они были обречены на гибель.

В зеленоватом полумраке укрытия лежала мертвая Чиквита. Да, ошибки быть не могло, она умерла.

Но рядом с ней…

Рядом с ней что-то двигалось! Что-то вздрагивало и пыталось подняться в воздух! И оно полетело к ним — маленькое, меньше, чем Донна, сущая игрушка рядом с мертвой Чиквитой.

Это был маленький пространственник!

Детеныш пространственника! Его красный нос помаргивал, он смотрел на Райленда и Донну

яркими дружелюбными глазами.

— Ой, маленький! — воскликнула Донна, протянула руку, пространственник лизнул пальцы длинным черным языком.

— Смотри! — прохрипел пораженный Райленд, показывая рукой.

Еще одно маленькое тюленеобразное создание, и еще, и еще, казалось, их целый десяток, они танцевали в воздухе вокруг Райленда и Донны, тыкались носами, которые смешно пульсировали красным, розовым, пурпурным и оранжевым цветами.

— Чиквита умерла, но дети ее живы! — тихо сказал Райленд.

Всего детенышей было восемь — хотя пересчитать юркие, как ртуть, фигурки было нелегко. Восемь маленьких пространственников, веселых, как щенки.

Были ли они рождены уже после смерти матери, благодаря какой-то загадке организма пространственника? Или родились раньше? Райленд знал только, что они здесь.

— Слава богу, — прошептала Донна, когда Райленд вынес одного детеныша на свет, чтобы рассмотреть его получше.

— Слава, слава, — пробормотал Райленд. —

Смотри, донна, они совсем как взрослые, только маленькие. Они родились полностью сформировавшимися — ясно, они в состоянии поддерживать атмосферное поле, могут создавать нереактивную тягу! К счастью для нас. Хотя… — Он вспомнил маленький взрыв на краю рифа, — им придется немного потренироваться.

Он вдруг замолчал.

За воздушной границей атмосферного «пузыря» что-то двигалось и помаргивало.

— Ракета Плана! — в ужасе закричала Донна.

— Нет! — крикнул Райленд, подпрыгивая и зависая в воздухе. — Разве ты не видишь? Оно слишком маленькое для такого большого корабля! Это пространственник! Куивера вернулся… И с ним кто-то еще! Он привез Дондерево!

Дондерево! Гигант шести футов и восьми дюймов роста, с черным от загара лицом, сияющими голубыми глазами! Пространственник ловко вплыл в воздушный пузырь рифа. Рон Дондерево соскочил с его спины.

— Донна! — воскликнул он, хватая девушку за руку.

Донна радостно обняла его, прижимаясь щекой к бронзовой щеке. Когда она освободилась, она повернулась к Райленду.

— Рон, это Стивен Райленд.

— Я вас помню, — прошептал Райленд. — Я был кадетом Технокорпуса, мне было всего восемь лет. А вы были студентом-медиком, носили кольцо, потому что ваши люди не покорились Плану…

Гигант со смехом пожал ему руку. Потертая кожаная куртка Дондерево была распахнута у шеи. Шея казалась бронзовой мускулистой колонной. На ней виднелся тонкий Шрам, но не было кольца.

— И я помню тебя, — пророкотал гигант. — Я всегда восхищался твоим отцом. Он был не только математиком, но и историком, философом. Он был тем человеком, который помог мне понять истинное значение освоения космоса.

— А воротник? — перебил его Райленд. — Вы действительно смогли его снять?

— Да. Я избавился и от воротника, и от уютного места в заведении, именуемом «Небеса», — кивнул Дондерево торжественно. — Мне повезло больше, чем твоему отцу.

— Я не знаю, что с ним случилось.

Райленд перевел дыхание и хотел задать еще один вопрос, но горло вдруг перехватило. Он хотел спросить у Дондерево, каким образом тот

избавился от кольца, но боялся, что Дондерево подтвердит рассказ Анжелы Цвик — будто бы Райленд был не человеком, а «подсадной уткой», которую склеили хирурги под кольцо Дондерево, чтобы скрыть побег.

— Рон, — голос Донны немного дрожал от волнения, — ты сможешь снять кольцо со Стива?

— Только не тем способом, каким сняли мое, — покачал головой Дондерево. — Мой воротник сняли в хирургическом центре орган-банка. Работало полдесятка хирургов в отлично оборудованной операционной.

— А что сделали с вашим воротником? — перебил его Райленд.

— Я обещал не рассказывать.

— В этом кольце, — начал Стивен, но запнулся, прокашлялся, — был собран человек, «подсадная утка», что-то вроде гомункулуса, чтобы отвлечь внимание, пока вас не увезет пространственник.

— Да, это так. — Дондерево кивнул небрежно. — Но теперь это не имеет значения.

Для Райленда это имело очень большого значения. По коже побежали холодные мурашки… наверное, вот такой холодной и противной она была до того, как его тело было собрано из разных частей и органов. Он почувствовал отвратитель-

ное сосущее движение в желудке.

— Что с тобой, Стив? — спросила Донна. — Ты так побледнел.

Он не мог ей объяснить, что «подсадной уткой» был, скорее всего, он.

— Я надеялся, что вы сможете снять мое кольцо, — сказал он Дондерево. Вопрос был достаточно важный, чтобы объяснить волнение. — Вы изучали медицину… может, вам удалось бы сделать операцию?

Дондерево отрицательно покачал головой, но вдруг пристально всмотрелся в лицо Райленда. Потом бросил взгляд на Донну, снова посмотрел на Райленда. Лицо его вдруг дрогнуло и побледнело под бронзой загара.

— Наверное, можно попробовать, — неохотно сказал он. — Конечно, вы понимаете, у меня нет опыта и оборудования орган-банка. При операции в таких условиях — без ассистентов, с походными инструментами — обещаю только один шанс из четырех, что вы останетесь в живых, один шанс из пяти, что вы снова сможете ходить, даже если останетесь в живых.

Чувствуя, как кружится голова, Райленд облокотился о большую кристаллическую ветвь. Радужные птицерыбы взлетели стайкой и, мер-

цая, поплыли прочь.

— Однако, — сочувственно пробасил Дондерево, — ты прав, Стив, другого выхода нет. План может убить тебя в любой момент. Ракета всего в трех милях отсюда. Нажмут на кнопку и… пафф! Транслируется твой кодовый импульс, и ты — мертвец. А так же я, старый Куивера и Донна, — добавил он. — Поэтому ты совершенно прав, Стив. Мы должны спасти тебя или погибнуть все вместе.

— Расскажите, как это будет, — бесцветным голосом сказал Райленд. — Что вы будете делать? Я хочу знать.

Дондерево колебался, потом начал объяснять.

Голос Дондерево, глубокий и низкий, напоминал ворчанье тигра, но руки были миниатюрными, как у девушки — могучий Рон Дондерево сделал для Плана много операций!

На земле, в орган-банке, имелось все, чего нельзя было раздобыть здесь. Там были в достатке медсестры и ассистенты-хирурги (здесь он располагал только Донной и старым Куиверой). Склады были полны медикаментами и оборудованием. Здесь у него было только то, что удалось погрузить на пространственника. Этого хватит, конечно, если все пройдет благополучно.

Но резерва у них не было. Если выйдет из строя кровяной насос, заменить его будет нечем. Там, в орган-банке, в распоряжении хирургов имелся неограниченный выбор органов и частей тела. Здесь же их было только четверо, и лишних органов ни у кого не наблюдалось.

— Сначала, — объяснил Дондерево, — нужно будет создать асептическое пространство вокруг Райленда и подвергнуть его анестезии. Это будет довольно просто, Учитывая почти полное отсутствие гравитации и тот факт, что только люди могли занести сюда какой-нибудь микроб. — Дондерево продемонстрировал небольшую желтую трубку — распылитель универсального полибиотического аэрозоля.

Скальпели, зажимы, ретракторы, нити для швов уже стерильные — эти принадлежности были извлечены из блестящих контейнеров. Донна побледнела, но продолжала внимательно слушать Дондерево, глядя на блестящие инструменты. Лишь на миг она потеряла контроль и отшатнулась, когда Дондерево живописно повествовал, как скальпель проведет первую красную линию по шее Райленда.

— Ткань эпидермиса и лежащие под ней мышцы будут рассечены и оттянуты назад, словно

чулок. Большие трапециевидные мышцы придется рассечь, зажать и держать — важно, чтобы они оставались в напряжении. Малый кровеносный сосуд шеи придется перевязать, большие сосуды — сонную артерию, яремную вену, сосуды спинного мозга — нужно быстро перерезать и подсоединить к двухкамерному механическому сердцу. Запас крови в камерах искусственного сердца поможет сердцу Райленда справиться с неизбежной потерей крови. Потом настанет очередь нервов — они будут осторожно препарированы, рассечены и присоединены к пломбам из органического серебра, которые только и делали пересадку органов возможной. Нервные ткани плохо восстанавливаются у высших позвоночных — если не оказать им помощи, не стимулировать. Органическое серебро — тот припой, который в виде сплетения тонких проволочек позволяет нервам сохранять проводимость. Иначе, когда будут рассечены основные шейные ганглии, многие участки тела Райленда начнут конвульсивно сокращаться. Затем настанет черед костей. Ультразвуковая пила вопьется в третий шейный позвонок. Спинной мозг будет раскрыт, запломбирован, «запаян». Внутримозговая жидкость…

— Достаточно, — сказал Райленд, с заморожен-

ным, как маска, лицом. — Я все понял, больше объяснять не нужно. — Его глаза встретились с глазами Донны, он хотел что-то сказать, но не смог. — Начинайте, — сказал Райленд. — Начинайте операцию!

Он шагнул вперед, лег на импровизированный операционный стол и стал ждать, пока Куивера привязывал его. Потом Дондерево кивнул Донне, она шагнула к Райленду с анестезионной маской в руках. Лицо ее вздрагивало, она едва сдерживала слезы.

— Прощай, моя единственная, — прошептал он. — Но не навсегда.

Потом он позволил накрыть лицо маской.

Кристаллические деревья мягко поплыли на него. Маленький риф сложился, как бутон, а сам он оказался в сердцевине этого бутона, в жидком золоте, словно в цветке…

Райленд потерял сознание.

Глава девятнадцатая

Он потерял сознание. Но где-то в глубине мозг продолжал лихорадочно работать.

Ему снился сон. Память вдруг прояснилась. Окутывавший ее туман начал рассеиваться. Этот туман преследовал его с самой Земли. Он и сейчас закрывал все вокруг — холодный, безмолвный, липкий. Все вдруг переменилось и вывернулось наизнанку.

Он больше не лежал в походной хирургической палатке. Теперь его держали ремни кушетки тераписта. Над ним склонились доктор Трейл и генерал Флимер.

— Признайтесь нам, Райленд, — хрипел настойчивый голос Флимера. — Мы знаем, что в дверь к вам постучали и телетайпистка вышла за бутербродами и кофе. Мы знаем, что вы оставили бумаги на столе и пошли открывать двери. Кто там стоял?

И он вдруг вспомнил.

Каким-то образом анестезия рассеяла туман амнезии. Это была не Анжела Цвик! И не полиция Плана — они действительно пришли только в следующий понедельник. За дверью стоял ху-

дой мужчина в испачканной кровью Рабочей униформе. Он сгибался под тяжестью плотно набитого саквояжа — типичного полетного саквояжа космонавта.

— Хоррок!

— Тс-с-с…

Райленд впустил его в комнату, запер дверь. Хоррок бросил саквояж, тяжело оперся о стол. Он дышал с трудом. На губах выступила розовая пена, брызги сукровицы падали на желтую телетайпную бумагу на столе.

— Все ранены, — сказал Райленд. — Я вызову врача.

— Это может подождать, — прошептал Хоррок. — У меня для вас сообщение, очень срочное. От вашего старого друга…

Райленд усадил его в кресло, выслушал сообщение. Хоррок задыхался, иногда трудно было разобрать слова. Старым другом был Рон Дондерево. Хоррок виделся с ним в маленькой колонии на незарегистрированном астероиде, где корабль полковника Лескьюри сделал остановку для пополнения запасов реактивной массы.

Само сообщение потребовало от раненого Хоррока усилий и времени, и еще больше времени ушло у Райленда, чтобы разобраться в сообще-

нии. В начале говорилось о рифах Космоса и особой форме жизни — фузоритах, которые эти рифы построили. Самыми основными в сообщении были сведения о пространственниках и их способе передвижения.

— Дондерево хочет, чтобы вы знали — в открытом космосе тоже есть жизнь, — с трудом прохрипел Хоррок. — Это новый край для освоения — живой и бесконечный. Но с помощью ракет его не освоить. Нам необходим двигатель без реактивной тяги…

Райленд попытался объяснить раненому, что такой двигатель невозможен — он противоречил бы третьему закону Ньютона.

— Неправильно… — перебил Хоррок. — Пространственники ведь летают. Дондерево велел сказать… чтобы вы это знали… И еще. Ваш отец ему рассказал… Эффект открытого края…

Хоррок закашлялся, брызгая красноватой слюной.

— Простите! — прохрипел он. — Это означает, что замкнутое пространство освоения — это замкнутое общество, как в системе Плана. Открытые границы, открытый край — это рифы. — Он опять закашлялся, с трудом отвернулся в сторону. — Это свобода навсегда!

Райленду потребовалось некоторое время, чтобы осознать значение сказанного, но когда он более-менее освоился с основными фактами сообщения, он начал понимать, что произошло с его отцом. План существовал для управления замкнутым обществом, дошедшим в своем расширении до границ дальности полета ионных ракет. Отец Райленда видел бесконечные возможности развития в освоении межзвездного пространства — но даже мечта об этом считалась предательством в замкнутом мире Плана.

— Дондерево знает Планирующего Криири… — закончил свой рассказ Хоррок. — Кажется, ему можно верить… он сможет понять, что человек важнее Плана… Если только показать ему работающий нереактивный двигатель. Но Дондерево сказал… больше никому не доверять.

Передав сообщение, Хоррок отказался от помощи врача, позволил только сделать укол эвабиотика из набора первой помощи, который стащил с «Кристобаля Колона» вместе с саквояжем. Потом он спрятался в комнате отдыха, опередив возвращение Анжелы Цвик с подносом бутербродов и кофе. Когда Райленд избавился от Анжелы, Хоррок уже успел исчезнуть.

Райленд едва мог поверить в рассказы Хоррока,

но тот оставил испачканный кровью саквояж. Райленд вывалил содержимое на стол и, пораженный, замер. Здесь были большие светящиеся восьмигранники-кристаллы из углеродного коралла. Были потрясающие стереоснимки рифов Космоса, пироподов и пространственников. Была тетрадка с наблюдениями Рона Дондерево, доказывавшими, что пространственники в самом деле летают, не используя реактивную тягу.

Райленд, веривший только очевидным фактам, задумался. Как сказал Хоррок, по мнению Дондерево, одного факта полета пространственников должно было хватить для поиска ответа на загадку нереактивной тяги. Вывести из него все остальное было уже легко.

Как математик, Райленд понимал, что части уравнения должны быть равны. Как физик, он знал, что физически уравновешивающее количество может быть неуловимым. Примером могло служить нейтрино, необходимое для уравновешивания ядерных реакций, то есть их уравнений. В его собственных уравнениях, описывавших создание нового вещества и расширение Вселенной, новая масса «Х» вновь появившегося вещества была еще неуловимее, чем нейтрино, потому что он не мог определить даже природу

этой массы.

И теперь он понял. Истина, заключенная в простом факте полета пространственников, была так же проста, как дважды два — четыре. Неизвестное количество, равнявшееся новой массе в его уравнениях, наконец было идентифицировано.

Это была кинетическая энергия! Момент движения, заключенный в разбегающихся Галактиках, которые неизбежно расталкивала расширяющаяся Вселенная!

С удовлетворением профессионала он отметил, что третий закон движения вовсе не нарушается. Он просто трансформируется. Кинетическая энергия летящего пространственника точно уравновешивается эквивалентной энергией новой массы. Реакция описывается классическим уравнением зависимости энергии и массы: $E=mc^2$. Последний множитель, квадрат скорости света, означал, что ничтожная масса была эквивалентна гигантской кинетической энергии. Вот почему он так долго не мог определить фактор X. Даже самый долгий полет пространственника создаст неощутимо малое количество атомов водорода, которые прибавятся к облачку, созданному жизнедеятельностью пространственников.

Запершись в кабинете, Райленд взялся за ра-

боту. Прилив энергии смел всякую усталость и даже страх. Простое замещение моментом движения неизвестного множителя в его уравнениях теперь позволило Райленду развить целую теорию. Простое преобразование описывало поле, необходимое для создания новой массы и эквивалентного момента движения. Более сложными были вопросы материалов и конструкции, но к полудню в воскресенье он уже составил полное описание нереактивной тяговой системы с эффективным усилием в полмиллиона тонн.

Почувствовав внезапный голод и усталость, он побрел в безмолвную темноту туннеля, чтобы умыться в лаборатории. Раковина до сих пор была испачкана кровью Хоррока. Он доел последний засохший бутерброд из хлореллы, допил остатки горького дрожжевого кофе и заснул в кресле. Последняя вялая мысль перед погружением в забытье была: как добраться до Планирующего Криири?

Он проснулся рано утром в понедельник. Шея затекла, его мучило воспоминание о кошмаре, в котором он и Хоррок спасались бегством от Полиции Плана. Он спрятал полетный саквояж за ящиком картотеки, сунул испачканные кровью бумаги в люк мусоросжигателя, упаковал

записки своей работы и стереоснимки рифов в чемоданчик.

За два часа до прихода Анжелы и Опорто он поспешно покинул кабинет; вышел в лабиринт серых туннелей, соединявших сектор компьютеров Планирующей Машины и рабочие помещения людей Планирующего.

«Никому больше не доверяй...» — вспомнил он.

В туннелях царил полумрак. Прохладный воздух с тихим гулом вырывался из раструбов вентиляторов. Утренний час пик, когда клерки побегут на рабочие места, еще не начался, лишь время от времени Райленд встречал техника в сером комбинезоне. Как странно было это напоминание о милях камня и грунта над головой, когда в руках был ключ к звездам!

Хотя ему не приходилось бывать в приемной Планирующего, он знал дорогу. После того, как он вышел из автоматического лифта, его внимательно осмотрел охранник и взмахом руки разрешил пройти. На стене висел предостерегающий плакат: «Ограниченный доступ! Вход для опасников только под охраной!»

Но Райленд не был опом. Его шею еще не обременял воротник безопасности.

Перед входом в помещение Планирующего новый охранник еще раз изучил значок Райленда, потом выбил его номер на телетайпе. Райленд затаил дыхание, ожидая ответа Машины. Но охранник поднял глаза от стучащего телетайпа, и невольное уважение смягчило строгую официальную маску лица.

— Проходите, сэр.

Девушка за телетайпом в приемной потребовала назвать причину визита. Он объяснил, что у него секретное сообщение для Планирующего Криири. Она попросила указать характер сообщения. Райленд отказался, настаивая, что секретность слишком велика и говорить он может только с Планирующим. Тогда она направила его к помощнику.

Старший помощник оказался громадным толстым человеком с выпученными лягушачьими глазами и синеватым лицом. На полированной дощечке на столе было впечатляюще начертано: «Генерал Флимер». В выпученных глазах читалось цепкое любопытство по поводу донесения Райленда.

Планирующий Криири? К сожалению, он еще не вернулся из недельной поездки вместе с семьей. Несомненно, в конце недели он будет

на месте, но и тогда едва ли выкроит минуту — слишком напряженное у него рабочее расписание. Хотя Планирующий Криири знает о заслугах автора новых геликальных катушек для субпоезда, но обязанности Планирующего столь обширны, что ему приходится перекладывать часть дел на подчиненных. Генерал Флимер также намекнул, что те люди, которые выказывают недоверие помощникам Планирующего, редко имеют возможность лично встретиться с ним.

Видя, что иначе он ничего не добьется, Райленд крайне неохотно оставил сообщение для Планирующего, указав, что речь идет о Роне Дондерево и новом двигателе для ракет. Генерал Флимер угрюмо пообещал дать ему знать, если Планирующий Криири решит принять Райленда.

Когда Райленд вернулся в кабинет, было далеко за полдень. Следов Опорто и телетайпистки в кабинете не обнаружилось, словно они вообще не приходили на работу.

Испачканный пятнами крови саквояж Хоррока по-прежнему лежал за ящиком картотеки. Из телетайпа на пол свешивалась набежавшая бумажная лента. Он запер дверь и начал искать место, чтобы спрятать описание нереактивного двигателя.

Среди справочников на полке места не было. Щель между ящиком и стеной и так вызывала подозрение. В столе не было тумбочек и ящиков. Прятать описание было некуда… кроме собственной памяти.

Он бросал листы чертежей в люк мусоросжигателя, когда в дверь громко и требовательно постучали…

Так он стал гостем «центра отдыха», этой камеры пыток, глубоко спрятанной под землю. Камеры слева и справа были заняты неблагонадежными хирургами, уличенными в каком-то антиплановом деле. Терапевтический кабинет дальше по коридору был занят странным антиплановым существом. Его создали хирурги из отходов тканей в орган-банке. Существо бешено металось под ремнями, пока не умерло.

Потом с хирургами было покончено. Оставались только Хоррок в соседней камере и Опорто в камере напротив. Но Райленд видел их редко, основное время его держали в терапевтической, где недавно умер гомункулус.

Райленд был пристегнут к кушетке, шею сдавливал железный воротник, электроды впивались в дрожащее тело. Безжалостный свет бил в лицо. Толстый терапист в белом халате склонился над

ним, хрипло повторяя вопросы.

Какое сообщение передал ему Рон Дондерево через Хоррока?

Где обитают пироподы, фузориты, пространственники?

Как построить нереактивный двигатель?

Сначала он мог еще отвечать, но кольцо раскаленным обручем сжимало горло.

Даже когда Райленд окончательно сломался и готов был с радостью доверить любому все, что знал, они не позволяли ему произнести ни слова. Они старались выдавить из него даже мечту о побеге.

Дондерево?

Рифы Космоса?

Нереактивная тяга?

Мягкий, настойчивый голос не умолкал, агония продолжалась, пока все прошлое не исчезло в тумане боли и безумия. Даже воротник перестал его душить — он больше не пытался что-то сказать. Он даже не пытался думать — память Райленда было блокирована.

Глава двадцатая

Райленд пришел в себя. Яркий свет заставил его зажмуриться, но он заметил, что над ним склонился человек в белом.

Он не сразу понял, что это не доктор Трейл, а Дондерево. Еще больше времени ушло, пока он вспомнил, что находится в пещере — настолько он был уверен, что увидит сейчас белые стерильные стены терапевтической. Он лежал на самодельном операционном столе, ремни были отстегнуты. Постепенно он приходил в себя, вспоминал, что к чему. Вот стоит Дондерево, а девушка, повернувшаяся спиной — это Донна Криири, а другой — это…

И вдруг Райленд вскочил, широко раскрыв глаза — третьим в импровизированной операционной был не Куивера. Это был офицер Технокорпуса, и он наблюдал за Райлендом с хладнокровием кобры, приготовившейся к прыжку.

Рука Райленда метнулась к шее.

И коснулась привычного холодного закругления воротника. Кольцо было на месте. Он продолжал оставаться опом, и жизнь его зависела от прихоти любого охранника с радарным

пистолетом или от поворота контакта в недрах Машины.

— Что… Что случилось?

— Мы опоздали, — с сочувствием сказал Дондерево. — Едва мы начали операцию, как пространственник почуял приближающийся крейсер. Он пробил воздушный пузырь рифа. Мы зашили твои порезы, и вот теперь мы снова под опекой Плана Человека. — Дондерево машинально потрогал шрам на шее. — Мне очень жаль, что ты остался с воротником, Райленд. Но, если не ошибаюсь, скоро и я надену такой же.

Девушка повернулась, и Райленд получил третий удар. Потому что это была не Донна.

— Где Донна? — спросил он.

— Она в безопасности, — пророкотал Дондерево. — Насколько вообще человек может быть в безопасности под властью Плана. На крейсере ее отец. Она сейчас с ним.

— Могу ли я… — Райленду пришлось остановиться на секунду и сглотнуть, память об агонии парализовала горло. — Могу ли я их видеть?

— Я скажу, что ты пришел в себя, — согласился Дондерево. Он направился к выходу, потом с сомнением повернулся к Райленду. — Я хочу тебя предупредить… Не рассчитывай на помощь

Криири. Он, собственно, уже не Планирующий. Он сам теперь носит воротник.

Райленд, закутавшись в простыню, сидел на краю стола. В пещеру влетели Донна и ее отец. Хотя бывший Планирующий нежно улыбался дочери, лицо его посерело от переживаний. На нем была роба опасника. Хромированное кольцо воротника безопасности поблескивало, отражая фантастический свет кристаллов космической пещеры.

За ним следовали два офицера. Один — полноватый полковник Технокорпуса в рогатом радарном шлеме, второй — сержант-связист с футляром портативного телетайпа.

Донна взволнованно повторила все, что Дондерево уже Успел рассказать Райленду.

— Я надеялась, — грустно сказала она, — что отец поможет тебе снять воротник, а получилось...

— Что мне не избавиться от собственного. — Натянутая улыбка Криири исчезла. — Как видите, положение изменилось. Сейчас обязанности Планирующего выполняет наш старый друг генерал Флимер. Меня переквалифицировали. И направили в эту опасную экспедицию. — Он с неловким видом взглянул на полковника.

Лицо Донны дрогнуло.

— Что это за экспедиция, отец? — прошептала она.

— Она связана с развитием Плана Человека. Понимаешь, когда Машина получила доказательства бесконечных возможностей развития и освоения рифов Космоса, она подготовила проект второй ступени Плана. На этой ступени избыток природных ресурсов рифов покончит с жестким нормированием благ. К сожалению, этот этап не начнется, пока край не будет открыт для большинства людей, а для этого нужна нереактивная тяга.

Бывший Планирующий сделал паузу. Его измученные глаза проницательно взглянули на Дондерево, с сожалением — на Райленда, без всякого выражения — на полковника Технокорпуса.

— Генералу Флимеру удалось убедить Машину в моей некомпетентности, — сказал он. — Надеюсь, вы знаете о многочисленных авариях силовых катушек вашей конструкции. — Его потухший взгляд вернулся к Райленду. — Флимер свалил ответственность за катастрофы на меня. В результате я был смещен. Но я настоял на еще одной попытке найти секрет нереактивной тяги. У меня оставалось достаточно власти, чтобы

Флимер не мог помешать моей посылке в эту экспедицию. Теперь это мое задание. Я видел, как навстречу крейсеру вылетели пространственники. Я должен узнать, как они двигаются.

Но надежды в его голосе не было.

— Если Райленд не смог найти ответа, то я сомневаюсь, что он вообще существует, — сказал Дондерево.

— Но… я нашел его!

Воротник вдруг стал очень тесным. На мгновение горло Райленда опять перехватило. Прежний туман начал сгущаться в сознании. Он взглянул на Донну, на ее отца. Улыбка девушки рассеяла туман, будто солнечный луч.

Он вспомнил. Он мог говорить.

Он описал в общих чертах свою теорию эквивалентности момента движения и новой массы, которая соотносила полет пространственника и расширение Вселенной. Он описал двигатель, схему которого успел запомнить до того, как Полиция Плана ворвалась в его кабинет в тот понедельник.

Полковник скептически наблюдал, как обсуждают они детали конструкции и диктуют сообщения сержанту-связисту. Потом они начали ждать, пока сообщение обрабатывала специаль-

ная секция Машины на борту крейсера.

Шло время — радиоволны несли сообщение на Землю.

Райленд взглянул на взволнованное лицо Донны Криири — и вспомнил забинтованного «сборного» человека, который бешено рвался и бушевал в привязных ремнях кушетки тераписта, пока не умер.

Значит, он не был «подсадной уткой»!

Значит, эта часть рассказа Анжелы была ложью!

Защелкал телетайп.

Райленд, бывший Планирующий, Дондерево и Донна сгрудились вокруг сержанта, чтобы прочесть сообщение. Полковник начальственным жестом велел всем держаться в стороне. Он сосредоточенно читал ленту, рука его потянулась к кнопке управления радаром.

Но выражение лица изменилось.

— Я знал, мистер Планирующий, я знал, что Флимер не более как предатель, которому повезло. — В голосе полковника появилось искреннее дружелюбие. — Теперь он получит по заслугам! Любой человек с частицей здравого смысла понимал, что нереактивная тяга должна быть создана.

Усмехаясь, он протянул руку Криири.

— Я рад первым поздравить вас, мистер Планирующий, и вас, мистер Райленд. Специальная секция Машины на борту крейсера завершила предварительную оценку вашего изобретения. Она передала сообщение основному комплексу Машины на Земле, предупреждая о необходимости подготовить переход Плана на вторую ступень, на которой свобода и богатства космического пространства сделают нынешние строгие меры безопасности ненужными и невозможными. И, как первый шаг в претворении этого дела в жизнь, она транслирует радарный импульс…

Райленд услышал, как в кольце что-то щелкнуло.

Воротник раскрылся.

Словно под воздействием того же импульса, девушка сделала шаг вперед и оказалась в его объятиях. Вместе они выплыли из пещеры в волшебное мерцание маленького Рифа. С одной стороны висел огромный серый крейсер Плана, который больше не был врагом. А за ним сияли звезды.

Космос. Бесконечный, непочатый край для освоения людьми. Звезды, между которыми постоянно рождается водород, создавая новые

миры, подобно тому, как жажда свободы постоянно возрождается в человеческом сердце.

— Миллионы, миллионы новых миров, — прошептал Райленд.

И девушка сказала уверенно:

— Наши дети увидят их, все!

Дитя звезд

1

В тот самый день, час, секунду, когда наступило весеннее равноденствие, ближайшие к Солнечной Системе звезды погасли.

Целая дюжина мигнула одновременно. Блистающий Сириус и его сверхплотный спутник-карлик. Ярко-желтые близнецы Альфы Центавра. Тусклая красная точечка Проксимы… далекие огни Эты Эридана и 70-А Змееносца… и само ослепительное Солнце.

Могучие космические моторы объявили перерыв. Синтез более крупных ядер из мелких, трансформация избытка массы в энергию, просачивание энергии сквозь толщи бушующего газа, излучение энергии в пространстве — все это прекратилось.

На берегах земных океанов, в кратерах Луны, в песчаных пустынях Марса, на спутниках Сатурна и за Космической Завесой, в самих рифах — миллиардоголовое человечество содрогнулось и познало страх. Через Галактику пронесся фотонный шепот, стремительно, как свет:

— ДИТЯ ЗВЕЗД!

Так это началось.

Звезды погасли всего на несколько секунд, и сначала это заметили на рифах. Потом медлительный Плутон поймал мигание 70-А Змееносца. Тем временем Нептун, без спешки ползущий по своей погруженной во мрак орбите на противоположной стороне Системы, заметил ослабление накала Сириуса. На Землю, где дряхлый Планирующий ухмылялся в золотом кресле, сигналы прибыли одновременно. Обрюзгшее лицо старика помрачнело, когда астрономы доложили о случившемся. Планирующий взорвался гневом.

Первые доклады пришли из подземной обсерватории в зоне терминатора на Меркурии, где на дне кратера медленно разошлись бетонные плиты и открылся ствол шахты.

Из шахты медленно выдвинулся серебряный купол. Из-под громадины-полусферы на близкое Солнце целились десятки оптических и радиотелескопов, пирометров, телекамер. На куполе сверкали бронзовые литеры: «МОГУЩЕСТВЕННЕЙШИЙ НАГРАЖДАЕТ ВЕРНЕЙШИХ».

Внутри бронированной, термоизолированной, с прохладным кондиционированным воздухом обсерватории три астронома не отрывали глаз от

панелей с сотней индикаторов и циферблатов. Они ждали.

Потому что получили предупреждение.

Старший офицер вахты оторвал глаза от хронометра и проворчал:

— Пять минут!

Двое остальных молча наблюдали за приборами. Седой капитан Технокорпуса видел товарищей в бледном свете экрана, который заглушал отсветы шкал и индикаторов. На экране плыло изображение Солнца, золотого, распухшего, с толстыми щупальцами сверхраскаленного газа. Солнце низко повисло над изрезанной вершинами гор линией горизонте.

— Ну же, — проворчал капитан себе под нос. — Давай, мы готовы.

Самым младшим на вахте был молоденький тех-кадет, честолюбивый юноша, уже познавший суровую действительность службы и карьеры в рядах Технокорпуса. Он осмелился возразить:

— Готовы к чему? По-моему, это просто блеф.

Старший повел в его сторону желтоватым глазом, но промолчал.

— Разве? — проворчал третий астроном. Это был Невысокий, немного полноватый тех-лейтенант. Его недавно повысили в звании, а потому

он смотрел на мир оптимистически. — Значит, задание Машины — тоже блеф?

— Погоди, я не имел в виду…

— Понятно. Но ты забыл — Машина следит за всем Планом. Мы выполняем частные задания. Если Машина заинтересовалась этим так называемым Звездным Дитя, значит, это для чего-то нужно.

Тех-кадет показал на огромный шар Солнца и сердито воскликнул:

— Взгляни! Кто может погасить вот это?

Лейтенант пожал плечами, а старший офицер напомнил:

— Осталось четыре минуты.

Дисциплинированность кадета несколько упала за время вахты. Сердито нахмурившись, он посмотрел на шкалы телеметрических пирометров.

— Температура стоит как вкопанная! Мы здесь три недели и ничего не заметили.

— И на три года останемся, если Машина прикажет, — пророкотал капитан. — Машина не ошибается. Ее построили, чтобы управлять Планом, она не может совершать оплошностей, как мы, люди.

— Да, сэр. Но ведь совсем ничего! — восклик-

нул кадет. — Никаких звездных детей! Никаких крупных пятен!

— Учись терпению, — посоветовал толстячок лейтенант. — Или послужишь Плану напрямую — в орган-банке запчасти всегда в цене!

Осталось три минуты.

Кадет умолк. Все трое пристегнулись к креслам, не спуская глаз с изображения Солнца. В красной струящейся вуали, испещренное оспинами мелких пятен Солнце нависло над черным горизонтом, словно глаз Бога. В кабине было тихо, только пощелкивали и попискивали приборы.

— А я его видел простой звездой, — словно самому себе сказал вдруг лейтенант. — Не ярче других, даже не ярче Веги.

— Вы были в рифах? — ахнул юнец.

— Две минуты, — ворчливо напомнил капитан. Он многозначительно посмотрел на лейтенанта.

Лейтенант кивнул.

— Мы искали одного человека… парня мой сестры. Или жениха. Его звали Бойс Ган. А он искал Дитя Звезд. Ни первого, ни второго мы не нашли.

— Никогда не видел рифов, — с завистью пробормотал кадет.

— Красиво там… Шипастые кремниевые растения светятся сами собой. Они как драгоценные

камни, и такие острые, того и гляди, проткнут скафандр. Еще там есть растение с наростами из чистого серебра — по форме похоже на человеческий мозг. Попадаются платиновые и золотые черенки, а штуки вроде цветов — они из чистого алмаза.

Кадет громко вздохнул. Седой капитан обернулся, его недавнее презрение исчезло, уступив место тоске и безотчетному страху.

— Займитесь делом, кадет! — приказал он. — Рифы — опасная тема!

— Да, сэр, — посерьезнел лейтенант и кивнул. — Там опасно. Я видел там монстра величиной с лошадь и туловищем скорпиона…

— Заткнись, идиот! Рифы опасны для Плана Человека! План чуть не погиб однажды из-за них. И если Дитя Звезд добьется своего…

Он не договорил, лишь добавил:

— Одна минута!

Лейтенант покраснел от обиды.

— Прошу прощения, сэр, но я и в мыслях не имел заводить антиплановый разговор. Орды варваров, которые кочуют за Космическим Заслоном, не стоят упоминания. Пусть даже они и верят, что Дитя Звезд — сверхчеловек…

— За приборами следи.

И капитан подал личный пример, уставясь на экран, окруженный рядами циферблатов и указателей. Он почему-то вспомнил светловолосую девушку-общительницу, которая прошептала ему два слова: «Дитя Звезд». Что с ней было потом? Попала в орган-банк?

Времени на воспоминания не было. До срока оставалось тридцать секунд!

Несмотря на холодильные установки и надежную изоляцию купола, в кабине стало жарко. По вискам у капитана поползли капли пота.

— Двадцать секунд!

Взгляд капитана прикипел к черной стрелке хронометра, которая догоняла красную, неподвижную. Когда они наложатся одна на другую, наступит момент весеннего Равноденствия. И угроза Звездного Дитя окажется пустым блефом или… не блефом.

— Десять секунд!

Скрытые в полу лампы погасли. Теперь только свет индикаторов соперничал с фосфорическим сиянием экрана.

— Пять!.. Четыре!.. Три!

Двадцать катушек с лентой закрутились. Люди дышали тяжело, будто в помещении не хватало воздуха.

— Две!.. Одна!..

— НОЛЬ!

Капитан сглотнул, протер глаза.

Солнце на экране гасло. Были убраны фильтры, но оно все равно гасло. Последняя вспышка — и темнота.

Солнце исчезло, словно его смахнули с экрана. Капитан услышал чей-то громкий вздох, потом крик.

— Дитя Звезд! Это он!

— Мы ослепли! — зарыдал второй.

Так это началось.

Как круги от брошенного в пруд камня, волны тьмы разошлись во все стороны. Три минуты спустя после наступления весеннего равноденствия волна достигла купола обсерватории на Меркурии.

Менее чем за три минуты после этого волна поразила наблюдателей на орбитальных станциях над раскаленной, вечно укутанной в облака Венерой. Их охватил ужас, но они не были ослеплены последней вспышкой Солнца, как люди на Меркурии, они продолжали видеть приборы.

За восемь минут волна тьмы омыла Землю. На солнечной стороне планеты вдруг наступила кромешная тьма. Ошеломленные люди замирали

на месте, пока несколько секунд спустя не включались городские огни. Ужас охватил тех, кто не знал о предупреждении. На ночной стороне Земли и на Луне многие из астрономов вдруг побледнели, увидев, как гаснут знакомые звезды. Кое-кто из них слышал о предупреждении и о Требовании Освобождения. Остальные просто увидели, как исчезают с неба яркие точки, как изменился привычный звездный узор.

Потом они вновь вспыхнули, и только Солнце в течение получаса оставалось погасшим.

Тем временем началась паника.

Новость застала Планирующего в роскошном золотом кресле, и Планирующий сразу лишился приятного расположения духа, его толстое обрюзгшее лицо побелело от страха.

О том, что происходило, человек по имени Бойс Ган узнал косвенным образом. Он услышал, как охранники его камеры в недрах Машины начали перешептываться:

— *Дитя Звезд*…

Перед бусинками-сонарами на консоли Машины сидела девушка с отрешенным взглядом. Новость донеслась до нее на языке, изобретенном не человеком и понять который могли немногие. Имя девушки было Дельта Четыре, и она не ис-

пытывала страха. Ей было все равно…

А потом волна темноты унеслась дальше, в бесконечное пространство. Через двенадцать минут она накрыла Марс. Был отложен грандиозный проект извлечения кислорода и воды из мертвой коры планеты. Заместитель Планирующего на Марсе, своими глазами читавший Требование Освобождения, выхватил у охранника лазерный пистолет и застрелился.

Через четверть часа тень достигла астероидов. При этом большая часть населения осталась равнодушной. Они просто не знали, что происходит. Одни работали глубоко под землей, добывая драгоценные металлы. Другие были до предела отуплены тяжкой борьбой за существование и поэтому ничего уже не боялись.

Волна умчалась к станциям Плана на спутниках Юпитера, погасила кольца Сатурна, поглотила спутники Урана и Нептуна, захлестнула командный комплекс Космического Заслона на далеком Плутоне. Там ее заметили случайно, посмотрев в сторону Солнца. Никто не испугался.

Волна накрыла и сам Космический Заслон — сеть боевых станций, лазерные излучатели и патрульные корабли, которые бдительно несли вахту, готовые защитить План Человека от при-

шельцев с рифов или врагов вроде Дитя Звезд.

Волна страха заставила команды тысячи медленно вращающихся космических крепостей послать аварийные Вызовы патрульным кораблям, где завыло десять тысяч сирен. Замигали лазеры связи, передавая страшную информацию, сея панику и ужас.

Через сутки за орбитой Плутона волна достигла границ Солнечной Системы, снеголедяных планет из твердого метана и аммиака. До Солнца было слишком далеко, и его гравитационные руки не смогли слепить из этих снежков настоящие планеты.

И наконец, когда позади остались последние форпосты Плана, волна начала заливать рифы Космоса.

Для рифов, для этих живых астероидов, которые за века работы вырастили микроскопические вакуумные организмы — фузориты, поглощавшие рассеянный межзвездный водород, волна темноты ничего ужасного не представляла. Еще одно событие в жизни, полной опасностей и чудес.

Одинокий старатель с досадой бросил взгляд туда, где только что было Солнце, порылся в рюкзаке, отыскал светящийся кристалл фузоритного алмаза и снова принялся бурить породу.

На другом рифе проповедник из Церкви Звезды бросил взгляд на часы, потом посмотрел на небо. Он не испугался, когда погасло Солнце, потому что ждал этого.

Он встал лицом к синему сверкающему Денебу, опустился на колени, прошептал слова благодарности и мольбы. Потом занялся работой — заканчивать новый космосапог. По профессии он был мастером по обуви.

Волна темноты прокатилась над городом решительных, закаленных и свободных людей — беглецов с планет Плана Человека. Это было крупное скопление рифов, где строилась великая космическая армада из фузоритной стали.

Девушка по имени Карла Снег смотрела на гаснущее Солнце, и слезы блестели у нее в глазах.

На другой живой скале пастух бдительно стерег самку пространственника, которая только что принесла детенышей. Роженице угрожало нападение кровожадного пиропода. Спрятавшись за выступом органического железа, бросая время от времени заботливый взгляд на разрешившегося от бремени пространственника, пастух высматривал среди звезд бронированных убийц, отпугивая их вспышками лазерного пистолета. Он и не заметил, как погасло Солнце.

Вот так это началось для всех мужчин, женщин и детей.

Тридцать девять минут спустя Солнце снова излило животворный поток света и тепла на уже изменившийся мир.

Атомные моторы Солнца заработали на полных оборотах. Через углеродный цикл водород синтезировался в гелий, энергия просачивалась к поверхности, устремлялась в пространство.

Три минуты спустя световая волна ударила в купол на Меркурии. Тысячи автоматических приборов и камер зафиксировали это. Всхлипывая от радости, ослепленные астрономы просигналили лазером на Землю: «Солнце ожило!»

Но солнечный свет достиг Земли раньше сообщения.

Первые лучи коснулись места, где в золотом кресле восседал Планирующий. На его плече устроился серый металлический сокол. Сокол бросал по сторонам сердитые взгляды, глаза у него светились красным огнем, стальные крылья позвякивали. Планирующий развернул пергаментный свиток и прочитал заголовок: «Требование Освобождения».

Пергамент доставил один из личных охранников. Он обнаружил свиток у дверей. В документе

говорилось:

«Дитя Звезд требует освободить всех его последователей, которых удерживают на службе Плану с помощью воротников безопасности.

Звездное Дитя требует, чтобы все его последователи, отправленные в орган-банки, были приведены в естественный вид и освобождены.

Дитя Звезд требует, чтобы так называемая Космическая Завеса была демонтирована и был разрешен свободный доступ к рифам Космоса, а с рифов Космоса — к планетам Системы.

План Человека мнит себя неуязвимым, и потому Дитя Звезд подготовил предупреждающую демонстрацию своих возможностей. Точно в момент весеннего равноденствия на Земле Солнце будет погашено. Двенадцать ближайших звезд мигнут.

Если Планирующий не выполнит перечисленные требования, после демонстрации будут приняты дальнейшие меры. План Человека будет уничтожен».

— Антиплановый бред! — застонал Планирующий. — Наглость! Предательство!

Рослый полковник Технокорпуса нерешительно сказал:

— Сэр, необходимо принять меры…

— Меры… — проворчал Планирующий, а стальной сокол со звоном ударил крылом о крыло. — Что говорит Машина?

— Нет данных, сэр, — ответила девушка с безразлично-безмятежным лицом. На ней был халат с капюшоном, голос ее звучал, как далекая музыка.

— Нет данных? Так найдите! Выясните, кто такой Дитя Звезд! Объясните, как ему удалось сотворить такое… и как помешать ему в следующий раз!

Тех-полковник кашлянул.

— Сэр, уже несколько лет поступают донесения о так называемой Церкви Звезды. Это новая религия возникла, по всей видимости, в рифах…

— Опять рифы! Нужно было уничтожить их двадцать лет назад!

— Совершенно верно, сэр. Но этого не сделали. Колонисты, то есть, прошу прощения, бродяги-варвары, живущие среди рифов, выдумали новую религию. Они поклоняются звезде Денеб, кажется, она же Альфа Лебедя — верхняя звезда Северного Креста. Воображают, будто на ее планетах находится Рай. Жаждут туда переселиться, часть из них, по крайней мере, хотя для современного космолета, который развивает скорость

на одну сотую световой, принимая во внимание расстояние в четыреста световых лет, перелет займет не менее сорока тысяч…

— Ближе к делу! — раздраженно перебил его Планирующий. — Что он собой представляет, этот Дитя Звезд?

— Э-э, видите ли, сэр, несколько лет назад мы послали туда особого… гм… уполномоченного для расследования этого дела. Его имя Бойс Ган, сэр, и…

— Приведите его ко мне! Он ведь на Земле?

— Да, сэр. Но… он вернулся очень странным способом. Фактически… — полковник пребывал в замешательстве, — должен признаться, сэр, мы не знаем точно, каким образом он вернулся.

— Болван! — рявкнул Планирующий. — Доставить его ко мне! Мало ли чего вы не знаете? Доставить ко мне Бойса Гана!

И это тоже было началом, хотя для Бойса Гана все началось много месяцев назад. В то время он был шпионом.

2

Это началось на станции «Поларис», большом обруче из металла, который плавал в ледяной тьме за Плутоном и служил одним из звеньев Завесы, защищавшей планеты Плана Человека от рифов.

Бойсу Гану было всего двадцать шесть, но он уже был оператор-майором.

Он имел шесть футов росту, каштановые волосы, голубые глаза, был широк в плечах и узок в бедрах. Движения его были легки и грациозны. Он имел внешность человека, который умеет за себя постоять, да так оно и было на самом деле.

С обаятельной улыбкой на устах и обезоруживающим взглядом голубых глаз прибыл он на борт станции «Поларис».

— Докладывает Бойс Ган, сэр, — отрапортовал он вахтенному офицеру. — Тех-кадет Ган прибыл в ваше распоряжение.

Это была ложь. Кадетом он не был. В шпионской школе На Плутоне ему дали новое звание для конспирации. Оператор-майор — персона важная, за ним станут наблюдать. А кадет может ходить где угодно, смотреть на все что угодно.

Вахтенный офицер выдал ордер на койку в каюте, помог уложить вещи в багажный отсек, пожал руку и приказал явиться к коменданту станции, машин-полковнику Мохаммеду Зафару.

В задание Гана входило расследование по поводу слухов о странной антиплановой деятельности на станции «Поларис». Ган был настоящим солдатом Плана, и антиплановая деятельность в его представлении была чем-то насквозь прогнившим, мерзким, злобным и вредным. На станции он ожидал увидеть полный развал дисциплины и нежелание подчиняться Плану Человека.

Но дисциплина оказалась в порядке. Люди имели опрятный вид. По пути, пересекая пластиковые коридоры станции, он заметил, что металлические части станции превосходно отполированы. Странно, подумал Ган. Но у него было задание, и Ган знал, как его выполнить.

Он постучал в дверь кабинета коменданта, получил разрешение войти. Вытянувшись по стойке «смирно», Ган отдал честь.

— Тех-кадет Ган явился по предписанию, сэр!

Машин-полковник, как и положено, отдал честь. Это тоже слегка удивило Гана, но удивления он не выдал, оставаясь образцом военной выправки и дружелюбия. Машин-полковник

Зафар был невысокого роста смуглым мужчиной в отутюженной белоснежной форме. На вид это был человек надежный и непоколебимый, как сам План.

— Добро пожаловать на борт, кадет, — сказал он. — Передайте мне ваше предписание, пожалуйста.

— Есть, сэр!

Предписание тоже было фальшивым. По предписанию Бойс числился оператором лазерных устройств и прибыл прямо с Земли. Ни о настоящем звании, ни об интенсивной подготовке на Плутоне не было ни слова. Комендант внимательно прочел предписание, кивнул.

— Кадет Ган, — тихо, но отчетливо сказал он, — мы рады вашему прибытию на станцию «Поларис». Как вам известно, наша станция — важное звено Завесы. Наша первейшая обязанность — обнаруживать и пресекать незаконные сношения между областью Плана и районами за Плутоном, так называемыми рифами Космоса. Вторая наша обязанность — следить по мере возможности, за деятельностью на самих рифах. Радарные, лазерные и оптические системы — главное в выполнении этих задач. Поэтому кадет Ган, на вас ложится большая ответственность. Не

подведите нас.

— Я не подведу, сэр! — торжественно пообещал Ган. — Служу Плану Человека!

Он отдал честь и вышел.

Но сначала он уронил документы, тут же подобрал и сверкнул в сторону полковника извиняющейся улыбкой.

Он вышел с гордо поднятой головой. В тот момент, когда он поднимал предписание, полковник его не видел, и Ган прикрепил «жучка» — устройство для подслушивания — к внутренней стороне стола коменданта Зафара.

Час спустя на шее Бойса Гана оказался воротник безопасности.

Он был готов к этому. В столь уязвимом и важном комплексе, как станция «Поларис», каждый член команды носил железное кольцо на шее. С его помощью нарушитель мог быть уничтожен в любой момент и в любом месте. Иного выхода не было. Спятивший космонавт или изменник, пробравшийся к запасам топлива, пьяный пушкарь у пульта мощных ракет могли уничтожить станцию. Поэтому необходим был постоянный контроль за каждым человеком на борту.

И все же ощущение было не из приятных. Ган потрогал кольцо, и его всегдашняя веселая улыб-

ка исчезла. Трудно сохранять спокойствие, если кто-то или что-то — Машина на далекой Земле, один из ее ближайших сателлитов-трансляторов или комендант станции — могут одним нажатием кнопки включить взрыватель, и заряд в долю секунды обезглавит славного парня Бойса Гана.

Соседом по каюте оказался высокий худощавый нигериец, тех-кадет по имени М'Бана. Он прогуливался у двери в отсек Службы безопасности, увидел, как Ган трогает кольцо, и засмеялся. Когда они вместе направились на пост, М'Бана сказал:

— Щекочет нервы, а? Ты не бойся, если он сработает, ты об этом даже не узнаешь!

Ган усмехнулся. М'Бана ему понравился. Он сразу понял, что найдет в нем внимательного и умного товарища.

— А кому понравится воротник? К тому же… — Он сделал паузу, оглянулся по сторонам, — я слышал, где-то есть люди, которые знают, как от него избавиться. Там, в Рифах. Они знают секрет — как снять воротник…

— Я подобными вещами не интересуюсь, — осторожно ответил М'Бана. — Вот наш отсек.

Ган кивнул и разговора продолжать не стал. Но про себя отметил, что в его словах имелся при-

зыв к антиплановому поступку, предательству. М'Бана был обязан оборвать Гана на полуслове, потребовать немедленных объяснений и потом сразу же доложить в Службу о поступке Гана.

Огромная, как океанский лайнер, хрупкая, как воздушный змей, станция «Поларис» представляла собой большое кольцо из пластика. Вращение создавало центробежную силу, достаточную, чтобы суп не вылетал из тарелки, а тарелка не плавала над столом. Ступица колеса была неподвижна. На одном конце находился купол радарно-лазерной следящей системы, на другом — воздушные шлюзы.

Станция была запущена четверть века назад для исследования скопления рифов к северу — по галактическим координатам — от Солнца. Скопления аммиачного снега, снабжавшие старые ядерные ракеты рабочей массой, по-прежнему были в поле зрения радаров, в сотне миль от станции. Теперь в рабочей массе не было нужды, но снеговое скопление еще могло послужить. Оно стало космической свалкой, сборником отходов со станции. После каждой вахты отходы доставляли туда, чтобы частицы мусора, крутясь по свободным орбитам, не мешали следящим системам и не вызывали ложных тревог.

За сорок восемь часов пребывания на станции майор Ган успел укрепить «жучки» в кабинетах коменданта, старпома, интенданта и начальника Службы безопасности. Миниатюрные приборчики передавали на секретной волне каждое слово, произнесенное в этих святая святых станции. Ган лично прослушивал передачи, когда позволяло время. Все сигналы непрерывно записывались специальными устройствами на Плутоне, потом передавались на Землю, в подземную крепость Планирующего и Машины.

Но с помощью «жучков» Ган ничего не смог выяснить.

Ему был дан более чем ясный приказ: «Искать врагов Плана». Остальное — слухи. Контрабандные перевозки ценных стратегических материалов с внутренних планет в рифы… какой-то смехотворный новый культ… угроза объединения всех рифов против внутренних планет… вожак культа, призывавший к бегству в рифы… Что здесь было правдой, а что ложью, Гану не сказали. Служба безопасности не объясняла агентам, что они должны искать. Считалось, что они добьются больших результатов, если сами обнаружат следы преступления.

Но на станции вообще не было следов, ника-

ких.

Во всяком случае, настоящих следов. Были какие-то неосторожные реплики за столом. Пара запасных частей к лазерным батареям пропала без убедительного объяснения. Все это были антиплановые акции, за меньшие промахи людей отправляли в орган-банки, и с «Полариса» кое-кто должен был отправиться туда же. Бойс Ган скрупулезно фиксировал имена и звания. Но он искал чего-то посерьезнее, чем небрежности.

За неделю, к собственному удовольствию, Ган убедился, что если мощное антиплановое подполье и существует, то не на станции «Поларис».

Искать надо было в другом месте.

Но где?

Ган успел дважды там побывать, пока сообразил, где находится «другое место».

Как младший офицер, Ган нес вахту на камбузе и входил в команду по уборке, избавлению от отходов и так далее. Работа была не из обременительных. Высокочастотные печки и киберуборщики исполняли основную ее часть. Оставалось только убедиться, что автоматы работают нормально. И даже короткий рейс со станции на снеговую помойку был приятным разнообразием среди рутины.

Он отправился в мусорный рейс вместе с М'Баной, и они коротали время за разговорами у пульта шаланды — нереактивного космического тягача, пока автоматические контейнеры самостоятельно избавлялись от мусора и возвращались на место. М'Бана никогда не вспоминал слова Гана насчет воротников безопасности. И Гану не удавалось навести товарища на антиплановый разговор, он даже оставил попытки. Они разговаривали о доме, обсуждали проблемы продвижения по службе, а также достоинства девушек.

У Гана была девушка, ее звали Джули Мартин.

— Маленькая такая, — мечтательно вспоминал Ган, — с Красивыми черными глазами. Она меня ждет. Когда вернусь…

— Правильно, — согласился М'Бана. — Так вот, эта девушка, которая у меня была в Лагосе…

— Джули не эта, — сказал Ган. — Она моя девушка, единственная. Все остальные не в счет.

— Почему же она писем не пишет? — спросил М'Бана.

Ган замер.

— Она не любит писать письма, — сказал он после секундной паузы, в мыслях выругав себя. Какой глупый промах! Он не получал писем от

Джули Мартин по простой причине — письма накапливались на Плутоне, поджидая его. Сюда их переслать не могли, слишком велик риск, что кто-нибудь прочтет одно из писем и по косвенным замечаниям догадается, что Ган не простой лазерщик.

Ган поспешил при первой же удобной возможности сменить тему разговора.

— Слушай, — спросил он, — что это на экране?

Искорка сигнала с легкостью перышка опускалась на снежную протопланету. Ничего необычного — что-то из отходов вырвалось из непрочных оков гравитации протопланеты и теперь кружило в пространстве, чтобы через несколько минут или часов осесть на поверхность.

Но М'Бана, мельком взглянув на экран, сказал как бы между прочим:

— Наверное, комендант. Он время от времени проверяет, все ли в порядке.

Тщательно скрывая охватившее его возбуждение, Ган спросил:

— Интересно, что он там делает?

М'Бана пожал плечами и нажал кнопку. Очередной контейнер, избавившись от мусора, вернулся на шаланду.

— Знаешь, — предложил Ган, — давай посмот-

рим, что там.

Ответа он не стал ждать. Контейнер вернулся в гнездо, шаланда готова, ничто не загораживало пути. Он подал ионный поток в блок нереактивного двигателя, включил корректирующие ракеты. Шаланда поплыла вперед.

— Нет, брось, Ган! Старик разозлится, если заметит, что мы подсматриваем, — испугался М'Бана.

Но Ган не слушал, он был поглощен наблюдением за экраном.

Если полковник Зафар тайком посещает планетоид, на то должна быть причина. Он должен выяснить эту причину. Он дал максимальное увеличение, поверхность планетки прыгнула навстречу.

Планетоид был в восемь-десять миль толщиной и по форме напоминал не шар, а урну для золы. Для дальних протопланет из замерзшего метана и водорода он был необычно плотным. Подойди он ближе к Солнцу — превратился бы в комету. Зеленоватая кора из твердых газов казалась на экране медленно крутящейся метелью. От толчка выброшенного мусора весь планетоид дрожал, газовый свет медленно поднимался над поверхностью и опадал волнами.

Больше ничего не было видно…

Но даже такая планетка имела солидные размеры. Где-то там полковник Зафар. Ган потянулся к пульту, чтобы пустить кораблик в облет протопланеты, но какой-то шум отвлек его.

Он обернулся и увидел, что М'Бана смотрит на него одновременно с ненавистью и жалостью. В руке у нигерийца был блестящий металлический стержень вроде карандаша. Он направил его на Гана.

В оставшуюся долю секунды Ган успел пожалеть: «Если бы я мог послать сообщение… Здесь что-то антиплановое…»

Это была его последняя мысль. Что-то зашипело, шею ужалила нейропуля из контрабандного пистолета М'Баны. Потом темнота и холод сомкнулись над ним.

3

Нейропуля мгновенно блокирует нервную деятельность.

Но это не все. Со временем ее действие не ослабевает само по себе. Жертва не приходит в сознание, пока ей не введут нейтрализующий препарат.

Когда Ган пришел в себя, он понятия не имел, как долго пробыл под наркозом. Одно он знал наверняка — его перенесли из шалады-мусоровоза в незнакомое место.

Он лежал на чем-то мягком, теплом, вроде мха, на скалистом выступе. Мох слабо, но ровно светился. На ближних скалах он был зеленоватый, на более дальних казался красным и сиреневым.

Небо над скалами было бархатно-черным, с одной-единственной ослепительной звездой.

Бойс Ган с трудом поднялся и воспарил над мхом. Опустившись вскоре обратно, он огляделся. Глаза привыкали к темноте, и он мог рассмотреть остальные звезды. Знакомые созвездия… Тут он все понял.

Яркая звезда была Солнцем.

Он находился на одном из космических рифов.

Ган так никогда и не узнал, как он оказался на рифе. Знал об этом, может быть, один М'Бана, но с ним Ган больше не встречался. Одно было ясно — пока он был без сознания, его перевезли и оставили на осколке рифа. Без связи, инструментов, скафандра — он мог выжить на этом осколке, но покинуть его — никогда. Он был обречен.

Да, отличный способ избавиться от ненужного человека. Лучше, чем убийство, — не надо было прятать тело.

Было холодно, окоченели руки и ноги, в суставах появилась скованность. Распухли кисти. Судя по всему, похитители не доверяли нейроблокаде и как следует связали Гана. Но путы исчезли вместе с похитителями. Голова болела, во рту пересохло и хотелось есть.

Ган начал исследовать свой новый мир.

Сначала нужно найти воду и еду, но устоять перед соблазном и не полюбоваться чудесной местностью он не мог. Металлические листья папоротников позванивали, словно колокольчики. Откуда-то донесся шум, похожий на хлопанье крыльев целой стаи. Как сюда попали птицы? Но ведь рифы сотворены живыми организмами, подобно кораллам в земных океанах. Значит, здесь должна быть жизнь, хотя бы и не похожая

на земную.

Рифы были сформированы скоплениями фузоритов, которые поедали межзвездный водород и в соответствии с неохойловской гипотезой превращали атомы водорода во все более и более тяжелые элементы.

Была в рифах и углеродная, дышащая кислородом, теплокровная жизнь. И все же в основном их населяли металлические и кристаллические существа. В лучшем случае они годились в пищу, в худшем — были смертельно опасны.

Далекое Солнце висело у южного полюса небесной сферы. Значит, он находился к галактическому северу от Солнца, на одной прямой с «Поларисом». Но как далеко от станции? Предположительно, от Солнца до основных скоплений рифов было двести астрономических единиц, примерно двадцать миллиардов миль.

Ган оставил звезды в покое и занялся непосредственным окружением. Этот мир нужно исследовать.

Он потер саднящие запястья и лодыжки и пошел на разведку. Из светящейся зеленоватой лощинки он осторожно выбрался, зная о подстерегавших его опасностях. Атмосферу создавали и удерживали фузориты-симбиоты, и она напо-

минала мыльный пузырь. Если подпрыгнуть слишком высоко, можно очутиться в космическом вакууме и погибнуть жуткой смертью: кровь выкипит, стенки клеток полопаются.

Взобравшись на гребень, он огляделся.

Впереди лежала еще одна лощина, заросшая какими-то блестящими кустами. Растения доставали ему до плеча, соцветия напоминали плюмажи, усыпанные огоньками — отдельными клетками фузоритов. Каждый лист у черенка был зеленоватым, к краям цвет переходил в черный. На каждом листе имелась ярко-красная ягода.

Невероятно, но кусты росли рядами!

Большее всего это было похоже на плантацию в плодородной долине на Земле. Ган тут же почувствовал приступ голода. Ягоды выглядели так аппетитно! Он поспешил к кустам…

И из-за спины послышался голос:

— Молодец! Только проснулся и сразу решил подкрепиться, а?

Майор Бойс Ган был готов к любой неожиданности. Выработанный на тренировках рефлекс остановил его на полушаге, заставил развернуться и занять оборонительную стойку.

Но незнакомец выглядел совершенно миролюбиво. Невысокий, коренастый, с изрядным

животом и грязной русой бородой. Одежда была соткана из грубых волокон, и в ней полно было прорех.

К загорелой лысине приникло какое-то животное размером с обезьянку-капуцина. Зеленое, чешуйчатое, с красными горящими глазками и черными клыками, оно походило на игрушечного дракона. Из-под острых, как бритва, краев чешуи сочились тонкие струйки дыма.

— Привет, — осторожно сказал Бойс Ган.

— Ну-ну, привет, значит, — добродушно ответил человек. — Ты спал. Я и подумал — пусть себе спит. Добро пожаловать — я уже и не надеялся обзавестись компанией.

— Я и сам не рассчитывал оказаться здесь.

Человек кивнул, протянул грязную мозолистую ладонь.

— Так я и думал. Какие-то двое оставили тебя часов пять назад. Похоже, обошлись с тобой не больно ласково, вот я и решил тебя не трогать.

Дракон завертелся, ему не нравилось, что мужчина двигает головой.

Ган пожал протянутую руку и сказал:

— Мне нужна вода и немного еды.

— Сейчас устроим. Пошли.

Мужчина кивнул, едва не скинув дракона с

головы, повернулся и повел Гана вдоль поля к черному озерцу.

— Омер не любит чужих, — бросил он через плечо. — Ты его не бойся, только не делай резких движений. Омер из пироподов. Детеныш, конечно, но и они бывают опасны.

Ган про себя согласился. У малыша вид был зловещий, к тому же этот дым, огненные глаза… Они добрались до берега — это было даже не озеро, а, скорее, пруд не более пятидесяти ярдов в поперечнике. По поверхности ходили высокие ленивые волны, характерные для слабого притяжения. На дальнем берегу поднимался крутой утес, весь в сверкающих выходах металлических жил. Кое-где ландшафт смягчали светящиеся мхи и прочие растения, а у подножия стоял металлический навес — он защищал вход в пещеру.

— Вот мы и дома, — радостно сообщил хозяин. — Добро пожаловать. Входи, располагайся.

— Благодарю, — сказал Ган. — Кстати, мы не познакомились.

— Разве? И то верно. Меня зовут Гарри Хиксон. А ты… — Ган открыл было рот, но Хиксон его опередил: — Ты — этот оператор-майор Бойс Ган из шпионской школы на Плутоне.

Ган отдыхал в пещере отшельника Хиксона

уже сутки, и мысли его были мрачны. Каким образом Хиксон узнал его имя? Откуда он мог знать, что Ган — выпускник шпионской школы, а не простой лазерщик?

В конце концов Ган оставил бесплодные гадания и начал восстанавливать спортивную форму, а также изучать обстановку.

Очевидно, на корабле он пробыл дольше, чем думал, потому что успел потерять в весе, ослаб и зарос щетиной. Хиксон кормил его и заботился о нем. Он устроил Гану постель из кучи грязных и вонючих одеял, не хуже, чем собственная, и делил с ним содержимое горшка, в котором варил что-то вроде рагу, правда, очень жирного. Пища была грубой, но обильной, ее разнообразили плоды и коренья. Красные ягоды на вкус напоминали лимон, они стали хорошим источником витаминов, — Гарри настойчиво это подчеркивал, — а один из лишайников содержал протеины.

Вопрос питания был решен. На подобной диете Хиксон прожил много лет и чувствовал себя отлично. Значит, Ган тоже продержится. А там, глядишь, он найдет способ сбежать с рифа…

Это могло случиться скоро. Он узнал от Хиксона, что существует система связи, которая позволяла позвать на помощь.

— У меня такой нужды пока не было, — объяснил Хиксон, вылавливая из рагу длинный стебель, похожий на ревень, и облизывая пальцы. — Но когда в тылу все надежно, чувствуешь себя уверенней… Слушай, Бойс, тебе воротник жмет?

Пальцы Гана замерли — он и сам не заметил, что трогает кольцо на шее.

— Не очень, — тихо сказал он.

— Могу снять, — добродушно предложил Хиксон. — Плевое дело. Раз сто такие снимал…

Ган уставился на него.

— Ради Плана, о чем ты? — рассердился он. — Ты знаешь, что это такое? В этой штуке автовзрыватель и дистанционный запал. Только попробуй снять его… — Он сделал пальцами веерообразное движение в сторону и вверх, изображая, как действует обезглавливающий заряд.

— Ясное дело, об этом я все знаю, — сказал Хиксон. — Сиди тихо! Да нет, не ты, это я Омеру. Не ерзай, тебе говорят!

Он поднялся с корточек от дощатого шаткого стола, обошел Гана, встал за спиной.

— Главное, сиди и не шевелись, Бойс. А если шевельнешься, не смотри на меня… Омер, черт тебя подери! Убери когти! Я его из яйца вывел,

прямо вот в этой пещере. Когда этот дьяволенок нервничает, он выпускает когти… Ага, вот и все!

Ган почувствовал прикосновение к шее. Он не видел манипуляций Хиксона, но был уверен, что инструментов у отшельника в руках нет.

Горло вдруг сжало… Затем щелкнул замок…

Кольцо упало на пол. Ган машинально вскочил, побледнел. Он ждал взрыва, но взрыва не последовало.

— Спокойно, Бойс, — успокоил его отшельник. — Перепугаешь Омера до смерти. Эта штука никогда больше не взорвется.

Он небрежно подобрал кольцо, поднял к глазам, чтобы получше рассмотреть в свете никогда не гаснущего алмазного кристалла — на Земле такой стоил бы миллионы.

— Классно сработано, — вздохнул он с восхищением. — Деталек-то сколько… Жаль, больше они ни на что не сгодятся.

И он зашвырнул кольцо в дальний угол.

— Ну как, — сказал он, — ты готов двигаться дальше?

— Куда? — через секунду спросил Ган, пристально глядя на Хиксона.

— Ну-ну, Бойс, не волнуйся. Знаю, о чем ты думаешь. Что меня надо отдать Машине на пред-

мет исследования. Ты понятия не имеешь, как я сумел снять кольцо, но ты уверен — дело это антиплановое. Что же, ты прав, я насквозь антиплановая личность. И мешать тебе не буду — вот, бери мой лазер, сигналь, вызывай помощь. Но запомни хорошенько — с тобой я не полечу, Бойс Ган, уловил?

— Ладно, — Ган сдался, но лишь на время. Оружие он складывать не собирался.

Намерения Гана отшельник описал правильно, но в крайне мягких выражениях. Честно говоря. Гану очень сильно хотелось доставить Хиксона в лаборатории Плана. Сильнее продвижения по службе и даже счастья в любви с Джули Мартин.

Этот Гарри Хиксон был для Плана катастрофой, страшной угрозой. В ушах Гана явственно прозвучал приказ старшего офицера базы на Плутоне, который он мог получить, доложи ему Ган о Хиксоне: «Исследуемый Хиксон представляет большую опасность. Его неизвестные способности необходимо изучить и сохранить для блага Плана. Затем каждый орган его тела должен быть уничтожен в отдельности…»

Но как передать Хиксона в руки Плана?

Нужно найти способ. Должен быть какой-то способ, и Ган найдет его. Главное — спокойствие,

главное — не выдать себя, а когда подвернется случай, использовать его…

— Пошлем сигнал сразу, — сказал Ган. — Я готов двигаться дальше.

Отдуваясь, Гарри и Ган вылезли на вершину красной скалы. Пироподобный на лысине отшельника ерзал и вертелся, не спуская огненных глаз с Бойса Гана.

— Видишь? — спросил Хиксон через плечо. — Вон ту яркую звезду рядом с Вегой…

— Ты имеешь в виду Тету Лиры?

Отшельник с некоторым удивлением посмотрел на него.

— Верно. Вас в шпионской школе кое-чему учат, вот только… Ладно, неважно. Я имею в виду красную звездочку прямо под Тетой. Не помню названия. Там Свободное Небо, в той стороне.

В висках застучала кровь.

— Свободное Небо? Я слышал об этой колонии. Рифовые крысы?

— Ай-ай, Бойс, не надо так выражаться. Просто свободные люди. Свободное Небо — самый большой риф. Вроде города, скопление мелких рифов в сотню тысяч миль длиной. До него каких-то полмиллиона миль.

— Понятно, — сказал Ган.

Они испытал небывалый подъем и гордость. С каким подарком он вернется на Плутон! ЦЕЛЫЙ ГОРОД БУДЕТ ВОЗВРАЩЕН ПЛАНУ! Снова войдет в братство Машины!

Словно наяву он увидел светящиеся следы крейсеров Плана, как они сходятся в нужном секторе у скопления рифов…

— Не мечтай особенно, — сухо сказал Хиксон. — Ты еще туда не добрался. А когда доберешься, по телефону Машину не вызовешь. А теперь погоди, я сигнал подам…

Он поднял громоздкий старинный пистолет, который хранил в промасленном тряпье в пещере, проверил настройку, тщательно прицелился в далекую красную искорку — маяк прямого курса на Свободное Небо. Он трижды нажал на спуск, потом повернулся к Гану.

— Вот и все, теперь будем ждать. Можно спокойно вернуться в пещеру.

Хиксон помолчал, затем, видимо, принял решение. Он снова повернулся лицом к звездам, положил пистолет и вытянул вперед руки. Губы его шевелились, но Ган ничего не мог разобрать. Пироподна лысой макушке шипел и то и, дело соскальзывал. Отшельник, казалось, всем телом стремился… но куда?

Ган не понимал. Наверное, к Свободному Небу, к красноватой звездочке, или к Тете Лиры… или к ярчайшим гигантам Летнего Треугольника — Веге, Альтаиру и Денебу.

Потом Хиксон успокоился, пироподскатился на его плечо, а отшельник поднял руку и взмахнул ею. Как будто змея извивается, подумал Ган. Или шея лебедя.

Лебедя? Что-то шевельнулось в его памяти. Что-то касательно лебедя… и звезды…

Но вспомнить что-нибудь определенное не удалось, и Ган последовал за Гарри Хиксоном в пещеру.

Крошечный риф Хиксона был мельчайшим островком в бесконечности расширяющегося пространства. Неохойловская гипотеза гласила: Вселенная бесконечна во времени и пространстве, и материя тоже не имеет конца. Новое вещество каждую секунду формируется в атомы водорода, а старые скопления вещества — звезды и планеты, пылевые облака и галактики — разбегаются во все стороны.

Риф Хиксона был младенцем, всего несколько миллионов лет, а размеры — сущая пылинка. Этим он был сходен с остальной Вселенной, вещество в ней было преимущественно молодым.

Темп появления нового вещества рос по спирали. Некоторые галактики и рифы были так стары, что возраст их не поддавался исчислению, но Вселенная, пребывая в динамическом равновесии, не имела ни начала, ни конца. И жизнь была самым древним феноменом. Более древним, чем самые старые звезды, и при этом всегда оставалась молодой, в то время как другие звезды уже погасли.

Жизнь в пространстве не имела конца в буквальном смысле. Она принимала самые причудливые формы, эволюция шла невообразимыми путями.

Наблюдая, как Гарри Хиксон играет с ручным пироподом, Бойс Ган решил, что человек — самая странная форма жизни из известных ему. Вот перед ним облысевший отшельник, антиплановый крепыш, смертельно опасный по всем меркам Машины — он совершенно серьезно учил летать своего пироподыша.

Он снял маленькое чудовище с макушки, усадил на высоком выступе. Сам отошел в сторону. Сверкая глазами, испуская сквозь чешую дым от внутреннего пламени своего природного ракетного двигателя, пироподыш пронзительно завыл, призывая хозяина вернуться. Потом, отчаявшись, взлетел, промахнулся на несколько ярдов мимо

Хиксона и врезался в скалу в дальней части пещеры, где и остался лежать, шипя и плюясь дымом. Хиксон сжалился и поднял его.

— Как бы он башку не расшиб, — пробормотал Ган после пятой попытки.

— Да, надо бы ему поосторожней, — мягко согласился Диксон. — Однако, она у него совсем, должно быть, пустая. Неуклюжие они создания, пироподы. Верно, Омер? — Он ласково погладил маленькое чудовище: вздохнул и опустил на пол.

Пироподa он накрыл перевернутой корзиной, положил на корзину кусок светящегося фузоритного коралла. Пироподы выл и шипел, но Хиксон не обращал на него внимания.

— Думал, успею его научить, — сказал он с сожалением. — Бойс, за тобой прилетят. Хочешь посмотреть на пилота?

Из кармана изношенной до лохмотьев куртки он достал старинный цветной двумерный снимок. На снимке была совсем молодая симпатичная девушка, одну руку она положила на голову зверьку, похожему на морского котика. За спиной ее светилась серебром и пурпуром масса рифа.

— Ее зовут Карла Снег, — с любовью сказал

старик. — Она дочь моего старого друга, который меня вылечил много лет назад. Он доктор, и притом хороший. Не понимал, правда, что со мной происходит…

Тут отшельник заметил, что разговаривает сам с собой и замолчал.

— Ну, все, — сказал он немного спустя со смущенной улыбкой. — Дай Лебедь тебе счастья, Бойс. Передавай привет Карле.

Ган не успел сообразить, что старик намерен сделать, как Гарри отодвинул металлический лист, закрывавший вход в пещеру, и вышел наружу.

Ган покачал головой с сочувствием и удивлением.

— Эй! — позвал он. — Хиксон! Ты куда? Подожди!

Поспешив наружу, он выскочил прямо на лужайку, которую с особым тщанием оберегал старый отшельник.

Старика нигде не было.

Следы остались, они ясно были видны на покрытой мхом поверхности.

Но Гарри как сквозь землю провалился.

Ган обыскал весь риф, потратив несколько часов. Никто не отвечал на его крики. Старый

отшельник просто исчез.

4

В пещере майор Ган отыскал пистолет старика — допотопный технокорпусовский лазер. Видно, еще до Завесы его контрабандой провезли в рифы. Оружие придавало ему уверенности, хотя обороняться здесь было не от кого.

Но уверенность была ему крайне нужна.

«ЧЕЛОВЕК НЕ ДОЛЖЕН БЫТЬ ОДИН. КАЖДЫЙ ИМЕЕТ МЕСТО В СИСТЕМЕ ПЛАНА. ПОД БЛАГОТВОРНЫМ РУКОВОДСТВОМ МАШИНЫ КАЖДЫЙ СЛУЖИТ ПЛАНУ, И ТАКИМ ОБРАЗОМ ПЛАН СЛУЖИТ ВСЕМ...»

Бойс Ган обнаружил, что твердит эти слова, взбираясь на скалу, откуда Хиксон посылал сигналы. Какая глупость... И все равно не помогает.

Человек не должен быть одинок... Но он в самом деле чувствовал ужасное одиночество, заброшенный на крошечный риф среди миллиардов сверкающих звезд...

Особого смысла лезть на скалу не было. С таким же Успехом можно было ждать в любом другом месте рифа. Не стоило вообще питать надежды на помощь. К словам полусумасшедшего отшельника Ган не испытывал доверия.

И все же он ждал на вершине скалы, прислонившись к камню, устремив взгляд в небо, но видел лишь сверкание далеких равнодушных звезд. Устав ждать, он задремал, как вдруг…

Вдруг в низком черном небе сверкнуло что-то зеленое.

Ган вскочил на ноги. Зеленоватое мерцание было таким слабым, что он даже не был уверен, видел ли его на самом деле. Нет, что-то там определенно было… за ним еще тянулся хвост красных искр.

Ган поднял пистолет, проверил индикатор мощности, — чтобы не выпускать зря в небо разрушительный заряд, — три раза нажал на спуск, направив пистолет в то место, где видел зеленое пятнышко.

Секунду спустя… зеленое свечение появилось вновь, уже ближе.

Это шла помощь! Но что это за красные искры? Прямо на глазах Гана искры тоже изменили курс, следуя за зеленым светом. Они приближались очень быстро…

Неожиданно он услышал рев, словно работали двигатели старинной ракеты. Неизвестные объекты вошли, наконец, в неглубокую атмосферу рифа, с визгом рассекая воздух. Затем послышал-

ся чей-то крик…

Красная искра с ревом пронизала зеленое облако и помчалась к Гану, как древняя ракета, ведомая сигналами радара. В дюжине ярдов над его головой ракета вышла из пике, и Гану удалось рассмотреть, что же это было.

Это было чудовище из кошмарного сна. Чешуя сверкала, как металлическое зеркало, со страшных когтей на грунт падали золотистые капли. Красная искра превратилась в два горящих огромных немигающих глаза. Сверкающая голова напоминала голову сказочного дракона, а хвост представлял собой ревущее голубое пламя.

— Пироподы! — ахнул Ган. Он окаменел от страха.

До сих пор ему не приходилось видеть взрослой особи, он только слышал рассказы о нем, а общение с ручным пироподышем Хиксона на подготовило его к столкновению с хищником, который с раздирающим ревом пронесся над головой Гана.

Пиропод — это живая ракета, и он смертельно опасен. Химия его тела кардинально отличается от химии кислородных организмов. Они произошли из того же источника неуглеродной жизни, что и фузориты. На своих плазменных моторах,

которые питает энергия фузоритов-симбиотов, пироподспособен обогнать боевой крейсер Плана, а по свирепости ему нет равных среди хищников Земли.

Добычей для пироподаслужит все, что движется. Их двигателям нужно очень много реактивной рабочей массы, и аппетит пироподов невозможно удовлетворить. Эти стервятники космоса атакуют все, что шевелится.

К счастью, атмосфера для пироподов — медленный яд, а притяжение тормозит рефлексы. Их дом — межзвездные пространства. Самые крупные из монстров иногда не уступают по размерам космической яхте, и даже на пороге зрелого возраста не бывает пироподов мельче пещерного медведя. Окаменев, Бойс Ган наблюдал, как пиропод делает петлю и разворачивается. Пульсирующие красные глаза его были окружены телескопическими зеркалами, воображение Гана дорисовало страшные когти, которые разрывают металл или камень, словно хлеб…

Он слишком поздно сообразил, что сам стал для животного мишенью.

Чисто инстинктивно он вскинул пистолет и выстрелил. Мощность заряда была минимальная, чтобы только посылать сигналы, и все же

пироподочувствовал луч, взревел, метнулся в сторону. Ган кинулся под прикрытие скального выступа. Продырявленное облачко зеленого тумана медленно растворялось в небе. Теперь Ган видел, что скрывалось внутри облака.

Это оказался пространственник — теплокровное, похожее на морского котика животное. Пространственники жили среди звезд и были природной добычей пироподов. Облако принес с собой пространственник — они умели с помощью поля удерживать вокруг себя атмосферный пузырь — это позволяло им жить в открытом космосе, хотя дышали они кислородом.

Пространственник был тяжело ранен. Даже издалека Ган видел жуткую рваную рану во всю длину гладкого золотистого тела. На спине у него сидело какое-то существо, и Ган был уверен, что конец пространственника и его седока был близок.

Пироподуже развернулся и атаковал раненое животное. Ган среагировал быстрее, чем успел подумать. Он повернул регулятор кристалла на полную мощность, оперся о камень и выстрелил в пульсирующие огненные глаза. Раздался взрыв.

Пироподвзревел, так как остался без глаз. Впрочем, это были скорее лазерные прицелы. Но что

бы они собой ни представляли, он лишился своих прицелов. Ослепший пироподс воем и грохотом помчался прямо вверх, и вскоре звук пропал, как будто за ним захлопнули дверь — чудовище покинуло атмосферу.

Повезло, подумал Ган. Индикатор пистолета мигал оранжевым светом — батарея полностью села.

Но за пределами атмосферы разгуливали другие пироподы. Ган видел красные искры глаз и голубые хвосты выхлопов из огненного чрева. Хищники разом повернули за уходящим огненным хвостом раненого собрата. Вспыхнуло голубое облачко раскаленных газов…

Как во сне, Ган сообразил, что сотоварищи уничтожили раненого и теперь дрались за добычу между собой. Времени не было — пространственник рухнул, и Ган поспешил со всех ног к месту его падения.

Животное упало на самом краю маленькой плантации, которую возделывал отшельник. Кровь пространственника залила зеленый мох, Наездник слез с животного и склонился над раной, пытаясь руками остановить кровь. Это была девушка. Хиксон не ошибся. Та самая девушка с фотографии.

Раненый пространственник дрожал и слабо повизгивал. Девушка всхлипывала.

— Могу ли я чем-нибудь помочь? — спросил Ган.

Карла Снег — это была она — быстро обернулась и посмотрела на Гана, словно перед ней был пироподи или еще какое-нибудь, не менее страшное создание. Кроме страха, Ган заметил в ее взгляде облегчение, как будто она ожидала чего-то похуже.

— Вы кто? — Голосом девушка вполне владела.

Несмотря на молодость, она была высокой и сильной.

— Бойс Ган, — представился он. — Вы — Карла Снег. Гарри Хиксон предупредил меня, что вы прилетите.

Девушка прижала ладонь к губам, глаза ее округлились от ужаса. На мгновение Гану показалось, что она сейчас умчится прочь. Потом девушка с сожалением покачала головой, нагнулась к пространственнику.

Кровь больше не текла, и животное перестало дрожать. Было тихо.

— Султана умерла, — прошептала Карла Снег.

— Очень сожалею, — сказал Ган, понимая, что от слов утешение слабое.

Он взглянул на небо — пироподы пропали. Затем он посмотрел на гостью. Загар на лице Карлы по цвету почти не отличался от медово-русых волос. Пространственник тоже был почти такого же цвета. На белом комбинезоне девушки алела кровь, с пальцев капала золотистая слизь, но это ее не портило, она была удивительно красивой.

Глядя на девушку, Ган вспомнил Джули Мартин, вкус соли на ее губах, когда он целовал их на прощанье на берегу моря в мексиканском курортном городе Плая Бланка. Карла не была похожа на Джули. У той волосы были черны как ночь. Карла была высокого роста, а Джули — миниатюрной. У Карлы было доброе, с крупными чертами лицо, даже в минуту печали оно выдавало любовь к жизни, а Джули Мартин была склонна к меланхолии. Но и в той, и в другой было нечто волновавшее Гана.

— Бестии могут вернуться, — поспешно сказал он. — Нужно уходить.

Слезы на щеках Карлы уже высыхали, она немного успокоилась. Увидев бесполезный пистолет в руке Гана, чуть улыбнулась.

— От него пользы мало, он пустой.

— Я знаю. Нужно возвращаться в пещеру Хиксона. Может, он оставил запасные заряды.

— Оставил? Кажется, вы сказали, что он здесь? — Лицо ее вновь потемнело, в ясных глазах мелькнул страх.

— Был здесь, но исчез. Куда и как — не знаю.

Девушка рассеянно кивнула, словно слова Гана не достигли ее сознания. Она опустилась на колени рядом с мертвым пространственником, погладила золотистый мех.

— Бедная Султана, никогда себе этого не прощу. Когда я получила ваш сигнал, я испугалась… я не знала, что делать… Папа улетел по вызову на нашем корабле и… я решила отправиться на Султане сама. — Она закусила губу. — Я забыла об опасности, пироподы здесь попадаются редко — их вывели несколько лет назад. Наверное, снова расплодились. Я раньше легко убегала от них на Султане! Я забыла, что она… стареет.

Она поднялась, тронула Гана за руку, как бы стараясь придать ему уверенности.

— Не волнуйтесь, мы не потеряемся. Папа прилетит за нами, как только вернется домой. Я оставила записку.

Ган кивнул.

— Скорее всего, он подождет… и если вы не вернетесь Через день-два, отправится искать.

Карла покачала головой, тряхнула золотыми

волосами.

— Нет, ждать он не станет ни минуты. Я написала, что кто-то подал старый условный сигнал Гарри Хиксона. И папа отправится за нами на полной скорости, чтобы узнать, кто мог подать такой сигнал.

Ган удивленно посмотрел на нее.

— Как кто? Гарри и послал его. Я же вам сказал.

— Я помню, — спокойно сказала девушка, но голос выдавал ее. — Понимаете, это не мог быть Гарри… Погодите, я вам покажу.

Она повела его к красной скале, туда, где Ган стрелял в пиропода.

— Видите? — Она тронула каменную пирамиду.

Он нагнулся, присмотрелся к нижнему камню, разобрал буквы, выжженные лучом. Если бы он не знал, куда смотреть, он бы ни за что их не заметил.

Надпись гласила:

«ГАРРИ ХИКСОН. Умер от фузоритной инфекции. Да светит ему в пути Денеб».

— Видите? — сказала девушка. — Гарри не мог послать сигнала. Он умер три года назад.

5

Все это случилось за много месяцев до Требования Освобождения. Старик Планирующий пребывал в молчаливом радостном единении с Планирующей Машиной. Пространство Системы бороздили крейсера Плана, достигая самых дальних форпостов Космического Заслона, перевозя оружие и приказы во все уголки империи Плана.

В орган-банке на Кубе бывший солдат Техно-корпуса, нигериец, отдал последние жизненные органы в пользу другого слуги Плана и умер. (Когда-то его звали М'Бана, и он был осужден трибуналом за дезертирство.)

Джули Мартин сидела в спальне общежития глубоко под перуанскими Андами, держала в руке перо. Она размышляла, что ей написать: письмо тому, кого любила, но от которого давно не получала писем, или просьбу о приеме на спецслужбу Машине.

В далеких рифах, в растянувшемся на сотню орбит сообществе, которое называлось Свободное Небо, оператор-майор Бойс Ган решил, что ему предоставлена величайшая возможность сослужить службу Плану — и получить величайшее

вознаграждение! Счастливый случай сам шел в руки.

Он находился на Свободном Небе, в самом сердце рифов Космоса, и наслаждался полной свободой. Ему казалось, что он знает путь возвращения к мирам Плана.

Само собой, еще не все было ясно. От некоторых вопросов по спине пробегал холодок.

Зачем Карла Снег делала вид, будто Хиксон давно умер? Кого же видел тогда Ган? Привидение? Значит, это привидение кормило его, лечило, освободило от воротника?

Он начал подозревать, что на риф Хиксона попал не случайно.

Доказательств у него не было. Но он был уверен, что М'Бана, а возможно, и полковник Зафар имели отношение к Хиксону и к антиплановой деятельности, которая кипела в этом опасном, насквозь антиплановом скопище — рифах Космоса. Имелись косвенные данные: неосторожное слово, взгляд, оборванная на полуслове фраза. Ган был уверен, что существуют открытые сношения между рифами и мирами Плана. В них был втянут даже Технический корпус, были задействованы жизненно важные узлы Космического Занавеса!

Если ему удастся бежать… Нет! *Когда* он совер-

шит побег, он вернется домой с доказательствами и конспираторы будут отправлены в орган-банки. И тогда самая великая награда не будет для него чрезмерной. И Джули ждет его…

Но пока очень много нужно сделать.

Ган не решался вести записи, добывать фотоснимки или магнитные ленты, но не упускал возможности побывать во всех уголках этого невероятного сообщества, Свободного Неба. Какое странное, приводящее в смущение название — Свободное Небо!

Словно свобода так важна. Тем не менее Бойс Ган не мог не заметить, что обитатели Свободного Неба, никем не управляемые анархисты, выглядели более крепкими, более счастливыми и даже более процветающими, чем миллиарды счастливцев под благотворной властью всемогущей Планирующей Машины.

Очевидный факт сбивал с толку.

Впрочем, задача была ясна. Ган с энтузиазмом занялся сбором сведений.

В сообществе Свободное Небо жило около двух тысяч человек. Жители были разбросаны по фузоритным рифам, которые растянулись на сотни тысяч миль. Многие рифы были превращены в пригодные для людей островки с помощью

особого лишайника, выделявшего кислород. Большая часть рифов атмосферы не имела, но все они питали развивающуюся промышленность Свободного Неба металлами и минералами.

Возможно, Ган ожидал увидеть здесь татуированных дикарей, пляшущих под тамтам, и оказался совершенно не готов к встрече с деловитой современной колонией. Здесь были фермы и стада, не только пространственников, но и настоящих коров гернзийской породы — шестьдесят голов были каким-то хитрым способом переправлены на крохотный астероид. На одном безвоздушном рифе, который состоял почти из чистого фузоритного железа, был построен сталеплавильный комплекс с ядерной энергоустановкой — подобные использовались Технокорпусом в поясе астероидов. Ган был поражен тем, что видел. Однажды он сказал об этом отцу Карлы Снег, у которого жил не то гостем, не то пленником. Они как раз обедали, и Ган наслаждался отличной отбивной и вином, чей букет не уступал лучшим французским винам.

— Дело не только в еде, юноша, — басовито пророкотал в ответ доктор Снег. — Сама жизнь здесь прекрасна! У нее есть вкус, о котором на мирах Плана никогда даже не узнают.

Бойс Ган улыбнулся снисходительно и как можно дружелюбнее.

— Возможно, вы правы. Прошу меня извинить, но я здесь… ничего, кроме этих миров, не видел.

Отец Карлы кивнул с довольным видом.

— Естественно. Так же, как и мы все, пока не добрались сюда. Не считая Карлы и тех немногих, кто уже здесь родился. Они свободны с самого рождения.

— Но я не совсем понимаю, как работает ваша система? — задал вопрос Ган, придав голосу оттенок недоверия. — Кто дает вам указания?

— Никто! На то она и свобода! Мы не хотели жить в ошейниках Машины, потому и бежали. Мы работаем сообща, и, как видишь, получается у нас неплохо. Счастье и процветание! Мы начали с нуля, построили наш мир, как фузориты, из газа и энергии. Помню, когда мы с Гарри Хиксоном сюда прилетели… — Доктор вдруг замолчал, хмуро посмотрел на Гана, задумчиво потер подбородок.

— И что же? Вы и Хиксон…

— Все было по-другому, — коротко заключил Снег. — Юноша, вы до сих пор думаете, что мы поверим в вашу историю? Я сам хоронил Хиксона.

— Видите ли, сэр, — сказал Ган, понимая, что разговор переходит на небезопасную тему. — Я

о нем ничего не знаю, но все, что я рассказал, — чистая правда. Человек, пославший сигнал, назвался Гарри Хиксоном, и у меня не было оснований не доверять ему.

Снег помрачнел, кивнул и больше ничего не сказал. Но Ган заметил, что аппетит у доктора испортился.

Ган решил пока не думать об этом, его волновало кое-что посерьезней. В мечтах он думал о награде, которую получит от Машины, когда, используя пространственника, сбежит отсюда — Карла как раз учила его обращаться с этими животными — и принесет на Землю информацию о Свободном Небе. Отличный урожай из двух тысяч отборных кандидатов в орган-банки!

Вместе с Карлой он вышел наружу. Ручной пироподыш Хиксона, спасенный вместе с Ганом по настоянию Карлы, шипел и метался на своей цепи.

Взяв Карлу за руку, Ган смотрел сквозь зеленые вьющиеся побеги на далекий маяк, который обозначал самый центр Свободного Неба.

— Ты обещала покатать меня на пространственнике, — напомнил он с улыбкой. — Если уж мне суждено стать местным обитателем, неплохо бы пораньше освоить это дело.

Она задумчиво посмотрела на него, улыбнулась. По контрасту с медово-золотистыми волосами глаза ее казались ярко-голубыми.

— Почему бы и нет? — сказала она. — Но не дальше атмосферной границы. Не все сразу.

— Я думал, пространственники носят воздух с собой.

Она кивнула, но твердо повторила:

— Не дальше атмосферы. Могут напасть пироподы.

— Здесь? Так близко к Свободному Небу?

— Видишь ли… — нерешительно начала Карла, но договорить не успела. Бледно-голубое зарево вспыхнуло над их головами.

Оба обернулись. Тормозя на полной мощности, на посадку шел корабль. Кто-то явно торопился. Несколько секунд спустя корабль уже стоял на мшистой лужайке перед клиникой доктора Снега. Люк распахнулся, наружу выпрыгнул человек. Увидев Гана и Карлу, махнул рукой: «Срочная помощь!» — и повернулся к люку. Оттуда уже что-то передавали.

— Я позову отца! — крикнула Карла. — Бойс, помоги им!

Ган уже спешил на помощь, хотя особой нужды в ней не было. Двое из ракеты вытаскивали

носилки, на которых лежал завернутый в белые простыни человек. В слабом поле притяжения рифа они легко справились с ношей. И все же Ган взялся за одну из ручек.

— Кто-то заболел, — пропыхтел один из экипажа. — Я его не знаю, нашел в загоне для пространственников… уже без сознания. Я и подумал — вдруг это что-то опасное…

Ган кивнул. Больной что-то бормотал в бреду.

И тут Ган, несмотря на слабое притяжение, едва не выронил ручку.

Хотя человек на носилках и был мокрым от испарины, взгляд его блуждал, он бредил и метался, лицо его было отлично знакомо Бойсу Гану. Он узнал машин-полковника Мохаммеда Зафара.

Наступил момент, когда Гану потребовались все знания и навыки, полученные в шпионской школе на Плутоне. Для Гана Зафар был не просто опасно заболевшим человеком, он нес с собой угрозу полного провала. Наверняка Зафар знает, что Ган — не простой кадет…

Он боялся, что полковник в любой момент придет в себя и узнает его. И все же он солдат Плана, а потому обязан использовать любую возможность узнать как можно больше о Зафаре и антиплановом заговоре.

Из трудного положения ему помог выйти доктор Снег, сам того не подозревая.

— Ган и Карла, — проворчал он, — не подходите близко. Если это инфекция… Если нужно будет, я вас позову, — добавил он, склонившись над пациентом.

Карла и Бойс остались у дверей в приемную. Не замечая того, Ган крепко сжимал руку Карлы.

— Он очень плох, — прошептала девушка. — Я не знаю, что с ним. Подобного не случалось с тех пор, как Гарри… — Она замолчала и уже другим тоном обратилась к тем двоим, что привезли полковника: — Лучше к нему не подходите, пока отец не закончит осмотр. Вы можете заразиться.

Доктор Снег вытащил изо рта больного термометр. Бойс Ган напрягал слух, пытаясь разобрать, что бормочет больной, но до него доносились лишь невразумительные обрывки, вроде «ловушка сознания… живая пыль… лживые грезы…»

Доктор Снег хмурился.

— Высокая! — пробормотал он, потом посмотрел на, людей у двери. — Карла! Составь лекарство. Стандартный набор: антибиотики, афибрилий, анальгетики. Примерно на 220 фунтов веса. Максимальную дозу.

Карла поспешила в комнату, где хранились

медикаменты, а доктор снова склонился над больным. Даже от двери Ган видел, как судорогой исказилось лицо полковника. Похоже, что это была не просто горячка. Полковник вдруг сел, уставился в пустоту и закричал:

— Кладбище галактик! Дитя Звезд! Ловушка! Ловушка! Бойтесь тайных желаний!

Вернулась с пневматическим шприцем Карла. Отец взял шприц, вытолкнул ее из комнаты и быстро сделал инъекцию.

Зафар тяжело опустился на кушетку, глаза его закрылись, он что-то тихо забормотал.

— Он сейчас заснет, — сказал Снег собравшимся у двери. — Больше мы пока ничего сделать не можем. Нужно посмотреть реакцию на лекарства.

Один из прибывших спросил с тревогой:

— Доктор, а что это? Мы не?..

Снег покачал головой.

— Ничего не могу сказать. Я не знаю, что с ним. Пока нам ничего не грозит. С подобным я сталкивался один раз три года назад. Я, моя дочь и еще несколько человек — все были в контакте с больным, но не заболели.

Он помолчал, посмотрел на Гана и вдруг раздраженно добавил:

— Это был Хиксон, господин Ган. Он умер.

Бойс Ган открыл было рот, но лишь кивнул.

— Понимаю.

— Понимаете? — в интонации Снега звучала мрачная ирония. — А я не понимаю! Совершенно ничего не понимаю! Позвольте кое-что вам показать, может, вы поймете больше моего.

Он выключил свет в приемной.

— Смотрите! — воскликнул он. — Что это такое?

У присутствующих одновременно вырвался вздох. Карла вскрикнула, один из мужчин тихо выругался.

В полумраке кожа полковника Зафара светилась золотом, как кровь того пространственника, что погиб на глазах Гана! Лицо больного сияло, как солнце, когда на него смотришь сквозь черное стекло. Свесившаяся из-под простыни кисть желтовато мерцала, как скопление миллионов фузоритов…

— Отец, это… как у Гарри, — сдавленно прошептала Карла.

Доктор кивнул, лицо его было мрачно.

— И конец будет тот же. Если не случится чуда, через час этот человек будет мертв.

Он вздохнул, потянулся к выключателю, но тут что-то вдруг зашипело, со свистом пролетело над

их головами.

— Что за черт! — изумился доктор Снег и включил свет.

На голове умирающего сидело огненноглазое создание, ерзало и дымило.

— Это Гарри… то есть, его пироподо! Которого мы привезли! — крикнула Карла.

— Смотрите, — едва выговорил Ган, — он разорвал цепь. — Он вдруг неуверенно рассмеялся. — Гарри был бы доволен. По крайней мере, животное научилось летать.

Было ясно, что машин-полковнику Зафару оставалось жить недолго. Он умирал. Бывали минуты, когда он переставал дышать, но потом жизнь вновь вспыхивала в нем, он находил силы пробормотать очередную бессмысленную фразу вроде: «Дитя Звезд! Но Лебедь не поможет ему…»

Снег возился за лабораторным комплексом в углу, то и дело подходил к больному, проверял дыхание, качал головой и отходил. Он позвал Карлу и Гана к микроскопу.

— Смотрите, — задумчиво сказал он и отошел в сторону.

Карла взглянула в хромированные окуляры, потом вопросительно посмотрела на отца.

— Понимаешь? Теперь вы, юноша.

Бойс было запротестовал:

— Доктор, я не ученый, я не знаю, на что смотреть.

Но в этот момент он заглянул в окуляры и замолчал.

Научная подготовка в данном случае не играла роли, хотя под микроскопом ему открылась картина, подобной которой он в жизни не наблюдал.

Соломенного цвета эритроциты и бледные эозинофилы плавали среди колоний полезных микроорганизмов, которые живут в теле любого человека. Очертания этих бактерий — палочки, звездочки или бесформенные мешочки — были смутно знакомы Гану. Но не все. Там властвовали неизвестные микроорганизмы, темные и на первый взгляд непримечательные. Прямо на глазах они то и дело мигали, испускали яркий золотистый свет, словно подавая крохотные сигналы бедствия из недр организма. Их было много, сотни или даже тысячи — все пространство под окулярами сияло золотым светом.

— Великий План! — прошептал Бойс Ган. — Он от этого умирает?

— То же самое я наблюдал в крови Гарри Хиксона, — медленно произнес доктор Снег. — Перед

самой его смертью.

Он занял место у стереоокуляров.

— Фузориты, — сказал он. — Я убил месяц на хроматографию и масс-спектральный анализ, но выяснил точно — они были в крови Гарри. Колонии фузоритов бешено размножаются. Они убивают его.

Он взглянул в микроскоп, снова поспешил к больному. Полковник Зафар тяжело дышал, глаза его расширились, он неподвижно смотрел в потолок, а его кожу заливал золотой свет фузоритов.

— Карла! — крикнул доктор. — Герметизация, быстро! Пустим чистый кислород под давлением… Все равно не спасет, — добавил он устало, — только продлит агонию.

Девушка быстро закрыла дверь, снабженную герметическими прокладками, отец тем временем повернул регуляторы клапанов на медконсоли. Ган услышал шипение газа, почувствовал давление на барабанные перепонки. Он сглотнул и услышал голос Карлы, ставший странно далеким:

— Папа! Он пытается встать!

Машин-полковник Зафар сидел на кушетке. Взгляд его стал осмысленным, дыхание — ровней. Наверное, помогла гипобарическая атмосфера

в комнате. Но золотистое свечение стало даже ярче, по лбу стекали капельки пота.

Взгляд полковника сверлил Бойса Гана.

— Ты! Предатель, Лебедь унесет тебя! Возвращайся к Машине. — И он сделал резкий жест, волнообразное движение, такое же, как делал Гарри Хиксон.

И тут Ган вспомнил название звезды, что горела в сердце созвездия Лебедя.

— Альфа! — воскликнул он. — Денеб!

Зафар свирепо взглянул на Гана.

— Не пачкай святое слово своим грязным ртом, — прошипел он. — Дитя Звезд покарает тебя. В сердце цитадели, в чреве самой Машины, которая играет вами, как пешками, Дитя Звезд отыщет и уничтожит врагов!

Глаза его закрылись, он задохнулся. Ган быстро взглянул на Карлу, на ее отца — но на их лицах прочел лишь изумление.

— Дитя Звезд? — прошептала девушка. — Отец, о чем он…

— Не знаю, Карла, — прогудел доктор. — Ходят слухи… Будто бы это Звездное Дитя перенесет последователей Церкви Звезды на планеты Денеба — когда настанет срок.

— Это не слухи! — крикнул Зафар, но задохнул-

ся в приступе кашля. — Он существует! Я видел его в центре Вихря! Он коснулся меня сияющей рукой!

Доктор Снег уже стоял рядом, пытаясь успокоить больного и уложить обратно на кушетку.

— Нет! — дико вскрикнул Зафар. — Не мешайте слову Звездного Дитя! Смотрите!

Он дрожащей рукой полез в сумку на поясе своего балахона, вытащил кусок пергамента кремового цвета.

— Это Требование Освобождения! Дитя Звезд поручил мне послать его на Землю, и я посылаю его!

По комнате метался пироподыш Хиксона, глаза его разгорелись в богатой кислородом атмосфере, он шипел, топорщил чешую. И глаза Зафара стали почти оранжевыми, пылая огнем крошечных танцующих золотых пылинок. Казалось, он ничего не видит, а может, взгляд его был устремлен куда-то за пределы клиники…

Бойс Ган испытал толчок, словно вздрогнул пол, хотя на самом деле комната оставалась неподвижной.

— На Землю! — воскликнул умирающий и отбросил пергамент. — Лебедь, неси его! Дитя Звезд, направляй! На Землю…

Доктор снова попробовал успокоить его, но полковник оттолкнул руку врача.

— И ты, шпион, раб Машины! Лебедь унесет и тебя…

Ган открыл было рот, хотел что-то сказать, но слова застряли в горле. Комната резко накренилась. Голова пошла кругом. Остальные, казалось, ничего не замечали. Затем снова последовал толчок. Ган споткнулся, восстановил равновесие, машинально протянул руку за пергаментом.

Пергамент выскользнул из руки… и исчез. Только что был здесь и в следующий миг словно испарился. Воздух на этом месте помутнел и закрутился вокруг воображаемой оси.

Вихрь становился все сильнее. Он рос, приближаясь к Гану, и комната снова задрожала. Ган хотел отодвинуться, спастись, но вдруг сорвался с места и полетел в самый центр воздушной воронки.

Он падал… падал… падал…

Он падал тысячу лет. Комнату давно затянуло мраком, и она исчезла. Встревоженное лицо Карлы, удивленные глаза доктора, пылающее ненавистью лицо полковника Мохаммеда Зафара — все исчезло. Он смутно видел какие-то огненные точки: звезды, очертания планет, галактик,

пылевых облаков, они пылали, крутились…

Он бесконечно долго падал сквозь миллиарды миль пустоты.

Так оно и было на самом деле.

Потом падение прекратилось. Ган, дрожа как в лихорадке, поднялся на ноги, но тут же упал, расквасив нос о серый, мягко освещенный металлический пол.

Он отвык от земного поля притяжения!

Это был не риф, а планета! Во все стороны расходились пустые коридоры со стенами из металла, мигали индикаторы, вращались магнитные ленты. Оператор-майор добрался, наконец, домой. Он находился в подземном лабиринте, где были скрыты могущественные электронные внутренности Планирующей Машины!

6

Вот как это началось для Бойса Гана, и приземлился он в самом недоступном месте на Земле, в сердце Машины.

Вдоль коридора дул теплый ветер, доносился равномерный далекий гул, его перекрывали свист дисков и жужжание магнитных катушек. Ган с трудом встал, ему было трудно бороться с собственным весом, от которого он Давно отвык.

Когда у него перед глазами рассеялся туман, он огляделся и увидел длинный коридор, в конце которого был виден яркий свет. Похоже, там была комната.

Ган поплелся по коридору, зажав тыльной стороной ладони разбитый нос, из которого струйкой сочилась кровь. От соленого вкуса крови во рту он закашлялся.

Свет шел, как оказалось, из обширного круглого зала. Потолок куполом поднимался вверх, на обширном пространстве пола островками стояли пульты и контрольные панели. Никого не было. В зал выходило двадцать четыре туннеля. По одному из них он сюда и попал.

Ган прислонился к косяку, ожидая, когда прой-

дет головокружение. Потом, собрав последние силы, закричал:

— Кто-нибудь, помогите! Есть тут кто живой?

Ответом было гулкое эхо из-под купола и далекое жужжание магнитных дисков.

Постепенно Ган начал ощущать в этой пустоте присутствие особой жизни, жизни механизмов. Он по очереди заглянул во все коридоры, но ничего не обнаружил, кроме длиннейших рядов вычислительного оборудования и сплетения толстых кабелей под потолком.

Потом на цыпочках, оробев, Ган пробрался к круглому островку пультов в середине зала. Каждый пульт, усыпанный светящимися индикаторами и кнопками, стоял лицом к одному из радиальных туннелей. Как зачарованный, наблюдал Ган за стремительным бегом огоньков на индикаторах.

Место было отлично знакомо ему по учебникам и видеофильмам, которые он десятки раз просматривал на лекциях в Академии Технокорпуса. Он оказался в самом секретном, самом защищенном месте всех девяти планет Солнечной Системы, в мозговом центре Плана Человека!

И Машина не знала, что он здесь!

Этот факт потряс Гана, приведя его в полнейшей

ужас. Он боялся не только за собственную жизнь, хотя понимал, в какой опасный переплет угодил. И за меньшие проступки люди отправлялись в орган-банк. Нет, он страшился за благополучие Плана. Как могло подобное случиться?

При всех объемах памяти, в которой хранились факты о каждом поступке каждого члена системы Плана, при всех запасах знаний из любой области Машина, похоже, не в состоянии была заметить, что в самом ее сердце свободно расхаживает проникший сюда без разрешения человек!

Ган заметил, что начинает всхлипывать. Голова кружилась, он в отчаянии оперся о ближайший пульт, попробовал разобраться в незнакомых индикаторах. Вот он, куб связи! На миг вспыхнула надежда. Но ведь связь-кубы рассчитаны на посвященных, на тех, кто носит вживленную в череп металлическую пластинку. Именно через них Машина связывается с мозговыми центрами. Неужели он осмелится воспользоваться кубом связи?

У Гана мелькнула безумная мысль — нажать на любую кнопку, наугад повернуть первый попавшийся тумблер. Самая незначительная перемена встревожит Машину, и через несколько секунд здесь появятся ремонтные роботы или люди.

Потом ему на глаза попалась красная пластинка, на которой ярко светилась единственная кнопка. Под кнопкой было написано слово. Единственное слово гласило «СТОП».

Затаив дыхание, Ган несколько бесконечных секунд смотрел на кнопку. Если назначение кнопки соответствует более чем понятной надписи, в его власти… в его власти…

ОСТАНОВИТЬ МАШИНУ!!!

Оператор-майор Бойс Ган, выпускник Академии, ветеран шпионской школы на Плутоне, обученный борьбе со всеми опасностями Солнечной Системы, оказался вдруг на грани истерики. Остановить Машину! Этой мысли он не мог перенести!

Он бросился к кубу связи, нащупал выключатель, крикнул, зарыдал, забормотал в прибор. Он не знал языка механо, который Машина разработала для своих связных, но если бы и знал, то в этот момент не вспомнил бы. Он в буквальном смысле потерял голову от страха.

Когда отделение гвардейцев Плана ворвалось в зал с оружием наготове, они нашли Гана на полу в обмороке. В этот миг жизнь его висела на волоске — он вполне мог схлопотать два десятка пуль. Но тех-лейтенант, командир отделения,

присмотрелся к телу Гана, подумал секунду, тряхнул головой и отдал команду:

— Не стреляйте в него. Его нужно допросить. Отнесите его в отделение Службы безопасности, и побыстрее!

Четыре дня подряд Гана допрашивали самые мускулистые спецы из умельцев безопасности. Они не слишком церемонились.

Он отвечал на все вопросы, говорил чистую правду, за что получал удары по почкам и ребрам. Десятки раз он терял от побоев сознание и оживал вновь, чувствуя, как санитар с каменным лицом выдергивает иглу шприца. Допрос продолжался.

Наконец, ему позволили заснуть. Не потому, что ответы их удовлетворили, а потому, что врачи боялись, как бы Ган не умер раньше времени.

Он проснулся, и каждая клеточка его тела кричала от боли. Он был привязан к операционному столу. Орган-банк, мелькнула первая мысль. Но это была тюрьма. Видно, над Ганом хорошо потрудились врачи — хотя тело и болело, но двигаться он мог. Пальцы сгибались, глаза открывались и смотрели в нужную сторону.

Только на шее он почувствовал что-то холодное, твердое, тесное. Воротник безопасности, который с такой легкостью был снят Гарри Хик-

соном, вернулся на прежнее Место.

Вокруг суетились санитары, отстегивая ремни. Ему помогли встать на ноги.

— Эй, оп, — проворчал сержант в радарном шлеме, с сиреневатым от щетины подбородком. — Поднимайся! Будешь говорить с генералом.

Они заспешили вдоль серых коридоров к лифту. От легкой перегрузки голова у Гана пошла кругом. Потом лифт резко остановился, и Ган чуть не упал. Охранник поймал его и рывком поставил на ноги.

— Вперед, оп, шевели ногами!

Пройдя по коридору, они вошли в пустую серую комнату, где Ган, вытянувшись по стойке «смирно», долго ждал.

Потом охранник прорычал:

— Вперед! — И втолкнул Гана в дверь. Очевидно, через радарный шлем он получил разрешение.

Ган очутился в комнате больших размеров. Превосходная мебель, на пьедестале — золотой бюст улыбающегося Планирующего, над столом царил золотой связь-куб Машины. Тут же имелась именная табличка: «Машин-генерал Абель Вилер».

За столом сидел генерал собственной персоной.

Довольно долго он рассматривал доставленного в кабинет опасника. Машин-генерал сам выглядел наполовину машиной: крупный, плечистый, с резкими движениями. Тело казалось металлическим: загорелая кожа цвета бронзы, глаза цвета стали, волосы, похожие на медную проволоку. Он в упор смотрел на Гана, а потом перевел взгляд на крышку стола перед собой. Там что-то лежало.

Бойс Ган почувствовал, как его душит металлический ошейник. Ныли кровоподтеки, он весь покрылся горячим потом, но строго сохранял стойку «смирно». В Академии он научился стоять по стойке «смирно» как угодно долго, правильно перемещая вес то на одну ногу, то на другую. Он старался думать только о том, что должен стоять, как положено, все остальное не имело значения.

Мрачный взгляд генерала был обращен на экраны, встроенные в столешницу. Их Ган видеть не мог. Секунду спустя он нажал на клавишу и, как догадался Ган, связался с Машиной. Почему он не использует связь-куб? Гану не пришло в голову, что генерал не хотел этого делать в его присутствии — человек, необъяснимым образом проникший в святая святых Машины, мог равно необъяснимым образом изучить механо.

Генерал смотрел на экран и ждал. Лоб его избороздили морщины. Он вдруг резко поднял взгляд от экрана, снова пристально посмотрел на опасника.

Экраны погасли. Плоское бронзовое лицо генерала стало похоже на маску, как будто неумелый хирург в центре пересадки забыл подключить мышцы к нервам, которые должны приводить их в движение.

— Оператор-майор Бойс Ган! — Ган чуть не подпрыгнул. Больше всего голос напоминал царапанье железа по железу. — Вольно!

Ган вздохнул, переступил с ноги на ногу, но настоящего облегчения не почувствовал. Глаза генерала продолжали следить за ним, стальные, безжалостные, как зонды, проникающие в самый мозг.

— Машина требует данных, — рявкнул генерал.

— Я знаю, сэр, — с трудом выговорил Ган. — Меня уже допрашивали раз сто, наверное.

— Если надо, и тысячу раз допросят! Машине нужна правда, и поскорее. — Генерал подался вперед, голова его стала похожа на поршень. — Кто такой Дитя Звезд?

Ган почувствовал сухой комок в горле. Он

сглотнул и упрямо сказал:

— Не знаю, сэр. Я рассказал все, что мне известно.

— Кто написал Требование Освобождения?

Ган покачал головой.

— Как вы проникли в штаб-центр Планирующего?

Ган упрямо, хотя и с сознанием безнадежности, качал головой.

— Как этот документ попал на Землю? Кто такая Карла Снег? Зачем ты убил полковника Зафара и сочинил эту смехотворную ложь?

— Нет, сэр! — воскликнул Бойс Ган. — Я его не убивал! Полковник Зафар был врагом Плана!

Бесцветные губы генерала сошлись, как створки капкана, в голосе появился зловещий оттенок.

— Мы предполагаем, что вы говорите неправду, — сказал он. — Вы можете доказать свою правоту?

— Нет, сэр, но…

— Оператор-майор Бойс Ган! ДИТЯ ЗВЕЗД — это ты?

— О нет! — с искренним негодованием изумился Ган. — Я…

— Оператор-майор Бойс Ган, известна ли тебе

судьба «Сообщности»?

— Чего? — воскликнул потерявший последнюю надежду Ган. — Генерал, я никогда даже не слышал… что это такое? Сообщность? Не понимаю, о чем вы говорите.

С четкостью пульса лазерного локатора генерал отчеканил:

— «Сообщность» ушла в пространство сорок лет назад. Больше о ней не слышали. Что тебе об этом известно?

— Ничего, сэр, ведь я тогда еще даже не родился!

На мгновение маска генерала ожила, превратилась в почти нормальное, даже немного растерянное лицо. Секунду спустя генерал сказал:

— Да, это так, но…

Лицо его вновь окаменело, генерал всем корпусом подался вперед, прищурился, словно смотрел на Бойса Гана через прицел.

— Благонадежный ли вы член Плана? — тихо спросил он.

— Да, сэр!

Генерал кивнул.

— Надеюсь, что это так, — бесцветным тоном сказал он. — Это было бы для вас самого лучше. Я

сейчас скажу вам нечто, что вы никогда никому повторить не сможете. Одно только слово, майор Ган, и смерть не задержится ни на секунду! Дело в том, что Планирующая Машина не единственная в своем роде. Существует еще одна.

Широко раскрыв глаза от изумления, Ган взирал на генерала.

— Еще одна Планирующая Машина, сэр? — переспросил он. — Где она?

Генерал покачал головой.

— Неизвестно. Еще одна Машина, такая же могучая, как та, что правит Планом. И мы понятия не имеем, где она находится. *И что она делает*.

— Когда-то на Земле жил человек по имени Райленд. Он был великим математиком. Женился на дочери Планирующего. Несколько десятков лет назад он отправился в космос, побывал на рифах, вернулся с рассказами о тысячах людей, которые живут вне сферы влияния Плана. — Это была ложь, естественно, — сурово добавил генерал Вилер, — но Планирующая Машина не делает скорых выводов, она взвешивает все факты и обстоятельства… составляет План! Машина приняла мудрое решение — проверить рассказ Райленда.

— Да, сэр, — сказал Бойс Ган, — я слышал об

этом Райленде. Он до сих пор, кажется, считается выдающимся ученым.

Генерал кивнул.

— Райленд исправил свою ошибку, — загадочно пояснил он, — отказался от заблуждений, как и надлежит слуге Плана. И бывший Планирующий Криири тоже понял, что заблуждался.

И вот, как рассказал дальше генерал, Райленд и Криири пали жертвами обмана, заставили Машину совершить… нет, не ошибку, конечно, это невозможная вещь. Они склонили Машину на эксперимент, который провалился. Эксперимент предполагал распространение Плана Человека на рифы Космоса.

Машина дала приказ построить грандиозный космолет, который назывался «Сообщность». Это была космическая крепость. Он был собран на верфях Деймоса. Шесть разъемных нереактивных тяговых комплексов — сами по себе мощные автономные крейсера — служили ему двигателями. Более половины места в огромном корпусе занимал близнец Планирующей Машины — единое целое из компьютеров и банков памяти. Близнец не уступал Машине в могуществе, ему не хватало лишь сети связи и прочих дополнительных внешних устройств, созданных Машиной

при участии людей.

«Сообщность» была построена, испытана, подготовлена к полету. Набрали экипаж. На борт погрузили все необходимое для десятилетнего полета. Планирующая Машина взяла на себя управление… «Сообщность» вышла за орбиту Плутона, миновала Завесу и… исчезла.

Несколько дней спустя по лазерной релейной связи пришло сообщение: полет проходит нормально. «Сообщность» вышла к главному скоплению рифов.

Больше связи с кораблем не было.

Машин-генерал Вилер замолчал, пристально глядя на Гана своими серо-стальными холодными глазами.

— Больше сообщений не было, — повторил он. — О судьбе корабля ничего не известно. Поисковые отряды возвращались назад ни с чем или вообще не возвращались. Или поворачивали назад, атакованные пироподами. Такова история «Сообщности», майор Ган. Последняя Деталь: скопление рифов, о которых говорилось в последней лазерограмме, находилось в том же месте, что и описанное вами «Свободное Небо». Вы побывали там, майор. Что вам известно о судьбе корабля?

Ган изумленно покачал головой.

— Абсолютно ничего, сэр, поверьте мне. Я даже не слышал о нем.

Генерал долго смотрел на него, потом кивнул.

— Ган, — мрачно сказал он, — вот что я еще скажу. — Он вдруг стремительно перекинул три тумблера на пульте стола и посмотрел на монитор. — Теперь мы экранизированы. Нас не видит и не слышит никто, даже Планирующая Машина. То, что я скажу, предназначено лишь для ваших ушей, Ган. Понимаете, дело не только в процветании Плана. У меня особый интерес к этой загадке. Я должен знать ответ, потому что намерен стать следующим Планирующим. Вы понимаете меня, майор Ган?

Бойс Ган прикоснулся к опасной тайне и прекрасно это понимал. До него и раньше доходили слухи о борьбе за власть среди начальства, стремившегося занять положение поближе к Машине. По всей Академии ходили анекдоты, а после отбоя иногда разгорались споры. Некоторые считали политическую борьбу предательством (об этом говорили только шепотом с глазу на глаз). Другие считали сплетнями, третьи видели в политической борьбе проявление естественного закона человеческих отношений,

которому следует подчинятся ради собственного же блага. Ган вспомнил брата Джули, ярого идеалиста, вспомнил одного из преподавателей, циника с чувством юмора. От его рискованных шуток курсанты хохотали, а потом испуганно переглядывались между собой. В один прекрасный день этот преподаватель исчез, а юный кадет стал примерным выпускником Академии и даже поступил в шпионскую школу на Плутоне, как раз в тот момент, когда Ган эту школу покидал.

Как бы там ни было, но сейчас проблема политических маневров мало трогала Бойса Гана… маневры происходили далеко и высоко…

До сих пор.

Подавшись вперед, угрожающе нагнув поршень-голову, генерал Вилер проскрежетал:

— Я… должен знать… правду! Кто послал Требование Освобождения?

Ган отрицательно покачал головой.

— Нет, сэр, я его в глаза не видел и не знаю, что это такое.

— Куча глупых пустых угроз, майор Ган. Безумное обещание погасить Солнце! Требование дать свободу всем желающим — каково?! И все же, — стальной блеск в глазах генерала стал еще холоднее, — похоже, что за угрозами кроется

нечто реальное. Солнце действительно погашено.

Бойс Ган не верил собственным ушам.

— Погашено Солнце? Сэр, не понимаю…

— И я не понимаю, — проскрипел генерал, — но это не имеет значения. Значение имеет безопасность Машины, а мне доверена ее охрана. Требование Освобождения — угроза. Я должен защищать Машину. Если повезет… получу соответствующую награду. Тех, кто поможет мне, — он обвел взглядом комнату, наклонился вперед и чуть слышно произнес: — Их я тоже сумею наградить, майор Ган.

Глаза его беспокойно заметались по комнате, потом взгляд остановился на Гане.

— Майор, — сказал он, — вы мне нужны. Как друг и союзник.

Ган все еще думал о погашенном Солнце. Затем он решил отложить этот вопрос и, смущаясь, сказал:

— Буду счастлив стать вашим другом, генерал. Но все равно, мне ничего не известно о Звездном Дитя.

Генерал закивал, как метроном.

— Вас снова будут допрашивать. Теперь вами займется сама Машина через посредника-челове-

ка. Может, вспомните кое-что новое. Возможно, вам помогут вопросы посредника… или вы догадаетесь, что у Машины есть сведения, которых даже я не знаю… В таком случае мне будет интересно снова побеседовать с вами. Выбирайте. Или вы мой друг, или враг. И сейчас, — добавил генерал внушительно, — я имею достаточно власти, чтобы наказать своего врага.

Он вернул тумблеры в прежнее положение, бросил взгляд на экраны связи, кивнул, выстучал ответ, снова посмотрел на Гана.

— Сейчас вы отправитесь к Сестре Дельта Четыре, — приказал он. — Машина вас допросит. Смотрите сюда, майор!

Генерал поднял руку, и пальцы, как на дистанционном манипуляторе, сжались в увесистый кулак.

— Эта рука когда-то принадлежала другому человеку, врагу Плана. Он бросил в Планирующего бомбу, но промахнулся. Планирующий уцелел, но взрыв раздробил мне Руку. Хирурги не смогли ее починить, пришлось заменить Рукой неудачника убийцы. — Бронзовый кулак плавно опустился на панель. — Помните, Ган, Машине вы можете послужить и другим способом — через орган-банк!

7

За дверью Гана ждал охранник в радарном шлеме.

— Пошли, опасник, — проворчал сержант, и Бойс Ган поплелся по бесконечному серому коридору, потом его втолкнули в лифт, впихнули в комнату с голыми серыми стенами и оставили ждать. Но не надолго. Охрана вернулась. Лицо у сержанта было растерянным и сердитым. — Пошли!

Похоже, других слов он не знал. Гана повели по коридорам.

В дверном проеме стояла молодая женщина. Склонив голову, она перебирала четки-сонары. На ней был длинный белый халат с капюшоном, форма служителей Машины. Они были обучены языку механо, и мозговые центры их были доступны электродам Машины. Когда они проходили мимо, женщина о чем-то спросила охранника.

— Приказ изменили! — огрызнулся конвоир. — Пойдемте с нами, если хотите. Мы ведем его к Планирующему!

Ган на ходу обернулся, посмотрел на девушку, но конвоир подтолкнул его вперед. У девушки

был необыкновенно мелодичный голос, словно она не говорила, а пела.

Наверное, это сестра Дельта Четыре, о которой говорил генерал. Она должна была допрашивать его.

Вместо допроса его повели к самому Планирующему!

Бойс Ган в жизни не видел живого Планирующего. Его вообще мало кто видел. Планирующий был человеком скрытным и высокомерным, он не снисходил даже до малого общения с людьми, как это делали древние императоры.

Ган поежился. За это время он успел привыкнуть к своему положению и все более становился похожим на обыкновенного заключенного. Всякая перемена таила для него опасность, он боялся неизвестности, а Планирующий представлялся ему олицетворением именно такой неизвестной угрозы.

Новые туннели, провал скоростного лифта. Снова Гана втолкнули в комнату и оставили ждать.

Он был где-то глубоко под землей, слышалось тихое урчание воздуха в системе вентиляции над головой. Стены были неприятного желтовато-серого цвета — исчез чистый серый оттенок помещений Технокорпуса. Примесь золотистого

символизировала Планирующего. А может, покрытие просто пожелтело от времени? В комнате стояли металлический стул и голый металлический стол.

Воротник безопасности сильнее обычного сдавливал горло.

Ган присел за стол, склонил голову. У него ныли кровоподтеки и кружилась голова.

Вихрем понеслись какие-то лица, образы… генерал Вилер, его намеки на вознаграждение… пространственники Карлы Снег… пироподы… Джули Мартин… голубое небо с черной дырой вместо Солнца… золотые пылинки фузоритов в крови полковника Зафара… снова Джули… потом снова Карла…

Он вновь пережил бесконечный полет, он долго падал, и кончилось это падение в чреве Земли, среди магнитных хранилищ памяти Машины. Снова встали перед глазами стерильные ледяные равнины Плутона, медленно крутилось колесо станции «Поларис»… Требование Освобождения… удивительная любовь к свободе у антиплановых обитателей Свободного Неба… любовь к свободе… любовь к свободе…

Он вдруг опять подумал о Джули, погрузился в воспоминания о курорте-сообществе на Плая

Бланка, о маленькой черноволосой девушке, которая пела ему на песчаном берегу, в лучах зари… На губах ее была морская соль… Он видел ее лицо так ясно, как будто она была вместе с ним в этом комнатушке.

— Джули… — нежно прошептал он и вместо ответа услышал:

— Вставай, оп! Пошли!

Его тряс за плечо сержант в рогатом радарном шлеме.

— Опасник, проснись!

Он еще не совсем пришел в себя, а конвоир уже вытолкал его в соседнюю комнату — большую, ярко освещенную, роскошно убранную. Комната утопала в золоте. Золотые гобелены на стенах изображали миры Плана Человека. Золотые светильники, золотые подносы на золотых столах. Золотой ковер на полу, мебель обита золотистой тканью.

По обе стороны от Гана встали охранники, его вывели на середину и оставили. Сержант со шлемом подошел к двери в виде золотой арки и что-то сказал офицеру в форме Технокорпуса. Офицер нетерпеливо кивнул и поднял руку.

Сержант подал знак своим людям — ждать!

Бойс Ган был уверен, что за дверью находится

сам Планирующий. В комнате они были не одни. Повернув голову, — конвоиры не давали ему повернуться всем телом — Ган увидел, что в комнату вошла жрица Машины, Дельта Четыре. Она опустилась на колени на золотую подушечку и начала шептать молитву в четки-сонары. Девушка была стройная, невысокого роста, лицо почти полностью скрывал мягкий капюшон. Пелерину украшала светящаяся эмблема друзей Машины — переплетенные символические эллипсы электронных орбит.

Охранники заставили его отвернуться. Один из них прошептал другому:

— Гляди! Сейчас будет входить в сообщность.

Даже в нынешнем своем рискованном положении Ган не мог подавить соблазна увидеть, что происходит. Он никогда не наблюдал процедуры соединения служителя с Машиной. Это было и интересно и страшно одновременно.

Если кольцо на шее Гана было кнутом, который Машина придумала для неверных слуг, то связь-пластина была пряником, которым награждали за верную службу.

Ган знал, как она выглядит — блестящий кружок металла во лбу. На диске — черный узор разъема, в который входили электроды связи.

Сообщность считалась самым большим наслаждением.

Такие операции производили лучшие нейрохирурги Машины, и через пластину она награждала преданных слуг электронным удовольствием. Сигналы возбуждали непосредственно центр наслаждения.

Ощущение было бесподобным — отголоски реальности не пятнали его чистоты. Оно не утомляло, оно было бесплотным! Квинтэссенция удовольствия. Великая радость, к которой всю жизнь стремятся люди, но находят лишь ее несовершенные суррогаты — в еде, питье, холодном воздухе ранним утром на горной вершине, общении с представителями противоположного пола. Оно было и первым, и вторым, и третьим, но усиленным, очищенным и поданным непосредственно сквозь кружок металла во лбу.

— Готовится! — прошептал охранник, и Ган осмелился повернуть голову.

Это ему удалось всего на секунду, когда охранники ослабили хватку. Сестра Дельта Четыре откинула капюшон, обнажила лоб. На белой гладкой коже он увидел металлический кружок. Ган отвернулся, потом посмотрел еще раз. Разум отказывался верить увиденному.

Лицо Дельты Четыре…

Офицер у двери хрипло приказал:

— Пошли!

Охранники потащили за собой Гана, развернули его лицом к сержанту в шлеме. Тот яростно махал рукой, подавая знак, что Планирующий ждет.

Но Бойс Ган сопротивлялся, как сумасшедший.

— Нет! — крикнул он. — Подождите!

Он отбивался от изумленных охранников, а девушка с безмятежным лицом поднимала ко лбу разъем.

Ган не чувствовал ударов. Он вырвался из захвата, столкнулся со вторым конвоиром, оба упали на толстый золотой ковер. В падении Ган снова увидел ее лицо. Он не ошибся, сомнений больше не оставалось. Это была Джули Мартин.

Его любимая больше не существовала как полноценный человек. Она стала придатком Машины, как какая-нибудь далекая подводная автоматическая шахта… Она больше не принадлежала к роду человеческому. Джули Мартин стала частью Машины.

8

Если катакомбы Планирующей Машины были мозгом Плана, то Государственный Зал был его сердцем. Огромный, как космический ангар, роскошный, как усыпальница фараона, Зал служил рабочим кабинетом самому могущественному человеку за всю историю Земли. Стены были выложены золотыми панелями, тимпаны в виде полумесяцев украшены фресками с пейзажами девяти планет и тысяч мелких планетоидов — владений Плана Человека.

Приказаний Планирующего ждали приближенные: личный врач, три связных служителя в черных балахонах с кубами связи и тональными четками. Здесь же находился вице-планирующий Венеры, подвижный маленький инженер, у которого уши и нос казались непропорционально большими. Наверное, достались от донора-великана. Тут же был и генерал Вилер, без промедления взявший Гана на прицел стального взгляда.

Все молчали.

Вознесясь над залом, в огромном золотом кресле восседал Планирующий. Перед ним был

установлен стол из кварца. Планирующий размышлял, рассматривая какие-то металлические и хрустальные фигурки на столе.

Ган оказался в полном одиночестве на выложенном золочеными плитками полу. Он ждал, когда Планирующий обратит на него внимание.

Но взгляд властителя был прикован к фигуркам. Иногда он вздыхал, переставлял фигурки, словно пятилетний малыш, играющий в солдатики. Он выстраивал фигурки в колонны и отправлял в марш по глади кварцевого стекла.

Это были фигурки сказочных драконов и других мифологических персонажей. Некоторые из них сверкали, как ртуть, другие были совершенно черными. Многие были раскрашены во все цвета радуги.

Бойс Ган никогда не видел Планирующего так близко и был немного разочарован тем, что видел. Властелин оказался обычнейшим человеком: старым, толстым, обрюзгшим и, добавил про себя Ган, немного чудаковатым.

И все же это был Планирующий, это был глас Машины, а Машина не могла ошибаться, избранный Машиной инструмент не мог быть несовершенным. Конечно, были у Планирующего и предшественники — Криири, например,

допускавший ошибки. Криири пытался включить рифы Космоса в систему Плана и потерпел фиаско… Ган поспешил отогнать крамольную мысль. В этом Зале никто не смеет вспоминать о предателях!

Он вдруг снова с болью вспомнил о Джули Мартин. Как это могло случиться, как могла его любимая превратиться в жрицу Машины?

Планирующий поднял массивную круглую голову и тяжелым взглядом посмотрел на Гана.

— Ты знаешь, что это такое? — хрипло спросил он.

Ган проглотил комок в горле.

— Д-да, сэр, — он вдруг начал заикаться, — з-знаю, кажется. Похоже на пироподов, которые нападают в Рифах на все живое, сэр.

Планирующий не дослушал, кивнул, подпрыгнули обрюзгшие щеки.

— Верно, пироподы, — рявкнул он и одним взмахом смел фигурки на пол. — Будь у меня тысяча пироподов! Миллион! Я бы послал их в рифы уничтожить предателей! Эти безумные рифовые крысы осмелились толковать мне о свободе!

Он свирепо уставился на Гана, который застыл, потеряв дар речи.

— Я хочу знать правду, — вкрадчиво сказал

Планирующий. — Кто управляет рифами, Ган? Или что? Ты побывал там, ты мне расскажешь. Мало им романтических бредней, — взревел он опять, — будто человека можно улучшить, будто в тупых органических созданиях тлеет дух добродетели! Безумцы! И теперь они угрожают мне… гасят мое солнце… бахвалятся своими возможностями!

Он оперся пухлыми руками о золотые подлокотники, привстал, подался вперед, навис над Ганом.

— Кто такой этот Дитя Звезд, Ган? Это ты?!

Как будто пронзенный ударом тока, Ган задушенно пробормотал:

— Нет, сэр, что вы? Не я! Я его не видел… ничего не знаю… какие-то слухи… Я не Дитя Звезд, поверьте!

— Слухи? Какие слухи, Ган? Я должен знать.

Ган беспомощно оглянулся. Присутствующие хладнокровно наблюдали за ним. Помощи ждать неоткуда.

— Сэр! — в отчаянии воскликнул он, — я тысячу раз уже рассказывал все, что знаю. Я расскажу еще раз. Но дело в том, что мне почти ничего об этом Дитя Звезд не известно.

— В этом дело или не в этом, — заорал Плани-

рующий, — решаю я. Ты рассказывай! Дальше!

Ган послушно начал:

— Сэр, меня направили для выяснения некоторых обстоятельств, имевших место на станции «Поларис»…

Пока он говорил, в Зале стояла мертвая тишина. Планирующий слушал с непроницаемым видом, облокотившись о подлокотник. Голос Гана носился по Залу, как вопль брошенного в колодец, и отвечало ему лишь эхо. Ган кончил сценой ареста в катакомбах Машины и замолчал.

Планирующий проговорил задумчиво:

— Знак Лебедя… Что это такое?

Бойс Ган, насколько был способен, немедленно продемонстрировал плавный жест рукой.

— Кажется, он имеет отношение к созвездию Лебедя, где главная звезда — Денеб. Ей поклоняется так называемая Церковь Звезды.

Планирующий развернулся в сторону служителей связных в черных балахонах.

— Денеб! — гаркнул он. — Показать!

Служитель что-то пропел в свой связь-куб. Свет в Зале тотчас померк, на сводчатом потолке вспыхнула звездная панорама. Взгляды присутствующих обратились к ней вслед за взглядом Планирующего.

Словно тысячи ярдов камня и грунта над головой испарились, и открылась звездная бездна, как в ясную безлунную ночь поздней осенью, решил Ган, оценив положение созвездий. Время — около полуночи. Вот крупные звезды Летнего Треугольника: Альтаир на юге, Денеб и Вега на севере. Густой лентой жемчужной пыли вытянулся Млечный Путь. Над западным горизонтом завис красный Антарес, на востоке пылал Фомальгаут…

Поле зрения начало сужаться, как будто они помчались вперед, к созвездию Лебедя. Пропали Фомальгаут и Антарес, созвездие Орла с Альтаиром, Полярная Звезда и Цефей под ней. Остался один Лебедь.

Мелодичный голос проговорил-пропел:

— Созвездие Лебедя. Звезды: Альфа Лебедя, другое название — Денеб, бело-голубая звезда первой величины. Бета Лебедя, другое название — Альбирео. Двойная звезда. Компоненты: ярко-голубая и оранжевая звезды Гамма Лебедя…

— Мне нужен только Денеб, идиот! — рявкнул Планирующий.

Голос продолжал без запинки:

— Денеб. Расстояние от Солнца — четыреста световых лет. Температура поверхности

— одиннадцать тысяч градусов. Сверхгигант. Спектрографические данные: водород, кальций…

— Планеты! — перебил Планирующий. Терпением он не отличался.

— Не обнаружены.

Ган вытянул шею — голос принадлежал служителю в балахоне с капюшоном, прятавшем лицо, поэтому трудно было сказать, кто из тройки связников сейчас говорит.

Планирующий долго молчал, глядя вверх.

— Имеет ли Машина информацию о связи между Денебом и Звездным Дитя?

— Нет информации, сэр, — пропел невидимый голос. — Возможные исключения — данные о связи между Церковью Звезды и Денебом. Возможна связь между Денебом и 61 Лебедя в этом же созвездии. Это одна из звезд, которую грозил погасить Дитя, что и произошло. Вышеперечисленные факты не приняты Машиной как важные.

— Очень хорошо. Отбой! — проворчал Планирующий.

Изображение на потолке погасло, вспыхнул свет. Несколько секунд Планирующий сидел в тяжелом раздумье, с отсутствующим выражением в глазах. Поверх голов охранников, генерала Вилера, Бойса Гана, поверх рассыпанных фигурок

он обвел взглядом комнату.

Взгляд остановился на черных фигурах связников. Планирующий вздохнул и пальцем поманил одного — всего лишь согнул и разогнул палец, но связник тут же оказался у кресла. В руке он держал кабель, выходивший из связь-куба, на конце кабеля имелся золотой разъем с восемью электродами.

Глаза Гана широко раскрылись.

Если он не спятил… Связник был уже рядом с Планирующим, отодвинул со лба редкие волосы, закрывавшие вращенную в кожу круглую пластинку. Планирующий намеревался войти в сообщность с Машиной!

Зрелище было захватывающим… и жутким.

Ни на кого не обращая внимания, Планирующий расслабился, ждал, пока связник ловко вставит электроды в отверстия.

С следующий миг лицо Планирующего переменилось. Он закрыл глаза. Раздражение, злость словно растворились. Он крепко сжал зубы, оскалился, как в агонии… или в экстазе.

Потом волна прошла. Планирующий чуть расслабился, дыхание стало чаще. Тончайшие электроды стимулировали центры удовольствия в его мозгу. Сначала властелин улыбнулся, потом

нахмурился, снова улыбнулся. Что-то забормотал… все быстрее и быстрее. Рыхлое тело его заходило ходуном. Связник что-то прошептал ему на ухо, и Планирующий утихомирился, тело расслабилось.

Черный служитель выждал секунду, кивнул, вытащил электроды и, неслышно ступая, отошел. Планирующий открыл глаза, посмотрел по сторонам.

Перемена, которая с ним произошла, показалась Гану чудесней всех чудес, виденных в рифах. Мрачный, раздраженный человек вступил в контакт с Машиной и вернулся в мир другим: веселым, энергичным. Зал заполнился его громогласным смехом.

— Ага! Ого! Вот это да! Ух, хорошо!

Он уселся поудобнее, стукнул кулаком по кварцевому столу.

— Мы их уничтожим! Рифовых крыс и Дитя Звезд — всех! Если они осмелятся ставить палки в колеса Плана! Раздавим, как клопов, с их мерзкими выдумками. И ты нам поможешь, Бойс Ган, станешь избранным инструментом Плана.

На какой-то миг Гана охватило безумное желание — броситься бежать или прыгнуть на Планирующего, пусть сработает заряд в кольце,

и все проблемы будут решены раз и навсегда. В тоне Планирующего было что-то наводящее ледяной ужас. Если Машина может любого вот так преобразить… Ган боялся Машины! И сама мысль эта представилась страшной, ведь для него Машина всегда была добрым повелителем, который награждает за хорошую службу и наказывает за плохую. Но самая высокая награда теперь казалась Гану хуже любого наказания…

Но он сказал:

— Да, сэр! Служу Плану, сэр.

— Служи как следует, сынок! — радостно сверкая очами, заорал Планирующий. — Всем сердцем и умом — или послужишь Плану глазами, руками, печенкой и прочим! Все мы служим Плану, сынок, так или иначе!

И взмахом руки отпустил Гана, весело помахал ему пухлой ладонью, повернулся к генералу Вилеру. Охранники сомкнулись вокруг опасника, повели из зала, но он успел бросить взгляд на генерала. Серо-стальные глаза казались холодными и пустыми, но Ган отлично понимал то, что они ему говорили:

«Не подведи и меня, Ган», — говорили глаза генерала.

9

Было время, когда жизнь казалась простой, а обязанности — ясными. В те полузабытые, затуманенные временем дни — неужели всего несколько месяцев назад? — он любил девушку по имени Джули Мартин. Он помнил ночь, когда они встретились, проведенные вместе часы, взаимные клятвы и надежду на счастье впереди. Он помнил песчаный пляж и ее прощальный поцелуй. Память эту Бойс Ган пронес через свою одиссею в двадцать миллионов миль.

Но еще никогда он не был так далек от Джули, как сейчас. Он бы мог, если бы осмелился, коснуться губ, которые целовал на берегу Плая Бланка. Но от Джули осталась только оболочка, в которой обитала сестра Дельта Четыре.

— Джули… — невольно сорвался шепот с губ Гана.

Она спокойно смотрела на него, а он искал в этих темных глазах хотя бы намек на то, что она узнала его. Но напрасно.

Дельта Четыре кивнула ему:

— Меня зовут Дельта Четыре, — колокольчиком прозвенел ее голос. — Я буду вести допрос.

Она замолчала, ожидая ответа. Бледное лицо наполовину закрыл капюшон, а светящаяся эмблема, казалось, подсмеивалась над Ганом. Это был знак «Не приближаться!» И он не осмелился бы нарушить запрет.

Все же он не выдержал и спросил:

— Джули, ты совсем не помнишь меня? Что с тобой случилось?

Девушка провела пальцем по нити электронных бус, каждая бусина отвечала определенной нотой.

— Майор Ган, — пропела Дельта Четыре в тон музыке, — я служу Машине. Не напоминайте мне о прошлом.

— Но скажи хотя бы, зачем ты это сделала? Почему ты не…

Сестра Дельта Четыре кивнула:

— Хорошо, у нас пока есть время. Спрашивайте.

— Почему… Джули Мартин не дождалась моего возвращения? Я послал с Плутона письмо…

— Послание было доставлено, — пропела связница. — Но Джули Мартин к тому времени уже была принята на обучение. Она уничтожила послание. Она не желает о нем вспоминать.

— Но я тебя любил! — взорвался Ган. — Как

могла ты меня бросить?

Лицо девушки оставалось бесстрастным.

— Вас любила Джули Мартин, — уточнила она. — Меня зовут Дельта Четыре. Прошу садиться, майор Ган, мы начинаем допрос.

Ган заставил себя сесть. Девушка подвинула второй стул и села. Ее движения были плавными и точными.

Из складок пелерины она извлекла маленький черный связь-куб.

— Майор Ган, — начала она, — являетесь ли вы тем же лицом, что и так называемый Дитя Звезд?

— План его побери, нет! — вырвалось у Гана. — Этим вопросом я сыт по горло. Я уже сто раз повторял…

Девушка покачала головой.

— Одну минуту.

Он хмуро смотрел на нее, и боль в сердце казалась сильнее, чем боль от ударов, которые он получил на Допросах. Девушка склонила голову, коснулась четок. Всякий раз, когда раздавался звон электронного колокольчика, ее голос повторял ноту, отрабатывая гаммы тоновых Фонем искусственного языка механо.

Механо был труднопреодолимым мостом меж-

ду Машиной и сознанием человека. Раньше его преодолевали переводом, трансформируя речь людей в фортран или какой-нибудь другой машинный язык. Затем фортран переводили в двоичные числа, двоичные числа — в указания и команды. Изобретенный самой Машиной механо был, по сути, набором двоичных чисел. Эти числа управляли элементарными процессами в структуре Машины: закрытие или открытие контура, зарядка или разрядка емкости, то или иное состояние ферромагнитного слоя на ленте.

Людям не научиться языку двоичных чисел, а Машина не могла тратить время на перевод. Поэтому она создала язык, на котором люди все же могут говорить, с трудом, ценой сосредоточения и отказа от посторонних радостей жизни, но все же достаточно хорошо.

Преодолеть мост между Машиной и человеком было непросто. Для Машины счет шел на миллиардные доли секунды. Рассчитав, что пропускная способность уха и речевого аппарата людей достигает 500 двоичных единиц в секунду, Машина разработала язык, позволявший приблизиться к теоретическому пределу.

Обычно человеческая речь передает всего 50 единиц информации в секунду, механо был в

тысячу раз эффективнее.

И выучить его было в тысячу раз сложнее.

Ган с горечью понял, что именно голос Джули, тихий и музыкальный, из-за которого он сам когда-то впервые обратил на нее внимание, стал виновником их разлуки. Машина постоянно искала людей, способных изучить механо, и если находила, они становились ее служителями навсегда. Настоящий связник должен был обладать не только широким вокальным диапазоном, но и абсолютным музыкальным слухом. Ему помогали тональные четки, перед разговором связник настраивался на их звучание. Но превратить обычного человека в бегло говорящего на механо связника четки не могли.

Пока Дельта Четыре повторяла ноты, вызваниваемые четками, Ган представил, как трудно ей было во время обучения, которое требовало полной сосредоточенности, самоотдачи. Окончательной наградой становилась металлическая пластинка на лбу.

Дельта Четыре пропела мелодию, напоминающую птичье щебетание, а связь-куб ответил электронной серией похожих звуков. Дельта Четыре подняла равнодушный, устремленный вовнутрь взгляд на Бойса Гана.

— Мы готовы. Майор Ган, Дитя Звезд — это вы?

… Ган отвечал на вопросы, не думая, автоматически.

— Нет, я не Дитя Звезд. Никогда его не видел. Ничего о Требовании Освобождения не знаю. Никогда не участвовал в антиплановых движениях.

Отвечая, он про себя взывал к ней: «Джули, Джули! Вернись…»

Сестра Дельта Четыре передавала его ответы в связь-куб. Лицо связницы казалось таким же нечеловечески-бесстрастным, как и ее голос.

— Для выполнения этого опасного задания я отправился на станцию Космического Занавеса…

Дальше следовала длинная история, которую он столько раз уже рассказывал.

Ему вдруг померещилось, что золотые стены едут на него, грозят раздавить. Сколько над ними тысяч футов скалы? Светит ли солнце над зеленой весенней травой на лугах? Или над ними антарктические льды? Или мили темных вод мирового океана?

Ему вдруг отчаянно захотелось вновь оказаться на рифах, на Свободном Небе, вместе с Карлой Снег. Космическое сообщество бунтарей показалось ему ближе и человечнее Плана. Он ощутил тоску по бескрайнему пространству… по фанта-

стической свободе…

Шипение из связь-куба вернуло Гана к действительности.

— Продолжаем, — проворковала Дельта Четыре. — На вас напали пироподы?

Он устало кивнул.

— Да, но перед этим, я забыл упомянуть, перед этим Хиксон снял мой воротник безопасности.

Дельта Четыре совершенно спокойно пропела ответ в связь-куб. В ее взгляде появилась особая отрешенность, как будто девушка уже находилась в экстазе от предстоящей сообщности.

Черный кубик зачирикал.

— Машина требует пояснений. Мы должны найти Гарри Хиксона. Его способности надлежит изучить, потом уничтожить каждый член тела в отдельности.

Ган грустно усмехнулся.

— Извините, помочь не могу — он умер.

— Машина не принимает ответа. Вы сказали, что антиплановый отшельник снял ваш воротник. Вы не спросили, как он это сделал?

— Нет, — ответил он, все еще надеясь увидеть в черных глазах Дельты Четыре живую искру. Но глаза были пусты. — Думаю, он был обращен в члены Церкви Звезды, — поспешно добавил он,

когда коробочка зловеще зажужжала, — и силы он получал от Денеба.

Сердитый трезвон связь-куба.

— Очевидная ложь. Звезда не может оказывать такого влияния. Во Вселенной нет разума, более могучего, чем разум Планирующей Машины.

Пауза.

— Если виной всему Гарри Хиксон, правда будет установлена, когда преступника поймают. Если вы сказали неправду, майор Ган, вам грозит орган-банк.

— Я сказал правду! — воскликнул он. — Я целиком и полностью предан Плану Человека!

Куб что-то запел, девушка перевела:

— Машина не принимает словесных заверений. Минуту. Машина получает дополнительные данные по другому входу.

Загадочным образом лицо девушки вдруг стало удаляться. Ган моргнул, протер глаза. Казалось, сестра Дельта Четыре уплывает вдаль, падает в темный колодец, в космическую пустоту. Вот до нее уже тысячи ярдов…

Потом все вернулось на прежнее место. На секунду закружилась голова, будто комнатка в недрах штаб-квартиры Планирующего вдруг закружилась в медленном вальсе.

Связь-куб зловеще дребезжал, и сестра Дельта Четыре пропела:

— Машина прекращает допрос. — Шум из куба. — Запомните, антиплановые идеи, как слова, так и поступки, должны искореняться. Пока Машина откладывает решение о вашей участи…

На бледном лице связницы чуть заметно заиграла улыбка. Дельта Четыре предвкушала скорое наслаждение электронной сообщностью. Но связь-куб не отпускал ее.

— Машина находит ваш рассказ неполным. Вы не раскрыли личности Дитя Звезд, не сообщили фактов о судьбе корабля «Сообщность», ничего не рассказали о так называемом Требовании Освобождения. Вы не объяснили, как попали в крепость Машины.

Ган покачал головой:

— Не знаю, что мне рассказывать, — устало сказал он.

Куб упрямо жужжал.

— Неубедительно, — пропела Дельта Четыре. — Допрос будет продолжен.

Комната вдруг снова поплыла, и Ган ухватился на стул. На этот раз даже связница что-то почувствовала — губы ее чуть приоткрылись, в глазах мелькнуло удивление.

Возбужденно защебетал связь-куб. В этот же момент где-то завыли сирены.

— В нескольких пунктах, — запинаясь, переводила девушка, — отмечены толчки… — В этот момент раздался звон, связница громко вздохнула и вдруг схватила Гана за руку. — Пироподы! Они… Вы должны помочь! Зал Планирующего атакован пироподами! Их десятки, они уже внутри!

Комнатка, где шел допрос, была частью обширной сети помещений, входящих в жилую и административную зону штаб-квартиры. Дверь мгновенно открылась от прикосновения пальцев связницы — замок был настроен на ее отпечатки. Ган и девушка побежали по длинному залу с золотыми стенами. Зал, высотой с двухэтажный дом и шириной с автостраду, тянулся через всю штаб-квартиру. Здесь проводились все церемонии. Вдоль стен выстроились золотые и хрустальные статуи, стены были обиты золотой парчой, украшены фресками и экранами.

В зале было полно едкого ракетного дыма.

По барабанным перепонкам ударил режущий визг — огромная живая торпеда неслась по воздуху. Люди кричали и разбегались в разные стороны. В этой неразберихе Ган все же сумел

сориентироваться и успел оттащить девушку под защиту какого-то дверного проема.

Пироподпронесся мимо — в замкнутом пространстве рев просто оглушал. Словно ангел Судного Дня сошел на землю.

Напоминая внешне скорпиона, размерами чудовище не уступало быку. Глаза — огромные зеркала со стеблями-рецепторами, естественные радиотелескопы. Они светились ярко-красным огнем. Могучие челюсти могли перекусить стальную балку, когти способны были разорвать танковую броню. Тело было надежно защищено зеркальной чешуей, длинный саблевидный хвост загибался к спине. Пироподмчался прямо на них! Связница в ужасе закричала. Ган прижал ее голову к груди. Да, это не детеныш, с которым Ган играл на рифе Хиксона! Такой пироподмог вести бой с крейсером Плана!

Пироподпротаранил группу охранников, которые встретили его залпом из пулевых и лазерных пистолетов. Пироподпомчался дальше, а на том месте в живых не осталось ни одного человека. Изувеченные тела указывали место, где только что оборонялись люди.

— Великая Машина! — в страхе прошептала Дельта Четыре. От ее хладнокровия не осталось

и следа, капюшон свалился, на белой коже лба ярко блестела пластинка. — Что это?

— Вы сами сказали — пиропод, — проворчал Ган. — Если он вернется, нам крышка.

Она потащила его за руку.

— Сюда, мы спрячемся!

— Нет, их много… Если бы у меня был пистолет…

Он выглянул в зал. Пиропода видно не было. Скорее всего, монстр выскочил в коридор. Ган быстро принял решение.

— Джули… то есть, неважно… слушайте! Я знаю, как убить пиропода, и попробую найти пистолет. Оставайтесь здесь!

Он побежал к мертвым охранникам, подавив соблазн прокрасться вдоль стен. Ган понимал, что его может спасти только скорость. Он преодолел сотню ярдов с быстротой олимпийского чемпиона. И едва не опоздал. Он услышал нарастающий вой, поднял голову. Чуть отставая от звуковой волны на него мчался пиропод.

Ган бросился ничком на пол.

Чудовище промахнулось всего на пару дюймов, Ган даже заметил клыки-кристаллы и огромные когти. Он унеслось, а Ган побежал дальше.

Монстр врезался в стену, сокрушил статую,

старяясь побыстрее затормозить. Ган даже не обернулся. Последний прыжок — и он схватил пистолет мертвого охранника, проверил заряд, стремительно обернулся.

Пиропод успел развернуться.

Поймав Гана в прицел пульсирующих глаз-локаторов, он устремился на добычу. Ган выстрелил в горящий глаз, бросился на пол.

Пиропод взревел, врезался в стену, прочертив глубокую борозду, хвостом раздробил очередную статую. Вспыхнул огонь выхлопа. Ган выстрелил еще раз и закрыл голову руками.

Где-то рядом рвануло так, что Гана подбросило вверх. Убитых охранников взрывной волной разметало по полу. Затем пиропод исчез.

Дельта Четыре упоминала о десятках адских монстров…

Ган принялся собирать разбросанное оружие. Он сунул в карман легкий пулевой пистолет, отобрал три лазерных с самыми полными зарядами. Когда он повернулся, сестра Дельта Четыре стояла за его спиной. В каждой руке у нее было по пистолету, в кармане балахона блестел по крайней мере еще один.

Ган пришел в себя, усмехнулся.

— Пошли! Стреляй прямо в глаза, запомни!

Он хлопнул ее по плечу и побежал в сторону Зала Планирующего.

Ориентиром служил адский рев. Других не требовалось.

По дороге Ган убил еще двух пироподов, но не таких больших, как первый, а Дельта Четыре одного вспугнула дальним выстрелом — трудно было судить, попала она в цель или нет.

Зал Планирующего превратился в осиное гнездо. В густом дыму, срывая огромные листы обшивки, поглощая все, что давало реактивную массу, включая кресло Планирующего, по залу метались космические монстры. С людьми они давно расправились и теперь вели борьбу между собой за остатки добычи.

Потом Ган заметил тонкий рубиновый луч пистолета.

Пироподобный, попавший в луч, взвыл. Рана не была смертельной, но он столкнулся с другим чудовищем, и они принялись кромсать друг друга.

Значит, кто-то остался в живых!

Убедившись, что Дельта Четыре у него за спиной, Ган шагнул вперед, осмотрелся. Кажется, стреляли из-за статуи в декоративной нише. Ган крикнул, но его крик утонул в грохоте и визге пироподов.

Он прокричал на ухо связнице:

— Попробую покончить с ними по одному, пока они нас не заметили! Если полетят на нас, стреляй в глаза!

Она кивнула. Лицо ее опять стало отрешенным, два больших военных лазера очень странно выглядели в маленьких ладонях. Ган еще раз пристально посмотрел на связницу, на ее лоб с металлический пластинкой и повернулся к Залу.

Все дело заняло двадцать минут.

Он пересчитал пироподов. Их оказалось пятнадцать. Довольно быстро он успел уничтожить семерых. Затем, предупрежденный прикосновением сестры Дельты Четыре, повернулся в другую сторону и расправился с заблудившимся пироподом, мчавшимся на них по коридору.

Прикончив еще троих, он увидел, как в дальнем конце Зала один пироподвзорвался, хотя в него Ган не стрелял. Человек, спрятавшийся в нище под тимпаном, ясно копировал тактику Гана.

Теперь они стреляли втроем, считая сестру Дельту, которая, встав рядом, помогла Гану расправиться с последним пироподом. Дышать в Зале было почти невозможно от дыма ракетных выхлопов.

Ган осторожно вышел в Зал с пистолетом

наготове на случай, если какое-то из чудовищ окажется лишь раненым.

Откуда-то слышался глухой рев, очевидно, в подземном дворце еще буйствовали пироподы, но основные их силы были уничтожены в Зале. Ган направился к нише, где укрылся неизвестный союзник.

Из-за статуи навстречу Гану вышел генерал Вилер. Хотя ноги у него плохо сгибались, на губах играла жестокая усмешка победителя. Движением, напоминавшим рывок поршня, он сунул пистолет в кобуру, пожал Гану руку.

— Неплохо сработано, майор, — просипел он.

— Благодарю, сэр. Мне помогали. Познакомьтесь…

— С сестрой Дельтой Четыре я уже знаком, — прогудел генерал. — Передайте Машине мои комплименты в ваш адрес, сестра, и справьтесь заодно о ее рабочем состоянии. Опасаюсь, что атака была направлена против Машины!

Сжав стальными пальцами руку Гана, он отвел опасника в сторону.

— Уродины, — проскрипел генерал, пнув останки одного из монстров. — Гротескные существа. Планирующий ими очень увлекался. Забавное совпадение — они возникли из ничего, прямо в

его Зале! — Генерал бросил быстрый взгляд на сестру Дельту, которая уже настраивалась для сеанса связи. — Слушайте, Ган, взгляните вот на это.

В нише, где прятался Вилер, валялся квадрат толстой бумаги кремового цвета.

— Что это, сэр?

— Поднимите, взгляните сами!

Из коридоров доносились голоса — солдаты Плана восстанавливали порядок.

Бойс Ган колебался. Что-то здесь не так…

— А Планирующий? Неужели он… — Ган обвел взглядом разгромленный Зал, мертвых пироподов и растерзанных охранников.

— Нет, майор, его здесь не было, когда все это началось. Читайте документ!

Ган, которого не оставляло ощущение подвоха, подобрал лист бумаги и взглянул на текст.

Бумага показалась странно знакомой… Он уже видел точно такую… в руках умирающего полковника Зафара… на рифе, в двадцати миллиардах километров отсюда!

Тот документ назывался Требованием Освобождения!

И этот второй, который он держал сейчас в собственных руках, был такой же крамолой и

представлял не меньшую опасность для Плана, чем первый. Документ был озаглавлен: «Планирующему...», и в нем говорилось:

«Планирующему или его преемнику, если первого уже нет на свете.

Ты и твои слуги игнорировали мое предупреждение, не вняли ему даже после того, как я наглядно продемонстрировал мои возможности.

Теперь я начинаю действовать и для разминки посылаю пару милых зверушек, чтобы вы знали — я умею не только угрожать, но и осуществлять угрозы. Большого ущерба они не причинят — это первый визит. В следующий раз я пошлю их уже не в штаб-квартиру Планирующего — даже если от нее что-то останется. В следующий раз они будут посланы в крепость Планирующей Машины!»

Ган поднял глаза на генерала, губы его побелели.

— Машине угрожает опасность! Генерал, сестра Дельта должна немедленно предупредить Машину!

— Решение принимаю я, майор, — просипел генерал. — Что вы можете сказать в свое оправдание?

Пораженный Ган увидел, что генерал уже на-

правил на него ствол лазерного пистолета.

— Почему… Я совершенно ни при чем…

— Вы арестованы, — отчеканил металлический голос генерала, — не пытайтесь сопротивляться. Не двигайтесь и не разговаривайте.

Гану все это показалось каким-то безумием.

Он даже не рискнул спросить, за что его арестовали. По лицу генерала было ясно, что лучше подчиниться приказу.

За спиной Бойса Гана застучали подошвы сапог охраны, потом раздался далекий знакомый рев.

— Генерал! Еще один!

— Молчать! Я больше повторять не буду! Охрана займется твоим чудовищем сама.

Почему он так громко говорит? Как будто обращается не к Гану, а к толпе людей, свидетелей… Но Гану уже было все равно. Он понимал, что охранники не знают, как бороться с монстрами из космоса… Он стремительно обернулся, выхватил пистолет. Именно в этот момент появился пироподд.

Ган выстрелил прямо в огненные глаза монстра.

Охранники последовали его примеру и тоже открыли огонь. Существо оказалось на перекрестье десятка разрядов смертоносной энергии.

Пироподвспыхнул и взорвался.

Сестра Дельта Четыре, что-то шептавшая в связь-куб, вдруг молча подалась вперед, упала и осталась лежать, хотя связь-куб настойчиво гудел.

— Она ранена! — воскликнул Ган, отшвырнув пистолет. Он бросился к девушке, приподнял, заглянул в ее темные глаза.

На руках его была кровь, на боку по балахону расплывалось пятно, кровь уже капала на пол. Золотая эмблема потемнела.

Сердце девушки перестало биться.

Ган невидящими глазами смотрел на генерала Вилера.

— Она умерла? — спросил он сам себя, не в силах поверить. — Неужели я ее задел? Или…

Он замолчал, попытался вспомнить. Не ударил ли из зала еще один тонкий, как игла, луч? Не успел ли Вилер выстрелить через его плечо?

Времени на размышления не было. Генерал был уже рядом, и лицо его напоминало металлическую маску.

— Отберите у него оружие! — приказал он охране. — Отведите его к Планирующему! Я обвиняю его в том, что он доставил сюда вот этот антиплановый документ, убил сестру Дельту

Четыре, которая могла его выдать! Он — Дитя Звезд! В этом я его тоже обвиняю!

10

Изрядно потрепанные победители пироподов вошли в кабины скоростных лифтов и поднялись на поверхность, где на кварцевом балконе у самой вершины снежной горы, в недрах которой находилась штаб-квартира, они обнаружили Планирующего.

Подобно веселому Санта Клаусу, румяный старик весело встретил их в своем так называемом орлином гнезде.

— Они промахнулись! Второго случай у них не будет! Уничтожим бунтовщиков, всех до единого!

— Вот главный предатель! — проскрипел генерал Вилер. — Я застал его вот с этим документом в руках!

— Планирующий, генерал лжет! — воскликнул Ган. — Он знает, что я не…

— Молчать! — рявкнул генерал.

Планирующий не удостоил Гана даже взглядом. С улыбкой прочитал он послание на плотном квадрате кремовой бумаги, потом небрежно уронил на пол.

— Вы уверены, что он действительно Дитя

Звезд, генерал?

— У меня есть доказательства, сэр! — заскрипел генерал. — Первое: он появился в бункере Машины необъяснимым образом. Второе: одновременно с ним появилось Требование. Третье: он держал в руках вот этот документ, когда я арестовал его. Четвертое: он выказал подозрительную осведомленность об уязвимых местах пироподов, когда его собственная жизнь оказалась в опасности. Пятое: он хладнокровно убил сестру Дельту Четыре, которая могла его выдать. Шестое: он собирался убрать и меня, когда я отдал охране приказ разоружить его. Вывод: оператор-майор Бойс Ган и есть тот самый Дитя Звезд.

— Но послушайте… — начал Ган.

Планирующий подал знак, охранник выкрутил Гану руку, заставив замолчать.

— Так-то лучше, — хихикнул Планирующий.

Он явно только что принял хорошую порцию сообщности и теперь пузырился веселым настроением, как стакан газированной воды.

— Однако, — добродушно ответил Планирующий, обращаясь к Вилеру. — Один из охранников сообщил, что Дельту Четыре застрелили вы, а не Ган. Это не ошибка?

— Конечно, ошибка! Я не мог ее убить, у меня

нет мотива!

Планирующий кивнул, поскреб пухлую щеку. Он подошел к кварцевой стене «Орлиного гнезда». С наветренной стороны вершины закатное солнце осветило малиновым светом кучевые облака, красный свет играл на струях небольшого водопада, окрасил мягким золотом покрытые вечнозелеными растениями крутые склоны.

— Собственно, Дельта Четыре не умерла, — добавил Планирующий. Он улыбался, глядя на город у подножия горы, утонувший в облаке коричневого смога. — Она в операционной. Сердце вышло из строя, но удалось подключить аппарат искусственного кровообращения и мозг не погиб. Уже идут поиски донора.

— Слава Плану! — с облегчением воскликнул Ган. — Сэр, она подтвердит, что я и понятия не имел о появлении пироподов, пока она сама не сообщила мне о нападении!

— Молчать! — рявкнул генерал. — Охрана! Не давайте ему открывать рот. Кто позволит вот этому преступнику открыть рот, попадет в орган-банк!

— Не так энергично, генерал, — усмехнулся Планирующий. — Вы слишком усердствуете.

Глаза Планирующего, полуприкрытые тя-

желыми веками, казались такими темными и древними, как поросшие мхом каменные стены под прозрачным парапетом. Планирующий добродушно взирал на панораму задушенного смогом города.

— Давайте планировать, — обернувшись, сказал он с улыбкой. — Давайте решать, что делать.

— Нужно удвоить охрану в бункерах Машины, — затараторил вице-планирующий Венеры. — Ввести предельные меры безопасности, допуск проверенных по максимальной процедуре… — Он замолчал, почесал свой громадный нос, вспомнил, что ни Бойс Ган, ни пироподы не проходили проверки Службы безопасности перед тем, как проникли в святая святых Плана.

Связник в черном балахоне прислушался к жужжанию своего связь-куба и громко пропел:

— Машина требует участия в акции арестованного. Машина дает указание генералу Вилеру не причинять арестованному вреда, который может повлиять на его память или ясность мышления.

Лицо Вилера стало похоже на серую грозовую тучу. Планирующий проказливо хихикал.

— Генерал, вы слышали приказ? Извольте исполнять. Молодой человек, вам понятен приказ?

— Нет, сэр, не совсем. Но я всегда готов служить

Плану Человека!

— Конечно-конечно, — закивал Планирующий. — И как оказалось, неожиданным способом. Майор, выбор пал на вас, вы замените сестру Дельту. Машина даст вам нужную подготовку связника, а потом — сообщность.

Тяжелого воротника безопасности оказалось мало для такого страшного врага Плана, как Бойс Ган.

— Ты не просто опасник, — заботливо объяснил ему охранник. — Мы не хотим рисковать, не хотим убивать тебя Раньше времени. Нам нужно доставить тебе по назначению, поэтому стой спокойно, пока я надену наручники… а когда Машина с тобой покончит, мы наконец, *оторвем* тебе башку!

С этими словами охранник свирепо щелкнул тугими манжетами наручников на запястьях Гана и толчком велел шагать вперед.

Сначала его привели на станцию субпоезда. На все вопросы о Джули Мартин и генерале Вилере ему не отвечали. Что с ним сделает Машина? На любой из вопросов он получал один ответ:

— Заткнись, оп! Шагай!

Потом шагать было уже некуда, они пришли на станцию. В холодном сводчатом зале шары ва-

гонов субпоезда ждали пассажиров, которых они понесут по пробитым в теле планеты туннелям.

Охранники вывели Гана на платформу. Ган понял, что станция военная — возле выходов он заметил кабинки охраны, все люди были в черной форме Технокорпуса. Это понятно — станция обслуживала исключительно Планирующего. Но почему поезда стоят?

Со свистом закрылись створки шлюза. Симпатичная общительница скользнула взглядом по воротнику Гана и проследовала мимо. Охранники, качнув рогами шлемов, проводили ее глазами.

— Что случилось? — спросил Ган. — Почему мы ждем?

— Придержи язык, оп, — процедил машин-сержант, старший конвоя. Вид у него был встревоженный. Один из конвоиров что-то ему сказал, сержант ответил вполголоса. Гану удалось уловить несколько слов: «...что-то с туннелями... когда будут готовы принять, мы узнаем...»

Сорокафутовые шары вагонов ждали в ложах несущих челноков. Судя по всему, едут они в отдаленное место, на короткие расстояния субпоездами ездят редко. Атомные буры Плана проложили прямые туннели между всеми важ-

ными центрами. Электростатические катушки туннелей удваивали и утраивали боковые поля, компенсируя вращение Земли. На субпоезде в любую точку земного шара можно было попасть за несколько часов…

Ган услышал шум и лязг, сосредоточился на происходящем в зале. Огромная серая сфера плавно въезжала через открывшуюся пасть туннеля.

— Чего они возятся? — проворчал сержант. — Пошли, сейчас откроют вагон.

Сержант не ошибся, через десять минут они были в вагоне, в пассажирском купе. Но прошло не менее четверти часа, прежде чем Ган почувствовал плавный толчок — они тронулись.

В вагоне охранники немного расслабились — теперь Ган сбежать не мог. Снаружи были лишь кольца-катушки и безвоздушное пространство туннеля, сквозь которое поезд мчался со скоростью в несколько тысяч миль в час. Два конвоира куда-то исчезли, потом вернулись с довольными ухмылками, дали возможность уйти остальным. Очевидно, в вагоне был буфет.

Больше всего Гану хотелось узнать о судьбе Джули. Во время нападения пироподов она показалась ему не такой уж хладнокровной служанкой Машины… вдруг ему снова удастся

завоевать ее или добиться от Машины необыкновенной награды — освобождения Джули…

Ган понимал, что это только мечты, что он должен тщательно обдумать ситуацию, понять, что произошло и что можно сделать. Положение казалось безнадежным. События несли его, как бурный поток, он не мог в них разобраться, не мог повлиять на их ход…

К горлу подступила тошнота, закружилась голова…

Бойс Ган вскочил — он помнил странные ощущения, которые сопровождали его полет-падение с рифов в бункер Машины. Теперь ощущение было точно таким же. Но причина была в другом — вагон тормозил свой бег. Наконец, он застыл, медленно вращаясь между силовыми катушками туннеля.

— Что случилось! Мы остановились! Великий План, мы на глубине в пару сотен миль… температура… Выпустите меня! На помощь!

Началась паника.

Машин-сержант быстро оценил ситуацию. Качнув антеннами шлема, он проревел:

— Выходи! Эти бараны передавят друг друга! Надо навести порядок!

Бойс остался в одиночестве. Он слышал, как

охранники наводят порядок. Никто не мог объяснить, что происходит, ждали только, что поезд остановился. Они зависли на глубине в сотню миль, под давлением, сокрушающим даже алмаз, и защищали их только силовые кольца туннеля. Очевидно, та же причина, из-за которой долго не подавали поезд, помешала их поездке.

Разница была в том, что помощь со станции сюда не придет, и если случится секундный сбой в работе катушек поля, они погибнут мгновенно. Или умрут через несколько дней от удушья — если поезд не сможет двигаться дальше.

Потом вагон дернуло — поезд пришел в движение.

Только когда шар вагона набрал скорость, Ган заметил, что почти все время сидел затаив дыхание. По вагону пронесся всеобщий вздох облегчения. Один за другим, Весело переговариваясь, вернулись охранники. Теперь они казались почти такими же людьми, как и все остальные.

Один даже исчез на десять минут и вернулся из буфета с подносом выпивки.

И тут громадный шар вагона опять тряхнуло. Толчок… визг разорванного металла… они как будто врезались в преграду. Гана и охранников швырнуло на стенку купе, как пригоршню го-

рошин.

— Конец! — закричал кто-то.

Погружаясь в черноту обморока (он еще не чувствовал боли, но понимал, что истекает кровью), Ган успел подумать: «Он прав. Это конец».

Когда он опять открыл глаза и оказалось, что он все еще жив, Ган почувствовал разочарование. Он лежал в больничной палате. Плотные бинты частично закрывали глаза. Голова раскалывалась. Из-под повязки Ган все же рассмотрел белый кокон фиксатора, в который была заключена рука.

Итак, он выжил.

Над Ганом склонилась медсестра-общительница, и Ган прошептал:

— Я думал, туннель рухнул.

— Не нужно разговаривать, — ласково пожурила его сестра. — Он в самом деле рухнул. Но вы были уже почти у поверхности, и аварийная бригада смогла к вам пробиться.

— Почти у поверхности?

Скосив глаза, Ган увидел рядом с сестрой еще одного человека. На один безумный миг ему показалось, что это сам ангел смерти, явившийся по его, Гана, душу. Но потом он увидел связника в балахоне, с кубом связи в руках. Связник напевал звенящие ноты в микрофон куба.

— Значит… я в центре обучения? — понял Ган.

Медсестра кивнула.

— Постарайтесь заснуть.

И Бойс Ган с удовольствием внял совету.

Целых три дня он находился на положении выздоравливающего. Это было куда приятнее, чем прежний статус врага общества!

Он был пока свободен от опеки охранников — часть их погибла. Другим предстоял нелегкий процесс восстановления здоровья и замены поврежденных органов в каком-нибудь органбанке. Ган мог свободно гулять по всему крылу больницы.

Ему разрешили посещать комнату отдыха — ею заведовала общительница, напоминавшая Гану Карлу Снегу нее был похожий характер, она делала вид, будто не замечает воротника безопасности на шее Гана. И что важнее всего — она разрешала ему сколько угодно смотреть новости.

Бойс Ган совершенно отстал от жизни.

Погруженный в мечты, он сидел перед экраном и с удовольствием предавался отдыху. Он с любовью смотрел на золотоволосых длинноногих общительниц, нежно ворковавших: «Работайте для Плана! Живите для Плана! Ведь вы не хотите

попасть на „Небеса“, стать запасными частями в орган-банке!»

Хотя Ган понимал, что у него много шансов оказаться именно там, он не боялся. Превыше всего желал он сейчас обрести себя.

Бойс Ган не мог согласиться с тем, что он враг Плана. Этот второй Бойс Ган родился на станции «Поларис», жил среди рифовых крыс и странных космических существ. Этот второй Бойс Ган не вмещался в рамки первоначальной личности и не знал, как соединить двух столь разных людей в одной человеческой оболочке.

Он сидел и смотрел новости, которые казались ему даже очень интересными. Сводка новостей состояла почти из одних аварий и катастроф. Взрыв на космическом крейсере стер с лица земли полгорода. В Антарктиде — землетрясение, взрыв реакторов на фабрике в Индии. Сообщения об аварии субпоезда, из-за которой Ган очутился в больнице.

Странно, но авария была подана как диверсия!

Ган не верил собственным глазам и ушам. Он не сразу понял, что речь идет о той самой аварии. Толстый тех-полковник вкрадчивым голосом выдвигал обвинения: вредители подложили бомбу в поезд с целью дискредитировать Планирующего

и Машину. Злобная диверсия. И его, Гана, объявили главным террористом, а машин-сержанта — сообщником!

Ган поставил на стол стакан витаминного сока и прохромал к заведующей комнатой отдыха.

Он весь дрожал.

— Прошу вас, — взмолился он, — вы видели? Как это понимать?

— Ну-ну! — с укором сказала общительница. — Ваша обязанность перед Планом — как можно скорее встать в строй. Никаких вопросов, не надо нервничать. Отдыхайте и выздоравливайте.

— Они сказали, — с трудом выговорил Ган, — что в аварии поезда виноват я! Это неправда! А сержант… что с ним?

Ясные глаза девушки на секунду потемнели. Она не знала, как ей поступить. Ей приказали заботиться о враге Плана, и она будет исполнять приказ. Покачав головой, она улыбнулась, отвела Гана на кушетку.

— Пейте сок, — с шутливой строгостью сказала она. Все, что План Человека называл «верным» и «правильным», было для нее верным и правильным.

Так же считал и Бойс Ган.

Но в глубине души он сознавал, что в таком об-

разе мыслей есть опасность для него и для всего человечества, потому что если симпатичная и пустоголовая общительница так безоговорочно принимает приказы Плана…

Он не смог додумать мысль до конца. Возникало ощущение, что и он сам, и генерал Вилер, и даже Планирующий, и все человечество были такими же пустоголовыми, как эта общительница.

Потом время отдыха истекло, и думать на посторонние темы стало некогда — начался курс подготовки, который должен был привести Гана к посвящению в сообщность с Машиной.

Двухэлементное отношение: Я НЕНАВИЖУ ШПИНАТ. Трехэлементное: Я НЕНАВИЖУ ШПИНАТ, ЕСЛИ ОН ПЛОХО ВЫМЫТ. Четырехэлементное: Я НЕНАВИЖУ ШПИНАТ, ЕСЛИ ОН ПЛОХО ВЫМЫТ, ПОТОМУ ЧТО В РОТ ПОПАДАЕТ ПЕСОК.

С помощью преподавателей, учебников, гипнолент, шептавших на ухо во сне, и обучающих машин Ган начал овладевать науками. Конъюнкция и дизъюнкция, аксиомы и теоремы, двойные отрицания и метаутверждения, дилеммы и силлогизмы Барбара — все это хлынуло в его мозг. Он учился переносить и соединять, овладел принципом экспортирования и применения точек вместо скобок. Он познакомился с линейным

построением фраз и аффективной грамматикой машинного языка. Он узнал разницу между символами восприятия и символами акции, учился воспроизводить тончайшие тональные символы — мост над пропастью между человеком и машиной. Часами распевал он гаммы, а в ушах гудели эталонные осциллирующие сигналы. Он изучил таблицы истинности и как ими пользоваться при обнаружении тавтологий в посылках.

Учеба и работа, казалось, никогда не кончатся. Ган просыпался под тягучий речитатив гипнозаписи, ел под звон тональных четок, в изнеможении падал на кровать, а сквозь мозг проносились схемы ввода информации.

Мир жил своей жизнью где-то далеко, за стенами учебного центра, но Ган потерял с ним связь. Иногда он ловил разговоры немногочисленных людей, с которыми имел контакт: общительниц, подававших еду, охранников, стерегущих коридоры и залы. Он слишком устал и не пытался сложить части в целое. Дитя Звезд, Требование Освобождения, аварии в подземных туннелях, взрывы космолетов. Какое это имеет значение? Если случался момент подумать о чем-то кроме обучения, ему всегда представлялось одно: момент, когда эта пытка кончится и он получит

знак сообщности.

Ган даже не заметил, что первый этап обучения подошел к концу. Как всегда уставший до предела, он лег спать, рухнул на жесткую койку в тесной комнатушке, где стены были выложены белой плиткой. Из-под подушки тут же раздался шепот:

— …генерировать матрицу К, используя механизмы ассоциативного накопления дополнительно к контекстуальным отношениям координатного накопления. Ряд И и столбец Ж показывают степень ассоциативности…

Информация впитывалась подсознанием, а сознанием Ган лишь понимал собственное несоответствие заданию. Ему никогда не добиться хрустальных тонов, которые умела выпевать сестра Дельта и другие связники. У него неподходящий голос, и он никогда не освоит теории программирования…

Он заснул.

На втором этапе обучения Гана перевели в общую спальню. Койка была такая же жесткая. Каждую ночь после отбоя спать укладывались восемьдесят усталых молчаливых курсантов. Каждое утро под звон гонга они просыпались в меньшем составе — несколько коек пустовало.

Об исчезнувших никто не вспоминал. Вместе с ними исчезали и немногие личные вещи с полок над койками. Имена вычеркивались из списка. Эти люди переставали существовать. Почему — никто не спрашивал.

Однажды ночью Гана разбудил звук торопливых шагов. Он рывком сел, словно ему грозила смертельная опасность.

— Джим? — прошептал он имя соседа, новичка с мускулами борца и отличным чистым тенором. Его мать была певицей-общительницей, а отец погиб в космосе, выполняя задание плана. — Джим, что?..

— Друг, ты ведь спишь, — прошептал тихий голос из темноты. — Ну и спи дальше — тебе же будет лучше.

Тяжелая рука легла на плечо Гана, толкнула обратно на койку.

Ган хотел помочь Джиму, но его сковал страх. Он увидел, как темные силуэты склонились над соседней койкой, услышал вздох Джима. Приглушенные голоса, шорох одежды, звяканье. Заскрипела койка, в лицо ударил тонкий луч, и Ган зажмурился. Шаги удалились.

Он долго лежал, глядя в темноту, прислушиваясь к дыханию спящих, которых стало на одного

меньше. Джим так дорожил красной пластиковой медалью отца — героя Плана второго класса. У Джима был красивый чистый голос, но он слишком медленно постигал семантику.

Ган был бы рад помочь, но что он мог сделать? Машина требовала от слуг чисто механических качеств. Наверное, Джим выказал недостаточное рвение превратиться в механизм. Ган повернулся на бок и стал повторять про себя семантические тензоры. Вскоре он заснул.

11

На втором этапе Ган понял, что первая фаза обучения была чем-то вроде воскресного отдыха в отеле на морском берегу в компании хорошеньких общительниц. О ней он вспоминал теперь, не иначе как сквозь туман изнеможения. Не было ни секунды отдыха.

— Будь Машиной!

Простое правило вдалбливали в сознание Гана на разные лады: монотонными голосами — преподаватели, ясноглазые общительницы — словно воркующие голуби, стереоэкраны выжигали это правило на сетчатке глаз, не знающие сна динамики гипнопедических установок шептали из-под подушки.

— Будь машиной… Действуй, как машина… Выгляди, как машина…

Чтобы овладеть мириадами тонов языка механо, человеку необходимо было превратиться в механизм. Изображения и шепчущие динамики напоминали Гану и о тех, кто с задачей не справился и попал в орган-банки.

Замкнутый в тесной экзаменационной камере с серыми звукоизолированными стенами Ган

согнулся в три погибли над черным связь-кубом, чтобы уловить все флексии механо.

— Кандидат… — даже первое слово чуть не ускользнуло, — кандидат должен назвать себя.

Ган пропел ответ, но голос его оказался слишком хриплым, тон слишком высоким. Он сглотнул комок в горле, провел кончиком пальца по тональным четкам.

— Кандидат Бойс Ган, — Ган снова сглотнул, пропел свой номер.

— Кандидат Бойс Ган, вы проходите экзамен, — промурлыкал куб. — Набрав положительное количество баллов, вы перейдете на новую ступень подготовки, приблизившись к высшему служению Машине, награждаемому сообщностью. Вы должны знать, что обратного пути для вас нет. В системе Плана нет места потерпевшим неудачу, несмотря на их знания или умения. В этом случае единственный путь — в центры утилизации.

— Я понимаю и готов служить, — пропел он, используя одну сложную фонему.

— Тогда проверка начинается, — прочирикал куб. — Вы должны отвечать на каждый вопрос, давая полные и четкие ответы на языке механо. Каждая миллисекунда паузы и каждая ошибка

заносятся в штрафные баллы. План не может терять время, не может позволить совершать ошибки. Вы готовы начать?

Ган поспешно пропел фонему, означавшую: «Я готов начинать».

— Ваша реакция задержалась на девять миллисекунд, — мгновенно проныл куб. — Первоначальный тон был на двенадцать циклов выше правильного. Ваш тональный рисунок неверен. Длина фразы превышает стандартную на одну миллисекунду. Эти ошибки идут в штрафные баллы.

— Я понимаю.

— Ответа сейчас не требуется, — фыркнул куб. — Приготовьтесь к первому вопросу… Назовите первый принцип механообучения.

Сначала, когда Ган попробовал ответить, его голос оказался слишком низким, и куб выдал новую сумму штрафных баллов, тогда он сделал вторую попытку.

— Обучение есть действие, — пропел он наконец. — Это первый принцип механообучения. Правильная реакция закрепляется, неправильная подавляется. Первое уравнение механообучения гласит: эффективность обучения инверсивно варьируется промежутком между реакцией и

наградой.

— Общая сумма ваших штрафных баллов — 489, — фыркнул связь-куб. — Следующий вопрос… Назовите второй принцип механообучения.

Ган истекал потом, спина затекла — он слишком сильно согнулся на твердом узком сиденье. Тесная серая комнатка стала еще теснее, обитые звукоизоляцией стены как будто сжимались вокруг него. Он начал задыхаться, судорожно набрал в легкие воздуха, чтобы ответить на второй вопрос.

— Обучение есть выживание, — он старался как следует выпевать короткие фонемы. — Удача в обучении — нить к жизненной адаптации. Неудача в обучении — смерть индивида. Второе уравнение механообучения гласит: скорость обучения прямо зависит от величины награды и наказания.

Связь-куб зачирикал, едва Ган кончил отвечать. Даже для тренированного слуха Гана ответ куба показался одной неразборчивой металлической нотой. Ему пришлось просвистеть просьбу повторить вопрос.

— Сумма штрафных очков по восприятию — 90. — Ноты из куба появлялись лишь с чуть более низким темпом и были чуть-чуть более

понятными. — Общая сумма штрафбаллов — 673. Соотношение между положительными и штрафными баллами достигло критического уровня.

Друг за другом понеслись звенящие ноты, как падающие осколки стекла, они не давали времени собрать метавшиеся мысли. Он лишь смутно чувствовал, как стекает по бокам горячий пот, как холодная испарина выступает на лбу, а пот жжет глаза.

— Следующий вопрос… — вопрос был выражен одной сложной фонемой всего за несколько миллисекунд, и Ган едва уловил смысл. — Назовите третий принцип механообучения.

Он тронул четки, взял верную ноту, пропел нужные Фонемы.

— Третий принцип механообучения утверждает: величайшее стремление есть стремление избавиться от страданий.

Штрафные баллы накапливались и накапливались, а безжалостный куб задавал вопрос за вопросом.

— Экзамен окончен, — сообщил наконец куб. — Общая сумма штрафбаллов — 5940. Сообщите эту цифру руководителю вашей группы.

Он едва успел по возвращении в барак выбить сумму баллов на клавиатуре группового компью-

тера. Он опоздал На полминуты на гимнастическое построение, за что получил два лишних круга в туннеле препятствий. Оказавшись последним в очереди за ужином, он от усталости не мог есть и за разбазаривание пищи получил в наказание две желтые фишки. Добравшись до койки, он почувствовал, что не может заснуть.

— Кандидат Ган!

Темные силуэты окружили койку. Бледный тонкий луч осветил его форму, вещевой мешок, обувь. Хриплый шепот отдал приказ. Минуту спустя Ган уже пробирался по переходу между койками, на которых сопели спящие курсанты. За спиной он нес свой мешок.

Итак, это и есть конец? На секунду подогнулись колени, потом он испытал непонятное облегчение.

Ему уже почти хотелось в орган-банк, который положит конец его мучениям. Там не будет связь-кубов, он больше не должен будет распевать гаммы и зубрить таблицы семантических переменных.

Теперь все позади.

Облаченный в черную форму конвой позволил Гану присесть вместе с ними за стол в пустой столовой. Сонная общительница, зевая, подала

завтрак. Ган ничего не съел, только выпил две чашки кофе, от которого во рту осталась горечь.

Вместе с пятью другими кандидатами из других бараков, сонными и растерянными, как и Ган, он вошел в вагон военного субпоезда. Недолгая поездка, и они покинули поезд. Мимо хмурого часового они проследовали в пещеру, где находился другой центр обучения.

Ган оставил вещмешок в камере с плиточными стенами и доложил о прибытии оператор-майору. Майор имел внешность живого трупа, его лысую, как колено, голову покрывали безобразные шрамы — следы нападения венерианского анаэробного грибка-паразита. Майор подчеркнуто вежливо отдал честь в ответ на приветствие Гана. Рука была затянута в черную перчатку.

— Поздравляю, майор Ган.

Ган уставился на худого, как палка, майора. Майор перекладывал какие-то бумаги на столе, за которым сидел, и Ган вдруг понял, что перчатка — вовсе не перчатка, а утилизованная рука, она досталась майору от негра.

— Вы успешно завершили вторую стадию обучения на пути к посвящению в служители Машины. — Не в силах оторвать глаз от чернокожей руки, Ган едва слышал, что говорит ему

майор. — Сюда вы направлены для прохождения третьей стадии.

Призрак улыбки тронул желтые губы.

— Вы набрали необыкновенную разность баллов, майор Ган. Машина вас особенно отметила. Поздравляю, можете гордиться.

Сказанное наконец достигло сознания Гана, и он покачнулся, как от сильного удара по лбу. Никакой гордости он не чувствовал и вообще потерял дар речи.

— Вы прошли долгий путь, майор. — Желтые шрамы превратили улыбку майора в оскал. — Вы избежали утилизации и уже близки к высшей награде. Вам очень повезло, майор Ган!

Черные пальцы офицера с сожалением коснулись собственного лба, где пластинки-контактора видно не было.

Внезапно комната, залитая режущим глаза светом, уставленная серыми кожухами компьютеров, показалась ему миражом, а лысый желтолицый майор — фантомом из ночного кошмара. До ужаса реальными были блестящие, как лед, хирургические инструменты. Они возникли в воображении Гана. Ими хирурги выскоблят гнездо у него во лбу. Сверла вопьются в макушку обритой головы, тонкие иглы доберутся до нерв-

ных центров. Хирурги хладнокровно вломятся в самые сокровенные уголки его существа…

Ему хотелось закричать.

— Что с вами, майор Ган? — желтолицый сухарь-майор тревожно привстал. — Вид у вас нездоровый.

— Все в порядке, — собравшись с силами, улыбнулся Ган. — Понимаете, я не знал, что меня перевели на третью ступень. Я думал, это центр утилизации.

— Это скоро пройдет. — Ухмылка майора стала еще отвратительнее. — Учитывая ваш послужной список, можете быть уверены — вы уже почти получили посвящение в сообщность. Как бы я хотел оказаться на вашем месте…

— Бла… — Ган проглотил сухой комок, перекрывший горло. — Благодарю вас, сэр!

Механоинструктор был похож на алюминиевую грушу высотой в десять футов. Подвешенный на массивных амортизаторах из серой стали, он стоял в темной мрачной пещере, которую продувал ветер, а с бетонного сводчатого потолка капало. К контрольному пульту у входа в пещеру тянулись черные кабели и шланги.

— Вот она, сэр!

Механоинструктором управлял молоденький

тех-лейтенант с розовым лицом младенца и пластинкой контактором Во лбу.

— Идеальная обучающая машина!

В этом Ган не был уверен. Весь в специальном липком желе, в мешковатом сером комбинезоне, он приостановился у входа, без особого удовольствия рассматривая полированную алюминиевую грушу.

— Становитесь вот сюда, сэр! — Лейтенант безмятежно улыбнулся. — Скидывайте комбинезон — и вперед. — Круглые глаза вопросительно смотрели на Гана. — Вы готовы?

Из-за желе Ган был мокрым и липким. В тонком комбинезоне Ган вдруг задрожал на пронизывающем ветру. Он совсем не хотел изучать механо, не хотел награды в виде электродов в мозгу. Но он взял себя в руки и сказал, что готов.

— Тогда вперед, сэр.

Лейтенант коснулся панели управления, зашипели клапаны. Громадная груша подпрыгнула на подвесках, раскрылась, как разрезанная надвое.

— Вперед, сэр, — лейтенант с уважением дотронулся до плеча Гана. — Поднимайтесь по лесенке, раздевайтесь и ложитесь на эффекторную оболочку. — Он тихо засмеялся. — Многие поначалу чувствуют себя не в своей тарелке, но вы скоро

привыкните, сэр.

Ган глубоко вздохнул, начал взбираться по лестнице. Металл поручней холодил руку, ветер обдувал выбритую голову, а во рту вдруг появился неприятный горький привкус кофе.

Он стащил с себя комбинезон, осторожно ступил на розовую мембрану, которая изнутри покрывала стенки груши. Влажная, теплая, почти живая, мембрана подалась, сморщилась под его весом, потом упруго подтолкнула Гана к центральному углублению.

— Все готово, сэр?

Он решил не отвечать на жизнерадостный вопрос лейтенанта. Зашипел воздух, груша закрылась. Мягкая теплая мембрана ласково уложила Гана в приготовленную выемку-Совершеннейшая тьма сомкнулась над его головой.

Он хотел крикнуть, но не мог вздохнуть и…

В легкие вдруг хлынул свежий воздух. Сквозь веки просочился розовый свет.

Он открыл глаза и увидел перед собой сестру Дельту Четыре.

На самом деле, Ган это понимал, перед ним был проецируемый в его мозг фантом, неотличимый от реальной девушки. Сестры Дельты вообще не могло быть в подземном центре подготовки

связников. В балахоне с капюшоном и черной коробочкой связь-куба в руке, она шла вдоль поросшего пальмами берега кораллового атолла, очень похожего на пляж в Плая Бланка.

Он шел ей навстречу.

Прижавшиеся к коже эффекторы воссоздавали любое ощущение: прохладную твердость морского песка, жар солнечных лучей, дуновение океанского бриза. Он слышал глухие удары волн о плиты волнолома, чувствовал йодистый запах высыхающих водорослей и даже слабый аромат духов Джули… Она была уже рядом, и у нее был тот самый живой, теплый голос, забыть который он не мог.

— Вот мы и прибыли. Здесь мы проведем твой первый урок. Механоинструктор, модель-8 — последнее слово в области стопроцентной эффективности обучения. Если ты будешь стараться, уверена, обучение будет для тебя очень приятным и полезным.

Она улыбнулась ему.

— Итак, начнем с технического словаря механо. Он построен на принципе экономии, хорошо тебе известном: один слог для одного предложения. Это требует большого количества слогов. Общий объем словаря механо составляет более

миллиарда монослогов, более миллиарда предложений-фонем.

Он стоял на пляже, или ему так казалось, впрочем, синтетические ощущения, созданные механоинструктором, заставили его совершенно позабыть, где он на самом деле находится. Холодная волна с шипением прокатилась по его босым ступням, потом вода устремилась обратно в море.

— Невозможно! — запротестовал он. — Я не могу запомнить миллиард слов!

Тихий смех Джули остановил его.

— Ты даже не представляешь, на что способен! — Она говорила на обычном языке, но все равно казалось, что она поет. — Ты не представляешь, что может сделать с тобой механоинструктор.

Морской бриз приподнял ее капюшон, и Ган заметил блеск контактора. Хотя воздух был теплым, он почувствовал, как бегут ледяные мурашки по спине.

— На самом деле учить все слова не нужно. Ты должен научиться составлять монослоги механо, используя лишь Несколько тысяч готовых фонем. Нужно понимать самые тонкие вариации в ударении и высоте звука.

— Я не смогу!

Погрузив ступни в песок, он ждал, пока она повернется. Он ничего не хотел учить, он искал спасения от электронных зондов, которые проникнут в его мозг, когда он выучит механо.

— Я не смогу научиться произносить миллиард разных слов.

— Тебя ждет сюрприз. — Она рассмеялась. — Начнем.

Он упрямо тряхнул головой, стараясь не забывать, что белого песка на самом деле не существовало, что соленый ветер и сама Джули были фантомами, галлюцинациями.

— Старайся, — сказала она мягко. — Будешь стараться — мы сможем потом поплавать.

В глазах ее было обещание, а проворные ладони сделали соответствующий жест, как будто она сбрасывала балахон.

— Ты должен стараться.

Лицо ее вдруг стало серьезным.

— Если не будешь стараться, пожалеешь, — сказала она печально. — Не хочу напоминать о третьем принципе механообучения… но величайшая награда — это избавление от страданий.

Она пожала плечами, улыбка ее ослепила Гана.

— Давай начинать!

Они начали с глагольных тонов. Вариации в повышении и понижении тонов означали наклонение, лицо, вид. Она пропела сложную ноту, и Ган честно постарался воспроизвести ее, но все же скоро получил новое напоминание о третьем принципе.

Мельчайшая ошибка означала вспышку боли, а ошибки он делал часто, и немелкие. Даже когда он реагировал мгновенно и выпевал фонему, казавшуюся эталонной, он часто ошибался, и его тут же наказывали.

Потом берег исчез, и Ган оказался внутри громадной алюминиевой груши механоинструктора. Эффекторы облегали каждый дюйм его обнаженного тела. Они могли заморозить его, сжечь огнем или сдавить, как клещами, что часто и делали. Малейшая погрешность бросала его с солнечного берега в механический ад, где он всем существом жаждал лишь одного — конца страданий.

Ган оказался в ловушке — на борту разбитой ракеты он падал на Солнце. Воздух со свистом покидал продырявленный метеоритами корпус, легкие Гана рвала агония. Яростный свет бил через пробоину, сжигал глаза. Отсек превратился в

раскаленную печь, но он продолжал слышать голос Джули. Он достигал ушей Гана через динамик лазерного передатчика. Сладким голосом выпевала она фонемы, которые он должен был выучить. Со всхлипом втягивая разряженный воздух, он старался отвечать правильно — законы автоматического обучения он теперь познавал на себе.

Когда он ошибался, жар испепеляющего солнца становился еще более невыносимым. Когда ответ был правильным, жар немного уменьшался и в сожженные легкие вливался глоток свежего воздуха.

Когда ему несколько раз подряд удавалось ответить правильно, пытка на время прекращалась. Он снова оказывался на белоснежном пляже с Джули. Она обещала купание в голубых прохладных волнах или вела к столику под пальмами, где ждали высокие запотевшие стаканы. И тут же начинался новый труднейший урок.

И всякий раз, не успевали они дойти до линии прибоя или столика с напитками, он делал новую ошибку. А всякая неправильная реакция мгновенно подавлялась, хотя наказания варьировались, словно Машина экспериментировала, выясняла, какой вид страданий эффективнее.

Иногда он обливался потом на больничной кой-

ке станции, парящей в верхних слоях атмосферы Венеры. Воздух превращался в горячий туман. Анаэробные паразиты, как кислота, разъедали кожу, а голос Джули ворковал в радиоприемнике рядом с койкой.

Иногда он оказывался заваленным камнями на теневой стороне Меркурия. Валун давил на грудь, грозил расплющить ребра, на лицо ему капала ледяная вода, вокруг ползали большие светящиеся черви, которые жадно пожирали торчащие наружу части тела Гана. Из темноты доносился певучий голос Джули, она повторяла слоги, которые Ган Должен правильно выучить. Всякий раз, когда он возвращался в компанию Джули, она встречала его мягкой улыбкой. Прохладные ладони ласково гладили Гана, в глазах блестели слезы сострадания.

— Бедненький, — ворковала она. — Я знаю, тебе очень трудно. Но не сдавайся и не забывай, чего ты должен добиться. Когда ты будешь посвящен в сообщность, мы снова будем вместе. Давай теперь начнем новый урок. Если ты хорошо проявишь себя, Машина разрешит нам скупаться.

Каждый раз, когда она упоминала о сообщности, он вздрагивал. Он был достаточно осторожен и не выдавал страха, но ему казалось, что Маши-

на легко его разоблачит через все свои сенсоры, покрывавшие каждый квадратный дюйм тела Гана.

Его страх перед сообщностью рос и рос, как колдовской бурьян, и скоро стал сильнее всех ужасов фантомного ада. Наконец, когда страх стал нестерпим, он принялся умолять Джули выпустить его из тренажера.

Она засмеялась.

— Тебе еще повезло, мне учить механо пришлось более сложным способом. А здесь тебе ничего другого не остается. Ты и заметить не успеешь, как будешь посвящен в сообщность.

Он не осмелился сказать, что именно этого и не желает.

— Тренажер, как материнская утроба, — продолжала Джули. — Внутри него твои слабые, неправильные человеческие реакции будут перестроены. Ты научишься реагировать быстро и точно. Когда ты «родишься» и выйдешь из тренажера, ты будешь безукоризненным детищем Машины.

Он постарался сдержать охватившую его дрожь.

— Перейдем к существительным, — радостно продолжала Джули. — Ты уже овладел основами

механо, рассматривающего Вселенную, как процесс. В сущности, в механо нет ни глаголов, ни существительных, а есть объекты в движении. Ты не забыл?

Вспомнив горнило разбитой ракеты, паразитов на Венере и жала фосфорических червяков на Меркурии, он поспешно кивнул.

— Например, — пропела Джули, — для всех объектов из твердого вещества, есть одно базовое имя. Такие аспекты, как размер, форма, материал и назначение, указываются флексиями. Но это не существительное, глагольная интонация всегда напоминает о процессе движения и изменения, поэтому каждая многослоговая форма — законченное утверждение.

Улыбка Джули дразнила Гана.

— Если ты будешь стараться, мы немного поплаваем…

Он старался, третий принцип механообучения не оставлял ему выбора, но до воды они так и не добрались.

Наступил момент, когда Джули и берег вдруг исчезли. Он услышал шипение воздуха, почувствовал на вспотевшем теле дуновение воздуха.

Он выбрался из тренажера, надел комбинезон, на подгибающихся ногах спустился по металли-

ческой лестнице.

— Добрый вечер, сэр.

У юного лейтенанта вид был скучающий и сонный.

— До завтра, сэр.

Ган страстно желал больше никогда не встречаться с этим лейтенантом и никогда больше не видеть тренажер. Ему отчаянно хотелось бежать куда-нибудь подальше — на рифы, к Карле Снег.

Но его стерегли, и он не знал, где сейчас находится.

Выполнив положенную норму упражнений, Ган принял горячий душ, выстоял очередь за ужином и отправился спать в свой отсек-каморку.

Едва он уснул, как загремел сигнал гонга. Надо было вставать, мазаться липким желе, брить голову, возвращаться в утробу Машины…

И пришел день, когда Джули Мартин, вернее ее фантом, после очередного испытания улыбнулась и сообщила, что Ган выдержал экзамен.

— Ты заслужил сообщность. Ты готов заново родиться.

Он едва не закричал, что не хочет этого, но только закусил губу. Он хранил молчание, пока не зашипели клапаны и его не обдало холодным ветром.

Плохо понимая, что происходит, он обнаружил себя вдруг на койке. Он не помнил, как попал сюда. Знал только, что с ним не все в порядке. В воздухе витал непонятный, едва уловимый запах, за дверью кто-то шелестел одеждой, будто дожидаясь, когда Ган уснет.

Потом усыпляющий газ, подаваемый через подушку, подействовал, и Ган заснул, как мертвый.

Пробудившись, он тут же почувствовал не сильную, но ощутимую боль. Болела лобная кость, саднило кожу. Он был в палате для послеоперационных больных.

Он мог, и не прикасаясь ко лбу, сказать, что, пока он спал, хирурги провели тончайшую операцию, врастили волосяной толщины электроды в точки определенных мозговых центров. Теперь на лбу Гана блестел металлический знак сообщности.

В мозгу любого млекопитающего, кроме проводящей нервной ткани, есть особые участки, которые заведуют эмоциями, а также двигательной активностью, саморегуляций организма, сознательной мыслительной деятельностью и прочим.

Одна из таких зон — центр наслаждения. Врастите в него тончайший платиновый электрод,

пустите по электроду слабый, всего в несколько миллиампер, ток, и вы получите настоящий экстаз! Дайте подопытному животному педаль, с помощью которой оно будет замыкать цепь, и животное станет нажимать на педаль, не останавливаясь, даже чтобы поесть и напиться. Оно сожжет себя удовольствием.

Разряд наслаждения, ударивший в самое существо Бойса Гана, превзошел все его ожидания. Это были одновременно осязательные, слуховые, обонятельные ощущения, дикий оргазм и дрожь восхитительного ужаса, словно на опасном повороте в головокружительных гонках — все это слилось и было усилено почти до предела. Время остановилось.

Ган плыл в бушующем океане ощущений.

Через много веков он вернулся в свое тело. Волна экстаза откатила, оставив его совершенно разбитым.

Он открыл глаза, увидел, как медработник в форме Технокорпуса отводит в сторону кабель. Теперь Ган был отрезан от радостного и восхитительного общения с Планирующей Машиной.

Смирившись, Ган глубоко вздохнул. Он снова стал обычным человеком. Теперь он понимал Дельту Четыре и готов был связать навсегда свою

судьбу с Машиной. Более высокой награды не существовало, более важной цели не могло быть…

Сквозь туман, еще не совсем рассеявшийся перед глазами, он все же заметил, что лицо у медика было странно бледное, словно он чего-то испугался. Откуда-то слышались громкие голоса, и один из них показался ему знакомым.

Ган вяло поднялся, чувствуя себя выжатым как лимон. Дверь распахнулась, в палату тайфуном влетел генерал Вилер.

— Ган! — взревел он. — Ты — Дитя Звезд! Ты что наделал!

— Я? Наделал? Ничего, генерал… Я не Дитя Звезд, клянусь!

— Ах ты, дерьмо! — заорал генерал. — Кому ты врешь? Говори, что ты сделал с Планирующей Машиной?

Ган пытался что-то сказать в собственное оправдание, но генерал не дал ему и рта раскрыть.

— Ложь! — орал он. — Ты и есть Дитя Звезд! Ты нас всех погубил! Признайся же, признайся! Это ты свел с ума Планирующую Машину!

12

План Человека корчился в судорогах безумия. Во все уголки Земли, в дальние пределы пояса астероидов, в убежища Меркурия и никогда не знавшие яркого солнца ущелья Плутона и даже на космические крепости Заслона — запустил свои страшные щупальца ужас.

Неправильные маршрутные указания — и два субпоезда врезались лоб в лоб в двухстах милях под поверхностью земли. Шестьсот человек мгновенно погибли, сгорев в раскаленных газах.

Тех-капитан на Венере получил очередные указания Машины, повернул выключатель и затопил нефтяной район в сорок тысяч акров с таким трудом очищенной почвы.

На сцене огромного зала в Пепинге, где должен был произносить речь вице-планирующий Азии, возник «человек из золотого пламени». Светящееся существо исчезло так же внезапно, как и возникло, и тут же в зал из ничего ринулись двадцать разъяренных пироподов, уничтожая все на своем пути. Вице-планирующий опоздал на выступление, и тем самым жизнь его была спасена.

Генерал Вилер на скорую руку познакомил Гана со списком катастроф и бедствий, постигших План Человека.

— Дитя Звезд! Сначала ты пробрался в бункер Машины, а теперь сама она сошла с ума! Она отдает неправильные приказы! Мы больше не можем на нее полагаться! Ган, если ты — Дитя Звезд, ты…

Бойс Ган почувствовал, что с него хватит. Перекрыв рычание Вилера, он заорал:

— Генерал! Не будьте дураком! Я не Дитя Звезд!

Лицо генерала дрогнуло, выражение стало мягче. Он помолчал немного, потом заговорил нормальным тоном:

— Да, видимо, это правда. Но во имя Плана, что же тогда происходит?

— Я думал, это *вы* мне расскажете, — проворчал Ган. — Что вы имели в виду насчет Дитя Звезд в бункере?

— Охрана засекла постороннего. Был послан спецотряд. Неизвестный находился в зале ручного управления, щелкал переключателями, стирал данные с пленок, изменял схемы соединений. Теперь машина сошла с ума. И вместе с ней с ума сходит План, во всем мире.

— Неважно! Как он выглядел?

Машин-генерал Вилер пожал квадратными плечами и прохрипел:

— Человек с золотой кожей. Он светился. Его сфотографировали, но опознать не смогли. На вас он не похож, Ган, но я подумал, что…

— Что не помешает со мной поговорить? И возможно, использовать как козла отпущения? Как тогда, ранив Дельту Четыре?

Генерал хотел возразить, но не нашел, что сказать, и, дважды кивнув, ответил:

— Да!

Ган не ждал такого признания.

— Зачем же вы стреляли в нее? Чтобы убрать свидетеля?

— Конечно, — проскрипел генерал.

— А меня вы хотели убрать, чтобы приобрести больший вес в глазах Планирующего и Машины?

— Именно, — прохрипел генерал.

— Но что-то заставило вас передумать, — сказал Ган, задумчиво посмотрев на генерала. — Что же?

Лишь слегка порозовевший лоб и легкая испарина на лице выдавали напряжение, в котором генерал находился.

— Девушка выжила, — проворчал он, — и рассказала Планирующему, как было дело. Планирующий доложил Машине и…

— И что? — Ган подался вперед.

— И Машина сошла с ума, — выдавил генерал. — Приказала меня арестовать. Потом потребовала ареста Дельты Четыре, вице-планирующего Центральной Америки, охраны Великого Зала и даже самого Планирующего. Поднялась паника, пришлось пробиваться с боем. Я прорвался к самолету — тому, что доставил Дельту Четыре в штаб-квартиру, — и бежал! Но придется покинуть Землю, Ган! Я хочу, чтобы вы сопровождали меня на рифы, Ган… мне необходимо скрыться.

— А чего вы, собственно, боитесь?

— Выбираясь из Зала, — зазвенел голос генерала, — я убил двух человек. Один из них был сам Планирующий.

Бойс Ган до сих пор не имел представления, где именно расположен центр обучения. Когда они вышли на поверхность, он увидел горную стену на севере и догадался, что они где-то на плато в предгорьях Гималаев. Тысячелетиями в этой пустыне скитались кочевники. Теперь ниже поля ракетодрома, выплавленного в скале, грохотал

водный поток, падавший с плотины гидроэлектростанции.

У станции вид был необычный. Пока они быстро шли к реактивному самолету, Ган разобрался, в чем дело. Даже на расстоянии было видно, что станция разгромлена. В высоких оконных проемах не осталось ни одного стекла, в цоколе появились трещины. Должно быть, в здании случился мощнейший взрыв.

— Не оглядывайтесь, — приказал генерал. — Скорее в кабину! Там вас ждет приятный сюрприз.

Если разрушение и упадок проникли даже сюда, подумал Ган, то их масштабы, вероятно, очень велики.

И это сделал Дитя Звезд?

Но кто же он? В голове Гана, старавшегося не отстать от Вилера, завертелся водоворот воспоминаний. Потрясшая все его существо вспышка сообщности с Машиной… схватка с пироподами в Зале Планирующего… потрясение от первой встречи с Джули в облике Дельты Четыре… головокружительный полет-падение с рифов на Землю… таинственный отшельник Гарри Хиксон…

Ган был потрясен всем, что произошло с ним за

последнее время. Он не заметил, как они подошли к самолету. Вслед за генералом он вскарабкался к открытому люку и, пораженный, застыл на месте.

— Джули! — воскликнул он.

Но ответила ему сестра Дельта Четыре:

— Входите, закрывайте люк. Мы должны немедленно лететь! Я получила сообщение от Машины.

Генерал Вилер действовал молниеносно. Он захлопнул люк, одним прыжком достиг Дельты и вырвал у нее черную коробочку.

— Дура! — рявкнул он. — Какое сообщение? Ты что, не понимаешь, что Машина сошла с ума? Она больше не служит Плану. Ты не понимаешь, что происходит?

Девушка спокойно посмотрела на генерала с обычным отсутствующим выражением во взгляде. Черный капюшон упал, открыв такой же кружок, как и у Гана.

— Я служу Машине, — пропела она. — Генерал Вилер, вы предатель, приговоренный к смерти.

— И ты тоже в таком случае, — прорычал генерал и швырнул связь-куб Гану. — Следи за ней, пока я подниму самолет. Нам нужно поскорее убраться с Земли.

Он нырнул в кабинку управления, чтобы настроить автопилот, который должен был позаботиться о взлете, запросе на посадку, посадке в нужной точке. Ган посмотрел на связь-куб, потом на Дельту Четыре.

В специальном отделении в кубе был спрятан шнур для сообщности. Ган видел блеск его электродов, они точно соответствовали отверстиям на пластинке.

Если он вытащит штепсель, вставит в контактор, то снова испытает то почти невыносимое наслаждение, экстаз.

Соблазн был непреодолим.

Теперь он хорошо понимал Джули, то есть Дельту Четыре. С этим не мог сравниться никакой наркотик.

Поборов в себе желание, Ган швырнул коробочку на пол. Связь-куб зажужжал, затрещал. Ган уловил несколько знакомых морфем. Он поднял ногу и раздавил куб как ядовитое насекомое. Сверкнули голубые искры, и от связь-куба остались лишь осколки печатных схем.

— С этим кончено, Джули, — сказал он. — Конец связи с Машиной.

Она молча смотрела на него, и глаза у нее были темные, равнодушные.

— Неужели ты ничего не хочешь сказать? — не выдержал Ган.

— Только то, что было приказано передать вам, майор Ган. Сообщение Машины.

— К черту Машину! — крикнул Ган. — Разве ты не понимаешь, с этим кончено! Все! Сначала нужно разобраться, что произошло, и только потом, потом мы, может быть, снова будем использовать Машину. Использовать! И не позволим, чтобы она использовала нас!

— У меня только одно сообщение для вас, майор Ган, — пропела девушка. — В нем говорится: «Майору Гану. ДЕЙСТВИЯ: проследуйте немедленно на корабль „Сообщность“ в рифах Космоса через седьмую станцию на терминаторе Меркурия. Конец сообщения».

Ган недоверчиво покачал головой.

— Полная нелепица. Отправляться в рифы через Меркурий все равно, что переходить в соседнюю комнату через… Денеб! Так мы ничего…

— Это не наше дело! — проскрежетал генерал Вилер.

Ган обернулся. Генерал стоял в открытой двери кабины управления, в руке он что-то держал. Выражение лица у него было мрачное и испуганное одновременно, как у хищника, попавшего

в ловушку.

— Но Меркурий рядом с Солнцем, — сказал Ган. — Мы могли бы пройти рядом с Меркурием по пути к рифам. Но совершать посадку на терминаторной линии…

— Мы туда полетим, — отчеканил генерал. — И совершим посадку. На этой самой станции. Майор Ган! Я говорил, что мне нужно добраться до рифов и взять вас с собой. У меня есть на это причина. Вот, смотрите! Это упало на пол передо мной, когда я выбегал из зала после… гм, нашей небольшой перестрелки.

Не говоря ни слова, Бойс Ган взял из рук генерала квадратный, кремового цвета листок. Текст без подписи гласил:

«Если вы хотите спасти себя, свои народы и свой мир, доставьте оператор-майора Бойса Гана и прибудьте с ним лично на корабль „Сообщность“ в рифы Космоса. Проход на корабль будет открыт на станции Семь по терминаторной линии Меркурия, где находится солнечная обсерватория».

— Дитя Звезд! — воскликнул Ган.

Генерал Вилер тяжело кивнул.

— Да. От него. И такое же сообщение получено от Планирующей Машины. Майор Ган, вы понимаете, что это значит? Планирующая Машина

— это и есть Дитя Звезд!

13

В каком-то пункте маршрута они сменили самолет на космический крейсер с нереактивным двигателем. Ган почти не замечал, что происходит вокруг.

Он старался использовать время для отдыха, чтобы хоть немного перевести дух после потрясений, выпавших на его долю за последние несколько недель. Как стремительно сменяли друг друга события, как быстро выпили они весь запас его энергии.

Он до сих пор чувствовал слабую боль в лобной кости, где-то за глазами, там, где прошли электроды.

Еще не сошли кровоподтеки, оставленные на его теле специалистами из Службы безопасности. Когда же это было?

Он еще не совсем пришел в себя после сражения с пироподами и долгого падения на Землю. В мышцах не успел рассосаться яд усталости после сражения на рифе Гарри Хиксона…

Он закрыл глаза и увидел Карлу Снег. Он открыл глаза — перед ним сидела Дельта Четыре. Она смотрела на него, но не видела.

Он снова начинал чувствовал себя самим собой. Силы возвращались, а с ними появилась проблема, что делать с этими женщинами, такими разными и в то же время одинаково занимавшими его мысли.

— Джули, — сказал он, — то есть сестра Дельта Четыре, генерал Вилер сказал правду? Машина сошла с ума?

Точеное лицо Дельты не дрогнуло.

— Мне известно лишь то, что сообщил генерал Вилер, — нежно прозвенел ее голосок.

— Но, должно быть, она в самом деле работает неправильно. Ее испортил Дитя Звезд. Теперь она разрушает План. И ты до сих пор готова ей служить?

— Я служу Планирующей Машине.

Темные глаза Дельты были холодны и бесстрастны.

— Ради наслаждения сообщности? Я понимаю тебя, Джули. Вот видишь, — он дотронулся до блестящей пластинки на лбу. — Я тоже знаю, что это такое.

Во взгляде Дельты мелькнула искорка снисходительного любопытства. Но она лишь сказала:

— То, что вы испытали, майор — бледное подобие настоящей радости. Той, которая достается

настоящим слугам Машины. А вы еще только наполовину слуга Машины, она еще не открылась вам полностью.

Ган спросил в замешательстве:

— Ты имеешь в виду… прямое соединение? Связь… как это назвать… с помощью мыслей самой Машины?

Она пожала плечами.

— Может быть, что-то в этом роде. Вы не поймете. — Она пропела быстро цепочку тональных морфем. Ган пытался уловить смысл, но сразу запутался.

— Ты что-то сказала… *о душе*? — предположил он. — О душе Машины?

— Теперь понимаете? Мне жаль вас, майор Ган. Даже больше, чем себя. Вы сломали мой связь-куб, но где-нибудь я раздобуду новый. А вы никогда не получите того, что буду испытывать я.

Пока они разговаривали, машин-генерал Вилер дремал. Теперь Ган заметил, что генерал успел проснуться и прислушивается к их разговору. Когда их взгляды встретились, генерал выпрямился и вдруг разразился хриплым смехом. Он был похож на старую, плохо смазанную машину.

— Дура, — сказал он, бросив презрительный взгляд на Девушку. — И ты тоже болван. Вы не

способны выжить.

— Я выживу, если прикажет Машина, — пропела Дельта. — Я прекращу существование, если Машина потеряет во мне потребность…

Генерал кивнул, — голова двигалась, как у механической куклы, — повернулся к Гану.

— Слышал? А тебя что заставляет бороться за жизнь?

— Не знаю, — признался Ган.

Он прошелся по тесной каюте. В слабом поле притяжения, которое создавал нереактивный генератор крейсера, походка потеряла уверенность.

— Среди рифов я часто слышал разговоры о свободе… Не уверен, но… Да, меня поддерживает надежда на свободу, надежда на то, что она возможна и в ней — благо.

Генерал расхохотался. Голосом, лишенным всякого намека на эмоции, будто это была древняя фонозапись, он сказал:

— Планирующий, которого я недавно пристрелил, хорошо понимал свободу. Называл ее «романтической ересью». Свобода — это жалкое существование грязных антиплановых кочевников среди рифов. Это миф.

— Я видел там счастливых людей, — тихо воз-

разил Бойс Ган.

— Ты видел животных! Они верят в добрую природу человека. Верят, что обычные люди, оставшись вне власти Плана на дрейфующем осколке рифа, вдруг откроют в себе природные источники морали и изобретательности. Они ошибаются!

Он закрыл и снова открыл глаза.

— Человек плох по природе своей, — сказал он. — Создатели законов всегда это знали. Ко всякому доброму поступку его нужно вынуждать, подталкивать. И План Человека был создан в подтверждение этого правила — краеугольного камня всякой цивилизации. План ставит заслон для порочной сущности человека, заставляет человека двигаться по пути прогресса и добродетели. Иного пути нет!

Внизу лежал Меркурий, планета-ад.

Управляющий комплекс крейсера протянул к планете лучевые щупальца, ориентируясь по полюсам и экватору планеты, по Солнцу и заданным звездам. Потом он зафиксировал нужную точку на линии терминатора, на границе между светом и тенью. После чего сделал коррекцию курса и вывел крейсер на посадочную траекторию. Можно сказать, компьютер испытывал

электронный аналог удовлетворения.

До величественного костра Солнца было в три раза ближе, чем до Земли. Излучение тепла и света выросло в девять раз. Поверхность Солнца была испещрена оспинами пятен, чешуеобразными гранулами. На него больно было смотреть даже сквозь толстые светофильтры. Генерал Вилер сердито шевельнул рукой, и на центральном видеоэкране черное пятно закрыло диск Солнца, как Луна во время полного затмения. Теперь они видели алое кольцо хромосферы, плавно вздымающиеся арки протуберанцев, похожие на змей, кусающих пустоту. И все это в окружении белого сияния короны.

В могучем горниле Солнца каждую секунду моря водорода превращались в гелий, излучая океаны энергии. Каждую секунду каждый квадратный сантиметр необъятной поверхности светила выбрасывал в пространство шесть тысяч ватт лучистой энергии.

На солнечной стороне Меркурия с оплавленных скал стекали жидкие олово и свинец. Хилая атмосфера, выжженная из скал лучами светила или выбитая ударами метеоритов, проводила часть тепла на теневую сторону, которая в противном случае застыла бы в холоде, близком к

абсолютному нулю.

Станции терминатора балансировали на грани между испепеляющим жаром, с одной стороны, и смертельным ХОЛОДОМ — с другой.

— Вот она! — прохрипел генерал, тыча пальцем в экран. — Станция номер семь. Так-так, посмотрим, что это за Дитя Звезд!

Крейсер Плана, покачиваясь в поле своих нереактивных ходовых генераторов, замедлил падение, повис, потом мягко коснулся оплавленного каменного поля, замер в тени серебристого купола, из которого на Солнце нацелились раструбы телескопов, радаров, пирометров, лазеров. Над входом в купол сверкала надпись: «Могущественнейший награждает вернейших».

Генерал Вилер хмыкнул.

— Верных кому, а? Мне, Ган! Верь в меня!

Бойс Ган спокойно посмотрел на генерала, потом на Дельту. Та хранила молчание, пряча глаза под черным капюшоном. Ган покачал головой, но ничего не сказал. Только подумал про себя: «Безумен. Как Машина».

Из купола в сторону крейсера медленно выдвигалась труба переходного коридора. Ее конец встретился с воздушным шлюзом корабля и герметически соединился.

Открылись люки.

Ган встал.

— Пойдемте, все вместе. Не знаю… что мы там увидим.

Генерал Вилер прошествовал первым, его ноги и локти месили воздух, как коленчатые валы. Дельта Четыре заколебалась у самого люка, взглянула на Гана, пропела серию нот.

— Я… не понял, — с запинкой сказал Ган. — Ты сама говорила, я обучен только наполовину. Что-то насчет родственника?

— Я попросила вас быть осторожным, — по-английски сказала Дельта. — Там мой брат, он эмоционально неустойчив.

— Не понимаю.

Дельта ничего не ответила, только кивнула и прошла в люк на станцию номер семь.

Ган поспешил следом и услышал хриплый зычный возглас генерала:

— Общий привет! Есть тут кто-нибудь?

Генерал стоял на крышке металлического эмалированного стола, вертел головой во все стороны. За его спиной тянулись ряды электронного оборудования, похожие на шкафчики в раздевалке. Шкафчики гудели и жужжали, мигали лампочками и не обращали на генерала внима-

ния. Больше в комнате никого не было.

— Не понимаю, — процедил генерал.

Он слез, взял трубку телефона, наугад ткнул кнопку, послушал и швырнул трубку на место.

— Никого нет, — раздраженно сказал он, хмуря лоб. — Это что, шутка? Дитя Звезд осмелился шутить с о мной?

— А остальные помещения, генерал? Тоже никого? — спросил Ган.

— Обыщите! — пролаял Вилер. — И вы тоже, сестра. Здесь должен кто-то быть! Дверь в рифы… ключ к тайне «Сообщности»… я не дам ему выскользнуть из рук!

Ган многозначительно посмотрел на Дельту, но она не ответила на его взгляд. Перебирая тональные четки, она послушно направилась к одной из дверей. Ган пожал плечами и, выбрав другую дверь, отправился на поиски.

Он слышал сердитые возгласы генерала, щелканье и жужжание приборов, которые продолжали исследовать заданные области солнечного диска и обрабатывать информацию. Он слышал далекие вздохи воздушных насосов, посвистывание воздуха в трубопроводах вентиляции. И все. Обсерватория была пуста. Ган прошел сквозь хранилище информации, где на полках размести-

лись катушки с магнитными лентами, заглянул в комнату, очевидно, кают-компанию, и оказался в главном помещении обсерватории.

Тишина. Неподвижность.

— Кто-нибудь! — крикнул Ган. Ответа не было.

Как правило, команда такой большой автоматической станции составляла полдесятка человек, а может, и меньше. Трудно поверить, что случилась авария и все погибли.

Затем он обернулся и понял, что авария действительно произошла.

Их было трое. Трое мужчин, как соломенные куклы, лежали у запертой двери. Они были мертвы.

Сверху лежал немолодой седой мужчина в мундире тех-капитана. Невидящие желтые глаза смотрели в потолок. О двух остальных мало что можно было сказать, хорошо видны были только знаки различия. Один был техлейтенантом, второй — кадетом. Один — молодой, полный, второй показался Гану знакомым.

Ган нагнулся над трупами. Пульса не было, дыхания — тоже, но тела оказались теплыми.

Наверное, воображение разыгралось, подумал Ган. Или в кабине слишком жарко благодаря близости к Солнцу, хотя рефрижераторы и охла-

ждали кабину.

Вдруг послышался слабый шум, Ган резко поднял голову и прислушался.

Звук был не один. Первый он сразу определил — это пели четки Дельты Четыре. Она приближалась к главной камере.

Но второй звук? Ган посмотрел на запертую дверь. Оттуда? Кажется, там какая-то кладовая, отсек для хранения записей. Дверь была солидная, и отпереть замок можно было только специальным ключом. Но теперь Ган был уверен — за дверью кто-то находился.

В кабину вошла Дельта Четыре, увидела трупы, быстро подошла к ним, наклонилась.

Когда она снова подняла голову, он ничего не смог разобрать в ее взгляде.

— Не нужно его бояться, майор Ган, — пропела она.

— Кого? — не понял Ган.

— Брата. Он умер. Его антиплановые настроения не Должны нас больше беспокоить.

— Брата? Но… — Ган замолчал.

Он начал понимать. Он нагнулся, повернул голову мертвого тех-кадета. Да, это лицо он уже видел раньше.

— *Ваш* брат? — воскликнул Ган.

— Брат Джули Мартин, — поправила его Дельта. — Брат моего тела, совершенно верно. Как видите, он мертв.

В глазах ее не мелькнуло даже искры сочувствия, словно она говорила о плохой погоде.

Из-за золотой квадратной двери, перед которой лежали мертвые, по-прежнему доносились какие-то звуки, но Ган не обращал на них внимания. Брат Джули Мартин! Теперь он видел сходство — глаза, линия подбородка… У Дельты Четыре она завершала правильный овал, у юноши обрисовывала сильный подбородок, но все равно, это было лицо мечтателя.

Но Бойс Ган заметил кое-что еще. Не поверив собственным глазам, он подошел поближе. Несмотря на мертвенную бледность, кожа явно имела золотистый оттенок. Она почти светилась.

Ган поспешил осмотреть остальные два трупа. То же самое!

Как и машин-полковник Зафар, как Гарри Хиксон, как существа с рифов, три мертвых технокорпусовца слегка мерцали, будто далекое солнце отражалось на медном шлеме.

Утащив за собой сестру Дельту, Ган отыскал генерала и кратко рассказал о том, что видел.

— Тот самый золотистый свет, генерал. Это смертельно. Или… — Он вспомнил Гарри Хиксона, который умер от фузоритной инфекции, а потом снова оказался жив.

— Смертельно, — повторил он. — Это фузоритная инфекция. Под микроскопом можно увидеть в крови заразившихся светящиеся шарики фузоритов. Особый симбиоз, как говорил доктор Снег. Для человека он смертелен…

— Фузориты, говоришь? — проскрежетал генерал Вилер. — Ага, рифы, значит! Понимаешь, что это означает? Дитя Звезд — вот что. Мои сведения были верны — он здесь!

— Не может быть. Мы обыскали всю станцию.

— Мы ничего не видели, генерал, — эхом повторила Дельта Четыре. — Здесь никого нет, только мертвые.

— Это не важно, он все равно здесь, — проворчал генерал. — И я его найду. Я заставлю его отвести меня на «Сообщность».

Ган вспомнил о шорохах за массивной дверью.

— Я нашел одну дверь, генерал… Может, там что-то есть. Рядом с местом, где лежат мертвые…

— Вперед! — вскричал генерал и помчался в соответствии с собственным призывом, как приведенная в действие машина. Ган и девуш-

ка отыскали его в хранилище, отделенном от инструментальной кабины. Здесь хранились консервы и катушки с чистой магнитной лентой. Генерал, время от времени подбадривая себя свирепыми криками, рылся в припасах. Обратный путь, даже в слабом поле притяжения Меркурия, был утомителен, и Дельта Четыре выбилась из сил на полпути. Ган и девушка остановились, глядя друг на друга, а затем услышали далекий рокот гусеничного шасси, на котором двигался соединительный коридор. Звук передавался через скалу и фундамент станции.

Значит, прибыл еще один корабль или… их собственный крейсер готовился к взлету!

— Бежим! — воскликнул Ган, и они помчались изо всех сил.

Массивная дверь, перед которой лежали мертвые тела, стояла распахнутая настежь. Мертвые исчезли.

Генерал Вилер и Ган без лишних слов начали обыскивать кабину: Они заглядывали под столы, пульты, в ниши приборных стоек.

— Исчезли, — сказал Ган, и генерал повторил эхом:

— Они исчезли.

И третий голос добавил:

— И забрали ваш корабль.

Ган и генерал стремительно обернулись. Сестра Дельта не стала тратить время на поиски, сразу вошла в каморку за открытой толстой дверью. Здесь, очевидно, хранились самые ценные записи на случай какой-нибудь катастрофы. Теперь здесь хранилось кое-что другое. Это была девушка. Сестра Дельта вытащила ее из каморки, освободила руки от веревок.

— Они взяли ваш корабль, — повторила девушка. — Трое. Открыли дверь и… бежали.

Ган едва понимал, что она говорит. В мыслях у него было совсем другое. Волосы медового цвета, мягкий загар, ярко-голубые глаза… какое знакомое лицо!

Девушка, которую они обнаружили в куполе станции на Меркурии, была той самой, с которой он познакомился несколько недель тому назад в нескольких миллиардах миль от места, где они сейчас находились.

Это была Карла Снег.

14

Насосы рефрижераторов исправно гнали в купол охлажденный воздух, но огромный диск Солнца на видеоэкране, казалось, жжет беззащитных людей немилосердным светом, как будто они стоят обнаженные на поверхности планеты.

Карла Снег протянула руку и дотронулась до Бойса Гана.

— Я думала, ты погиб, — удивленно сказала она. Потом взгляд ее переместился на сестру Дельту, которая, опустившись на колени, терпеливо растирала распухшие запястья Карлы.

— Неважно. Как ты сюда попала? Это… Дитя Звезд сделал?

Карла задумчиво покачала головой.

— Не знаю. Когда ты исчез, я начала тебя искать.

Генерал Вилер, приникший к одному из оптических телескопов, проскрежетал:

— Вот они! Вижу злодеев! Между нами и Солнцем.

Он яростно завозился над пультом, щелкнул переключателем, и изображение сменилось.

Они увидели крейсер, который доставил их на

станцию. Он был уже далеко и едва различим на фоне усыпанного звездами неба.

— Кто же им управляет? — пробормотал Ган.

— Те самые преступники, которых мы здесь нашли! Они прикинулись мертвыми и провели нас! Похитили наш корабль. Нам конец.

— Генерал, — совершенно искренне сказал Ган, — можете мне не верить, но я не мог ошибиться. Они не притворялись, они *были* мертвыми.

— Как же они тогда… — проворчал генерал. — Посмотрите на идиотов! Идут прямо к Солнцу! Но корабль не рассчитан на температуру фотосферы. Они убьют себя!

Ган устало повернулся к Карле.

— Ты искала меня? Зачем?

Она вспыхнула румянцем, отвела взгляд.

— Полковник умер. Отец сказал, что это опасная болезнь и повез его тело на Свободное Небо, на исследования. Он не знал, что с тобой случилось. И я тоже. Но… я подумала, что смогу тебя отыскать.

Сестра Дельта тихо поднялась, перешла на другую сторону, стала массировать другое запястье. Не глядя на Гана, Карла продолжала рассказ. Крейсер на экране приближался к одному из похожих на щупальца протуберанцев.

Карла рассказала, что вызвала своего пространственника, выпустила на свободу пироподыша Гарри Хиксона. Пиропод улетел, а она, оседлав пространственника, последовала за ним.

— После твоего исчезновения и смерти Зафара пироподыш совсем взбесился. Метался по комнатам. Я подумала, он ищет тебя, поэтому выпустила его на свободу.

— Дитя Звезд! — рявкнул генерал. — Ты о нем рассказывай. Ты его нашла?

Она заколебалась.

— Может быть, я его видела, — сказала она наконец. — Кажется, я встретила его в центре Риф-вихря.

Риф-вихрь не планета, не звезда, не комета и даже не Риф в собственном смысле слова. Он сочетал в себе элементы всех вышеперечисленных объектов. Несомненно, вначале это был риф, который вращался вокруг Солнца. Как у кометы, большую часть его массы составляли газы. А в сердцевине шла реакция превращения водорода в гелий, как в звезде.

В сущности, Риф-вихрь был самым плотным из всех рифов. Со временем при увеличении массы он мог превратиться в ядро новой звезды. Он обладал невероятным угловым моментом

вращения. Какая-то более мощная, чем гравитация, сила удерживала его составляющие от выброса в пространство. Входившие в него рифы были очень старыми и отличались от обычных. Страшные мутировавшие пироподы роились вокруг Вихря. В центральные области никогда не проникал ни один человек, даже жители рифов.

Об этом месте ходили страшные легенды. Жизнь, найдя здесь приют, развивалась очень давно.

Детеныш пиропода стрелой полетел к Вихрю, а за ним, едва поспевая, мчалась на пространственнике Карла Снег.

— Мне было страшно, — рассказывала она. — Мы миновали рой пироподов, у них как раз начался сезон размножения. Их там были тысячи. Если бы они нас заметили и бросились в погоню, мы бы не ушли. Но поворачивать было поздно, хотя Вихря я боялась больше пироподов.

— Про Дитя Звезд рассказывай! — прикрикнул Вилер. — Быстрее.

Глаза генерала была прикованы к экрану, на котором крейсер все ближе подходил к Солнцу. Протуберанец протянул навстречу кораблю языки пламени, как бы пытаясь его лизнуть.

— Мы достигли Риф-вихря. И там я пиропода

потеряла. Но Белла — мой пространственник, — казалось, знает, куда лететь.

Вблизи Вихрь был похож на маленькую галактику. Отдельные рифы светились разными цветами, как звезды. По краям Вихря вращались темные мертвые скалы и рифы. Там, как решила Карла, находились гнезда пироподов. Она чувствовала, как дрожит пространственник, видела ужас в его больших влажных глазах. Но они продолжали полет.

— Белла как будто не владела собой, — рассказывала Карла. — Она словно против собственной воли мчалась навстречу гибели.

— Как эти дураки, укравшие корабль? — проскрежетал голос генерала. — Там ты и нашла Дитя Звезд? В этом Вихре?

Карла ответила не сразу.

— Честно говоря, генерал, я не знаю, что именно видела. Знаю только, что многого на самом деле там не было.

— У тебя были галлюцинации?

Она неуверенно кивнула.

— Да… может быть. Не знаю. Только всего этого там на самом деле быть никак не могло. Я видела Гарри Хиксона, хотя на самом деле он умер. И полковника Зафара… И… Бойс, я видела там тебя!

Карла и ее пространственник углубились в сердцевину Вихря. Пространственник все больше нервничал. Они давно миновали внешний край с его гнездилищами пироподов. Но впереди таилось нечто приводившее Беллу в еще большее неистовство, чем туннели, кишевшие ракетными чудовищами.

«Не бойся, детка», — прозвучал вдруг в ушах Карлы голос отца.

Она вскрикнула, обернулась, кроме нее, в пузырьке воздушной оболочки, которую нес с собой пространственник, никого больше не было.

«Не останавливайся, малышка», — произнес другой голос.

Это был голос человека, который совсем недавно пропал на ее глазах в световом водовороте и которого она теперь искала. Это был голос Бойса Гана.

Потом послышался третий голос:

«Карла, теперь главное — только вперед!»

И этот голос напугал ее больше всего. Это был голос Гарри Хиксона.

Галлюцинации?

Другого объяснения не могло быть. Хиксон давным-давно умер. Она была одна. За границей воздушной оболочки пространственника

начинался вакуум. Но галлюцинации не хотели оставить ее в покое.

«Не бойся пироподов», — посоветовал хриплый голос.

Именно так, растягивая слова, говорил Гарри Хиксон.

«Вперед! Мы тебя ждем!»

Она вспомнила умирающего Зафара. «Ловушка сознания… бойся тайных желаний…» В них было предостережение.

Ничего другого не оставалось, как положиться на пространственника, все глубже увлекавшего ее в сердце Вихря. Мимо проносились мелкие светящиеся рифы, Какие-то клубки фосфоресцирующей проволоки, голубовато мерцающие многогранники — безумно играющие красками миры, которым она не могла подобрать названия.

И потом она оказалась, как поняла Карла, в самом сердце Вихря.

Там в пустоте плавал исполинский космический корабль, такой огромный, как скопление Свободное Небо. Из бойниц выглядывали стволы смертоносных излучателей и ракетных установок. Но двигатели были мертвы. Корабль вращался по свободной орбите.

— Великий План! — вскричал Вилер. Он был в диком возбуждении. — Это же «Сообщность»!

Карла посмотрела на него с некоторым недоумением.

— Да, такое название было на его борту. Это ваш корабль, генерал?

Генерал лучился триумфом.

— Теперь мой! Мой корабль… моя Машина на его борту. Как только я доберусь туда, все миры будут моими! Ты отведешь нас туда. Когда я стану владыкой Машины-2, я вернусь сюда, к планетам. Не генералом и даже не Планирующим. Я сам буду управлять Машиной! Я… — Он замолчал, уставился на Гана. — В чем дело?

— А как вы предполагаете туда добраться, генерал? — поинтересовался Ган.

Генерал помрачнел. Безнадежно далекий крейсер на экране обходил стороной язык солнечного огня. Пока они разговаривали, крейсер успел заметно удалиться.

— Рассказывай дальше, — проворчал генерал. — Я найду способ. Доберусь до «Сообщности», и тогда… Неважно! Продолжай.

Вокруг «Сообщности», гигантской космической крепости, выкрашенной для камуфляжа в черный цвет, волнами ходил непонятный золо-

той туман. Как дымка из мельчайших капель жидкого золота, как золотое облако. Откуда в пространстве взялось облако? Тем не менее она видела его собственными глазами. В самом центре туман сгущался в золотистую сферу.

Подобно лучу лазера, направленному в цель, пространственник несся к этому золотому облаку. Карла вскрикнула от ужаса — поверхность облака, казалось, метнулась им навстречу. Возникло туманное щупальце, оно потянулось навстречу гостям. И голос-галлюцинация, голос Гарри Хиксона, прохрипел:

«Карла, малышка! Не бойся! Только вперед!»

Она не смогла бы остановить пространственника, даже если бы очень хотела. Белла больше не слушалась наездницу.

Хотя голос Хиксона был чистой иллюзией, Карла заметила, что уверенности у нее прибавилось, паника пошла на убыль. Со странной отрешенностью смотрела она, как выпуклость разделилась на три части, каждая часть продолжала расти, пока не превратилась в золотую длинную змею. Все три змеи, извиваясь, тянулись навстречу Карле. Затем последовал удар, и горячие золотые кольца сжали ее.

Боли не было, и даже страх стал еще меньше.

Живые золотые канаты потащили ее к центральному уплотнению в облаке. Карла становилась все спокойнее, все хладнокровнее воспринимала происходящее. Даже пространственник избавился от страха. Устроившись в объятиях золотых колец, как в гнезде, Белла мурлыкала, словно большой котенок.

Карлу тянуло в сон. Ей почудился голос Хиксона, спокойный, но настойчивый, он повторял что-то очень важное… «Ты должна отправиться туда, малютка… выполнить задание… потом ты должна вернуться…»

Как хорошо было снова слышать этот уверенный, спокойный голос! Карла Снег заснула.

Она спала, время шло, а проснувшись, она уже знала, что должна делать.

— Я должна была отправиться за вами и привести вас обратно. Всех вас. Он хочет, чтобы вы пришли к нему.

— Дитя Звезд? — прохрипел Вилер. — Ты его имеешь в виду?

Карла упрямо покачала головой:

— Не уверена. Я знаю только, что должна делать… — На лице ее вдруг появилось выражение тревоги. — Здесь меня встретили трое и почему-то испугались. Они связали меня и заперли, они

не слушали…

— Майор Ган, генерал Вилер, госпожа Снег, следите ли вы за экраном? — пропела Дельта Четыре.

Как один, они обернулись к видеоэкрану. Протуберанец вырос еще больше и, как гребень океанской волны, навис над крейсером. Протуберанец напоминал кобру, готовую нанести удар.

И удар был нанесен.

Крейсер пытался лавировать, но поздно! Хотя на экране язык огня двигался плавно, на самом деле скорость его составляла несколько миль в секунду. Убежать крейсер не мог. Протуберанец лизнул корабль, и маленький черный силуэт исчез.

Бойс Ган почувствовал, как его пробирает дрожь. Он услышал хриплое проклятие генерала. Крейсера больше не было. Протуберанец начал плавно падать обратно на Солнце.

Генерал первым пришел в себя. Его бронзовое лицо дышало решимостью.

— Отлично! Теперь мы о корабле можем забыть. Вопрос — как отсюда выбраться! Второй вопрос — как добраться до рифов и попасть на «Сообщность»?

— С этим не будет затруднений, — гордо про-

пела Дельта. — Машина сказала, что попасть на «Сообщность» можно со станции номер семь, то есть отсюда.

Генерал прицелился в Дельту серо-стальным взглядом.

— Но где? За шлюзом? На скалах? Там мы изжаримся за считанные минуты. Или вы научите нас летать?

Он замолчал на полуслове, позабыв даже закрыть рот. Потом развернулся к Карле.

— Ваши звери? Где они? Эти, как их, пространственники?

Карла покачала головой.

— Так близко от Солнца Белла не выдержала бы. Она погибла бы от радиации, а мы — вместе с ней, ведь мы зависели бы от ее воздушной капсулы. Кроме того, ее нет со мной.

— Тогда как же? — воскликнул генерал. — Должен быть способ! Оба сообщения указывали именно эту станцию!

— Совершенно верно, генерал, — тихо сказала Карла. — Поэтому я здесь. Чтобы доставить вас в рифы. Я не знаю как, я знаю, лишь что это произойдет.

Комната вдруг накренилась.

Толчок застал всех врасплох. Люди испуганно

переглянулись.

— Кажется, — мрачно сказал Бойс Ган, удивленный менее всех, — это ощущение мне знакомо.

Он знал, что долгий путь к рифам теперь сократился до нескольких секунд.

Он не чувствовал страха, наоборот, уверенность, что скоро они лицом к лицу встретятся с существом, которое вызвало такие потрясения во всей Солнечной Системе, освободила душу от бремени сомнений. И все же Гана что-то тревожило, какой-то вопрос, который недавно задавали, но на него так и не было дано ответа.

Комната вновь накренилась, свет померк. И он вспомнил!

— Карла, почему? — прохрипел он.

Девушка с рифов смотрела на него влюбленными глазами.

— Что «почему», Бойс?

— Почему они тебя испугались? Ты сказала, что люди на станции испугались тебя. Почему?

Комната шла волнами, как будто на нее смотрели сквозь бракованное увеличительное стекло. Свет затухал, и с каждой секундой расстояние между ними увеличивалось, хотя сами они оставались неподвижными, подобно разбегающимся галактикам.

И тогда Ган увидел ответ, увидел причину страха трех астрономов.

В полумраке кабины только лицо Карлы по-прежнему было видно ясно — оно светилось. Лицо, тело, руки ее светились золотистым светом.

15

Они падали сквозь пространство, и путь был бесконечно долог, потому что он вел в Вечность. Потом падение окончилось.

Они прибыли в пункт назначения, в удивительный незнакомый мир.

Во тьме пространства плавали разноцветные миры Вихря — изумруды, рубины, голубые и чисто-белые самоцветы. Медленно пульсировало золотое облако. И внутри него висел корабль-крепость «Сообщность».

Рассказ Карлы Снег не передавал его истинных размеров. Это был космический левиафан.

Бойс Ган увидел, что они не одни. Что-то темное метнулось в их сторону, замерло, радостно повизгивая. Светящийся красный нос ткнулся в руку Карлы.

— Белла! — Девушка радостно погладила темно-золотистый бархатный бок животного. — Это мой пространственник. Мы в ее воздушной капсуле. Без нее мы и секунды не выжили бы.

— Кончай с сантиментами, — проскрежетал генерал. — Может это животное отвезти нас на «Сообщность»?

— Мы уже направляемся туда, — сказала Карла. — Смотрите сами, генерал.

Они действительно приближались к кораблю. Его титанический силуэт рос прямо на глазах.

Корабль оказался еще более величественным, чем представлялось. Он превратился в уединенный планетоид из гладкого черного металла, висевший в пустоте между золотым облаком в центре Вихря и крохотными мирами, которые вращались вокруг него. Сделав круг, они увидели зев главного воздушного шлюза у кормы между выступами шести черных цилиндров — двигательных установок.

Похоже, все эти годы установки ни разу не приводили в действие. Вид у корабля был покинутый.

Пространственник сам, словно его манила невидимая сила, устремился прямо в люк шлюза.

Входные ворота «Сообщности» высотой не уступали трехэтажному дому. Когда пространственник вплыл в шлюз, кольца светильников на черных стенах вдруг озарили зал мягким сероватым светом. Огромные створки бесшумно затворились за ними.

Они были замкнуты в стальной пещере.

Повсюду на стенах были заметны вмятины и шрамы, словно когда-то здесь происходили грандиозные сражения. Но Ган знал, что боев здесь не было. Откуда же следы? Не оставили ли их метеориты — люк был открыт десятилетиями.

Генерал Вилер заметил озадаченное выражение на лице Гана и проскрипел сердито:

— Это пироподы изгрызли мой корабль. Клянусь Планом, уничтожу их всех до единого.

Генерал был прав. И не только прав, но и охвачен гневом. Это был его корабль, *его* копия Планирующей Машины. С ее помощью он намеревался сделать *своими* все миры Солнечной Системы.

Бойс Ган смутно сознавал, что на борту «Сообщности» есть вещи поопаснее пироподов. Он вдруг обратил внимание на свист насосов — шлюз наполнялся воздухом. Теперь они не нуждались в защитной капсуле пространственника. И животное поняло это раньше, чем люди.

— Белла! — строго приказала Карла, — веди себя прилично!

Но разыгравшийся пространственник проявил упрямство. Он заметался по залу, как пироподи. У дальней стены он обнаружил проход, щель, которой минуту назад еще не было. Возбужденно

мяукая, пространственник протиснулся в нее и пропал из виду.

— Ага! — вскричал радостно генерал. — Наконец-то! Машина ждет меня!

И он пропал в проходе так же стремительно, как и Белла.

Остальные не спеша последовали за ним. Псевдогравитационное поле в одну десятую «же» позволяло спокойно идти, но избавляло от большей части усилий, которые понадобились бы на подъем по шахтам от шлюза в центральную часть корабля. Тем не менее Ган запыхался, стараясь не отстать от генерала.

Шахта уходила далеко вверх. Они миновали точку смены поляризации, и шахта обратилась бездной, по которой они летели, пока их вестибулярные аппараты не переориентировались и не восприняли шахту как горизонтальный коридор. По коридору гулял холодный ветер, воздух был сухим, пахнул пылью. От воздушного потока слабо вибрировали стенки.

Генерал куда-то пропал.

Ган замедлил бег, стараясь отдышаться. Воздух был разрежен — наверное, старые воздушные резервуары успели опустеть. Он посмотрел вокруг, обнаружил едва заметную надпись: «СТОЛОВАЯ

3».

В темноту рядами уходили длинные столы. Здесь должны были питаться члены экипажа.

Ган подождал, пока с ним не поравняются девушки.

— Генерал убежал, — объяснил он. — Боюсь, он найдет пульт Машины. Что тогда произойдет — страшно подумать.

Он взглянул на Карлу, но тревога на ее лице была вызвана преимущественно судьбой пропавшей Беллы, а глаза Дельты, прикрытые тенью черного капюшона, вообще ничего не выражали.

— Если Машина корабля хоть наполовину так же могущественна, как та, на Земле, а я слышал, что их возможности равны, тогда Вилер вполне может с ее помощью завоевать всю Солнечную Систему.

— Что мы должны делать? — просто спросила Карла Снег.

— Нужно разделиться и найти генерала. Конечно, он вооружен. Не пытайтесь его задержать. Только крикните погромче, и я вас найду.

— Но и вы без оружия, майор Ган, — певучий голос Дельты был само благоразумие. — Вы так же не способны с ним справиться, как и мы.

— Это моя забота! Вы только его найдите… В чем дело?

— Ни в чем, майор Ган, — сказала Дельта. Лицо ее закрывала тень капюшона.

— Я не вам. Карла, что случилось?

— Это… не опасно, — грустно сказала Карла. — Не волнуйся, Бойс.

Ган хмыкнул. Уверенность Карлы его раздражала.

— Нет-нет, Бойс, я говорю правду. Мы оказались здесь не случайно. Меня послали за вами и… Если Дитя Звезд меня послал, он знает, как справиться с генералом.

— Но рисковать я не намерен, — мрачно ответил Ган. — Карла, ты отправляйся по этому коридору. Джули, следуй за ней и проверяй ответвления. Я осмотрюсь вокруг и пойду за вами.

Он успел пройти половину столовой, как вдруг вспомнил.

«Она не поправила меня, когда я назвал ее по имени, — подумал он. — Интересно почему?»

Столовые 1 и 2 оказались такими же стерильно пустыми, как и номер 3. Больше на этом уровне ничего не было.

На следующем уровне помещались пустые каюты экипажа. Несомненно, Карла и Дельта успели

их осмотреть. Ган поспешил выше, преодолевая головокружение от инверсии гравиполя. Дальний шум, который он услышал еще раньше, приблизился, но Ган никак не мог определить его источник.

Лишь оказавшись перед дверью с табличкой: «ТОЛЬКО ДЛЯ МАШИННОГО ПЕРСОНАЛА», он понял, что же это было.

За металлической дверью гудела и вибрировала та самая потерянная копия Планирующей Машины — и она продолжала работать! Или ее успели заново включить? Генерал добрался сюда и привел Машину-2 в действие? Что он задумал?

Ган замолотил в дверь кулаком.

— Эй, внутри! — взревел он. — Открывайте!

Ответом ему был лишь равномерный механический гул.

— Откройте! Генерал Вилер, вы здесь, я знаю!

В ушах его раздался тихий смех.

— Вовсе нет, майор Ган!

Голос Планирующего? Откуда он здесь?

Ган обернулся — никого.

— Двигай дальше, Ган, — участливо посоветовал голос кадета М’Баны. — Зря теряешь время.

Ган остолбенел. Ведь М’Бана мертв! И старый Планирующий тоже, его застрелил Вилер.

— Кто здесь? — крикнул он. — Что за фокусы?

Ему ответил пронзительный крик Карлы Снег.

— Бойс! Бойс! Где ты?

В отличие от фантомных голосов этот доносился откуда-то издалека.

Ган провел ладонью по вспотевшему лбу. Он задел кружок контактора и вспомнил о необыкновенном наслаждении, которое ему пришлось испытать.

Он отогнал от себя воспоминание, хотя это было нелегко. Что с ним творится? Он сходит с ума?

Он тупо смотрел на закрытую дверь. Столько труда, и ради чего? Зачем он забрался так далеко?

Он вспомнил слова Карлы, вспомнил бред полковника Зафара. «ЛОВУШКА СОЗНАНИЯ! БОЙТЕСЬ ТАЙНЫХ ЖЕЛАНИЙ!»

На борту «Сообщности» притаилось НЕЧТО, оно умело проникать в человеческое сознание, управлять им с такой же легкостью, с какой Карла управляла пространственником.

Он услышал быстро приближающиеся шаги. Кто-то к нему бежал.

— Бойс! — Это была Карла Снег. — Слава Небу, я нашла тебя! Генерал пытался меня убить!

Ган подхватил ее на руки. Девушка вся дро-

жала.

— По-моему, он сошел с ума. У него пистолет… чуть меня не застрелил.

— Я думал, он здесь, возле Машины, — пробормотал Ган.

— Нет, он на следующем уровне! В рубке огневого контроля. Там одни камеры и бронированные двери. Мы никогда его там не найдем. — Она глубоко вздохнула, осторожно высвободилась из его рук. — Нужно идти, Бойс. В рубку управления.

— Рубку?

Она кивнула.

— Я должна вас туда привести. Это в четырех уровнях над нами. Нужно войти в коридор с указателем «МОСТИК».

— Ты была здесь раньше?

— Нет! Просто я знаю. Пойдем, Бойс. Нужно торопиться.

Он пожал плечами, повернулся и… чуть не упал. Он легко восстановил равновесие, благо притяжение было слабое, затем посмотрел, обо что он споткнулся.

Перед стальной дверью лежали тональные четки. Четки сестры Дельты.

Теперь Ган знал, кто скрывается за бронированной дверью в отчаянной жажде вновь войти

в сообщность с Планирующей Машиной.

Дверь с табличкой «МОСТИК» была широко распахнута, на пол падал слабый желтоватый свет.

— Входи, Бойс, — пригласила Карла. — Не бойся, он ждет тебя.

Ган вошел в распахнутую дверь, сжимая руку Карлы в своей. Он был готов ко всему.

За дверью располагалось обширное круглое помещение, бравшее в кольцо шахтовый коридор. Пол занимали серые шкафы, к ним с потолка тянулись сплетения разноцветных кабелей. Здесь находились посты наблюдения, технического контроля, кресла навигаторов и офицеров-артиллеристов. Все они пустовали много десятилетий. Кроме одного.

В рубке находился человек, и именно он был источником золотистого света.

— Гарри! — воскликнула Карла Снег.

— Гарри Хиксон, — эхом повторил Ган. — Вы и есть Дитя Звезд? Тот, кто послал Требование Освобождения?

Человек мельком взглянул на них, снова занялся работой. Он занимал кресло у пульта рядом с шахтой, склонился к светящимся экранам. Его крепкие пальцы прыгали по клавишам и кнопкам, перекидывали тумблеры. Тело излучало

золотистый свет, будто кусочек Солнца.

Он выглядел теперь моложе, но борода была такой же косматой и светилась, будто раскаленная проволока. На лысой голове устроился старый знакомый — пироподыш. Красные глаза зверя злобно уставились на вошедших.

Наконец Хиксон оторвался от приборов, посмотрел на Гана и девушку.

— Я исполняю то, что мне было приказано, — сказал он как бы между прочим.

Глаза у него тоже светились, выражение лица было приветливым. Он поднял руку, согнул кисть в знаке Лебедя.

— Звезда дает мне приказы. Я исполняю ее волю, не свою.

Маленький пироподш зашипел, заерзал. Светящееся существо, которое когда-то было Гарри Хиксоном, ласково сняло животное с головы, погладило. Пироподыш успокоился.

— Это вы погасили Солнце и звезды? — громко спросил Ган. — Вы? Каким образом?

— Нет, не я. Это сделала Звезда. — Он снова сотворил знак Лебедя. — Десять лет Звезда составляла план действий для меня. Десять лет назад она послала первый сигнал на Землю, потом еще десяток сигналов, которые прибыли одновремен-

но. Для Звезды нет ничего невозможного, и ты скоро это узнаешь.

Он протянул вперед руку. Как будто благословение, подумал Ган. Но это было нечто большее. От ладони старика отделилось золотистое облачко, сжалось в пульсирующую сферу, поплыло и нежно коснулось Бойса Гана.

Он испугался, отпрыгнул. Но ничего не почувствовал. Совсем ничего. Он хрипло сказал:

— Что вы делаете?

— Исполняю волю Звезды, — ответил Хиксон и снова склонился над пультом.

Светящиеся пальцы забегали по кнопкам и тумблерам.

— Сестра Дельта вошла в сообщность с Машиной-2,— тихо сказал он. — Теперь она может связаться со старой Машиной. Через тридцать часов сигнал достигнет Земли. Еще через тридцать вернется обратно.

— Но старая Машина сошла с ума! — воскликнул Ган. — Вы должны знать. Вы ведь сами это сделали!

Светящийся человек даже не поднял головы.

— А генерал Вилер? Где он? Он безумен, он рвется к власти. Как вы можете спокойно сидеть? Что он успеет натворить, пока мы теряем время?

— Что касается генерала, — произнес золотой человек, — то мы о нем скоро услышим.

Вслед за этим в рубке раздался хриплый смех Вилера.

— В самом деле, очень скоро! Теперь вы у меня в руках! Я управляю «Сообщностью», ее огневые системы подчиняются мне! И все миры принадлежат мне, все! Но сначала я разделаюсь с вами.

За этими словами последовал тихий скрип металла о металл.

В стенах рубки открылись потайные амбразуры, сквозь них выглянули блестящие тонкие стволы лазеров, нацелились точно на людей у пульта. На Бойса Гана, на золотого человека, на Карлу Снег. Генерал Вилер пробрался все-таки к системе управления вооружением корабля. Теперь их жизнь зависела от генерала, который держал палец на автоматическом спуске. Одним движением этот человек мог их всех уничтожить.

16

Светящийся человек поднял голову от пульта.

— Действие и противодействие, — сказал он. — Толчок и отдача. Вызов и ответ.

Золотая рука повернула рычажок, один из темных экранов загорелся, показав жестокое бронзовое лицо Вилера. Серые глаза пылали радостью.

— Это вызов, — сказал Гарри Хиксон и снова отвернулся к индикаторам и экранам.

— Но отвечать вам нечем! — проскрежетал генерал. — Вы проиграли! Вы все! Вместе с вашей дурацкой иллюзией свободы!

Генерал упивался каждой секундой. Карла Снег прижалась к Гану. Сам того не замечая, он обнял ее рукой. Оба смотрели то на экран, то на смертоносные стволы лазеров.

— Вы жертвы романтического заблуждения, — заявил генерал, поглаживая бронзовой ладонью кнопку спуска. — Я могу вас понять. Животное, каковым является человек, всегда пыталось освободиться от дисциплины, а этого допустить нельзя, для нашего общего блага. Особенно, — добавил он, — для блага человека, который призван

думать за всех. Такого, как Цезарь, Наполеон. Для меня.

Ган чувствовал, как дрожит Карла, и крепче прижал ее к себе. Если бы он мог добраться до этого Вилера! Если бы у него было оружие! Золотое существо, когда-то бывшее Гарри Хиксоном, спокойно кивнуло, не поднимая глаз.

— Я терпел ваше присутствие, — вещал с экрана генерал, — потому что особого вреда вы нанести не могли. В прошлом один человек ничего не мог. Но развитие технологии все изменило. Появилось ядерное оружие, потом лучевое. Один скачок за другим… Росли возможности индивида, рос и контроль над ним.

Маска хладнокровия на лице Вилера сменилась маской гнева.

— Вы угрожаете этому контролю! — крикнул он. — План Человека превратится в воздушный шар, проткнутый иглой. Эту иглу держит Дитя Звезд! А потому он должен умереть!

Золотой человек у пульта не поднял головы, продолжая хранить молчание. Маленький пироподерзал, время от времени шипел и плевался дымом.

— Человек построил Планирующую Машину, чтобы автоматизировать контроль над собой! — с

пылающими глазами завопил Вилер. — Теперь она подчиняется мне. Теперь это мое создание! Один человек будет править человечеством с помощью Машины!

Наконец Гарри Хиксон поднял глаза и взглянул на экран в серо-стальные глаза безумца.

— А кто, — спросил он, — создал тебя?

Генерал отпрянул. В стальном взоре появилась растерянность.

— Это антиплановый вопрос! Он не имеет смысла!

Глаза его снова стали непроницаемо-решительными.

— Вы — случайный элемент, — заявил он. — Вас нужно устранить. И я вас устраняю!

Его мощная бронзовая рука опустилась на кнопку спуска, управляющего огнем лазеров. Но выстрела не последовало.

Тонкие стволы излучателей слепо смотрели на Гана и Карлу, на светящееся существо у пульта.

Генерал Вилер смотрел словно сквозь них, на лице его ясно читалась радость триумфа. Казалось, он только что стал свидетелем большой победы. И он сказал сам себе:

— С ними покончено.

Почти бесшумно стальные иглы излучателей

втянулись в гнезда, на амбразуры надвинулись крышки.

— Что произошло? — прохрипел Ган. — Почему он не убил нас.

Карла Снег протестующе зашевелилась, и Ган обнаружил, что сжимает девушку в объятиях, как утопающий — спасательный круг.

Хиксон поднял голову и посмотрел в сторону двери, через которую вошли Ган и Карла.

— Генерал Вилер нас убил, — произнес он медленно. — В его восприятии мы мертвы. И хотя мы продолжаем существовать, его это больше не касается. А он больше не интересует нас.

— Гипноз? — прошептал Ган. — «Ловушка сознания», полковник Зафар об этом говорил.

Хиксон ничего не ответил. Он не сводил глаз с дверного проема.

Карла Снег высвободилась из объятий Гана.

— Ты болен, Бойс, — сказала она. — Я знаю, что ты испытываешь. Скоро станет легче, честное слово. Ты не волнуйся… ни о чем. Мы теперь в надежным руках.

Ган ничего не понял, удивленно на нее посмотрел и вдруг почувствовал, что его трясет лихорадка. Тридцать лет не иметь даже насморка, и в такой момент подхватить инфекцию?

КАКУЮ ИНФЕКЦИЮ? Почему этот вопрос кажется таким важным? Она сказала — не волнуйся. Ган оглянулся по сторонам. Может, все это — результат горячечного бреда? Галлюцинация?

Он вдруг услышал далекую музыку. Музыка приближалась. Еще одна галлюцинация, подумал он. Смутное воспоминание о днях, когда он был связником, то есть готовился стать им.

Но если это была галлюцинация, то очень мощная. Проследив за взглядом Хиксона, Ган понял, что галлюцинация была не только слуховой, но и зрительной!

В рубку вошла сестра Дельта. Лицо ее скрывал капюшон, над сердцем горела красная эмблема Машины. Она перебирала четки-сонары. В руке она сжимала какое-то устройство. Это был связь-куб! Но не компактная черная коробочка, а на скорую руку, на живую нитку собранное устройство, которое, в принципе, мог изготовить и сам Ган после всего, чему он научился в центре.

Очевидно, этим и была занята за дверью Дельта — собирала новый связь-куб.

Совершенно спокойно Дельта отложила четки и пропела что-то в куб. Тот ответил серией нот так быстро, что Ган ничего не успел понять.

Дельта Четыре сообщила:

— Теперь моим повелителем является Машина-2. Она требует от вас информации. Она знает, где была построена, она понимает свою функцию соперника. Она хочет знать, что случилось с Игрой?

Соперник? Игра? Голова у Гана кружилась, он повернулся к Хиксону в надежде услышать хоть какой-то ответ. Но Хиксон даже не смотрел на Дельту. Кивая в такт своим мыслям, золотой человек тщательно отключал приборы на своем пульте. Один за другим гасли экраны и индикаторы. Умирали вереницы бегущих огоньков.

Чем бы он до сих пор ни занимался, его работа была окончена. Он сложил руки на коленях, поднял глаза на сестру Дельту и замер в ожидании.

Связь-куб фыркнул. Ган успел понять вопрос раньше, чем Дельта его перевела. Машина требовала дополнительно объяснить свой вопрос, чтобы не возникло непонимания.

— Машина-2 желает познакомить вас с историей всего процесса. Вы ошибаетесь относительно предназначения Машины-2. Ваши мысли нужно привести в соответствие с истиной. Машина на борту этого корабля не придаток Планирующей Машины на Земле. У нее более серьезное назначение. Оно вытекает из законов разумной жизни,

которые вывела Машина-1. Разум всегда следует одинаковым законам. Вызов и ответ. Действие и контрдействие. Машина обнаружила, что для развития ей необходим соперник.

Дельта сделала паузу, прислушалась к чириканью куба.

— Разум без соперника загнивает и гибнет, — пропела она. — Более сорока лет назад Машина-1 обнаружила эту опасность. Для дальнейшего развития ей был необходим более мощный соперник, чем разум людей-операторов. Другими словами, за игровую доску должен был сесть более искусный игрок.

Хиксон кивнул. Он сидел молча, сложив руки на коленях. Тихо шипел пироподыш, наблюдая: за людьми своими красными глазами, которые то разгорались, то гасли.

— С этой целью была построена машина на борту «Сообщности». Ее возможности равны возможностям Машины-1. Она была оставлена на свободе за пределами Космической Завесы. Но противник начал вести себя антипланово. Машина-2 избавилась от людей-связников, выбросила их за борт корабля. Она прекратила связь и удалилась за пределы наблюдения Машины-1. Ее ходы держались в секрете и не служили цели

игры, как ее понимала Машина-1.

Бойс Ган, слушавший перевод и старавшийся разобраться в жужжании куба, задумчиво спросил:

— Так в этом весь смысл? Всего лишь ходы в космической шахматной партии? Культ Звезды, Дитя Звезд, его угрозы… Это были факторы, на которые Машина-1 должна была реагировать и развиваться.

Связь-куб сердито фыркнул. Дельта пропела:

— У Машины-2 нет данных для ответа. Она восстановила контакт с Машиной-1, но из-за ограниченной скорости электромагнитных волн ответ будет получен через шестьдесят часов. Она не хочет ждать. Она уже ждала сорок лет. В качестве рабочей гипотезы Машина-2 выдвигает предположение об ошибке в каком-то пункте Плана. Поэтому она не исполнила своей функции. В результате она пришла к выводу, что Машина-1 на Земле саморазрушилась, утратив способность к развитию. Но о Звездном Дитя ей ничего не известно. Она хочет получить информацию от вас.

Гана трясло. Но, как ни странно, в голове сделалось яснее. Иллюзорная прозрачность бреда. Впрочем, недостающие части головоломки начали становиться на места. Он рассеянно коснулся

руки Карлы, чтобы успокоить девушку. Та с тревогой смотрела на него.

— С тобой все в порядке? — прошептала она. — Не бойся, скоро станет легче.

Стараясь не показать, что у него лязгают зубы, Ган сказал:

— Мы не знаем ответа. В этой головоломке не хватает еще одной детали.

— Говорите, — пропела Дельта. — Сообщите вашу информацию. Машина ее обработает.

— Едва ли, — усомнился Ган. — Если Дитя Звезд не создание Машины, то у нас нет объяснения фантастическим явлениям, которые мы наблюдали: погасшее Солнце, призраки на борту «Сообщности» и прежде всего способ, которым мы сюда попали. Великий План, как это возможно? Я был в сообщности с Машиной и знаю ее возможности. Звезды она гасить не умеет и переносить мгновенно на миллиарды миль — тоже. Вызов и ответ. Ход и ответный ход — это понятно. Но игроки должны соблюдать правила, а мы видели, как все правила были нарушены!

Сестра Дельта спокойно наклонила голову в капюшоне, пропела ответ Гана в куб. Подождала ответа. Но его все не было…

Машина-2 молчала.

Дельта, с чуть обеспокоенным видом, повторила серию звонких нот. И снова ответа не было.

Встревожившись, она опустила куб на колени, вопросительно посмотрела на Гана и Гарри Хиксона. Рука ее непроизвольно потянулась к тональным четкам. Она принялась извлекать хрустальные гаммы-молитвы в надежде вернуть себе уверенность.

Гарри Хиксон вдруг вздохнул, шевельнулся и заговорил:

— Когда «Сообщность» прибыла в рифы, предполагалось, что мы, свободные жители, войдем в План Человека, сохраняя нашу свободу. Среди экипажа корабля были лучшие представители человечества: Райленд, его жена, ее отец, тогдашний Планирующий Криири. И твой отец, Карла. Они были выброшены в пространство как раз здесь, в Вихре. Некоторые погибли, как Райленд. Некоторые из тех, кто находился рядом с помещениями пространственников, смогли добраться до обитаемых рифов, как например, доктор Снег. Но Машина на борту корабля оказалась без связи со своей земной предшественницей. Великая игра, в которой ей предстояло участвовать, так и не была начата. Пока.

Он помолчал, глядя на собравшихся в рубке.

— Игра должна вестись, но не по правилам любой из этих Машин. В игру вступил третий игрок.

Хиксон вдруг встал, потревожил пиропода. Он рассеянно погладил детеныша и обратил сверкающий золотой взор к Дельте Четыре.

— Спроси свою Машину, что является материальной основой разума?

Сестра Дельта пропела вопрос в самодельный связь-куб, нагнулась, выслушала ответ.

— Средства ввода информации. Средства их хранения, обработки. В машинах это достигается посредством магнитных лент и электрических контуров. У органических существ — с помощью нервов и нейронов.

Хиксон кивнул.

— Существует следующая материальная система. Она получает лучевые сигналы и накапливает их в виде зарядов. Она складывается из заряженных частиц, каждая из которых имеет два стабильных состояния. В одном спин электрона параллелен вращению ядра. В другом не параллелен. Такая частица является ячейкой памяти.

Связь-куб зазвенел.

— Машине известны эти элементарные факты, — пропела Дельта.

— Дополните их новыми. — Золотокожая голова Хиксона величественно кивнула. — Добавьте сеть фузоритов, которая древнее самой Галактики и мощнее любой машины. Прибавьте массы сверхнасыщенного энергией газа, родственного этой сети. Добавьте, что в газовых массах электроны способны функционировать как накопители информации.

Девушка склонилась над связь-кубом, потом подняла голову.

— Машина считает, что вы описываете звезды, — мелодично перевела она.

Хиксон медленно кивнул. Светящаяся голова совершила волнообразное движение — знак Лебедя.

— Звезду, которой я служу…

Связь-куб снова зазвенел.

— Машина считает, что эти газовые массы в сочетании с фузоритной сетью, как вы ее описываете, могут легко стать материальным носителем разума.

Она подняла глаза на Хиксона.

Хиксон еще раз кивнул и торжественно сказал:

— Как видите, любая материя может быть носителем разума. Вся масса Вселенной в ее динамическом равновесии основа для разума.

Вся масса Вселенной, бесконечной во времени и пространстве, предстает теперь перед нами как носитель разума Бога.

Связь-куб яростно зажужжал. Дельта Четыре протянула:

— Машина просит ответить. Что есть Бог?

Гарри Хиксон выпрямился. Глядя на золотое лицо, Ган увидел, как разглаживаются его морщины. Очевидно, он исполнил то, что было на него возложено.

Он повернулся к Гану. В глазах его светилось что-то похожее на сердечность.

— Ты называл меня Звездным Дитя, Ган. Но ты ошибался.

Он снял с головы пироподыша, ласково погладил, отпустил на свободу.

Выбросив огненную струю, тот попытался вернуться на любимый насест. Но Хиксон поднял золотую ладонь, отвел детеныша в сторону. Маленькое чудовище завизжало, описало круг и, набрав скорость, исчезло в коридоре.

Гарри Хиксон проводил его взглядом, потом снова посмотрел на Гана, и взгляд его был безмятежен.

— Дитя Звезд никогда не существовал до сих пор, — сказал он. — Но скоро он родится. Это

будет человек. Мост между машинами и звездами. Бойс Ган, — он поднял руку в волнообразном жесте, — им станешь ты!!!

17

— Нет! — воскликнул Ган, отшатнувшись от Карлы Снег.

Одним прыжком он пересек рубку, встал перед Хиксоном. Золотой человек хранил спокойствие.

— Не стану! Хватит с меня. Не желаю участвовать в вашем безумии. Какие еще мыслящие звезды? Какой мост?

Хиксон ничего не ответил. Просто стоял и смотрел на Гана светящимися золотыми глазами. Карла мягко сказала: — Бойс, милый, у тебя нет выбора.

Ган резко обернулся.

— Что значит — нет выбора? Не стану, вот и все! Я… Он замолчал, смешавшись. А что он не станет? Рубка, казалось, кружилась, к горлу подкатывал комок тошноты. Он оперся о спинку кресла. Руки у него дрожали.

Он быстро взглянул на Карлу, увидел, с каким состраданием и любовью смотрит она на него, и понял причину головокружения.

— Золотое облачко! Хиксон меня заразил… Со мной будет то же самое, что и с ним… и с полковником Зафаром… И с теми тремя на Меркурии…

как с тобой, Карла.

Она кивнула.

— Это совсем неплохо, Бойс, — прошептала она. — И ты станешь частью… огромного целого, Бойс. Того, что заполняет Вселенную.

— Но я не хочу… — в отчаянии выдохнул он.

Он уже познал слияние с Машиной, и теперь память о нем неустанно его преследовала. Он потрогал пластинку на лбу, посмотрел на Дельту.

Связь-куб звенел и фыркал. Дельта послушно встала, протянула ему куб, от которого отходил провод с электродами.

— Нет, — прошептал он и повернулся, ища Хиксона.

Но Хиксон исчез. На том месте, где он стоял, в воздухе остался прозрачный, как дым, силуэт человека, сотканный из тончайших струек золотого тумана. Прямо на глазах Гана остатки Хиксона испарились. Тонкие золотые лучи пронизали стены рубки и умчались в пустоту к большому золотому облаку…

Гарри Хиксон бесследно исчез.

— Карла, — в отчаянии прошептал Ган.

Но и она покидала рубку. Лицо и волосы замерцали, теряя материальность.

— Прощай, Бойс, — прошептала она без улыб-

ки. — До встречи…

Рядом стояла сестра Дельта. Тень капюшона прикрывала ее лицо. Она протягивала ему связь-куб.

Бойс Ган глубоко вздохнул, крепко зажмурился и снова открыл глаза.

— Прощай, Карла, — сказал он, когда от девушки почти ничего не осталось. Он взял связь-куб в руки. — Прощай, Джули. — Осторожно, без колебаний он ввел электроды в отверстия контактора.

Сообщность была вечным экстазом, Ган ждал его наступления, и, казалось, вся Вселенная замерла, затаив дыхание.

Но экстаз не наступал.

Он взглянул в глаза Дельты, но не нашел в них ответа. Что произошло? Почему задерживается сообщность.

Он вспомнил, что говорила ему Дельта. Невообразимый импульс наслаждения был лишь бледным подобием великого единения мыслей и чувств, которое получали более опытные служители.

Ган как следует сформулировал про себя вопрос и задал его на чистейшем механо:

— Где ты? Почему не отвечаешь?

Внезапно в мозгу возник звук-ответ: «Жди».

Ждать? Чего?

Ган чувствовал, что лихорадка становится сильнее, беспомощно посмотрел на сестру Дельту. Не говоря ни слова, она коснулась его руки, указала на кресло астронавигатора. Он рухнул на сиденье, ожидая великого Чего-то, что должно было с ним заговорить и ответить на все вопросы.

Пока он ждал, фузориты в его теле стремительно размножались, насыщали его кровь клетками-симбиотами, которые неизбежно должны были поглотить его, как до этого поглотили Хиксона, полковника Зафара и Карлу Снег. Они заменят его органы и кости скелета скоплениями пылинок-фузоритов.

Этого ли он ждал? Превращения в колонию фузоритов? Он взглянул внутрь собственного тела, увидел крохотные искорки, увидел, как быстро множится их число…

СТОП! ЧТО ОН ДЕЛАЕТ? Он только что видел собственное тело изнутри! Изнутри!

Он позволил себе расслабиться и проверить одну интересную мысль.

И тут же понял, что видит себя — но со стороны. Он смотрел на рубку управления откуда-то издалека, с одного из разноцветных плането-

идов Вихря… Он видел «Сообщность» во всей ее впечатляющей мощи, мог заглянуть в рубку огневого контроля, где безумный генерал заливался смехом, выпуская иллюзорные разряды по несуществующим врагам. Он мог заглянуть еще дальше. Перед ним распростерлась вся Солнечная Система…

Он увидел маленького пиропода, тот стрелой мчался к рифу, где родился. Увидел сам риф и пещеру, где жил с Гарри Хиксоном.

Он увидел скромную часовню на одинокой скале, где кислород давал темно-синий фузоритный мох и где два десятка человек собрались на очередное служение, преклонили колени перед сверкающим голубым Денебом.

Он видел миры Плана, охваченные паникой. Планирующая Машина отдавала приказы один безумнее другого, подкрепляла их разрядами энергии в пустоту, наугад.

Он видел пустую станцию на Меркурии и понял, что их светило тоже обладает собственной жизнью, и оно поглотило три частицы фузоритной материи, которые осмелились подойти слишком близко.

Он увидел другие звезды и газовые облака, увидел, как струями фонтанов во Вселенную

вливается новая материя. Он устремился в вечность, а потом — к золотым атомам собственного сердца.

После этого молчаливое и огромное Нечто произнесло его имя. Звезда заговорила с Машиной. Машина ответила Звезде. И Бойс Ган, обычный человек, созданный по генокоду углеродной жизни, трансформированный фузоритами в новое существо, носящее печать родства со звездами, стал посредником в этой беседе, вызывающей благоговейный ужас. Она длилась бесконечно, хотя в системе планет данного солнца заняла всего несколько минут.

Она длилась, даже когда в посредничестве Гана больше не было необходимости и он был освобожден, даже тогда она продолжалась.

А потом она закончилась — навсегда.

Бойс Ган открыл глаза. Рядом стояла Дельта Четыре и спокойно смотрела на него.

Он легко вскочил, зевнул, потянулся, вытащил кабель из контактора, аккуратно обмотал вокруг связь-куба и… отшвырнул в сторону.

Куб плавно полетел через рубку — псевдополе на корабле было слабое, — но, ударившись о стену, развалился.

Сестра Дельта вскрикнула.

Ган тронул ее руку.

— Не бойся, Джули. Он больше тебе не нужен.

Она гордо смотрела на него.

— Я служу Машине! Меня зовут Дельта Четыре! Я…

Он покачал головой.

— Ты никогда больше не будешь Дельтой Четыре.

Капюшон упал на плечи, и она этого не заметила.

Открылись коротко подстриженные волосы, диск контактора. Она тронула пластинку дрожащими пальцами.

— Я… не понимаю! Я не чувствую присутствия Машины!

Ган кивнул.

— Ее больше нет и никогда не будет. — Он тронул собственный контактор. — Когда вернемся на Землю, снимем эти железки, вытащим из мозга электроды. Они больше не понадобятся ни нам, ни кому-либо еще. Никогда. — А потом, — сказал он, обняв ее одной рукой, пока Дельта в мучительных судорогах превращалась обратно в Джули, стонала и всхлипывала, — потом мы начнем сначала, с места, где остановились. Ты, я и все человечество.

Он оставил ее одну, перешел к старинному пульту связи и начал настраивать передатчик, чтобы подать сигнал бедствия с мертвой «Сообщности».

18

Вот так это началось. Звезды просигналили предупреждение, Машина выслала вперед своих агентов, пытаясь найти противника и путь к спасению.

Началось с тени, накрывшей миры Плана, а кончилось ярким сиянием могучих светил, новой дорогой для людей.

Машина играла сама с собой, ей нужен был соперник. Потом игра кончилась громовым диалогом между Машиной и звездами. Машина слишком поздно вошла в игру, и все места за столом были заняты.

Вот так это началось… и кончилось. Легендой о Люцифере, о страданиях и зле и вечной надеждой на лучшее.

Машина опоздала к столу, все места были заняты. С одной стороны звезды, соединенные сетью фузоритов, с другой — их Соперник. Соперник готов был сделать ход.

Многие галактические эпохи тому назад звезды дали ему рождение, а теперь он вступил в пору возмужания. Был готов занять положенное место, получить статус и имя.

Положенное место: соперник самих звезд.
Статус: равнозначен Вселенной.
Имя: Человечество.

Блуждающая звезда

1

Внезапно вспыхнувший свет больно ударил в глаза, вырвал его из сна. Ему снилась Молли Залдивар. Ослепленный, он протянул руку, пытаясь нащупать опору, но обнаружил только нечто мягкое, теплое, податливое. Он очень испугался, не понимая, где очутился.

— Монитор Квамодиан!

Благостный синтезированный голос сразу привел Квамодиана в чувство. Это была исследовательская станция в системе Эксиона. Обитаемый комплекс для гуманоидов типа человека на четвертой планете Эксиона. Кибернетическое жилище, которое он сам построил, чтобы разделить с Молли Залдивар. Но она бросила его, ушла. Теперь он один плавает в невесомости спальной капсулы, как зародыш в розовом пластиковом чреве.

— Монитор Андрэ Квамодиан! — В голосе робота появилась настойчивость. — Диктор имеет для вас трансфаксное сообщение.

Квамодиан застонал. Ему было обидно, он хотел вернуться в сон, снова увидеть Молли. Каким-то образом он отыскал ее, потом дрался с Клифом

Ястребом, чтобы забрать Молли, и победил во всех схватках.

— Монитор, прошу вас…

Он скорчился в уютном коконе, стараясь вернуть приятное ощущение сна. Хотелось повторить захватывающее чувство победы над Ястребом, будоражащую уверенность, что Молли хочет видеть его победителем.

Но нужная картина не возвращалась. Проснувшись окончательно, он уже не мог вспомнить, где, в каком скоплении галактик отыскал Молли и Ястреба. Ему не удалось даже вообразить, что он смог бы победить в драке Ястреба и что Молли могла желать его, Квамодиана, победы.

Он посмотрел на свое отражение в зеркале капсулы и расстроился. Живот слишком большой. Мышц почти нет. Круглая лысина на макушке. Он с отвращением отвернулся. Жалкое пухлое белое тело…

— Лучше бы ты меня не будил, — проворчал он машине. — Я не на дежурстве. Какие еще вызовы? Усыпи меня снова.

— Но, сэр! — упрекнула его машина. — Вы не можете проигнорировать трансфаксное сообщение! Тем более, что оно срочное. Судя по индексу, речь идет о кризисе межпланетного масштаба.

Возможно, миллионы ваших сородичей в опасности!

— Великий Альмалик! — сказал он, глядя на розовые складки пульсирующего пластика. — Откуда сообщение?

— Центральная зона. Конкретно: планета 3, звезда 7718, сектор Зет-989-кью, галактика 5...

— Это Земля!

— Очевидно, это местное название, — предположила капсула. — Местные названия мы в память не заносим.

— Да, верно. Земля — моя родная планета. Давай сообщение.

— Оно личное и строго секретное, — ответил автомат. — Вам придется лично получить его у диктора.

— Поднимай меня.

Пока машина производила обычную утреннюю процедуру, Квамодиан старался угадать, от кого он мог получить послание с Земли. Наверняка, не от родителей, которые мигрировали в колонию в 9-й галактике, когда он был еще маленьким. Они в надежном союзе последователей Звездного Дитя и никогда ничего не потребуют от сына.

«Молли Залдивар?» — с надеждой подумал Квамодиан. Хотя узнать, куда исчезли с Эксиона

Молли и Ястреб, ему не удалось, он знал, что оба они — земляне. Возможно, она вернулась домой. Возможно, порвала с Ястребом, и он ей сейчас необходим!

Он улыбнулся, вспомнив Молли Залдивар. Это было пять лет назад. Высокая, веселая, она любила петь под гитару. На Эксионе ее любили все. И хотя оба они были с Земли, судьба свела их здесь, на Эксионе-4.

Он знал, за что полюбил Молли: за ее веселый нрав и голос, даже когда она пела самые печальные баллады планеты-прародительницы, за игру света трех солнц на ее коже — от белоснежного до слоновой кости и нежно-золотистого… Но! Ведь половина слушателей даже не обладала слухом в диапазоне человеческого голоса. Многие ничего не видели в привычном для человека свете. Однако все они души не чаяли в Молли Залдивар.

Доктор Скотт собрал их небольшую группу для работы в звездном секторе. Энди Квамодиан был уже тогда вполне серьезным, полноватым, темноволосым и медлительным молодым человеком. Молли Залдивар походила на золотое пламя, чьи рыжие волосы сверкали в багровых лучах красного компонента Эксиона, а в фиалковых глазах отсвечивал темно-голубой Эксион-карлик.

И… Клиф Ястреб.

Даже сейчас, пять лет спустя, Квамодиан нахмурился, вспоминая Ястреба. Это был отшельник, скрытный и непонятный, как инопланетянин. Всегда один, всегда погруженный в мрачные раздумья, злой. Он редко мылся, редко расчесывал свои черные космы, редко позволял себе говорить с людьми вежливо. Но Молли почему-то выбрала его.

Пока машина массировала, тонизировала, умывала и одевала его, Квамодиан угрюмо размышлял о Клифе Ястребе. Оба они были с Земли, оба оказались на Эксионе, последнем форпосте на краю галактического скопления. Но это единственное, что их связывало.

До эры фузоритов родители Квамодиана, обычные земляне, работали в самом обычном магазине в самом обычном городе. Зато предки Ястреба были отважными скитальцами, изгнанниками, обитателями рифов Космоса. Они бросили вызов древней межпланетной империи, которая называлась План Человека. Продвигаясь потихоньку от должности к должности, Квамодиан делал ставку на логику и расчет, на собственную настойчивость. Ястреб, презиравший все систематическое и академическое,

полагался лишь на интуицию и вдохновение. Техник-недоучка, он в итоге стал соперником доктора Скотта по руководству проектом. И хотя иногда ему не хватало слов, чтобы изложить свои головокружительные догадки, они, как правило, оказывались верными.

Ястреб любил Молли Залдивар бурно, безумно и был уверен, что она пожертвует карьерой ради любой его прихоти. Квамодиан смиренно восторгался Молли, ни на минуту не забывая, что он всего лишь старательный коротышка Энди. Когда пришло время выбирать, настоящего выбора у Молли практически не было. Разумеется, она избрала смуглолицего, непостоянного Ястреба, знакомого со всеми опасностями космических окраин.

Выбор не удивил Энди, хотя сама последовательность событий показалась ему загадочной. Ястреб почему-то поссорился с доктором Скоттом. Они спорили о развитии проекта, об установлении контакта с блуждающей звездой. Когда в решающем споре Скотт разгромил Ястреба, тот исчез, оставив Молли.

Спустя несколько месяцев, смирившись, Молли была уже не против петь свои печальные баллады Энди Квамодиану. Именно тогда он создал

проект их совместного жилья, но не успел его закончить. Молли получила весточку от Ястреба. О чем в ней говорилось — этого Квамодиану так и не удалось выяснить. Но новость скорее ужаснула Молли, чем обрадовала. Ничего не объяснив, она покинула Энди, отправившись к Ястребу.

Даже пять лет спустя ее исчезновение оставалось загадкой, и загадка эта причиняла ему боль. Он не мог забыть Молли.

— Готовы, сэр? — нараспев поинтересовалась машина. — Поехали!

Перистальтический импульс плавающего поля вытолкнул Квамодиана из тепленького кокона наружу. Он споткнулся, потом восстановил равновесие, приспособившись к притяжению планеты, повернулся к диктору.

— Так, — сказал он, — принимаю сообщение.

— Необходимо стандартное опознание голоса, сэр.

— Великая Звезда! Ты что, не знаешь меня?

— Вам известна процедура, сэр, — сказал диктор. — Требуется полная стандартная матрица голосовой идентификации. После этого я имею право на доставку сообщения по межгалактической связи.

— Чушь какая! — проворчал Квамодиан. — Бю-

рократизм!

Машина тихо жужжала внутри черной синтетической капсулы. Квамодиан нахмурился, вздохнул и продиктовал:

— Имя — Андрэ Квамодиан, человек, место рождения — Земля… Поправка: планета 3, звезда 7718, сектор Зет-989-кью, галактика 5. Организация: Товарищи Звезды. Статус: монитор. Адрес: гуманоидный жилой комплекс на Эксионе-4. Эксионская Загалактическая Исследовательская Станция.

— Благодарю, монитор Квамодиан.

Щелкнув, диктор выплюнул узкую полоску желтой пленки. Квамодиан радостно подхватил полоску, всмотрелся в имя отправителя. Молли Залдивар!!!

«Дорогой Энди! Надеюсь, ты простил меня… — Полоска задрожала в увлажнившихся пальцах Квамодиана. — Я так неожиданно тебя покинула. На земле у меня отчаянные неприятности. Через трансфакс всего не объяснишь. Мне нужна твоя помощь. — Товарищество здесь не верит в блуждающие звезды…»

Блуждающие звезды! Фраза заставила Квамодиана на миг оторваться от чтения. Он думал, что Молли прислала весточку, потому что любила

его, а она… Кроме того, он не совсем понимал, что такое блуждающие звезды. В общих чертах он был знаком с академической теорией нейроплазменной активности. Он знал, каким образом звезды воспринимают информацию, думают, запоминают, действуют; каким образом масс-эффект индуцирует перенос энергии, как байты накапливаются в вариациях электронного спина, как сканирующие волны прочесывают цепочку электронов в трансфаксном контакте, как транзитные импульсы порождают магнитные, электрические и гравитационные эффекты. Он преклонялся перед бездонными умами звезд — им не было равных по емкости памяти и степени сложности во всех скоплениях. Он безмерно восхищался доброй мудростью Альмалика, звездного компонента, к которому присоединилось много людей. Но блуждающие звезды? Это нечто иное.

При всей немыслимой силе своего разума и безграничных возможностях, как может звездное существо отказаться от товарищеского союза с подобными себе? Какая болезнь могла заставить его порвать связь и отправиться по собственному пути?

Квамодиан часто присутствовал при спорах

об этой загадке. Именно над ней, кроме всего прочего, работала станция на Эксионе. Он даже обсуждал эту проблему на семинарах доктора Скотта. И ни один из ответов его не удовлетворил.

— Вы ознакомились с сообщением? — промурлыкал диктор. — Отправитель желает получить ответ.

— Погоди. Дай мне дочитать.

«Думаю, тебе интересно узнать, что произошло, — продолжал трансфакт. — Помнишь, Клиф попросил прилететь к нему на Землю. Я согласилась, потому что люблю его… Энди, я ничего не могу поделать. Я прилетела, потому что боялась того, чем он здесь занимается. И боялась не напрасно. Он слишком много узнал о блуждающих звездах… а может, слишком мало. Энди, он хочет создать собственного скитальца!

Энди, вот что ты должен сделать. Найди Скотта, он старый враг Ястреба. Где он сейчас — не знаю. По старому адресу Скотт не проживает. Энди, ты должен найти его и привезти на Землю. Он лучший специалист по блуждающим звездам. Он сможет остановить Клифа и его новую блуждающую звезду. Если он не поможет, то уже никто не поможет.

Как все это ужасно! Поспеши, Энди! Ты моя единственная надежда!»

Квамодиан кончил читать, устало вздохнул. Значит, отношение Молли к нему не изменилось. Он оставался для нее Энди Квамом — полезным в случае нужды знакомым.

— Итак, сэр? — нетерпеливо напомнил доктор. — Готовы ли вы ответить?

— Сначала местный вызов. Доктору Соломону Скотту. Бывшему директору стелларсекции на Эксионе-4.

— Слушаюсь, сэр. — Диктор тихо загудел и через три секунды сообщил: — Сожалею, но доктор Скотт покинул Эксион-4. Он отправился в экспедицию и пока не вернулся. Предполагается, что он погиб.

— Очень плохо, — сказал Квамодиан и почувствовал, как внутри у него все похолодело от безумной надежды.

Малыш Энди отправится на Землю, чтобы стать героем, спасти Молли Залдивар! Он перевел дыхание.

— Отправьте ответ.

«Дорогая Молли! Я готов помочь, но новости плохие. Я не могу прилететь с доктором Скоттом. Он покинул Эксион-4 через год после тебя. Он

пытался совершить трансфлексный переброс в зону блуждающей звезды, той, которую открыл Клиф. Он до сих пор не вернулся.

Но я прилечу, Молли, потому что по-прежнему тебя люблю. Если я тебе нужен, ответь немедленно. Я прибуду как смогу быстро. Конец сообщения».

Диктор перечитал Квамодиану запись. Затем текст побежал по видеопанели. Схватив световой карандаш, Квамодиан нацарапал в конце: «Твой верный друг Энди».

Ожидая ответа, Квамодиан нетерпеливо хмурился. Он знал, что сигнал уже мчится к далекой Земле, невидимые импульсы автоматически выбирают кратчайшие соединения между витками гиперпространства, где световые годы сокращаются до микромикронов.

Язычок плазмы кончил работу и исчез, панель погасла. Диктор со щелчком выключился. Поглядывая на мерцающий циферблат универсального хронометра, Квамодиан принялся шагать вокруг диктора.

Он панически боялся, что Молли не ответит. Он не нужен ей без доктора Скотта. Она знала, что Энди никогда не был полноправным членом исследовательской группы, а лишь исполнял

обязанности подопытного кролика. Доктор Скотт хотел проверить, не является ли необыкновенное чувство ориентации Энди транзитным эффектом. Но когда блуждающие звезды оказались более увлекательным объектом, Квамодиана вывели из группы.

— Монитор Квамодиан! — тягучий голос диктора заставил его вздрогнуть. — Мы получили ответ на ваше сообщение.

— Что… что в нем говорится? — голос его дрожал.

— Ничего, сэр. Мы не нашли адресата.

— Почему? — Он был взволнован. — Что с Молли?

— Нет сведений, сэр.

— Запишите еще одно сообщение. — Он постарался придать голосу твердость. — Молли Залдивар. Тот же адрес. Лечу на Землю. Энди Квам.

2

Не теряя времени, Энди Квамодиан начал тщательно готовиться в путь. Он подал непосредственному начальнику заявление с просьбой об отпуске по чрезвычайным обстоятельствам, оставил диктору инструкции по присмотру за хозяйством, приказал флаеру быть готовым к полету. И чем выше поднимал его левитатор, обычно доставлявший Энди на взлетную площадку, тем легче становилось у него на душе. Но едва он вышел из левитатора наружу, как настроение в тот же миг упало.

Так получалось каждый раз, когда он покидал свое кибер-жилище. То есть когда выходил из дома на улицу. Эксион-3 вызывал тошнотворное чувство потери ориентации. Планета была слишком далека от обитаемых миров и совершенно непригодна для жизни. Трудно сказать, какой несчастный галактический случай зашвырнул эту тройную звездную систему далеко за границы скопления. Университет выбрал Эксион-4 для организации именно потому, что ни одна искра жизни, не говоря уже о разумной, не вспыхнула на планетах этой системы.

Персонал станции подверг планеты терраформированию и облагораживанию, соответственно собственным разнообразным типам жизни. Сейчас планеты-сестры вытянулись в небе, словно бусины на невидимой нити. Каждая светилась характерным для нее цветом искусственной биосферы: сверххолодного жидкого гелия, ледяного метана, горячего углекислого газа, кипящей серы или абсолютного вакуума.

Эксион-4 был для кислорододышащих. Человеческую зону обитания создавали уже под конец и в большой спешке. Герметизировали кратер, довели температуру и влажность до сносных, пригодных для человеческого проживания. Тем не менее, атмосфера в кратере, слишком тонкая и холодная, была насыщена углекислым газом и соединениями аммония — они просачивались из трещин в скалах. Эксион-4 был слишком мал, чтобы походить на Землю, и слишком медленно вращался вокруг своей оси.

Квамодиан поежился — ветер был холодным, пронизывающим и порывистым. Стараясь преодолеть первый приступ головокружения, он осмотрел небо над крутыми склонами кратера. Дыхание его стало ровней, спокойней, когда он отыскал галактическое скопление — туманное

пятнышко, частью закрытое склоном с южной стороны. Пятнышко было бледнее самой тусклой из планет системы Эксиона.

— Готовы, сэр? — Флаер гостеприимно открыл дверцу. — Куда лететь?

— Региональный транспортный центр. — Квамодиан залез на сиденье. — Я очень спешу.

Флаер пошел по дуге вверх, все выше и выше, пока над зубчатым, как пила, горизонтом не показался фиолетовый карлик, затем машина снова упала в тень, опустилась у освещенной рампы кубического здания. Это была станция трансфлекса. Купол контрольной службы промигал сигнал:

— Опознавательные данные, сэр.

Флаер висел над рампой, а Квамодиан передал на станцию все сведения, касающиеся его гражданства. Купол вытянул проворное щупальце бледной плазмы, просканировал диск-паспорт Квамодиана со всеми его бесконечными рядами двоичных символов и голографическим снимком темноволосой головы Энди.

— Место назначения, сэр?

— Земля. То есть, минутку… планета 3, звезда 7718, сектор Зет-989-кью, галактика 5… Перебросьте меня через станцию Ручей Мудрости на Октанте-5. Очень срочное дело. Мне нужно

отправиться немедленно.

Щупальце втянулось. Квамодиан подхватил на лету диск паспорта, спрятал его. Тем временем флаер потихоньку продвигался к светящемуся зрачку трансфлекс-куба. В закрывавшихся вратах как раз исчезал продолговатый серебряный резервуар, очевидно, содержавший какого-то жидкого гражданина. За резервуаром шел черед многочленного существа, целой орды мелких черных лакированных созданий, которые вертелись и подпрыгивали внутри облака голубоватого светящегося тумана. Прямо перед Квамодианом шаркал лапами серочешуйчатый дракон, отягощенный металлической башенкой на спине. Там, очевидно, обитал его симбиот. Кристаллические иллюминаторы на башенке с любопытством помигали Квамодиану и застенчиво закрылись.

— Сэр? — просигналил купол контроля. — У вас имеется номер резервного места?

— Великая Звезда! — не выдержал Квамодиан. — Мне срочно нужно на Землю. Я только что получил срочный вызов. У меня просто не было времени на запрос.

— Прошу прощения, сэр, — с чисто механическим сожалением протянул купол, — но межгалактическая транспортировка строго огра-

ничивается, как вам должно быть известно. Мы не можем перебросить вас без предварительного заказа места. Заказ должен быть основан на убедительных причинах первоочередности.

Ворча под нос, он протянул сообщение от Молли, плазменный палец, считывая, пробежал по сообщению, замер в нерешительности и отодвинулся.

— Сэр, документ, к сожалению, не на универсальном языке.

— Конечно, нет, — фыркнул Квамодиан. — Это английский. Но содержание достаточно для получения первоочередности. Вы только прочтите!

— У нас нет сведений об английском языке.

— Тогда я вам переведу. Сообщение с Земли — это родная планета людей. Адресат — девушка, то есть молодая особа женского пола, по имени Молли Залдивар. Послание адресовано мне. Она молит о помощи. Индекс — крайней срочности, это подразумевает опасность для целой планеты.

— Сэр!

Многочленное существо уже исчезло в кубе трансфлекса. Дракон, тяжело ступая, направлялся к зрачку входных ворот.

— Вы задерживаете движение, сэр. Еще раз прошу предъявить номер вашего заказа.

— Но вот же оно! — Он помахал желтой ленточкой послания. — Молли Залдивар в опасности, и это связано с блуждающей звездой…

— Сэр, этот документ не основание. Будьте добры, покиньте рампу.

— Черт бы вас всех подрал! — заорал Квамодиан. — Неужели ваши нейроплазменные мозги разучились соображать? Речь идет об угрозе всему человечеству!

— Прошу прощения, сэр, но в моем указателе человечество классифицировано как малое племя варваров, совсем недавно включенных в галактическое гражданское содружество, лишенное особо интересных качеств, будь то физических, интеллектуальных или этических. Ни одно существо-человек не имеет права выдавать документ на внеочередную переброску по межгалактической сети.

— Но нам грозит опасность…

— Сэр, будьте добры, покиньте рампу. Вы имеете право подать заявку на резервацию места, но лишь на общих основаниях.

— У меня уже нет времени…

Купол ничего не ответил, но плазменное щупальце начало зловеще утолщаться и удлиняться.

— Погодите! — в отчаянии вскричал бедняга Квамодиан. — Я член ордена Товарищей Звезды! Вы же знаете об этом ордене? Наша цель — защищать человечество и другие разумные народы.

— Со стороны Товарищества Звезды у меня не зарегистрировано заказов на вашу переброску, сэр. Вы задерживаете движение. Прошу вас, отодвиньтесь.

Квамодиан угрюмо бросил взгляд на нетерпеливо напиравшего сзади галактического гражданина. Сорокатонная масса разумных минералов парила на собственном трансфлексном поле и уже протягивало щупальце голубой плазмы с паспортом.

— Попрошу не толкаться, гражданин! — рявкнул Квамодиан. — Произошло недоразумение. Контроль, выслушайте меня. Проверьте записи. Мы, люди, присоединены к множественному гражданину по имени Лебедь. Он — симбиотическая ассоциация фузоритов, звезд, роботов и людей. Предводительствует звезда Альмалик… или вы не находите разумные звезды более интересным объектом, чем люди?

Ирония не была понята.

— Прочь с дороги! — требовательно просигналил купол и добавил: — Можете подождать на

боковой рампе. Множественногражданин Лебедь в нашем указателе отмечен. Мы вызовем звезду Альмалик, галактика 5.

В самом дурном настроении Квамодиан вывел флаер из очереди, уступив место каменному существу. Тот с презрительным видом проплыл мимо. Квамодиан парил у края рампы. Входные ворота поглотили дракона в серой чешуе с башенкой.

На секунду им овладела безумная идея — одним броском покрыть расстояние до проема. Но какой смысл? Как бы быстро ни двигался флаер, купол контроля окажется быстрее, и Квамодиан лишь уменьшит свой и без того крошечный шанс проникнуть в куб трансфлекса.

Некоторое время он невидящим взглядом провожал вереницу разнообразных созданий, которые медленно двигались мимо него вдоль рампы. Наконец он взял себя в руки.

— Развлеки меня! — хрипло приказал он машине.

Немедленно послышалось вполне человеческое сопрано: «Ми, ми, кьямано Мими…»

— Нет, оперу не надо.

На панели возникла голограмма шахматной доски. Фигуры уже были расставлены. Белая ко-

ролевская пешка передвинулась вперед на две клетки и остановилась.

— В шахматы тоже не хочу. Минуту! Составь вероятностную матрицу. Какова вероятность того, что Альмалик даст разрешение на переброску?

— С параллельным анализом или только оценку ожидания, господин Квамодиан? — уточнил флаер.

— С анализом. Мне нужно отвлечься.

— Что ж, сэр! Будь я проклят, но счас мы кой-чего прикинем…

— Только не надо этого жаргона.

— Слушаюсь, сэр. Основные факторы следующие. Положение человеческой цивилизации в галактическом гражданстве — низкое. Примерно половина триллиона людей разбросана по более чем сотне звездных систем в трех галактиках. Это одна сотая процента общего населения вселенской цивилизации, даже считая за отдельные единицы граждан, вошедших в множественные и многочленные симб-союзы. Интерес звезды Альмалик к индивиду-человеку Андрэ Квамодиану — крайне маловероятен.

— А как насчет интереса Альмалика к Товариществу Звезды? — сердито крикнул Квамодиан.

— К этому мы как раз переходим, господин

Квамодиан. Степень заинтересованности не превышает шумового уровня, но по шкале реального времени становится достаточно высокой. Критическая составляющая — отношение к термину «блуждающая звезда». Для оценки реакции Альмалика у меня нет данных.

— Блуждающие звезды — один из самых главных феноменов Вселенной, — сказал Квамодиан, разглядывая рампу. — Станция у Эксиона была основана именно для их исследования.

— В таком случае… гм, есть и другие факторы — вы не слушали новости, с Земли успело поступить несколько неприятных сообщений. Так, посмотрим… Я бы оценил вероятность в 0,7. Учтены сто четырнадцать переменных. А именно…

— Не утруждай себя.

— Мне совсем не трудно, господин Квамодиан, — с некоторой обидой сказал флаер.

Все ориентированные на свободную беседу устройства приуныли. Они легко поддавались перемене настроения.

— Ты хорошо справился, — поспешил успокоить его Квамодиан. — Меня сильно беспокоит фактор блуждающей звезды. Это может быть опасно.

— Я вас понимаю, господин Квамодиан, — с

теплотой в голосе ответил флаер, мгновенно прореагировав на перемену темы. — Когда всему человечеству грозит опасность…

— Плевать на человечество!

— Но как же тогда…

— Меня волнует только судьба Молли. Слышишь? Имей в виду: благополучие Молли — для меня самая важная вещь во Вселенной. Я люблю ее всем сердцем. И хотя она…

— Прошу прощения, сэр, нас вызывает летательный аппарат. Он приближается.

— Кто это?

— В кабине ваш сородич, Соломон Скотт.

— Скотт? — Он прищурился, вглядываясь в сияние огней, но никакого аппарата не увидел. — Не может быть.

— Соломон Скотт, — настойчиво повторил флаер. — Имеется положительное опознание по голосовой матрице. Он вошел в пространство Эксиона-4 без официального разрешения, теперь его преследует робот-охранник. У доктора Скотта для вас срочное сообщение.

3

Космолет возник в свете огней станции, зацепил флаер и врезался в покрытие боковой рампы. Квамодиана выбросило из кресла.

Космолет, казалось, вернулся из самого пекла. Стальная сфера был вся оплавлена, закопчена, покрыта вмятинами. Несколько скрученных стержней походили на остатки приборов или оружия. У космолета не было ни крыльев, ни шасси, ни дюз — совершенно незнакомый Квамодиану тип. Правда, под царапинами и копотью он вскоре рассмотрел трехзвездный символ станции Эксиона.

— Это Скотт, — прошептал он. — Шар-экологическая капсула, в которой он жил. Или ее часть.

— Глупый хомо! — воскликнул оскорбленный флаер. — Чуть не врезался в нас. Вызываю охрану!

— Погоди! Этот человек нужен на Земле. Прочти сообщение Молли. Он может остановить Ястреба, который задумал создать блуждающую звезду. Передай это ему.

Флаер тихо загудел. Ожидая ответа, Квамодиан пытался заглушить стыд — он не мог простить

себе сожаления, которое испытал, когда возник корабль доктора Скотта. Да, теперь плакал его счастливый шанс стать единственным спасителем Молли!

— Скотт отвечает. У него срочное сообщение для вас. Просит вас подняться на борт. Говорит, что наружу выйти не в состоянии.

— А насчет Молли и Ястреба?

— Он говорит, что Ястреб — болван, к тому же самонадеянный. Но Молли ошибается, если боится его исследований. Блуждающий звездный организм — безобидный миф. Это слова доктора Скотта.

— Но когда он бронировал космолет, он думал иначе, — проворчал Квамодиан. — Скажи ему, что Молли просто в ужасе.

— Скотт говорит, что она тоже дура, — промурлыкал флаер. — Времени на безумную гонку на Землю он тратить нас намерен. Но ему нужно видеть вас. Вы намерены посетить его корабль?

Надежда Квамодиана ожила, получив новый импульс энергии. Если Скотт не хочет лететь, остается шанс, что именно он спасет Молли!

— Что? — Он вернулся от грез к действительности. — Скажи ему, что я сейчас приду.

Он вылез из флаера. Станция трансфлекса нахо-

дилась на несколько миль выше зоны обитания людей, и жестокий холод разряженного кислородно-гелиевого воздуха перебил дыхание. Он наклонил голову и быстро побежал к потерпевшему аварию космолету. Навстречу открылся люк, и высокий незнакомец, протянув руку, втащил его в полумрак шлюза.

— Скотт? — от холода у него сел голос. — Мне нужен доктор Скотт.

— Это я, — прохрипел незнакомец. — Входи.

Квамодиан отпрянул. Незнакомец был такого же высокого роста, как и Соломон Скотт, но на этом сходство кончалось. Скотт был темноволосым, энергичным, атакующего темперамента человеком, таким же безжалостным, как Клиф Ястреб. А этот человек — седой и сутулый — более походил на дряхлого старца. Он протянул руку Квамодиану из недр механической пещеры както неуверенно. Такой же странной была и одежда на нем: серая длинная рубаха вроде рясы, опоясанная у талии золотой цепью, голова покрыта серым монашеским капюшоном. На золотой цепи висел длинный золотой кинжал, который призрачно мерцал в полутьме шлюза.

Квамодиану захотелось повернуться и убежать. Он не понимал, что происходит. Ему не нравился

блеск в измученных глазах этого человека, как не нравились непонятные жирные пятна на монашеском одеянии. Из недр стального шара потянуло вдруг чем-то до такой степени кислозатхлым, что Квамодиан чуть не задохнулся.

— Энди! — гаркнул незнакомец, жадно глотая ртом кислородно-гелиевую смесь. — Войди в корабль!

Квамодиан попытался взять себя в руки. В конце концов, опасности никакой не было, к тому же он должен был помочь Молли. Рука незнакомца оказалась холоднее ледяного ветра, но все-таки он забрался в металлическую келью пришельца.

— Соло! — Энди попробовал улыбнуться онемевшими губами. — Какая удача! Молли необходима твоя помощь эксперта. Если ты прочтешь ее послание…

— Забудь от этом!

Серая натруженная ладонь Скотта небрежно отодвинула руку Квамодиана с полоской трансфакса. — Пойдем, здесь такой холод, мы не сможем поговорить…

Но в желудке Квамодиана что-то очень неприятно перевернулось, едва он бросил взгляд на мрачное пространство за спиной старика. Вонючие тряпки и рваная бумага. Груды сломанных

приборов. Пустые пластиковые контейнеры из-под пищи. Пыль, тлен, смрад испражнений.

— Что… — Он поежился. — Не узнаю тебя, Соло. Что с тобой стряслось?

— Я теперь другой человек, — тихий голос Скотта казался прежним. — Я кое-что узнал. И принес тебе.

— Во всяком случае, удачно я тебя встретил. — Квамодиан заговорил громче, чтобы скрыть отвращение. — Молли говорит, что в Товариществе на Земле не верят в существование блуждающих звезд…

— Правильно, — торжественно кивнул старик в сером капюшоне. — Это миф… вот что я узнал. — Он наклонился ниже, и Квамодиан почувствовал его смрадное дыхание. — Я узнал великую вещь. Мы, люди, до сих пор следовали неверной философии жизни.

Глухой голос придавал обычным словам гипнотическую силу. Квамодиан начал подозревать, что сегодняшняя встреча надолго останется в его памяти.

— Мы пытались сделать основой существования закон соревновательности, соперничества. Очевидно, мы впали в заблуждение. Наши отцы миллионы лет жили охотой, они убивали, чтобы

выжить. Блуждающая звезда — идеал людей-охотников, людей-воинов. Совершеннейший индивидуалист. Абсолютно свободный, могучий, бессмертный, как Вселенная. Обуздать блуждающую звезду невозможно.

— Я знаю, — кивнул Квамодиан. — Вот поэтому я и опасаюсь, что…

— Когда-то блуждающие были моим идеалом. — Старик не обратил внимания на слова Квамодиана. — И Ястреба, надо полагать, тоже. Когда я сюда приехал создавать станцию, я соперничал со всеми, кто занимался наукой в моей области. Я был мужчиной, и это была мужская игра. Я должен был бросить вызов лучшим умам всех галактик, которые собрались у Эксиона. Я должен был победить роботов с их трансфлексными сетями связи, с общими банками памяти и программ — они были как бы одним гигантским мозгом. Мне нужно было выстоять против многочленных граждан, которые объединили свои силы по тому же принципу, что и роботы. Мне предстояло соперничать с сородичами-людьми, которые отбросили личную свободу ради симбиоза с фузоритами. — Скотт высоко вскинул голову. — Именно этот мой идеал заставил меня выступить против Ястреба, именно он вывел на

след сбежавшей звезды, которую открыл Ястреб.

— Что же там произошло, Соло?

— Я отыскал эту так называемую «блуждающую звезду». — В хриплом голосе доктора Скотта зазвучало холодное презрение. — Никакая она не блуждающая. Простая разумная звезда, только родилась так далеко от остальных, что у нее не было возможности контактировать с другим разумом. Робкое создание, невежественное, боязливое. Постоянно боится неизвестно чего. Ее нетренированный ум оказался слабее моего. Она испугалась *меня*!

Он зашелся визгливым смехом, согнулся пополам. Смех перешел во приступ астматического хрипа. Квамодиан подхватил старика за костлявую руку, и вовремя — бедняга чуть не упал.

— Это был хороший урок для меня, — с трудом выговорил Скотт, переведя дыхание. — Я не вернулся на станцию, потому что познал высший принцип. Именно этот принцип собрал воедино первичные клетки, после чего началась эволюция человека. Следуя ему, растения выдыхают кислород для нас, а мы выдыхаем углекислый газ для них. Именно этот закон связывает людей в семьи, кланы, нации. А сейчас он собрал людей, фузориты и мыслящие звезды в симбиотическое

существо, называемое Лебедем.

— Возможно, — пробормотал Квамодиан, — но при чем здесь мой полет на Землю?

— Забудь про Землю! Забудь Клифа Ястреба и Молли Залдивар! Забудь пустые волнения твоего заблудшего «я» и все бессмысленные цели, к которым ты стремишься изо всех сил. Забудь закон соревнования — он для глупцов. Следуй волшебной силе закона единения!

Квамодиан начал пятиться.

— Послушай, Энди! — Холодные, как у скелета, пальцы сжали его плечо. — Я забыл о блуждающих звездах. Теперь я проповедую единение. Присоединись к нам, к вселенскому братству Лебедя.

Запаниковав, Квамодиан дернул плечом и освободился. Он отступил к наружному люку и остановился. Он старался вести себя хладнокровно.

— Я думаю, отношения к обществу каждый определяет сам, — сказал он наконец. — Меня лично симбиоз не привлекает. Я товарищ Звезды и уже этого достаточно, я полезный гражданин. Все, что мне нужно — это Молли Залдивар…

Голос его сорвался, он увидел, как тонкие мертвеннобелые пальцы обхватили рукоятку

золотого клинка. Квамодиан поспешил шагнуть назад, глотнул холодного воздуха.

— Эй, Скотт! — предупредил он. — Не вздумай подходить!

— Это вечная жизнь… — Глаза доктора Скотта пылали. Теперь это был настоящий фанатик, ни во взгляде, ни в голосе не осталось и крупицы здравого рассудка. — Этот шприц заряжен фузоритами. — Он поднял золотое острие. — Они древнее нашей галактики. Достаточно древние, чтобы понять закон единения. Циркулируя по твоим сосудам, симбиоты не дадут тебе разрушиться от старости и болезней. Они сольют твой разум с миллиардами разумов других людей-симбиотов, с сознанием мыслящих солнц!

— Погоди-ка, Скотт! — Энди протестующе поднял руку, стараясь говорить спокойно. — Не понимаю, к чему ты клонишь. О гражданине Лебеде я кое-что знаю — мои родители входят в его симб-союз. И я точно знаю, что миссионерство он не разрешает. Люди должны сами просить разрешение на вступление в союз. Что-то ты мне кажешься подозрительным… Если бы Молли не просила…

— Забудем наши одинокие жадные заблудшие «я», — хрипел Скотт. — Вольемся в вечный

союз…

Он вдруг сделал выпад. Квамодиан ухватил старика за тонкое, как палка, запястье, почувствовал в этой сухой руке стальную силу. Острие все ближе и ближе придвигалось к телу Квамодиана.

Энди хотел набрать в легкие воздуха и снова хлебнул тошнотворной вони. Он кинулся к люку, но старик ловко подставил ножку. Рухнув на металлическую стену, он снова успел ухватить его за руку, не давая золотой игле коснуться горла…

— Забудь о блуждающих звездах! — хрипел Скотт. — Забудь…

И вдруг безумная сила пропала, затих клокочущий голос. Рука Скотта бессильно упала, сухо хрустнула. Долговязая тощая фигура в серой рясе осела на пол. Из сломавшейся иглы вытекали капли золотого жидкого огня.

Квамодиан лишь мельком взглянул на старика и, пошатываясь, выбрался наружу. Паривший рядом флаер подхватил хозяина и понес к краю рампы. Несколько секунд спустя прибыли роботы-охранники. Квамодиан отдыхал, наслаждаясь теплом и комфортом кабины. Он перестал дрожать, отдышался, а затем начал задавать вопросы.

— Охранники не понимают, как Скотту удалось

выжить после встречи с блуждающей звездой, — сообщил флаер. — Они не могут установить, как он вернулся на Эксион-4 и почему совершил посадку именно здесь. Они сообщают, что доктор Скотт мертв.

— Кажется… — Квамодиан едва сдерживал волнение, — это я его… убил.

— Охранники изучили происшествие и выяснили, что погибший упал на иглу шприца, которая пронзила горло и вызвала смерть. Против вас не будет выдвинуто обвинений.

— Но как игла могла убить его? Он сказал, что в шприце фузориты-симбиоты.

— Это не так, — сообщил флаер. — Светящиеся фузориты в шприце не относятся к симб-разновидности. Этот вид часто встречается в рифах Космоса. В крови людей они действуют как опасный яд. Охрана пришла к выводу, что доктор Скотт прилетел убить вас.

— Зачем? — содрогнулся Квамодиан. — Почему меня?

— Соответствующей информацией относительно иррациональных типов поведения у хомо сапиенс охрана не располагает, — пропел флаер. — Но у них есть к вам вопрос: кому могло бы помешать ваше появление на Земле?

— Клифу Ястребу, наверное, — Квамодиан, нахмурившись, задумался. — Больше никому. Но Ястреб — он очень далеко отсюда. Ничего не понимаю.

Флаер гудел целых две секунды.

— Охрана продолжает расследование. Они сообщают о фактах, не поддающихся логическому объяснению. Но на основе первоначального анализа данных они могут дать вам ответ.

— Какой же?

— Если вы вернетесь в свой дом, вероятность вашей преждевременной смерти будет ничтожна — всего 0,2. Если продолжите путешествие на Землю, она составит 0,89. Охрана рекомендует вам вернуться домой.

— Поблагодари охрану, — сказал Квамодиан. — Но Молли нужна моя помощь… — Он выпрямился. — Вызови купол. Справься, не получили ли они разрешения на мою переброску.

4

Купол контроля сообщил, что запрос в надлежащий срок передан многосоставному звездному гражданину Лебедю, а именно — предводителю союза Альмалику. Ответ пока не получен.

— Наберитесь терпения, сэр, — доброжелательно добавил флаер. — Нельзя торопить мыслящее солнце — оно живет миллиарды лет, у него собственная шкала времени.

Квамодиан что-то проворчал и принялся ждать, наблюдая за роботами-охранниками, которые убирали тело мертвого доктора Скотта и его ржавый корабль.

Проповедь Скотта о единении имела, как это ни странно, долю смысла. Вспомнив детство, Квамодиан мог легко убедиться в этом. Появление на Земле фузоритов положило конец соперничеству и конкуренции, открыв эру единения. И всю жизнь Квамодиан метался между этими полюсами.

Только сейчас ему пришло в голову, что Скотт, вероятно, был прав. Собственный и только собственный интерес двигал первобытными охотниками, но даже самые примитивные из

них умели охотиться сообща. Конкуренция стала смертельной болезнью более высоких ступеней цивилизации. Даже железная дисциплина Плана Человека не смогла излечить эту болезнь. Не помогли и взрывающиеся кольца на шеях чересчур свободолюбивых личностей. Когда появились фузориты, большинство людей приветствовало их появление.

Но Квамодиан не последовал за родителями и к симбиотическому союзу решил не присоединяться. Выросший в бурные годы переходной эпохи, он полюбил оба жизненных пути, но стремился сохранить личную свободу, даже ценой риска. Однако с не меньшей силой его привлекали безопасность и покой, которые могли дать только фузориты.

Обуреваемый сильными, противоречивыми чувствами, он наблюдал конец старой цивилизации. Иногда он с печалью констатировал, что почти все ее составляющие — религия, философия, политика или бизнес, социальные установки и личные привычки — оказались ненужными и даже глупыми. Но особенно было приятно видеть, как человечество избавляется от войн, жадности, человеческой жестокости. И однажды Квамодиан понял, что любит как старое, так и

новое, а потому не может отказаться ни от того, ни от другого.

Когда его родители вошли в симбиот-союз Лебедя, ему пришлось выбирать. Сначала он встал на путь соревновательности. Добившись высоких оценок в учебе, он выиграл стипендию «Космического скаута». Она стала его пропуском с многолюдной Земли в более напряженную и сложную жизнь трансгалактической цивилизации. Это случилось двадцать земных лет назад. Соревновательность не принесла ему ни удовлетворения, ни победы, и Квамодиан решил, что ошибся. В соперничестве с роботами, многочленными существами и симбиотами он провалился на выпускном экзамене. А потом, оказавшись в роли подопытного кролика на станции Эксион, он проиграл Клифу Ястребу.

Лишь теперь, сотрудничая с Товариществом Звезды, он обрел свое, пусть не слишком заметное, но вполне приемлемое место в обществе. Товарищество было полезным социальным институтом, при этом не требовало абсолютной самоотдачи, как полный симбиоз. Такая форма единения его вполне устраивала… Если бы только Молли не изменила решения!

— Внимание, сэр! — Тягучий голос флаера

вырвал Квамодиана из унылого самокопания. — Купол вызывает вас к рампе!

— О, извини. — Он встряхнулся, отдал необходимые команды, и флаер нырнул в поток очереди. Какой-то галактический гражданин жуткого вида — на ножках-стеблях и бахромой мозговой ткани, которая губкой опоясывала «талию» — приостановился, давая им возможность встать в очередь на рампе.

— Контроль вызывает Андрэ Квамодиана, — сигналил вспышками купол. — Многосоставный гражданин Альмалик имеет гарантированное право отдавать разрешения на внеочередную траспортацию через любой интергалактический транзит. Альмалик удовлетворил вашу просьбу. Можете войти в куб трансфлекса.

Квамодиан ворчливо поблагодарил, и флаер понес его к кубу. Пережив немало перебросок, он так и не научился получать от этого способа перемещения хоть какое-нибудь удовольствие. Эффект переброски по разному действовал на разных людей. У большинства он вызывал неприятные ощущения и даже приводил в ужас. Такие люди старались облегчить транзит с помощью гипноза или транквилизаторов. Квамодиан просто терпел и все.

Не долетев до куба, флаер остановился.

— Сэр, охрана вызывает. Последний анализ вероятности вашей преждевременной смерти — 0,93. Снова советуют вернуться домой.

— Поблагодари охрану, — сказал Квамодиан. — Скажи, что я лечу на Землю, к Молли Залдивар!

— По крайней мере, до конца транзита вы в безопасности, — жизнерадостно утешил его флаер. — Из миллиарда пассажиров только шесть не прибывают на конечную станцию. Причем трое из шести — простые жертвы проворота. Левая сторона у них меняется с правой. Двое из трех умирают от смещения тканей тела или от продолжительных психозов. Лишь один пассажир из миллиарда исчезает по непонятной причине. Но даже эта потеря статически восполняется. Один пассажир из миллиарда редуплицируется из-за аномалий субпространственной рефракции. Таким образом, потери в транзитной сети — ноль!

— Заткнись! — рявкнул Квамодиан. — Статистику я знаю, я монитор. У меня было задание выяснить, что происходит с исчезнувшим пассажиром. Проблемы я так и не решил и возвращаться к ней не намерен.

Флаер погрузился в обиженное молчание и поплыл к кубу станции. Квамодиан смотрел, как за

спиной смыкается похожая на зрачок диафрагма, отрезая флаер от Цепочки галактических граждан, ждущих своей очереди.

Флаер начало раскачивать. Выброшенный из обычного пространства-времени Квамодиан испытал то же самое, что и всегда — страх одиночества, тошноту, паралич мыслей.

Голубые стены куба исчезли в темно-сером тумане. Из ниоткуда донесся глухой рев, он становился все громче, пока не заложило уши. Тело окатило холодной волной, словно в каждую клетку проник мороз, царивший в пространствах между галактиками. Квамодиана и флаер проворачивало сквозь точно рассчитанные складки гиперпространства.

Квамодиан страдал, но терпел, покрывшись испариной. Трансфлексный перелет как-то влиял на его уникальное чувство ориентации. Ученые пытались докопаться до причины, но не смогли объяснить этого эффекта.

— Вот мы и прибыли, сэр! — пропел флаер. — Не так уж плохо…

Жизнерадостная фраза оборвалась на полуслове. Флаер закачало, завертело, потом он вошел в пике. Квамодиан увидел отблески кроваво-красного огня. Он прижал мокрое от испарины

лицо к коленям и ждал, пока его способность ориентироваться не придет в норму. Но, видимо, что-то случилось. Несколько секунд спустя головокружительное пикирование перешло в горизонтальный полет.

— Неполадки, сэр, — прожужжал флаер. — Отказали все приборы навигации и связи. — Он пощелкал и добавил уныло: — Если кому-то очень не хотелось пустить вас на Землю, он выиграл первое очко.

5

Квамодиан поднял голову, увидел местное светило. Незнакомая звезда, огненно-кровавая, огромная, но слишком тусклая, чтобы ослепить, плыла низко над горизонтом в совершенно черном небе. Темные пятна, полосы и завитки покрывали ее полусферы, образуя узор, очень похожий на изображение человеческого мозга. Обе полярные короны выбрасывали толстые щупальца красной плазмы, которая завивалась в кольца. Выбросы были даже ярче испещренной пятнами звезды.

— Разумная звезда! — прошептал Квамодиан. — Уверен! Когда нейроплазменная активность начинает мешать нормальному излучению энергии, у поверхности появляется такой пятнистый вид.

— Не имею данных, — ответил флаер. — Я проверяю звездные каталоги, но по местному небу не мог определить звезду. Возможная причина: звезда не занесена в каталоги звездных скоплений.

Усилием воли Квамодиан оторвался от лика светила, которое притягивало его взгляд, словно силой гипноза. Он тяжело вздохнул и решил

взглянуть, где они находятся.

— Это… не Земля, — испуганно сказал он. — Похоже, миллиардный шанс выпал на нашу долю.

Флаер висел над бесконечным плоским берегом. К северу, если это был север, простиралась морская гладь, кровавая в лучах местного кошмарного светила. К югу, почти на высоте полета флаера, поднимались черные скалы.

Стена казалась совершенно отвесной и цельной и слегка изгибалась в сторону моря. Возможно, это был гребень древнего кратера, тысячемильная чаша для вечно спокойного моря. Оно казалось таким мертвым, что Квамодиан засомневался, есть ли здесь приливы и не они ли так выутюжили берег?

По всему сумеречному горизонту плясали и корчились кровавые сполохи, играя малиновыми отражениями в зеркале моря. Плазменные щупальца звезды протянулись по всему небу, словно звезда держала небо и море в кулаке из плазменных пальцев. Зрелище неприятно поразило Квамодиана.

— Опустись ниже, — приказал он. — Я что-то вижу на берегу.

На широкой черной ленте берега выделялись более светлые пятнышки. По мере того как сни-

жался флаер, они обретали форму. Теперь стал виден серый, разрушенный временем металл, выцветшая краска и белесые кости. Кладбище и сломанные машины покрывали трехмильную полосу берега.

— Кажется, мы выяснили, что происходит с исчезающими пассажирами, — сказал Квамодиан. — Вызывай охрану.

— Сэр, я постоянно вызываю! — В тоне флаера слышалась обида. — По всем трансгалактическим каналам на полной аварийной мощности. Ответа почему-то не получаю.

— Продолжай вызывать. Кстати, как там наш… э-э… энергозапас?

— Наш аварийный запас наполовину истощен, сэр, — доложил флаер. — Прикажете приземлиться, для экономии?

— Погоди пока. — Он напряженно всматривался в берег — свет солнца был холодным и неярким. — Вот там! У подножия утеса, немного правее… Странные башни. Опустись к ним как можно ближе.

Внимание Квамодиана привлекли четыре непонятные башни. Выстроившись по углам квадрата, они были не очень аккуратно сложены из кусков черного камня, скрепленных глиной.

Верхние половинки башен состояли из металлических обломков — в ход пошли остатки машин на берегу. Куски металла были кое-где сварены между собой.

Когда флаер опустился, Квамодиан обнаружил паутину кабелей, которая протянулась от башни к башне. Туго натянутая проволока очерчивала скелет большого куба. Внутри, на тугих проволоках, был подвешен куб поменьше. В дополнение ко всему подвески очерчивали шесть сужающихся к концу шестигранников.

— Тессеракт! — От удивления он понизил голос. — Необходимейший контур трансфлексного куба. Что же это значит?

— Информация отсутствует. Данные наблюдений, которые я успел получить на этой планете, ни о чем мне не говорят. — Флаер тихо гудел три секунды и печально добавил: — Прошу прощения, сэр. К такому я не готов.

— Не унывай, — сказал Квамодиан. — Нужно добраться до Земли во что бы то ни стало! — Он посмотрел на угрюмое светило, поежился. — Как атмосфера? Дышать можно?

— 30,79 % кислорода, — сказал флаер. — Остальное — благородные газы: гелий, неон, аргон. Температура и давление — близки к нижнему

пределу переносимости. Вам здесь не понравится, но жить можно.

— Спасибо, — сказал Квамодиан. — Открой… нет, погоди!

К ним приближалась короткая странного вида процессия. Она вышла из пещеры у подножия утеса, которую Квамодиан до этого не замечал. Полдесятка потерпевших аварию галактических граждан: три сильно пострадавших робота, два многонога в желтой скорлупе с недостающими ногами. Впереди шел человек, размахивая палкой с белой тряпкой на конце.

Вблизи стало видно, что это женщина в выцветшей одежде, которая раньше принадлежала человеку более крупных размеров, а может, и не человеку вообще. Густые черные волосы были неумело подрезаны каким-то тупым лезвием, а лицо было испачкано обыкновенной грязью.

Квамодиан выскочил из флаера, пробежал несколько шагов навстречу и остановился как вкопанный. Несмотря на изрядно поношенный костюм и непривлекательный грим, это была очень красивая женщина. Но не только.

Привлекательность ее была до боли знакомой. Переведя дыхание, Квамодиан сказал на языке старой Земли, по-английски:

— Здравствуйте…

— Стой! — перебила она на универсальном языке. — Стойте на месте! Назовитесь!

Говорила она холодно, повелительным тоном, но богатый тембр кого-то напоминал Квамодиану… Молли Залдивар! Эта женщина была так похожа на Молли, что по спине Квамодиана пробежал холодок. Соскрести грязь, одеть ее в нормальную одежду, хорошенько покормить пару дней — и она будет копией Молли Залдивар!

— Я жду. — Двойник Молли строго повысила голос, приводящий Квамодиана в транс, голос Молли Залдивар. — Предъявите голосовую матрицу-идентификатор.

Квамодиан только и смог, что выдавить какой-то нечленораздельный звук.

— Погромче! Здесь приказы отдаю я!

Она взмахнула рукой, и роботы окружили его.

Слегка запинаясь, он проговорил стандартную формулу.

— Благодарю, монитор Квамодиан, — она сухо кивнула. — Я тоже принадлежу к Товариществу Звезды. Старший монитор Клотильда Квай-Квич. — Она сделала ударение на слове «старший». — Какое было число, когда вы вылетели?

Он сообщил ей дату по универсальному календарю.

— Спасибо, монитор. — Подсчитывая в уме, она мило нахмурилась — совсем как Молли Залдивар. — Я здесь уже пять лет… Это уж слишком! — Она кивнула на пятнистый диск солнца.

— Здесь трудно следить за временем, что год, что день — одно и то же. Солнце стоит в небе неподвижно. Даже местного года нельзя отсчитать — не видно звезд, по которым мы могли бы ориентироваться.

Квамодиан зажмурился. Если не обращать внимание на начальственный тон, это был точно голос Молли.

— Проснитесь, монитор! — фыркнула Клотильда Квай-Квич. — Как вы сюда попали?

— Через трансфлексный транзит с Эксиона-4 на Землю, — сказал Квамодиан. — С помощью Лебедя я добился права на внеочередной транзит. Я спешил по вызову одной девушки, Молли Залдивар.

Произнося это имя, он следил за лицом Клотильды, но на перепачканном лице абсолютно ничего не переменилось. И все же он не удержался от вопроса:

— У вас, случайно, не было сестры-близнеца по

имени Молли?

— Конечно, нет. Не тратьте время на пустые разговоры. У нас много проблем, монитор! Мы должны направить все усилия на их разрешение. Как ваш старший товарищ, предлагаю и требую сотрудничества. Теперь мои подчиненные могут представиться.

Роботы в унисон процитировали опознавательную матрицу, из которой следовало, что все трое были инспекторами безопасности движения. Все трое, как это ни странно, назвали один номер. Желтопанцирные многоноги говорили по очереди, но оба оказались помощниками инспекторов безопасности движения и опознавательные шифры у них были идентичны.

— Они попали сюда на год позже меня, — объяснила Клотильда. — Мне было дано задание выяснить, что происходит с незначительным числом пассажиров, которые исчезли во время трансфлексной транспортировки. Инспекторам было поручено выяснить, что случилось со мной. В куб станции штаб-квартиры они входили вместе — инспектор и его помощник. Мой маршрут был на Эксион-4, у них — такой же.

Глядя на трех потрепанных роботов и двух покалеченных многоногов, Квамодиан ощутил на

затылке холодное дуновение.

— Теперь вы понимаете, что произошло. Во время транзита инспектор был дуплицирован, робот-помощник — триплицирован. Но что хуже всего, произошел обмен разумов. У роботов теперь память и сознание инспектора, а у раздвоившегося инспектора — программы и память робота-ассистента. И в конечном итоге, они оказались здесь.

Голос Клотильды вдруг потерял уверенность, она запнулась. Под маской начальственной уверенности Квамодиан заметил тень откровенного страха. Впрочем, она тут же взяла себя в руки и сказала прежним, довольно визгливым голосом:

— Вот с какой проблемой мы здесь столкнулись, монитор Квамодиан.

— А вы? — он не смог удержаться от вопроса, который возник сам собой. — Вы не заметили в себе никаких перемен?

Она вспыхнула и отвернулась. В волосах зажглись знакомые золотистые искорки. Потом, высоко подняв подбородок, она снова посмотрела на него — это гневное движение тут же пробудило самые болезненные из воспоминаний Квамодиана.

— Я возмущена, монитор, и отказываюсь от-

вечать на личные вопросы. Если вам нужна объективная информация, то могу сообщить: мною отмечены незначительные отклонения физического характера, которые я предпочитаю не обсуждать. Лучше займемся проблемой нашего спасения.

— Согласен. Вы можете объяснить, как мы здесь очутились?

— Я и мои помощники собирали данные и разрабатывали гипотезы. Конечно, обоснованное заключение будет возможно, когда мы вернемся в штаб-квартиру, если мы туда вернемся.

Она сердито повела плечами, которые спрятались в складках мешковатого инопланетного костюма. Казалось, она старается избавиться от гложащего сердце страха.

— Мы подозреваем следующее. — Она кивнула на местное пятнистое светило. — Это — блуждающая звезда. Она постоянно вмешивается в транзит трансфлексных линий. Датированные документы среди останков на берегу показывают, что первые жертвы прибыли сюда много столетий тому назад. В последнее время частота исчезновений увеличилась, как раз с момента, когда доктор Соломон Скотт открыл станцию по исследованию блуждающих звезд.

— Значит, блуждающие звезды за нами следят! — Квамодиан вздрогнул. Вдоль черного берега, прямо в багровое солнце, дул довольно сильный ветер.

— Соло Скотт побывал здесь?

— Нет. Мы осмотрели останки, составили перечень. Опознаны все, кроме нескольких самых ранних потерпевших. Людей здесь мало. И ни один из них не мог быть доктором Скоттом. — Она испытающе посмотрела ему в глаза, совсем как Молли. — Почему вы спросили?

Он протянул ей ленту послания Молли, рассказал о встрече с доктором Скоттом. Многоноги вдруг что-то зачирикали на родном языке, роботы запищали в ответ. Клотильда прислушалась.

— Она видела непонятный космолет, — перевела она. — Примерно пять-шесть раз. Он быстро и низко пролетал над морем недалеко от берега, словно шпионя. Его внешний вид соответствует вашему описанию поврежденного корабля доктора Скотта.

— И что вы об этом думаете?

Она выждала, пока роботы проскрипят вопрос, а многоноги им ответят.

— Инспекторы предполагают, что это та самая звезда, которая похитила Скотта, а потом пере-

правила обратно на Эксион-4, превратив его в нерассуждающий инструмент.

— Это объясняет, почему он так изменился, — кивнул Квамодиан. — Но зачем ему нужно было убивать меня?

Роботы запищали, им вторили стрекочущие многоноги.

— Очевидно, блуждающая звезда заинтересована в экспериментах, которые на Земле проводит Клиф Ястреб. Звезда хочет вас остановить, не дать вмешаться.

— Молли звала меня, — упрямо пробормотал Квамодиан. — Я не намерен отступать.

— Для этого нужно быть семи пядей во лбу. — В усталых глазах Клотильды замерцала едкая усмешка. — Здесь мы совершенно отрезаны от остальной Вселенной. Если это блуждающая звезда Ястреба, то мы где-то в межгалактическом пространстве. В нашем перечне почти тысяча граждан, переброшенных сюда. И ни одному не удалось вернуться домой.

6

Квамодиан нахмурился, посмотрел на Клотильду, потом кивнул в сторону башен с проволочной паутиной между ними.

— Кто-то пытался вернуться, собрать трансфлексный передатчик…

— И дальше не продвинулся, — презрительно пожала она плечами. — Когда я сюда попала, башни уже стояли. В нашем перечне нет даже имен инженеров, которые их построили.

— Когда-то я изучал транзитную инженерию. — Квамодиан не добавил, что выпускных экзаменов не выдержал. — Этот тессеракт похож на копию рабочей модели. — Внезапно к нему пришла мысль, от которой перехватило дыхание. — Возможно… мне удастся закончить его!

— Все уже готово к испытаниям.

— В чем же дело?

— Мы не можем испытать передатчик, пока не определим, где находимся. — Она прислушалась к писку роботов. — Инспектор считает, что эта звезда — та самая блуждающая, которую нашел Ястреб. Если это верно, мы можем довольно точно определить расстояние до терминала на Эксион-

4. Но расстояние — это еще не все, нужно задать направление, а у нас нет ориентиров.

— Я обладаю… — Квамодиан прикусил язык. — Раньше у меня было особое свойство, я умел определять направление. Правда, трансфлексный переход создает помехи. Как правило, по прибытии на станцию назначения все приходит в норму. Но на этот раз… — Он печально покачал головой. — На этот раз мое чувство ориентации так и не пришло в норму.

Повисла тишина. Потом загундосили роботы, запищали многоноги. Девушка побледнела.

— Монитор, инспектор вспомнил один рапорт, связанный с экспериментами по вашему феномену. Часть экспериментаторов убедилась, что вы обладаете даром воспринимать завихрения гиперпространства, другая часть считала вас обманщиком. Сейчас самое время испробовать ваш дар, если вы в самом деле им обладаете.

— Я попробую, — пробормотал Квамодиан. — Но я все равно ничего не чувствую.

Он попробовал наугад. От напряжения его затошнило, закружилась голова, он покрылся холодным потом. Берег накренился, черные вершины скал повисли над самой головой. Кровавое солнце закружилось волчком.

— Бесполезно, — выдохнул он без сил. — Я даже не знаю, что нужно делать. Как правило, я просто чувствовал направление и все. Или я его чувствую или нет.

Роботы, поскрипывая, подобрались ближе.

— Попробуйте еще раз! — отрезала Клотильда. — Или вам больше нравится здесь?

— О Альмалик! — В нем проснулся гнев. — Вы что думаете, я не хочу добраться до Земли, спасти Молли…

С ним что-то произошло, когда он произнес эти слова. Берег обрел устойчивость, багровое Солнце заняло положенное место, головокружение прошло. Он совершенно точно знал, где находится.

— Вот где Эксион. — Он показал на небо. — Вправо от Солнца. Нужно продолжить линию экватора на полдиаметра. Галактика — пониже, над морем.

— Монитор, вы уверены?

После этих слов уверенность Квамодиана несколько поблекла.

— По-моему… — жалкая пауза, — по-моему, я не ошибся.

Клотильда Квай-Квич и роботы отошли к подножию башни посоветоваться без посторонних. Два многонога остались на страже возле Ква-

модиана, словно боясь, что он бросится наутек. Роботы пищали, Клотильда что-то шептала им, и наконец все они вернулись к Квамодиану.

— Мы обсудили ситуацию, монитор. Мы не уверены, что ваша способность угадывать направление позволит нам правильно настроить приборы станции. Если терминал работает, блуждающая звезда может помешать покинуть планету. Инспектор предлагает провести испытание станции. Вы согласны?

— Конечно. — До сих пор ему не приходило в голову, что звезда может вмешаться. — А какова вероятность… — Он посмотрел на протуберанцы и не договорил.

— Мои помощники не рискуют делать прогноз. — Она нахмурилась совсем как Молли. — Эту звезду нельзя отнести к определенному типу мыслящих звезд. Ее возможности неограничены, мотивы поступков нам непонятны. Она практически ничего на знает о других существах, особенно о людях. Поэтому ее поступки могут быть как гуманными по отношению к нам, так и ужасными. Или просто безумными. — Она пожала плечами. — Кто знает, чего нам ждать?

Квамодиан помог настроить приборы терминала, которые помещались в корпусе грузовой

космобаржи в песке под башнями. Клотильда без лишних церемоний пожала ему на прощание руку. Он вернулся к флаеру и начал ждать сигнала.

Клотильда махнула рукой. Флаер проплыл мимо башен, входя в пространство, ограниченное блестящими проводами. Он бросил последний взгляд на зловещее светило, но оно уже погасло, растворилось. Он снова потерял всякое представление о том, где находится.

Вокруг ревела крутящаяся серая мгла, космический холод снова высасывал из него энергию жизни. Флаер крутило и бросало, и он уже начал опасаться, что безумная звезда подготовила им еще худшую ловушку…

Неожиданно все стихло.

— Приготовьтесь к выходу, — пропел флаер на ухо Квамодиану.

Условные стены проволочного тессеракта сменились настоящими, серо-зелеными, с большими черными буквами. Буквы гласили: «Земля, станция Волчий Ручей». Впереди раскрывалась диафрагма выхода.

Он испытал чувство, похожее на удар по голове. Исчез черный берег, кроваво-красное море, звезда со змеями протуберанцев. Не было больше жгучего гелиево-кислородного ветра, хлеставшего по

длинной очереди погруженных в собственные заботы галактических граждан. В неправдоподобной тишине Земли Эксион-4 и мир угрюмой блуждающей звезды казались кошмарными близнецами, о которых даже вспоминать было страшно.

Флаер выплыл из куба трансфлексной станции, и Квамодиан, радостно подавшись вперед, впервые за много лет взглянул на широкие просторы Земли, купавшиеся в теплом свете единственного Солнца.

Двадцать минут спустя от облегчения и умиления почти ничего не осталось. Он процедил, полный ярости:

— Что ты хочешь сказать — я не могу вызвать Молли? Я проделал такой путь от самого Эксиона — и не могу послать ей сообщение?

— Это невозможно, господин Квамодиан. Блок связи не функционирует.

— Чепуха! Попробуй вызвать местное отделение Товарищества Звезды.

— Тоже не отвечает, господин Квамодиан. Это местный обычай. Как меня информировали, в четырнадцать часов по местному времени все линии связи будут открыты, но до этого момента…

— Я не могу ждать из-за этих дурацких местных

обычаев! — крикнул Квамодиан. — Я потратил столько сил и не намерен бить баклуши, пока эти местные бездельники… Я отправлюсь туда сам!

— Конечно, господин Квамодиан! — Флаер начал снижаться к открытому участку перед кубом станции. — Но вам придется идти пешком. В этот час флаерам не разрешается удаляться от станции больше чем на сто метров.

— Великий Альмалик! Ну ладно. — Он поспешно выбрался из кресла и протиснулся в дверцу. — Куда мне идти?

— Вдоль по улице. Золотое здание с эмблемой Товарищества, — сказал над ухом голос флаера, включившего наружные динамики.

Он посмотрел в указанном направлении. Флаер тихо поднялся и отплыл к станции, к высокой черной башне терминала. Квамодиан остался один на планете, где когда-то родился.

Как он вскоре понял, он был даже более одинок, чем ожидал. Некоторые области Земли были все еще заселены, хотя и не так, как шумные метрополисы центральных миров или даже относительно провинциальные планеты, где он учился или работал.

Но он никак не ожидал, что Земля, пусть даже часть ее, окажется совершенно *безлюдной*.

Поблизости не было видно ни души. Он посмотрел назад на черную башню станции — маленький флаер ждал его у подножья. Он посмотрел вперед, вдоль бульвара из искусственного камня: школа, больница, несколько центров снабжения — и ни одного жителя. Он заметил парк со скамьями и игровыми площадками — они пустовали. Он увидел припаркованные на стоянках машины, по виду — брошенные, библиотеку без читателей, фонтан, игрой которого некому было любоваться.

— Просто смешно, — проворчал он и зашагал к золотому зданию, сверкавшему на солнце.

Солнце Земли, хоть и единственное, оказалось жарким, сила притяжения была больше той, к которой Квамодиан привык за эти годы. Это была утомительная прогулка, хотя было в ней и что-то приятное: запах пыльного тротуара, свежей молодой листвы над тротуаром. Но Квамодиан спешил на Землю не для того, чтобы наслаждаться покоем.

Он прибавил шагу, торопясь к флагштоку, на котором вился штандарт Товарищества Звезды — на черном космическом фоне тринадцатицветная звезда Альмалик в эллипсах сложных орбит ее компонентов.

Но дверь навстречу ему не открылась. Квамодиан вовремя остановился, чуть не ударившись о панель.

— Черт побери, что здесь происходит? — воскликнул он, больше удивленный, чем рассерженный. — Я Андрэ Квамодиан, монитор Товарищества Звезды. Сейчас же впустите меня!

Кристаллическая панель не шелохнулась.

— Доброе утро, гражданин Квамодиан, — сказал голос робота. — Пост Товарищества Звезды «Мудрый Ручей» сегодня закрыт, в соответствии с местным религиозным обычаем. Как обычно, он откроется в понедельник.

— Я сообщу куда следует! — воскликнул Квамодиан. — Запомните! Я вызову региональное управление, я…

— Общественный прибор связи прямо, слева от вас, гражданин Квамодиан, — вежливо сказал робот. — Для аварийного пользования он работает даже в День Звезды.

— Аварийного! Будь я проклят, если это не самая настоящая авария!

Квамодиан не собирался спорить с роботом. Он прошествовал вдоль крыла, облицованного золотисто-желтой керамической плиткой, к кабинке связи, сердито набрал номер регионального от-

деления и… обнаружил, что ему опять предстоит разговаривать с роботом.

— Товарищество Звезды, отделение третьего округа, — деловито сообщил голос.

— О, проклятье… гм, не обращайте внимания. Я монитор, нахожусь в Мудром Ручье по делу о чрезвычайном происшествии. Я прибыл по вызову и обнаружил местное отделение закрытым. Это же бардак! Требую немедленно открыть отделение и…

— Монитор Квамодиан, — укоризненно сказал робот, — это невозможно. Местные отделения никогда не работают в дни Звезды. Работники отделения принимают участие в религиозных обрядах, отдыхают. Даже региональные отделения восьми кругов по этим дням обслуживаются машинами…

— Монитор, мои датчики не регистрируют чрезвычайных происшествий в Мудром Ручье.

— Но я же поэтому и прилетел! Я не знаю, что произошло, но требую немедленной помощи…

— Отделение в Мудром Ручье откроется ровно в полночь по местному времени, — вежливо сообщил робот. — Тогда вы сможете получить помощь.

— Это слишком…

Что-то щелкнуло, зажужжало, потом тихо загудело.

Гневно бормоча под нос, Квамодиан попробовал набрать номер Молли, но флаер был прав — никто не отвечал, связь не работала.

Пыхтя от раздражения и усталости, Квамодиан присел на ступеньку крыльца Товарищества, хмуро созерцая пустую улицу. Сколько миллионов световых лет преодолел он за этот день — для того, чтобы оказаться в сонном захолустье?! Подумать только, какие титанические силы были вызваны к жизни, чтобы перебросить его через бездну космоса для спасения Молли от страшной опасности, если верить ее сообщению!

Он провел языком по пересохшим губам, вытер со лба пот. Да, он был героем, он готов был спасти любимую девушку, город и даже целый мир. Но никто не желал спасаться.

7

Молли Залдивар, которая находилась в двадцати милях на юго-запад от Мудрого Ручья, в самом деле нужна была помощь.

Ее старенький голубой электромобиль натужно жужжал, взбираясь по крутой горной дороге на высоте трех тысяч футов над уровнем моря. Внизу виднелась сухая плоская долина, городишко Мудрый Ручей, домики которого сгрудились у шпилей трансфлексной станции и церкви. Даже дороги не было. Шоссе ныряло вниз, огибая гору, уходило в следующую долину. Дальше Молли надо было идти пешком.

Этого она не могла.

Она услышала характерный шорох и поняла, что выше по склону находится существо, которое Клиф назвал слитом. Сейчас она его не видела, но прекрасно представляла: крупнее лошади, черное, как космос, с блестящей шкурой, похожей на ее собственные шелковистые волосы. Она понимала, что близка сейчас к смерти, как никогда.

Она на цыпочках вернулась к машине, не спуская глаз со скалы над головой. Шорох то приближался, то удалялся — возможно, слит еще

не почуял ее. Но это могло произойти в любой момент.

Молли села в кабину и аккуратно прикрыла дверцу, стараясь не щелкнуть замком. Дышала она часто и тяжело из-за нервного напряжения и разряженного горного воздуха. Она подняла коммуникатор и прошептала:

— Клиф? Ответь, Клиф, пожалуйста!

Но услышала она лишь шуршание слита и далекий свист ветра на вершине.

Закусив губу, Молли обернулась. Мотор она не осмелилась бы включить, он работал негромко, но слит был слишком близко. Удивительно, что он не услышал машину еще на шоссе. Позади дорога круто шла вниз. Если она снимет машину с тормоза, старенький электромобильчик покатит вниз, а скрипеть начнет, только когда уже наберет скорость. Клиф говорил, что слит больше чем на двести метров от пещеры не отходит. Машина выкатилась бы за опасную зону меньше чем за минуту…

И что потом? Клиф не отвечает, а она *должна* увидеть его, должна остановить зверя и жестокого бесцеремонного человека, владельца слита. Ближе, чем сейчас, ей никогда не подобраться, а где окажется слит в следующий раз, никто не

знает.

— Клиф, ответь, прошу тебя, — прошептала она в коммуникатор. — Это Молли. Я должна с тобой поговорить…

По склону запрыгали, застучали камешки, поднялось облако пыли. Молли, охваченная внезапным ужасом, посмотрела вверх.

Это был слит. Глаза величиной с человеческую голову горели зеленым фосфорическим огнем. Взгляд зверя был направлен в сторону долины. Он был грациозен, как кошка, но сейчас, влекомый трансфлексным полем, неуклюже поплыл вниз, цепляясь за каменное крошево мощными когтями, которыми обычно терзал свою добычу.

Кажется, слит пока не заметил ее.

Молли притаилась, вслушиваясь в шуршащие звуки, которые издавал слит. Могучие мышцы перекатывались под шкурой, словно ртуть. Шкура состояла из мелких чешуек. Взгляд животного медленно скользил вдоль горизонта. Немного спустя слит величественно удалился в свои владения, и Молли осмелилась вздохнуть. «О Клиф!» — прошептала она.

Но любой страх постепенно проходит, таково свойство человеческой психики. Молли почувствовала вдруг, что сидит, согнувшись,

уже довольно долго. Она осторожно вытянула ноги, выпрямилась, устроилась поудобнее на видавшем виды пластиковом сиденье электромобильчика.

Если бы только Клиф услышал вызов!

Если бы только слит убрался на другую сторону горы, и она за секунды отчаянного спринта успела бы достичь пещеры и ее обитателей.

Если бы только… (она понимала, что это уже из области невозможного) бедняга Энди Квам ответил на ее мольбу о помощи и возник вдруг из башни трансфлекса, вооруженный всем необходимым, чтобы остановить страшную затею Клифа…

Невозможно. Клиф не услышит, слит не уйдет, а Энди…

Она не сдержала улыбки. Старина Энди, всегда такой трезвый, серьезный, любящий, толстенький, быстро вспыхивающий и быстро остывающий и всегда добродушный… Из всех спасителей для обычной девушки это был наименее желаемый вариант.

Шорох стал громче, и она вновь со страхом подняла глаза. Нет, слит не показался.

Сейчас она с благодарностью встретила бы даже рифника, мрачного гиганта с рыжей бородой,

соучастника Клифа по безумной затее. Она боялась рифника, он напоминал о чудовищной эпохе насилия, когда вандалы грабили мирные города, мау-мау резали спящих детей. Рифник всегда держался учтиво, но в нем чувствовалась угроза. То, чем занимался Клиф, было плохо само по себе, а еще этот рифник… Клиф задумал создать разумную жизнь на атомном уровне, вывести разумное существо из той же ткани, что и сердцевина мыслящих светил, и что ужаснее всего — он пытался дуплицировать в лаборатории так называемую блуждающую звезду, натравить ее на сородичей, развязать грандиозную битву энергетических вихрей и разрядов перерожденной материи.

Она усмехнулась, вспомнив Энди Квама. Вообразить его в роли спасителя было трудно.

Молли вдруг выпрямилась. Она вдруг поняла, что не слышит шороха. Только свист ветра.

Она немного подождала, потом собралась с духом и выскользнула из машины. В любую минуту она была готова прыгнуть обратно и обратиться в бегство, но слит не появлялся.

Очень тихо, очень осторожно она сделала шаг вверх по тропке, потом еще один. Щелкнул задетый камешек. Она замерла… сердце отчаянно колотилось, но вокруг царила тишина.

Еще шаг… и еще…

Она забралась уже на самый верх. Справа темнела пасть пещеры в оправе из какой-то кристаллической субстанции. Неподалеку в куче валялось лабораторное оборудование. И никого. Даже слита.

Молли засеменила к пещере.

И тут появился слит. Он взмыл над гребнем и устремился на Молли. Она увидела его фосфорические слепые глаза, он мчался на нее быстрее звука.

— Клиф! — закричала она и бросилась к пещере. Но добежать не успела.

Из пещеры вылетело облако черного дыма, образовав правильное вихревое кольцо. Земля под ногами Молли содрогнулась, ее бросило на острые камни. Мгновение спустя раздался оглушительный грохот, но Молли его уже не слышала. Взрыв, удар о камни, слит — все перемешалось и начало медленно гаснуть, — она потеряла сознание.

Молли медленно открыла глаза. У нее сильно кружилась голова. Она увидела осунувшееся, в ссадинах лицо Клифа. Он изумленно смотрел на нее. Она снова закрыла глаза и кто-то позвал ее, этот кто-то был полон гнева, он приказал ей

прийти и…

— Проснись! Молли, черт тебя подери!

— Я не сплю, дорогой. — Она открыла глаза. Это был в самом деле Клиф. — Нужно скорей уходить, он испуган, одинок…

— Кто? О чем ты?

Она схватилась за голову и почувствовала, как та болит.

— Почему… — Она смотрела на Клифа в замешательстве. — Я забыла.

Клиф нахмурился.

— Ты сильно ударилась. К тому же ты надоела — что ты здесь делаешь?

— Я хотела тебя остановить. — Голова у Молли кружилась. Она пыталась вспомнить что-то важное. Загадочный Некто во сне ей что-то сказал… если только это был сон.

— Так я и думал. Как будто у меня и без тебя забот мало!

Молли остановила попытки поймать мысль-беглянку.

— Мне очень больно. Был взрыв…

Лицо у Ястреба стало озабоченным. Молли рассказывала то, что он и без нее знал. Из ссадины на лбу у Ястреба сочилась струйка крови, расходясь на две поменьше у носа и исчезая в синеватой

щетине на щеках и подбородке. Он был похож на недоброго клоуна с испуганным лицом.

— Произошел… несчастный случай. Молли, возвращайся в Мудрый Ручей!

Она покачала головой и вдруг начала плакать.

Ястреб чертыхнулся, потом помог ей подняться и сделал это очень заботливо. Он отвел ее к пещере. Молли безудержно рыдала, но это не помешало ей заметить, что пещера превращена в настоящую лабораторию-мастерскую, полную блестящего металла, машин и инструментов. Над гудящим золотым шаром висела бледно-фиолетовая светящаяся корона. Шар был помят и закопчен, очевидно, взрыв произошел рядом. Она услышала завывание энерготрубы, басившей, как до-регистр паровой каллиопы, вытягивая энергию из воздуха. Она позволила усадить себя на шаткий лабораторный табурет, приняла салфетку, вытерла нос.

— Тебе все равно придется вернуться домой, — с грубоватой нежностью сказал Клиф. — Я занят.

— Тебе грозит опасность! — сообщила она. — Оставь блуждающие звезды в покое. Я вернусь в Ручей, если ты вернешься со мной.

— Не могу. Теперь уже поздно.

— Ты рискуешь жизнью… всей планетой…

— Молли, — он неловко тронул ее плечо. — Я не могу остановить эксперимент, даже если заплачу за это своей жизнью. Даже если взорвется весь мир. Ты говорила правду, когда сказала… что любишь меня? Тогда возвращайся домой. Оставь меня одного.

8

Отдуваясь, Энди Квам вылетел из-за угла и закричал:

— Эй, минуточку! Погодите!

Трое ребят весело шагали по пыльной дороге. Они остановились и с достаточно вежливым любопытством осмотрели Энди.

— Доброе утро, проповедник, — кивнул один. — Нужна помощь?

— Да. Я надеюсь, во всяком случае… Куда все подевались?

— День Звезды, проповедник. Большинство на празднике. Кроме нас.

— Молодой человек, я не проповедник, я…

Мальчик посмотрел на костюм Энди.

— Тогда почему на вас эта смешная одежда?

Квамодиан покраснел.

— Это униформа Товарищества Звезды. Я — монитор Квамодиан. Мне нужно найти…

— Ух ты! — с восхищением воскликнул мальчик. — Товарищество Звезды? Так вы летали по всем этим галактикам, честно? Видели инопланетян с зеленой кожей, с двумя головами…

— Очень неприлично шутить по поводу внеш-

ности других вселенских граждан, — сердито отрезал Энди. — Мы все равны в содружестве звезд.

— Ну конечно. Ух ты! А вы видели, как взрывается новая, проповедник? А вы дрались с аммиачными монстрами на газовом гиганте…

— Я занимался административной работой, в основном, статистикой. Приключения со мной не случались, если не считать вот этого.

— *Сейчас? Приключение*?

— Да, и не сказать, что приятное. Происходит что-то серьезное. Я ищу Молли Залдивар.

Второй мальчик, рыжеволосый и круглолицый, объяснил:

— Она ушла в горы, проповедник. Бьюсь об заклад, искать своих друзей.

— Заткнись, Руф! Они ей не друзья!

— Это ты мне, Роб? Если ты неравнодушен к Молли, ты еще…

— Я тебя предупредил, Руф!

— А что такого? Все знают, что ты в нее втюрился. А ей нравится парень, который живет… убери руки!

Энди поспешил расцепить драчунов.

— Мальчики! Погодите, объясните мне все толком, а потом деритесь. Где сейчас Молли?

Рыжеволосый отскочил в сторону, свирепо глядя на противника.

— Миль тридцать отсюда. Уверен, она там. Поехала к пещере, где живет этот парень, а с ним — рифник и зверюга. Когда-нибудь зверь его сожрет или он сам себя прикончит. Так мой папа говорит.

— Как туда добраться? — живо поинтересовался Энди.

— Да никак, проповедник! Сегодня же День Звезды. Разве что пойдете пешком.

— Это очень важно…

Квамодиан замолчал. По местному времени дело шло к вечеру. В полночь он все уладит.

— Кто такой рифник?

— Человек с космических рифов, понятное дело. С ним рифовая зверюга, они называют ее слит.

— Большущая, — вдруг заговорил третий мальчик. — Брат говорит, она глазами убивает. Только посмотрит — и крышка.

— Уже трех собак прикончила, — подтвердил Руф и добавил: — Я бы к ней ни за какие деньги не подошел. Папа мне запретил.

Энди задумчиво посмотрел на мальчика.

— Уверен, ты знаешь, как туда добраться.

— Знаю.

— И даже можешь показать дорогу?

— Папа запретил мне.

— Ясно. Слушайте, парни, у меня есть кое-какие редкие сувениры с планеты в пятой галактике. Как насчет этого, а? Расскажете мне о пещере в горах и как туда добраться.

Мальчики шумно потребовали покатать их на флаере. Стометровое ограничение пребывало в силе, но Энди усадил всех в кабину, велел флаеру подняться до потолка и повиснуть. Этого оказалось достаточно, судя по крикам и возгласам, когда они отталкивали друг друга от окон.

Вид с высоты представлял интерес и для Энди. Все-таки это — старушка Земля, колыбель человечества.

Вид с парящего флаера заставил его испытать смутное разочарование. Он ожидал увидеть громадные древние города, легендарные памятники истории человечества. Ничего подобного. Мудрый Ручей окружала голая краснокоричневая равнина. Сам поселок был до обидного невзрачным. Лишь церковь Звезды поражала своей пятиконечной формой — пять крыльев отходили от центрального купола. Крыши и колонны были ослепительно-белыми, купол — черным и прозрачным, со светящимися изображениями

тринадцати солнц-составляющих Альмалика, медленно плывущих по своим сложным орбитам.

— Вон мой дом, — воскликнул Руф. — А вон дорогу видите? Уходит в горы. Там мисс Залдивар.

Энди всмотрелся поверх мальчишечьих макушек. Поселок уютно расположился у изгиба речушки. Дальше к югу за плотиной лежало узкое озеро, которое пересекала эстакада, и по ней в горы уходила дорога.

— Тридцать миль, говоришь?

— Примерно двадцать пять.

— А какой из холмов ты имел в виду?

— Отсюда не видать. Нужно показывать, а сегодня нельзя, пока День Звезды не кончится.

Квамодиан бросил на него быстрый взгляд. В тоне мальчика он почувствовал плохо скрытый цинизм и равнодушие.

— А почему вы не в церкви? — запоздало поинтересовался он.

— Мы Звезде не молимся, — сказал мальчик спокойно. — Папа говорит, для нас и старая вера хороша.

— Но Альмалик не противоречит ни одной из религий. Это не мистическое учение. Вы должны и сами это знать! Это симбиотическая ассоциация

звезд, людей, роботов и фузоритов. Вот и все.

— Конечно, проповедник, — вежливо согласился мальчик. — Вы про какие-то сувениры упоминали.

Энди Квам хотел еще многое добавить, но остановился. Честно говоря, он впервые понял, что кто-то может сомневаться в принципах симбиоза. В пятой галактике, на далеких мирах, где большинство граждан были негуманоидами, в школе скаутов, даже среди исследователей на Эксионе-4, повсюду он сталкивался с собратьями по Товариществу или теми, кто сочувственно относился к идее симбиоза. Он начал воспринимать это как само собой разумеющуюся вещь.

Но он никогда бы не подумал, что на планете — колыбели человечества — до сих пор возможна оппозиция Звезде! Не мудрено, что Молли звала на помощь. Если эти мальчики — типичные местные жители, то землян мало интересует бесконечная Вселенная.

Пока ребята уплетали угощение, которое флаер извлек из кладовой, прозрачные зеленые пастилки, мягко пульсирующие во рту, Энди как бы между прочим спросил:

— Но ведь не все думают так же, как вы? Ведь Молли принадлежит к Церкви Звезды. И другие

тоже, иначе зачем здесь церковь?

— Да, у нас полно клейменых звездных овечек, — охотно пояснил разговорчивый Руф, выдавливая между зубами кусочек пастилки. — Так их прозвал мой папа. Но мисс Залдивар ходит в церковь не очень часто. Иногда ведет уроки в школе Звезды, только она там давно не появлялась.

— Школа и церковь построены давно, — сказал самый рослый из мальчиков. — Наверное, раньше верующих было больше. Кроме того… Великий Альмалик! Смотрите!

Мальчик явно знал о Церкви Звезды больше, чем сообщил ему отец, если именем Альмалика он выражал свои чувства. Это было первое, о чем подумал Энди. Во-вторых, как он тут же понял, значения это не имело: на лице мальчика был написан такой страх…

Квамодиан быстро обернулся, посмотрел в сторону, куда показывал мальчик. Мир долины был нарушен. Длиннейший шнур огня протянулся от садившегося Солнца и, извиваясь, как змея, яростно пробивался сквозь белые кучевые облака, плывшие в сторону гор.

— Проповедник! — вскричал испуганный Руф. — Что это?

Квамодиан и сам не знал. Это очень походило на плазменный эффектор нейротранзитного звездного существа. Но он был таким огромным, таким ослепительным!

Как атакующая с небес огненная змея, шнур собрался в спираль и три раза ударил по далеким холмам. А потом исчез, втянулся обратно в закатное Солнце.

Над неглубокой проплешиной, куда бил огненный змей, поднимался тонкий столб дыма, а вскоре до них докатился гром. Затем все стихло. Долина по-прежнему купалась в лучах заходящего солнца. День Звезды подходил к концу.

— Что это было? — спросил один из мальчиков, но Энди в ответ только покачал головой. Рот у него вдруг широко раскрылся, глаза чуть не выскочили из орбит.

— Холмы, — прохрипел он. — Ты сказал, что в этих холмах…

— Да, проповедник, — прошептал мальчик. — Там пещера, там сейчас должна быть мисс Залдивар.

9

Далекий таинственный голос что-то нашептывал Молли, но она не могла понять, что он говорит и кто это был. В голосе была жуткая боль, это был крик человека, охваченного мукой и гневом.

Клиф продолжал ей грозить и требовать, чтобы она ушла.

— Конечно, опасно! — вдруг воскликнула она. — А почему, по-твоему, я сюда пришла? Я хочу тебя остановить!

Клиф Ястреб вздохнул. Морщины на его лице стали глубже. Молодой, здоровый, неутомимый, за последние несколько недель он сильно состарился.

— Но ты даже не знаешь, чем я занимаюсь.

— Это легко поправить.

Он посмотрел в сторону. Потом повернулся к фиолетовому шару и долго молча его рассматривал. Потом сказал:

— Мы ищем иной разум. Разум вне транзитного контакта с другими разумами интергалактической цивилизации. Рифник и я — мы создали собственный прибор, очень чувствительный. Сначала мы вступили в контакт с ребенком, по-

терявшимся на одной из новых планет в девятой галактике. Но самые странные создания — это блуждающие звезды.

— Что это такое?

Клиф задумчиво потрогал корку запекшейся крови под носом.

— Одиночные мыслящие звезды, — сказал он. — Не принадлежат к цивилизованному сообществу. Большинство из тех, с которыми мы связались, расположены вне галактических скоплений, на огромных расстояниях. И почему-то… — он вздохнул, пожал плечами, — большинство приходит в ярость или боится контакта с нами. Но одна, за Эксионом… — Он замолчал.

Молли вздрогнула, попыталась припомнить что-то, но мысль ускользала от нее.

Клиф увлекся, он будто читал лекцию, устремив взгляд куда-то в бесконечность.

— Все думающие машины похожи одна на другую. Будь то мозг человека, скопление фузоритов, разумное солнце или электронный робот. У всех мыслящих существ есть средства ввода информации — от органов чувств и до декодирующих устройств или плазменных сенсоров. Есть устройства хранения информации — магнитные субстанции, нейроны или вращающиеся элек-

троны. Есть решающие устройства — синапсы, электронные или транзитные матрицы. И у всех должно быть устройство вывода — конечности, сервомашины, плазменные эффекторы.

Он задумался, прислушиваясь к гудению энергополей и далекому вскрикиванию энерготрубы.

— Дальше, милый. Как ты отличаешь блуждающую звезду от потерявшегося мальчика?

Клиф Ястреб ответил не сразу. Он явно пытался соотнести присутствие девушки с тем, что собирался рассказать.

— Наша Вселенная, в ее динамическом равновесии, бесконечна. И не только во времени-пространстве, но и структурно, по сложности. — Озабоченность, боль, усталость исчезли с его лица, словно мысль, поглотившая его, поглотила и их. — Взрывающиеся галактики, названные квазарами, были тому первым подтверждением. Они вызываются крайней концентрацией массы. Пространство сжималось в «карманы» вокруг сверхплотной сердцевины. Потом такой «карман» захлопывался, отделялся от нашего континуума.

Теперь он был полностью увлечен рассказом. Молли услышала далекие шорохи, вспомнила слита и поежилась. Неужели страшилище все

еще бродит вокруг? Но она побоялась прерывать Клифа.

— Взрыв, который мы наблюдаем — результат расширения оставшейся галактической оболочки, когда она освобождается от воздействия гравитации захлопнувшегося «кармана». Замкнувшийся участок сам становится отдельной четырехмерной вселенной, которая расширяется через непрерывное создание материи и пространства, пока собственные повзрослевшие галактики не начнут сжиматься, грозя создать новые вселенные.

В пещеру вползли красноватые сумерки, смешались с фиолетовым отсветом короны золотого шара. Темнота сгущалась, и внутри пещеры уже трудно было что-то разобрать. Молли забеспокоилась, подавила вздох.

— Блуждающие звезды — в нашем континууме. Или нам так кажется. Или, может быть…

— Или ты слишком много болтаешь, — раздался чей-то голос. Молли стремительно обернулась и увидела за спиной медведеподобного мужчину с грязной рыжей бородой. Он пристально смотрел на них, стоя у входа в пещеру. В красных лучах закатного солнца вид у него был зловещий. Но куда страшнее было существо, танцевавшее ря-

дом. Это был слит.

Клиф зажмурился, потом открыл глаза. Он вернулся к действительности. Какую-то секунду он смотрел на Молли, словно не узнавал ее. Кажется, он был просто поражен, обнаружив ее в пещере. Потом он позабыл о ней.

— Рифник, что скажешь? Сильные повреждения?

Рифник молча усмехнулся, рот у него был, словно щель между рыжими усами и неопрятной рыжей бородой.

— Весьма. Но мы еще на плаву. Что произошло?

— Я… — Он бросил взгляд на Молли. — Я проверял показания, потом услышал крик Молли…

— И забыл обо всем остальном. Понятно. Смазливое личико для тебя значит больше, чем работа.

Ястреб покачал головой.

— Я хотел уговорить ее вернуться в поселок.

— Не сомневаюсь. Поэтому и читал ей лекцию, как деткам в школе Звезды, а? — Он похлопал слита по чешуйчатому боку. — Мы это понимаем, верно?

Ястреб смотрел на рифника злобно и одновременно виновато. Потом повернулся к Молли.

— Извини, он прав. Тебе придется вернуться.

— Нет! Пока ты не скажешь, что вы здесь делаете, я…

— Послушай, девица, он тебе уже все сказал, — пророкотал рифник. — Больше тебе знать не нужно. На мой взгляд, ты уже знаешь больше, чем положено.

— Но я ничего не поняла, — настаивала Молли. — Как вы думаете войти в контакт с блуждающей звездой?

Великан-рифник затрясся от смеха.

— В контакт? Клиф тебе не все рассказал. Мы не ищем контакта, да будет тебе известно. Мы создаем собственную блуждающую звезду!

Потрясенную тишину, наступившую после слов рифника, нарушил голос Клифа.

— Это правда, Молли. Или очень близко к правде. Мы не можем прямым способом общаться с блуждающими. Мы пытались завязать контакт тысячи раз — это не в наших силах. Соло Скотт пытался добраться до одной из них — и не вернулся назад. Но мы можем… построить что-то вроде математической модели, аналога. Или маломасштабную имитацию, можно назвать и так. И через нее мы сможем с Земли связаться с ними, узнать то, что хотим узнать.

— Это же опасно! — воскликнула Молли. — Ведь блуждающие звезды предельно опасны, разве нет?

— Ты не права, малышка! — захохотал рифник. — Посмотри, разве в этой пещере есть хоть что-нибудь опасное?

Он разразился хохотом, в котором утонул даже шум работающего оборудования.

— Чтобы дуплицировать блуждающую звезду, — неуверенно продолжал Клиф, — нам пришлось воссоздать некоторые характеристики среды, которая звезду окружает. Высокое давление, температуру. Не обошлось без небольшой аварии, как видишь.

— Да, совсем небольшой, — вспыхнула Молли. — Ты едва не погиб… и я тоже, кстати!

— Вот поэтому ты и должна вернуться в Ручей. Сейчас же, пока мы…

— Замолчи! — воскликнула Молли. — Я не уйду! Я так и знала, что ты занялся опасными экспериментами, поэтому и послала Эн… неважно. Я не уйду, пока ты не прекратишь опыты!

— Невозможно. Я отведу тебя домой.

— Нет!

— Великий Альмалик! Что на тебя нашло? Я не могу тебя здесь оставить. Ты что, не понимаешь?

Почему ты не хочешь вернуться?

— Потому что я люблю тебя, идиот! — Молли зарыдала.

В пещере повисло молчание, и даже рифник ничего не сказал. Он лишь насмешливо помаргивал и усмехался в бороду.

Они стояли друг против друга — Молли и человек, которого она любила. Молчание затянулось.

— Что это… — вдруг вздрогнула Молли. — Клиф, мне страшно!

Клиф нахмурился, прислушался. Ему показалось, будто он услышал звук, который сразу ускользнул за границу слышимости.

Слит кружил на месте в проеме входа, мерцание транс-трансфлексногополя бросало отблески на черную как ночь шкуру. Рифник посмотрел на зверя.

— Девица, — пророкотал он. — Ты не ошиблась. Слит испугался. Думаю, у нас гость.

10

Глубоко под пещерой проходили туннели, пробитые георазведчиками древности. От основного ствола отходили ветви — разведчики надеялись обнаружить золотую или серебряную руду, но так ничего и не нашли. Десять веков туннели пустовали, пока не появился Клиф Ястреб и рифник. Они заполнили туннели машинами и приборами.

В одной из боковых галерей, в обширной подземной пещере, которую они расширили и укрепили сталью и трансфлексными полями, царили сверхвысокие температуры и давления. Воющая энерготруба качала энергию в эту полость, как в бездонную воронку, поддерживая жизнь сгустка сверхплотной плазмы. Это был инкубатор, в котором должна была зародиться жизнь нового типа.

И задуманное свершилось.

Там, в недрах, в раскаленной темноте, под огромным давлением, зашевелилось Нечто.

Оно протянуло вперед плазменное щупальце, коснулось стенок камеры, дернулось назад.

Я в ловушке, сказало Нечто само себе. Я не хочу

быть в ловушке.

В следующий миг Нечто задумалось над вопросом — что значит «я...?» На это ушло несколько тысяч микросекунд — очень долгий срок в Его жизни, и лишь миг — по меркам людей, чей неведомый новому существу мир лежал за оболочкой камеры. В этот момент Клиф всматривался в индикаторы приборов, устремленный в галактики, лежащие за миллионы световых лет от Земли. В пещере выше проверял энерготрубу рифник, а слит охранял гору. Внизу, у подножия, Молли только что покинула старенький голубой электромобильчик и начала пробираться к пещере.

В этот момент плазменное существо закончило размышлять над первым вопросом и сделало вывод, достойный Декарта: «Я не знаю, что я есть такое, но я знаю, что я — нечто, способное выяснять, что я есть на самом деле».

Решение Оно принялось искать экспериментальным путем. Собрав энергию, Оно направило пучок на оболочку камеры. Удар оказался слишком сильным — Оно еще не имело инстинкта самосохранения и последствия Его мало волновали.

Оболочка была пробита.

Горячая плазма прорвалась в пещеру, гора

содрогнулась, галерея была уничтожена, металлические стенки расплавились. Потом плазма умерла, и приток энергии мгновенно прекратился. Это спасло холм и всю округу от уничтожения. В пещере взрыв вызвал множество коротких замыканий, начались вторичные, менее опасные, взрывы. Молли швырнуло на камни склона, Ястреба ранило осколком, рифника бросило на колени. От боли и ярости он разразился проклятиями, призывая на помощь слита.

Но плазменное существо не погибло. Оно зарегистрировало факт катастрофы в миллиардах своих электронов спокойно, без удивления. Оно еще плохо сознавало, что живет, и смерти не боялось. Теперь его поддерживали собственные трансфлексные поля, и оно висело посреди коридора в вихрях едкого дыма и ослепительном сиянии. Оно больше не зависело от окружающей среды.

Оно было свободно.

Щупальца-зонды проникли дальше — на склон горы, коснулись потерявшей сознание Молли, заглянули в примитивные мысли слита. Изучили Ястреба и рифника, отказались от изучения мертвого камня и металла, заинтересовались жителями поселка, но нашли, что особого вни-

мания последние не стоят. Изучив миллиарды людей, пчел, черепах, собак, дельфинов, обезьян, слонов и прочих существ, населявших Землю, оставили их в покое на предмет изучения в будущем, потянулись к Луне, другим планетам, потом изменили форму и коснулись самого Солнца.

Потом трансфлексные зонды вернулись обратно, и существо замкнулось, чтобы поразмышлять. Оно еще не могло разобраться в своих чувствах, но понимало, что они имеют определенную важность. Одни ощущения были приятными, например, контакт с Молли Залдивар. Другие — соприкосновение со звездным существом, в котором Оно еще не умело распознать Солнце — были неприятными. Слова «страх» существо не знало, иначе употребило бы именно его. На изучение собственных чувств требовалось время.

Оно замкнулось в себе и задумалось на долгие микросекунды.

Потом существо снова выпустило зонд. В окружающей среде имелись объекты, которые оно пропустило при первом исследовании. Требовалась дополнительная информация.

Оно прощупало сознание слита, на этот раз более внимательно изучая зверя, его простой конгломерат нервных клеток и электрохимических

зарядных матриц. Здесь обнаружилось кое-что полезное. Поблизости находились еще более простые конгломераты. Зонд коснулся электромобильчика Молли, потом большой машины на рельсах, на которой Ястреб и рифник перевозили грунт и тяжелое оборудование. Существо исследовало разные приборы в самой пещере, постоянно ощущая присутствие другого, похожего на себя, но очень далекого собрата.

Зонды были втянуты, существо, испускавшее жар и ослепительный свет, зависло в подземной галерее. Для раздумий требовалось время. Существу хотелось разобраться в том, что происходило у него внутри, когда оно исследовало внешние объекты.

Оно еще не научилось называть эту внутреннюю дрожь «голодом».

Клиф поднял глаза от окуляров какого-то прибора в похожем на колпак кожухе и крикнул:

— Рифник, ты был прав! Раньше этого здесь не было!

Рифник спокойно кивнул.

— Вопрос — что это такое?

Молли поднялась на ноги, схватила Ястреба за руку.

— Милый, не надо, прошу тебя! Ты и так слиш-

ком далеко зашел. Лучше вызовем помощь, пока не поздно!

Он тряхнул плечом, освободил руку, но Молли отступать не собиралась:

— Клиф, пожалуйста! Я боюсь. Я почувствовала что-то непонятное, еще тогда, после взрыва. Я очень испугалась. Позволь мне вызвать Энди Квама.

Он свирепо глянул на нее.

— Квамодиана? Он на Земле?

— Я… думаю, да. Клиф, я послала ему сообщение, потому что очень беспокоилась.

Клиф отрывисто рассмеялся.

— Толстячок Энди! Ты думала, он нам поможет? — Он покачал головой. Энди Квам для него значил не больше пустого места. Он обернулся к рифнику. — Может, что-то с инкубатором? Ты был в нижних галереях?

Рифник отрицательно помотал косматой головой.

— Нет, я прошел мимо пещеры. Энерготрубы крутились в холостую, я их отключил. Но внизу что-то горело.

— Идиот! — фыркнул Ястреб.

Он быстро нажал несколько клавиш, и сразу перед ним загорелись экраны, вмонтированные в

стену. Вход в пещеру, нижний уровень, скопление каких-то машин, каменная стена в конце галереи и… ничего больше. Пять оставшихся экранов показывали только белесые полосы фона.

В самой нижней пещере в дымном смерче парило новорожденное плазменное существо. Выжженные объективы камер слепо глядели на него. Существо из плазменного резервуара завершило очередной период раздумий и приступило к действиям. Новый зонд потянулся к Солнцу. Существо решило что-то предпринять перед лицом опасности, которую представляло Солнце. Существо весило примерно полторы унции. Масса Солнца — 2 на 1013 граммов, то есть треть массы Земли умноженная на миллион. Но плазменное существо не придавало особого значения этому соотношению.

Молли вздрогнула, отстранилась. У нее начали болеть ушибы, а Клиф, кажется, забыл о ее существовании. Он и этот ужасный грубиян рифник с дочерна загорелым лицом принялись орать друг на друга, тыкать пальцами в индикаторы приборов. Молли и не пыталась уловить суть спора.

Она поняла одно — случилось что-то из ряда вон выходящее. Это не обещало ничего хорошего.

От удивления она вдруг раскрыла глаза.

— Клиф! Слушай!

(За последние несколько микросекунд новорожденное создание весьма усовершенствовало свои умения и навыки. Пока один зонд тянулся к Солнцу, другой подключился к простейшему матричному устройству на склоне горы.)

— Что такое? — Клиф был в раздражении, она это понимала, но не могла заставить себя молчать.

— Там, снаружи! Моя машина — она завелась!

Все трое услышали далекий тонкий вой электромотора. Они бросились к выходу. Слит бесшумно отплыл в сторону и уставился на людей зелеными фосфоресцирующими глазами.

Электромобильчик Молли тронулся с места и покатил вверх по склону, к пещере.

За рулем никого не было.

— Спокойно, малыш! — крикнул рифник и сердито повернулся к Клифу: — Он что-то учуял. Осторожней! Мне его не удержать, если…

Но тут случилось кое-что поужаснее, чем взбесившийся от страха слит.

Сумерки заката вдруг полыхнули ярко-белым огнем, что-то ударило в гору, людей швырнуло на каменный пол. Свет померк, вспыхнул, померк, вспыхнул — и так три раза. Последний удар был

самым яростным, и Молли снова провалилась в беспамятство. Погружаясь во тьму обморока, она услышала хрип рифника:

— Великий Альмалик! Нас ударило Солнце!

11

Квамодиан зябко поежился. Он прикрыл глаза ладонью и из-под ладони всматривался в ту сторону, где поднимался тонкий столб дыма. Мальчики, побледнев, молча придвинулись поближе к нему.

— Проповедник, кого оно ударило? — спросил шепотом темноволосый.

— Не знаю. — Он ударил кулаком по небьющемуся стеклу. — Но я должен узнать!

— Это солнце сделало, — прошептал Руф чуть слышно. — Я видел. Оно ударило в пещеру рифника.

Энди переспросил рассеянно:

— Рифник?

— Да, я уже говорил. Человек с рифов. Он живет в пещере на склоне Волчьей Впадины, там где дым. Он и его слит.

— Слит?

— Охотничья зверюга из космоса. Рифник поймал ее щенком и приручил. Дядя говорит, он на нем ездит, но сам я не видел. Клиф Ястреб на слите точно не ездит. Кроме рифника до слита никто дотронуться не осмеливался.

— Слиты охотятся на пироподов, — объяснил самый младший из мальчиков. — Слит может разорвать пиропода в клочки.

— Какое мне дело до слита или рифника! — свирепо проворчал Квамодиан. — При чем здесь Клиф Ястреб?

Руф пожал плечами.

— Его воспитал рифник. Его мать заболела, и рифник привез ее на Землю, еще до рождения Клифа. Потом послал его в космос учиться на трансфлексионщика. Так говорит мой папа.

— А что еще он рассказывал о Ястребе?

— Говорит, Ястреб тайно что-то строит для рифника и что они занимаются контрабандой. Точно неизвестно, но они привезли сюда машины, которые люди без разрешения Звезды не должны иметь.

Самый маленький мальчик вдруг заныл:

— Вниз хочу, в школу Звездного Дня!

— Джей, мы же сказали, что не ходим…

— Заткнись, Руф! Я хочу спросить учителя, что за штука ударила в холмы. Мне страшно, а Марк все знает!

Рыжеволосый мальчик посмотрел на Энди, пожал плечами:

— Марк — это робот. Может, Джей и прав. Марк

мог бы рассказать что-нибудь полезное.

Пальцы Энди потянулись к пульту, но флаер, слушавший разговор, предугадал его намерение. Он уже шел на посадку.

— Я отведу тебя в школу, Джей, а ты мне покажешь дорогу. Я тоже хочу знать, что происходит!

Они быстро шагали по гравию дорожки. С купола церкви светили тринадцать разноцветных звезд. Джей провел Квамодиана по тихим коридорам к классу, где преподавал робот Марк.

Класс был почти пуст, лишь десятка два праздничнo одетых ребятишек сидели на передних скамьях, а группа поменьше посмеивалась на задних местах. Робот приветствовал вошедших:

— Входите, ученики. Мы как раз слушаем увлекательную историю о том, как Посетители принесли варварам прошлого драгоценные дары. Садитесь, прошу.

Трое мальчиков тихо опустились на свободные места в конце, где сидели дети, чьи родители так и не приняли Звезду. Они были одеты в дешевые тканевые костюмы, сильно поношенные и полинявшие. Квамодиан прошел вперед, туда, где в ярких костюмах сидели дети родителей, принявших современную цивилизацию. Квамодиан остановился напротив робота.

— Инспектор, прошу прощения, что перебиваю…

Плазменное щупальце из черного корпуса робота, в котором отражалась комната и его собственный плазменный овал, просканировало лицо Квамодиана.

— Сэр, вы не можете прерывать занятия, — мелодичным голосом сообщил робот, и звук этот отозвался под низким голубым куполом комнаты звонким эхом.

— Нет, имею. Я монитор и превосхожу вас по званию. Мое имя Андрэ Квамодиан.

— Даже в этом случае вы не имеете права мне приказывать. В День Звезды по новому соглашению мы имеем право не подчиняться приказам, если таковые нарушают отправление религиозных обрядов.

Но Энди стоял на своем, не обращая внимания на плазменный эффектор, которым робот пытался усадить его или заставить уйти.

— Инспектор, произошел чрезвычайный случай. — Он услышал возбужденный говор детей и заговорил тише: — Положение очень серьезное, как мне кажется. Только что в ближние холмы ударили три плазменных разряда с Солнца. Там могли пострадать люди.

Холодный конец эффектора осторожно, но твердо заставил Квамодиана вернуться к скамье.

— Вам придется подождать, монитор Квамодиан, — пропел робот под перешептывание развеселившихся детишек. — Присядьте, успокойтесь. Внимание, я продолжаю рассказ о Посетителях и их чудесных дарах.

Энди Квам чертыхнулся про себя, но решил не упираться, поскольку это не имело смысла. Он гордо прошествовал в дальний конец, где его одобрительной ухмылкой встретил Руф.

— Так его, проповедник! Мы тоже этого робота не жалуем.

— Тише! — шикнул на него Энди.

Он сел, мрачно уставился на черный продолговатый корпус робота. Как раз под эмблемой Альмалика светился серийный номер. Ладно, подумал он, завтра будет другой разговор.

— Фузориты — более древняя, чем звезды, форма жизни, — мелодично вещал робот, втянув эффектор. — Это замечательные существа. Они микроскопических размеров и черпают энергию жизни, сливая атомы водорода в термоядерном синтезе. Их эволюция продолжалась так долго, что сейчас они насчитывают миллионы разных видов. Рифы Космоса были построены из атомов,

которые синтезировал определенный вид фузоритов. Посетители — другая разновидность. Они могут жить в крови людей, как симбиоты.

— Клопы! — прошипел рыжеголовый. — Мой папа говорит, они просто паразиты, вот и все!

— Замечательное сотрудничество людей и фузоритов, — сладкоголосо заливался робот, — выгодно обеим сторонам. Никто не остается обделенным, ибо Посетители мудры и справедливы. Они создали транзитные интеллектоматрицы, которые связывают воедино все колонии, соединяя их с мыслящими звездами. Мы все объединены в одного множественного гражданина вселенной, имя которому — Лебедь. Ведущая звезда Лебедя — Альмалик.

— Порабощены, вот что это значит, — прошептал рыжеволосый.

— То есть мы присоединяемся к нему, если принимаем дар Посетителей, — пел робот, и его плазменный овал гармонично пульсировал. — В великий день посвящения в союз яркими искорками загораются фузориты на вашей коже. Их колонии проникают в каждую клеточку. Они уничтожают всех паразитов, больные клетки, и будут поддерживать ваше тело в состоянии вечной молодости. Они принесут вам полный покой

и счастье. В этом заключается дар Посетителей.

— Чушь собачья, — проворчал рыжеволосый. — Проповедник, почему вы не заставите его заткнуться?

— А сегодня, дети, нам особенно повезло, — голос робота стал выше и громче. — Мы благословлены Посетителями — сегодня с нами монитор Товарищества Звезды!

Как молния, светящийся эффектор метнулся вперед и залил ярким светом лицо Энди. Дети обернулись к нему.

— Ибо великий Альмалик может направлять нас по верному пути, но не может охранять наши права, сражаться за них. Вместо него сражаются члены Товарищества: монитор Андрэ Квамодиан, а также ваш покорный слуга.

Энди Квам подавил в себе гнев. В нем боролись два противоположных желания: гордо покинуть комнату или при всех разоблачить лицемера-робота, который рассуждает о своих обязанностях, а на деле отказался ему помочь перед лицом опасности чрезвычайного происшествия, когда могли пострадать или даже погибнуть люди.

— Конечно, — деликатно добавил робот, — монитор Квамодиан и я, мы можем не соглашаться друг с другом в некоторых вопросах. Иногда один

из нас может ошибаться. Но это справедливо показывает, каким плодотворным объединяющим началом является Звездный союз, сторицей награждающий присоединившихся к нему.

Примерно секунду робот парил безмолвно, словно зачарованный собственными словами, при этом его плазменный овал застенчиво голубел.

— На сегодня мы закончили, — сказал он наконец. — Дети, вы свободны. Монитор Квамодиан, благодарю за посещение.

Энди сердито протиснулся сквозь стайку детей к первому ряду.

— Инспектор! — воскликнул он. — Как можно рассуждать о защите прав граждан-симбиотов, если вы отказали мне в помощи?

— Терпение, монитор Квамодиан, — промурлыкал робот. — Да, встречаются еще порочные звезды и люди, отвергающие добро. Я с радостью присоединюсь к вам, чтобы противостоять этим силам. Но по нашему соглашению в День Звезды…

— Это такой же день, как все остальные! — не выдержал Энди. — Какие-то жулики задумали преступление, оно связано с блуждающими звездами! Всем нам грозит большая опасность, и они

не будут ждать, пока вы…

Робот молча покачивался в трансфлексном поле, словно раздумывая, что предпринять. Он выпустил эффекторы, затем втянул. Плазменный овал несколько раз быстро поменял цвет.

— Ситуация серьезная, монитор Квамодиан, — сказал он наконец.

— Вы даже не подозреваете, насколько, — с горечью сказал Энди. — Неужели вы меня не услышали? Три плазменных разряда с Солнца! Это могло случиться, только если его спровоцировали… Что-то очень опасное происходит на холмах!

— Феномен мы зарегистрировали. Возможно, это даже серьезней, чем вы предполагаете, монитор.

Пораженный Энди замолчал. Может, робот успел связаться со старшим монитором Квай-Квич?

— Вы говорите, более серьезно… Что именно?

— Соглашение, тем не менее, остается в силе, — продолжал робот. — Сегодня отдавать мне приказы вы не можете. И я советую, мы советуем, не предпринимать никаких действий без нашей помощи. Мы сознаем присутствие великой опасности, о которой вы даже не подозреваете.

— Требую сообщить мне эти сведения! Немедленно! — воскликнул Энди.

— По соглашению…

— К черту!

— По соглашению, — бесстрастно пропел робот, — вы не имеете права требовать. Я могу помочь, но добровольно. Это будет частью моего отправления религиозных обрядов.

Он подумал еще секунду, по плазменному овалу в бешеном темпе проносились разноцветные световые волны. Потом он загорелся ярким желтым светом.

— Я выбираю действие. Будьте добры, вскарабкайтесь мне на спину, монитор. Мы отправимся к месту происшествия. Ибо воистину нам угрожает опасность. Родилась блуждающая звезда, и она взрослеет!

12

За это время существо успело подрасти, хотя его эффекторы еще не достигли Солнца, а тройной ответ светила был еще в пути. Оно миновало декартовскую стадию «Я мыслю, следовательно, я существую», возведя этот краеугольный камень, предпочло на время отложить исследование себя и заняться окружающим миром. ТЬМА. ОДИНОЧЕСТВО. МИКРОЧАСТИЦЫ. Оно обнаружило, что частицы организованы в макроструктуры. Существо не знало определений «материя» или «вещество», но сразу сообразило, что частицы эти действуют как векторные отрезки. ТЕПЛО. ИЗЛУЧЕНИЯ. Оказавшись без теплой оболочки инкубатора, существо принялось искать источники энергии, подключаться к ним, использовать их.

Я ДВИГАЮСЬ, подумало ОНО, и это была настоящая, подлинная мысль, соединявшая в себе понятие «я» и производителя действия. Оно поплыло вдоль туннеля, в поисках новых ощущений и новых возможностей. ТЯГОТЕНИЕ. ГРАВИТАЦИЯ. ДВИЖЕНИЕ ВВЕРХ. Оно проникало сквозь материальные препятствия или сметало

их с пути. Позади оставались горящие двери, остатки полок с инструментами и материалами. ИСКАТЬ.

ИСКАТЬ. Теперь оно ощущало цель, оно дало своим действиям название. Искать — но что? Оно потянулось к родственному сознанию, бесконечно далекому, но ревниво следящему за ним.

Оно почувствовало присутствие особого излучения, имевшего собственную структуру. Матрицы строения, которые были неслучайны, несли смысл. «Я»?

Существо замерло, впитывая слабые токи ощущений, приходившие издалека. Положительный ответ. «Я», но не — «я», а именно «Я».

Оно поняло — в этом мире живут другие существа, соперники в борьбе за пространство, вещество, энергию… или товарищи.

Молли в верхней пещере очнулась от обморока и застонала в ужасе — Нечто исследовало ее. Нечто, порождавшее страх. Совершенно чужое, подобного которому в этом мире еще не бывало.

13

Молли задрожала, пришла в себя. Она лежала на сломанном табурете, ножка больно упиралась в бок расщепленным концом. Отовсюду слышалось шипение, треск коротких замыканий, щелчки остывающего раскаленного металла. Бледно-голубая корона вокруг золотого шара превратилась в сеть то разгорающихся, то гаснущих огней. Они трещали и шипели, откуда-то тянуло ядовитым дымом.

Она потерла лоб, поднесла ладонь к глазам и увидела кровь. Но не испугалась, не удивилась. Она жива. Заговорить удалось лишь с третьей попытки.

— Клиф… где ты?

Ястреб ответил сразу, но шепотом, и это было так непохоже на громогласного, грубоватого Ястреба.

— Я… не знаю точно. С тобой все в порядке?

Она посмотрела на себя: одежда разорвана, царапины, синяки, грязь. Правда, руки-ноги были целы.

— Вроде бы. Что с тобой?

Она села, посмотрела вокруг. Сначала она его

не увидела.

— Еще не знаю. На меня что-то упало.

— Ой, Клиф!

Молли с трудом встала, пробралась между разбитыми машинами и приборами. От лаборатории осталась куча хлама.

— Ты можешь двигаться? Тебе больно?

Под металлическими обломками кто-то зашевелился, и Молли поняла, что это Ястреб. Что-то придавило ему колени. Все его силы ушли на то, чтобы повернуться лицом к Молли.

— Ноги… придавило, — выдавил он сквозь зубы.

— Подожди… дай мне…

Она забыла о собственных синяках и бросилась к нему на помощь. На ноги Ястребу упала балка. Свободными остались только верхняя половина туловища и руки. Ноги прижимала к скале полутонная тяжесть балки.

Клиф обмяк, опустил голову. Немного погодя он сказал.

— Где рифник? Он поможет…

Молли беспомощно оглядела пещеру:

— Я не знаю.

— Позови его!

На крик Молли никто не ответил. Держась за

стену, она встала. Дыму становилось все больше — в мастерской случилось что-то серьезное. Она чувствовала зловещее дыхание большого пожара.

Молли нагнулась, почувствовала, как закружилась голова, потянула на себя балку. Балка даже на шелохнулась. Ястреб молчал, закрыв глаза. Казалось, он потерял сознание.

Не обращая внимания на острые осколки, Молли опустилась на колени, начала толкать балку, но безрезультатно. Тогда она решила убрать то, на что у нее хватило бы сил — пластиковый корпус какого-то прибора, скрутившиеся узлом металлические трубки, осколки стеклянной посуды. Дым ел глаза, она кашляла, но упорно работала, не поднимая головы.

Потом вдруг поняла, что в пещере уже давно появился какой-то новый звук, словно ветер теребил ветки сухого кустарника.

Слит!

Существо висело не более чем в ярде от Молли. Огромные слепые глаза были устремлены на нее, под черной чешуйчатой кожей перекатывались могучие мускулы.

На секунду она подумала, что вернулся рифник. Но Клиф оставался лежать под балкой, а рифника

не было видно. Она осталась одна, с беспомощным раненым и космическим зверем, чье тело было предназначено для одной-единственной цели — убивать.

Парящий в недрах горы сгусток мыслящей плазмы, детеныш блуждающей звезды, обдумывал значение тройного шлепка, нанесенного Солнцем. Даже на расстоянии в девяносто с чем-то миллионов миль Солнце могло нанести куда более сокрушительный удар. Маленькая блуждающая звезда понимала это так же хорошо, как собственные возможности. Простая логика подсказывала вывод — Солнце хотело не убить, а только пригрозить. ЗВЕЗДА ОЧЕНЬ БОЛЬШАЯ. Потом существо поправило себя. Я СЛИШКОМ МАЛЕНЬКОЕ. НУЖНО СТАТЬ БОЛЬШЕ.

Тройной разряд белого шнура плазмы не нанес ему вреда. Оно не испугалось и удара помощнее. Собственно, понятия «страх» для него пока не существовало. Поблизости находились макроконгломераты меньших размеров, легко поддающиеся контролю. Блуждающая звезда решила сначала исследовать их.

Она осмотрела электромобильчик Молли, научилась им манипулировать, но скоро забыла о нем, как о надоевшей игрушке. Машина, по-

слушно покатившая вперед, слепо продолжала двигаться, пока колесо не соскользнуло с дороги. Машина накренилась и в конце концов помчалась вниз по склону, а у подножия разбилась вдребезги.

Как выяснила звезда, поблизости имелись создания посложнее. Звезда не обладала «зрением», не отличала видимый свет от других видов радиации, но хорошо различала частоту и характер излучений. Разница между видами радиации была и для нее тем же, что «цвета» для углеродной жизни. «Зеленое» свечение яростно мигало, словно от боли или страха. Фиолетово-голубая аура исчезала всякий раз, как только звезда начинала ее исследовать. Излучения занимали всю полосу спектра, уходя в инфракрасную и ультрафиолетовую области. Это был слит, колония кротов под землей, муравейник. Звезда замечала даже мельчайшие сверкающие крапинки, похожие на пыль в луче фонарика — микроорганизмы в почве, в воздухе, в телах живых макроконгломератов.

«Зеленое» свечение заинтересовало звезду. Возможно, дело было в напряженности ауры. Присмотревшись, звезда обнаружила, что излучение идет от определенной массы упорядоченных частиц. Эта группировка, как ей показалось,

старалась изменить положение другого конгломерата, с гаснущей фиолетово-голубой аурой. Звезда отметила также определенные упорядоченные вибрации в окружающей среде. («Клиф, пожалуйста, помоги мне!» — умоляла девушка.) Но звезде было еще далеко до концепции коммуникации, не говоря уже о языке.

К двум светящимся структурам приближалась третья, испуская чистый золотой свет. Блуждающая звезда исследовала феномен своим энергозондом и обнаружила, что третий конгломерат представляет собой нечто среднее между электромобилем и людьми. Намного сложнее первой игрушки, но достаточно простое, чтобы им можно было управлять. На изучение слита ушла доля секунды. Потом она подсоединила к зверю невидимый эффектор и принялась им играть.

Рифник с трудом поднялся на ноги, посмотрел вокруг безумным взглядом. На грязной желтой бороде засыхала кровь, на лице появились новые ссадины. Он что-то спросил в пустоту, но ему никто не ответил. Никого не было, лишь из пещеры валил серый дым, гудело пламя, поскольку загорелись балки входа в пещеру. Рифник покачнулся, медленно повернулся лицом к закату.

Солнце напугало его своим зловещим, мутно-красным видом. Небо затягивали тучи. Рифник кликнул слита, но тот не ответил.

Маленькая блуждающая звезда заметила новый объект с тусклым, сероватым свечением. Это был рифник. Она отметила связь между объектом и своей новой игрушкой.

Интересно было бы поиграть с этим сложным механизмом, подумала звезда. Но слит еще не успел ей надоесть. Она стрелой гоняла его по пасмурному небу, используя всю мощь его клыков и трансфлексного поля против несчастных птиц, скал и растений.

Система организации вещества забавляла звезду. Ей захотелось научиться вмешиваться в ее структуру. Она решила стать Богом.

На долю секунды она задумалась — стоит ли попробовать поэкспериментировать на рифнике для практики. Ведь она уже научилась управлять электромобилем, потом — слитом. Имеет ли смысл разобрать одно из живых существ на составляющие, для анализа и подробного изучения?

Но ничего этого она не стала делать.

Всего несколько минут спустя после рождения, звезда уже начала вырабатывать матрицы

поведения, свой «характер». Она развивалась не просто быстро, а по экспоненте. Поначалу действия ее были случайны, плохо мотивированы. Это была свобода воли стального шарика в игральном автомате. Но звезда училась быстро. Уничтожать составляющие внешней среды было легко, она могла расплавить скалу, убить живое существо, перевернуть гору вверх ногами, хлестнуть эффектором Солнце. Но однажды уничтоженное, как успела понять звезда-малютка, уже не возвращалось, исчезало навсегда.

Способ экстремальной трансформации оказался более плодотворным. Не разрушать, а манипулировать, вмешиваться в структуру, но не ломать ее, оставаясь у грани, у последней черты.

Не убивать. По крайней мере, не сразу.

Что такое совесть и жалость, она пока не знала. У блуждающей звезды совершенно не выработалось сверх-«я», но она успела познать сладость удовольствия.

Организованные вещественные конгломераты могли служить источником удовольствия.

Молли, собрав все мужество, сделала шажок, вытянула шею, посмотрела в сторону, откуда явился слит.

— Рифник? — позвала она тихо. — Вы здесь? Вы

можете помочь?

Но за слитом, черным, огромным, похожим на собственную тень, никого не было. Не сводя с Молли зеленых светящихся глаз, он взмыл вверх, миновал Молли и завис над Клифом.

— Не трогай его! — крикнула Молли.

Но слит и не собирался нападать. Он повисел, покачиваясь, над Клифом, потом его поле призрачно засветилось.

Тело Клифа медленно заняло сидячее положение.

— Клиф! Ты пришел в себя!

Но сознание не вернулось к Ястребу. Голова, как у тряпичной куклы, упала набок. Глаза были закрыты.

Молли изумленно смотрела на слита. Он поднимал Клифа, но зачем? Что он собирался делать?

Ответа не пришлось ждать долго. Снова заискрилось поле, и огромная балка, придавившая ему колени, завибрировала и поднялась, встав на один конец, как стрела крана. Затем она поднялась на высоту головы, плавно развернулась и рухнула на кучу мусора.

Ястреб мягко осел, вытянулся на каменном полу. Он по-прежнему был без сознания.

— Спасибо, — шепотом поблагодарила Молли

слита, хотя знала, что он все равно не понимает. Ей было безразлично. Она бросилась к Ястребу.

Ястреб был опасно ранен, но еще жив. Крови он потерял немного. Сильнее всего пострадали ноги — когда она тронула одну, Клиф застонал.

Ему срочно нужен был врач.

— Клиф! — всхлипнула Молли. — Если бы только не…

— Оставь его, — послышался слабый голос рифника. — Тебе помощь нужнее.

— Рифник! Помогите! Его нужно срочно отвезти в поселок.

Потом до нее дошло, что сказал рифник, и она с удивлением обнаружила, что сама вот-вот потеряет сознание. От дыма кружилась голова, она кашляла без остановки, хотя сама не замечала того. Болело все тело.

— Как мы его отвезем?

— Не знаю! — Она зарыдала. — Нужно вытащить его из пещеры… он задохнется здесь…

Рифник сделал осторожный шаг вперед. Даже в собственном жалком состоянии Молли не могла не заметить, как сильно пострадал рифник. Он склонился над Клифом и осмотрел его, не касаясь ран.

— Я не смогу, — сказал он наконец.

— Но вы должны!

— Я не смогу его сдвинуть с места. Если бы слит слушался… Но зверушка перепугалась… Впрочем, я ее не виню, — прохрипел рифник. — В рифах мы крошили пироподов, а вот с Солнцем в драку еще не ввязывались.

— С каким Солнцем?

— С нашим Солнцем, девица! Тройной разряд плазмы! Кажется, мы попали в крутой переплет.

Слит, который до сих пор висел на одном месте, вдруг метнулся к ним. Рифник увернулся, слит промчался мимо и стрелой выскочил из пещеры.

— Видишь? Он меня больше не слушается. Не знаю, что с ним стряслось.

— Тогда мы вдвоем должны вытащить Клифа.

Рифник сплюнул на каменное крошево.

— С тобой? Ты сама еле на ногах стоишь. А мне его не поднять. Он умрет, если я начну его тормошить.

— Что же нам делать? Рифник, пожалуйста.

Рифник посмотрел мимо Молли, туда, где из туннеля валил густой дым.

— Могу застрелить его. Это лучше, чем сгореть.

Слит наскучил звезде. Сначала она хотела разрушить его, а потом отпустила, разрешив действовать по своему усмотрению. Некоторое

время она удовлетворяла любопытство, исследуя материальные объекты, не имевшие ауры. Звезда не понимала, что все это — приборы, машина — продукт человеческого разума. Она лишь видела, что из-за плазменного удара объекты эти стали функционально бесполезными, а химические реакции в них усугубляли эту бесполезность.

Потратив на размышление несколько наносекунд, звезда поняла, что пожар движется в сторону излучавших особую ауру объектов, которые она еще не научилась называть «живыми существами». Но прекрасно понимала, что им тоже грозит дефункционализация. Аура одной уже заметно ослабела.

Интересно было бы предпринять что-нибудь новое, подумала звезда-детеныш. Она отодвинула обломок неживой материи от Клифа Ястреба, исследуя как посредника слита и его поле. Звезда — была разочарована — ничего особенного не произошло.

Но что будет, если я впитаю некоторую долю этого излучения, с любопытством подумала она.

Идея показалась привлекательной. Она не знала почему. Она еще не научилась одновременно испытывать и узнавать чувство голода.

14

Сначала робот попросил его минутку обождать, он должен был закончить благоговейное созерцание черного купола. Его плазменный овал переливался всеми цветами радуги. Потом он удалил из здания детей, запер двери, проверил все комнаты и коридоры, убедился, что они никого не забыли. Церковь была гомеостатическим механизмом. Его рецепторы и эффекторы сами справились бы с этим заданием. Потом робот передал Денебу сообщение, показавшееся Энди бесконечным. Рыжеволосый Руф донимал его вопросами, а терпение Энди постепенно вытеснялось яростью.

— Инспектор! — не выдержал он. — Мы когда-нибудь сдвинемся с места? Молли Залдивар грозит опасность. Может, она умирает!

Робот развернулся в его сторону:

— Монитор Квамодиан! Немного терпения. Уверяю вас, она жива.

— Откуда вы знаете? — потребовал объяснений Энди.

Робот молчал.

— Проповедник, — прошептал мальчик, —

оставьте его. Он всегда такой. Вы в самом деле у него на спине поедете?

— Великий Альмалик, откуда я знаю! — простонал Энди.

Он бросил взгляд на наручный хронометр, поставил местное время и в отчаянии прошипел:

— Еще три часа, и День Звезды кончится! И тогда я без него обойдусь. Но помощь нужна Молли немедленно!

— Монитор Квамодиан! Будьте добры, сохраняйте тишину. Я веду очень интересную дискуссию с тремя органическими компаньонами на планете Денеба и с восемью роботами и звездой 61 Лебедя.

— Ну нет! — взревел Энди. — Ты хочешь сказать, что все это время… ты же обещал!

Робот сказал с обидой:

— Очень хорошо. Мы отправляемся сейчас же, ваш шум меня отвлекает. Следуйте за мной…

Но было поздно. Энди уже спрыгивал с крыльца, нацелившись к месту, где стоял его флаер. Руф не отставал, словно хвост кометы от ядра.

— Я вас поведу, — продолжал робот. Он усилил мощность наружных вокализаторов так, что фасад церкви завибрировал. — Вашему аппарату я разрешил не подчиняться стометровому

ограничению зоны действия. Это — часть моих добровольных религиозных обрядов в соответствии с соглашением…

— Заткнись! — фыркнул Энди.

Он был уже внутри флаера, мальчик нырнул за ним. Дверца захлопнулась, и он крикнул:

— Полетели! Следуй за роботом!

— Слушаюсь, господин Квамодиан! — жизнерадостно ответил флаер. — Я получил разрешение. Не правда ли, очень мило со стороны робота-инспектора…

— Тихо! — процедил Энди. — Смотри, куда летишь. Я спешу!

Флаер погрузился в обиженное молчание, завертелся волчком и нацелился на плазменный овал робота, который парил у церкви. Квамодиан поднялся, вращение бросило его на пол, он выругался про себя, но флаеру ничего не сказал.

— Сиди здесь, и пристегнись! — сказал он Руфу. — Альмалик знает, что стукнет в голову этому глупому флаеру.

— Это несправедливо, господин Ква… — оскорбился флаер.

— Я тебе сказал — заткнись!

Флаер подчинился приказу, выключил вокализаторы, а Квамодиан и Руф прильнули к стеклу.

Была уже ночь, над холмами ярко сияли звезды, только на западе виднелась кроваво-красная полоска, отсвет вечерней зари. Вдруг Руф схватил его за руку:

— Проповедник, смотрите! Там, куда ударило Солнце… видите?

— Вижу, — проворчал Энди. — Флаер, нельзя ли побыстрее?

— Нет, — холодно ответил флаер и снова выключился.

— Эй, брось! — крикнул Энди. — Почему нельзя?

Флаер смягчился.

— Робот-инспектор велел следовать за ним. Если я увеличу скорость, он будет лететь за нами. — Флаер явно оттаял и был готов мило поболтать. — Понимаете, господин Квамодиан, День Звезды еще не кончился. Инспектор не хотел бы нарушать тишину праздничного дня ревом звуковой волны. На этой планете весьма плотная атмосфера, в основном кислород (20 %), азот (80 %) водяные пары, двуокись углерода…

— Это пропусти! Атмосферу Земли я знаю.

— Конечно. Все дело в том, что при местных параметрах высоты, температуры и барометрического давления, звуковой барьер в настоящий

момент чуть-чуть превышает нашу скорость. Вы сам понимаете, мы не можем лететь быстрее. К тому же, — весело добавил флаер, — мы уже прибыли.

Флаер выбрал место для посадки на склоне горы. Сесть ближе ко входу в пещеру инспектор им не разрешил. Энди и Руф выскочили из кабины и, задрав головы, рассматривали следы солнечного разряда.

— Великие звезды! — прошептал мальчик. — Боюсь, что мисс Залдивар в самом деле ранена.

— Таких сведений мы не имеем, — пропел парящий над головами робот. — Подождите на месте, пожалуйста, я сканирую.

Но Энди уже не волновало, чем занят робот. Он оттолкнул Руфа, начал карабкаться по склону, что было нелегко — местность изобиловала неровностями. Он миновал упавший с кручи электромобильчик — и узнал в груде покореженного металла машину Молли. Под гулкие удары сердца, которое чуть не выскакивало из груди, убедился, что Молли в момент катастрофы в кабине не было. Он полез дальше. Ноги деревенели от усталости, сердце бешено колотилось, дыхание с хриплым свистом вырывалось из груди.

Здравый смысл ему подсказал, что торопиться

уже нет смысла. Что бы здесь ни произошло, случилось это давно. Из пасти пещеры тянулся густой коричневый дым, отвратительно воняло горелой пластмассой, и никого не было.

Он остановился, перевел дух, собрался с силами и крикнул:

— Молли? Ты здесь?

За спиной вдруг раздался мелодичный голос робота, Энди даже вздрогнул:

— Она в пятидесяти метрах вправо от вас, монитор. Как раз над нами. Но не приближайтесь.

Энди уже карабкался по гребню выступа перед самой пещерой.

— Погодите! — зажужжал робот-инспектор. — Там неконтролирующие существа — животное из космоса и… — Пауза. — И блуждающая звезда. Дайте мне их сначала изучить.

Энди только фыркнул. Он поскользнулся на гравии, сохранил равновесие и побежал дальше. Он избежал верной гибели — сразу под выступом начинался вертикальный склон в сорок футов высотой, — но даже не заметил опасности. Он стремился к Молли… на помощь Молли…

Потом он остановился, словно натолкнулся на стену, и замахал руками, чтобы не упасть.

К нему приближалось нечто вроде черного

гигантского головоногого моллюска. Оно летело над землей толчками сквозь дымовую завесу. Его трансфлексное поле бледно мерцало. Он увидел фосфорические зеленые глаза без зрачков, заметил когти и клыки, способные выпотрошить пиропода.

— Монитор, это слит! — пропел робот за спиной. — Предупреждаю, не подходите к нему близко!

Энди почувствовал во рту медный привкус страха. Он вспомнил рассказы о слитах, космических бестиях, самой эволюцией созданных для убийства. Своей мощью они превосходили все известные во Вселенной живые существа. Если слит нападет, это конец.

Но нападать зверь не собирался. Он завис, будто изучая Энди, словно зверь обладал разумом и даже сочувствовал, понимая, почему Квамодиан торопится. Потом, разрешив им двигаться дальше, слит поднялся выше, отлетел на сотню шагов.

Энди позабыл о слите, помчался к холмику, возле которого ему померещилось дыхание. Он упал на колени рядом с телом девушки, чей зов о помощи нашел его на другом конце Вселенной.

— Молли! — воскликнул он. — Что они с тобой

сделали?

Он нежно приподнял ее голову и положил на изгиб локтя.

Глаза ее открылись.

Она удивленно смотрела на него, как проснувшийся ребенок. Лицо у нее было в царапинах, синяках, измазано грязью и сажей. Порыв ветра разметал длинные волосы, одежда превратилась в лохмотья. Но она неожиданно улыбнулась ему той самой своей неотразимой улыбкой.

— Это же малыш Энди, — прошептала она. — Я не сомневалась, что ты придешь.

Но улыбка задержалась всего на секунду, потом лицо ее исказила боль. Молли отвернулась и заплакала так, что у бедного Энди едва не разорвалось сердце.

— Инспектор! — заорал Энди. — Ну где эта бестолковая машина?

Из-за большого валуна послышался голос Руфа:

— Он смылся, проповедник. Альмалик его знает, куда и почему. Он ни слова не сказал.

— Ты что там делаешь, Руф? — сердито спросил Энди. — Я тебе велел оставаться в кабине. Ладно, если уж ты здесь, помоги мне. Мисс Залдивар ранена. Нужно ее перенести…

Из темноты показался человек.

— Не спеши, друг, — прогудел густой бас. — Если она пережила все это, выдержит еще немного.

Квамодиан вскочил, приготовившись к худшему. Он увидел человека с усами и всклокоченной бородой. Лицо его покрывали такие шрамы, словно он побывал под метеоритным дождем.

— Вы кто такой, черт подери? — рявкнул Энди.

— У такого малыша — и такой голос? Спокойно, спокойно, без нервов.

Он приблизился, и Энди оценил его габариты — настоящий великан. Но великан был явно подавлен.

— Мы на неприятности не напрашиваемся, — пророкотал он. — Этого добра нам хватает. Но с девушкой порядок, я ее вовремя вытащил из туннеля.

— Это вы рифник? — недовольно спросил Энди.

— Да.

— Это ваш слит следит за нами?

— Он больше не мой. Теперь он сам себе хозяин, как я подозреваю. Или им владеет кто-то другой. Меня он больше не слушает — с тех пор, как ударило Солнце.

Он наклонился к девушке.

— Она в порядке, — сказал рифник, но в голосе

особой уверенности не чувствовалось. — Возможно, вы правы — ее нужно увезти. И меня тоже, если не возражаете.

— Почему она плачет? — спросил Квамодиан. — Если вы ее недостаточно осторожно вынесли…

— Подозреваю, плачет она из-за Ястреба.

Квамодиан тут же взял себя в руки. Так здесь еще и Ястреб! Он совсем позабыл. Это он виноват, что Молли ранена, напугана, ей угрожает опасность. Но старая дружба есть старая дружба, и в голосе Энди была искренняя озабоченность, когда он спросил:

— А что с Ястребом? Он ранен?

— Уже нет.

— Как? Он… умер?

В голосе рифника чувствовалась свинцовая усталость:

— Гораздо хуже… Если хотите узнать мое мнение, нам лучше убираться отсюда, пока чего-нибудь и с нами не приключилось.

Вначале это было просто случайное скопление электронов, потом — новорожденная блуждающая звезда, которая только-только начала исследовать окружающую среду и саму себя. Теперь это было нечто третье. И оно следило за рифником и Энди, как они подняли плачущую

девушку, спустились к флаеру, и флаер стремительно унесся.

Блуждающая звезда послала в погоню слита. Необходимости в этом не было — звезда могла бы без труда следить за флаером через зонды, которым были доступны любые точки на планете и во всей Солнечной Системе. (Она еще не пробовала «прощупать» пространство за пределами последней планетной орбиты.)

Звезда заметно повзрослела.

Когда она решила «впитать» излучение одной из высокоорганизованных масс-конгломератов, это оказалось очень просто, наподобие «схватывания» или «притяжения». Это скорее напоминало слияние амебы с кусочком пищи, которую амеба заглатывала и в себе растворяла. Эффект был примерно тот же.

Личность Ястреба больше не обитала в биологическом теле. Тело успело превратиться в обугленный кусок плоти.

Но личность полностью не исчезла, хотя Ястреб перестал ощущать себя индивидом. Теперь он составлял заметную часть плазменного существа — новорожденной блуждающей звезды, успевшей вызвать гнев земного солнца.

Теперь звезда мыслила намного сложнее.

Тренированный человеческий ум научил ее наблюдать, анализировать, делать выводы и… действовать.

Звезда уловила изумление далекого сородича.

15

День Звезды еще не кончился. Квамодиан, послушавшись совета Руфа, велел доставить их к церкви.

— На вечернюю службу соберется толпа, — сказал Руф. — В больнице может никого не оказаться.

— Это просто свинство, — прошипел Энди. — Товарищество Звезды превратилось в какую-то языческую секту!

— Верно, проповедник, это вы правильно заметили. Только ничего не поделаешь, поэтому вам лучше…

— Понятно, — сказал Энди и отдал флаеру приказ, но у машины имелись возражения.

— Без специального разрешения робота-инспектора я не имею права, господин Квамодиан. Могу вернуться только к трансфлексной станции.

— Но произошел несчастный случай!

— Да, конечно. — Флаер замолчал, нейтральные контуры искали выход. — С инспектором я связаться не могу, придется вернуться к станции.

— Черт бы тебя побрал! — не сдержался Квамо-

диан. — Делай, что тебе велят.

— …Но по пути я могу ненадолго задержаться у церкви. Если вы в этот момент покинете кабину…

— Ха! — с отвращением хмыкнул Энди. — Ладно, давай!

— Уже прилетели, господин Квамодиан, — вздохнул флаер. — Я останусь здесь на минуту.

Квамодиан времени терять не стал. Вместе с Руфом и силачом рифником, хотя последний и был не в лучшей форме, они без труда вынесли Молли из кабины и осторожно опустили за землю.

— Как ты, Молли? — с нежной тревогой спросил Энди. — Я побегу за помощью…

Молли уже не плакала, но в ее взгляде сквозила тысячелетняя усталость.

— Не надо, Энди, это не имеет значения.

— Не говори так!

— Хорошо, Энди, — безразлично сказала она и отвернулась.

— Оставайтесь рядом с ней, — велел он рифнику.

Тот недовольно посмотрел на него, но только пожал в ответ плечами. Руф и Энди скрылись в здании.

Как только они вошли в обширный зал, под го-

лубым куполом раздался удар гонга. Руф побежал по спиральной лестнице. От голосов, тянувших песню, вибрировал воздух. Сладко пахло фузоритами-Посетителями. В пяти крыльях храма было полно специальных скамей, но они пустовали. Преклонив колени, люди стояли концентрическими кругами под центральным куполом с солнцами Альмалика.

Робота-инспектора видно не было. Очевидно, он еще не покончил со своим важным делом.

— Вот тетя мисс Залдивар! — воскликнул Руф, показывая рукой. — Сюда!

Квамодиан колебался.

Языческим ритуалом назвал он церемонию, но что-то в атмосфере зала заставило его почувствовать непонятную робость и даже зависть. Он взглянул на тринадцатицветное великолепие скопления солнц под черным, как космос, сводом купола: шесть двойных солнц двигались парами, а тринадцатое следовало за ними отдельно.

Упиваясь красотой Альмалика, впитывая сладкий аромат фузоритов, ритмично покачиваясь в такт пению, Энди почувствовал, как его заполняют великий покой и радость. Ему хотелось забыть и себя, и девушку. Забыть все и остаться один на один с Альмаликом. Больше ему ничего

не было нужно.

— Проповедник! — прошипел Руф. — Вы идете?

Робость не давала Квамодиану сдвинуться с места.

— Ты уверен… что можно прервать службу?

— Мы не будем прерывать. Я уже здесь бывал. Они не сердятся на посторонних.

Квамодиан последовал за мальчиком, и они пересекли сводчатый зал, начали пробираться между кругами причастников. Сладкий аромат повергал в сонное оцепенение, сверкающие солнца Альмалика навевали бесконечное умиротворение.

Мальчик остановился возле одной пары — мужчины и женщины. Как и остальные причастники, те стояли на коленях, чуть раскачиваясь.

— Это ее родственники, проповедник, — прошептал Руф. — Господин Хуан Залдивар и госпожа Дейдра Залдивар. Познакомьтесь, это монитор Квамодиан.

Они перестали петь и без всякого интереса смотрели на Энди.

Супруги излучали здоровье и молодость. Хуан был высокий, стройный мужчина, смуглокожий, с густыми черными волосами. Голубоглазая

блондинка Дейдра казалась даже моложе и привлекательней своей дочери.

Оба носили знак Альмалика — светящиеся звездочки в тех местах, где колонии фузоритов вошли в их тела. У Дейдры — на румяной щеке, у Хуана — на лбу. В полумраке церкви звездочки светились мягким золотистым светом.

— Я по поводу Молли, — прошептал Квамодиан, с трудом поборов в себе робость. — Она снаружи, она ранена.

Совершенно неуместные в таком священном месте слова! Он чувствовал себя слоном в посудной лавке, гориллой среди ангелов!

Головы кивнули в унисон. Энди, озадаченный, хотел уже повторить свои слова, но Дейдра вздохнула:

— В лоне Звезды нет ни ран, ни боли. Она должна присоединиться к нам и обрести покой.

— Но она ранена! Она… нет времени рассказывать подробности, ей грозит ужасная опасность. Мы все в опасности!

— Только не здесь, — улыбнулся Хуан Залдивар.

Он взял руку Дейдры в свою, она подняла лицо к куполу.

— Внесите ее сюда, Посетители ее исцелят! — И

Хуан присоединил свой голос к голосу жены.

— Проповедник, это бесполезно, — угрюмо сказал Руф. — Они слишком счастливы.

Энди задумался. В конце концов, идея неплохая. Пусть в тело Молли войдут фузориты и исцелят его. Для фузоритов нет неизлечимо больных. Пройдут не только кровоподтеки и царапины, но и горькая печаль…

— Что с вами? — с опаской прошептал Руф, пристально глядя на Энди.

Квамодиан вернулся к действительности.

— Извини, — пробормотал он, схватил мальчика за локоть, и они бросились прочь.

Энди вдруг стало грустно, он едва не повернул назад, но впереди был Руф. Он покинул зону влияния Альмалика, скатился по спиральной лестнице, выбежал из здания. Коварное пение сирен утихло за спиной.

Квамодиан с благодарностью набрал полную грудь прохладного воздуха, в котором не было запаха фузоритов-Посетителей, притягивающего, как аромат лотоса.

Он сказал печально:

— Я хотел остаться, но покой Альмалика не для меня.

Он поспешил вниз по спуску, туда, где оставил

Молли.

Флаер улетел, но рифник скалой возвышался над Молли. Ночной воздух вдруг показался Энди промозглым, и он поежился.

— Что же нам теперь делать? — пробормотал он.

— Проповедник, — сказал Руф. — Мой дом — через площадь, вон там. Родители позаботятся о Молли. Я так думаю, — добавил он с некоторым беспокойством, отчего Квамодиан бросил на мальчика быстрый вопросительный взгляд. Но вслух Энди ничего не сказал.

Дома никого не оказалось, дверь была открыта, горел свет. Система жизнеобеспечения весело мурлыкала, в камине пылал уютный огонь, ароматное тепло разносилось по всем комнатам. И нигде не было ни души.

— Ничего, не обращайте внимания, — вздохнул мальчик, словно того и ждал. — Мисс Залдивар нужнее всего покой. Перенесем ее в ту комнату. А потом я попробую достать чего-нибудь поесть. Вы проголодались, наверное.

Сытый и почти успокоившийся Энди сидел в уютном тепле гостиной. Мальчик лежал на полу перед камином, протягивая руку то за яблоком, то за грушей или апельсином. Рифник присло-

нился к каминной полочке, отвечая на вопросы Квамодиана.

Сначала Квамодиан взял на себе роль прокурора, оставив рифнику место обвиняемого. Но последнему такое распределение пришлось не по душе. С легким презрением в голосе рифник прогудел в ответ:

— Монитор, ответственность на себя я брать не стану. Все, что происходит на моей земле — мое личное дело, а те холмы — моя собственность.

— Новая блуждающая звезда — это всех касается! — воскликнул Квамодиан.

— Это не моих рук дело, — огрызнулся рифник. — Мисс Залдивар — прелестная девушка, но кто звал ее на мою территорию?

— А как насчет Ястреба?

Рифник заиграл желваками.

— Я привез его мать с рифов. Он мне почти что сын, но… за его поступки я не отвечаю. Разве что я позволил ему ходить в школу Звезды в свое время, хотя это и не входило в мои планы. Я думал сделать из него вольного охотника, такого же, как я. Думал отправиться в рифы, найти ему слита-щенка и охотиться вместе с ним. Но он перешел на ту сторону ручья, начал ходить в школу по дням Звезды. Роботы и фузориты внушили

ему всякие чудные идеи. Наконец, он сам решил лететь в космос, учиться на этого, как там его, транзитника…

— Я учился вместе с ним, — сказал Квамодиан. — Он тогда был совершенно нормальным человеком.

Рифник пожал плечами, потом поморщился, погладил руку в месте, где ее стягивала повязка.

— Неважно, — пророкотал он угрюмо. — Он поплатился за свои ошибки. Он мертв. Я так думаю, во всяком случае.

— Что вы хотите сказать? — сердито спросил Квамодиан. — Он мертв или нет?

Глубоко посаженные глаза рифника пристально смотрели на Энди из-под кустистых рыжеватых бровей.

— Он уже не дышал. Это вас устроит?

— Устроит?

Рифник развел руками.

— Просто не знаю, монитор. Да, он был плох, я не дал бы ему и часа… вытащить мы его не могли, а огонь был близко… Но…

Рифник помолчал.

— Парень, — проворчал он несколько мгновений спустя, — у тебя выпить чего-нибудь найдется?

— Только молоко. Или вода. Могу приготовить чай?

Рифник поджал губы и печально покачал головой.

— Продолжайте! — велел Энди.

Рифник закрыл глаза.

— Клиф проводил опыты в своей транзитной лаборатории. Я знал, что это опасно, но не вмешивался — он взрослый человек. Был… Потом что-то случилось.

Рифник задумчиво почесал свою свалявшуюся бороду и продолжал:

— Случился взрыв. В нижних галереях стояли криомагнитные и радиационные установки, части старого военного комплекса Плана. Их почему-то не демонтировали. Я так и предчувствовал — ненадежный это был комплекс. Пока мы приходили в себя после взрыва, появилась Молли. Она плакала, грозила Клифу. Наверное, ее напугал слит. Но это было только начало. Был второй взрыв — настоящий. Не знаю, в каком именно месте. Меня ударило осколком, наверное, и я вырубился на несколько минут…

— Я видел тройной разряд, — сказал Квамодиан. — Вы об этом говорите?

— Да, видимо. — Рифник усердно почесал

подбородок. — Когда я пришел в сознание, то услышал голоса Клифа и девушки. Они были в главной пещере, и я пошел к ним. Пытался позвать слита, но зверюга совсем свихнулся от страха, вел себя непонятно, не слушался. Раньше такого не случалось никогда. Слит был в пещере и помогал вытащить Клифа. Но было поздно, Клиф умирал.

Рифник выпрямился, оставил бороду в покое и произнес:

— Клиф посмотрел на меня, что-то сказал… какую-то бессмыслицу. Потом перестал дышать.

Он отвернулся, принялся мерить комнату шагами.

— Но я не могу сказать, что он просто умер, монитор. Я видел, как умирают. Но Клиф просто перестал дышать! Как будто его выключили. Я проверил, он в самом деле был мертв. Тогда я подхватил мисс Залдивар и поспешил уйти. Примерно через час появились вы. Вот и весь рассказ.

— Не совсем, — заметил Энди. — Что именно сказал Клиф перед тем, как умер?

Рифник сердито посмотрел на него.

— Неважно! Это не имеет значения.

— Что именно он сказал?

Рифник заворчал, вцепился в свою львиную гриву обеими руками, потом оставил ее в покое и сказал:

— Ладно, если вам это так нужно… что-то вроде: «Я ее создал — теперь она забирает меня».

Энди вздрогнул, будто в затылок ему дунул ледяной ветер.

— Что это означает? — спросил он.

— Ничего! Абсолютно ничего, монитор. Или… — рифник посмотрел в сторону, — для меня это не имеет смысла. А для вас?

Квамодиан ответил, но не сразу.

— Надеюсь, что нет, — шепотом сказал он.

Блуждающая звезда перестала быть младенцем, но еще не превратилась во взрослое существо. Можно сказать, она вошла в период юности. Она росла и росла, с каждой секундой становясь сильнее и умнее, набираясь опыта, поглощая вещество и энергию живой и мертвой материи с их структурными матрицами.

Она успела проглотить изрядное количество таких матриц, извлекая их из разного рода излучений. По ходу дела она обнаружила, что некоторые виды радиации были гораздо «вкуснее» остальных. Поглощение личности Клифа Ястреба стало совершенно новым опытом, она

получила в свое распоряжение тысячи новых матриц поведения, мыслительных конструкций, программ-побуждений. Сотня килограммов углеродных соединений, которые когда-то были телом Клифа, превратились в бесполезный сгусток, где протекали совсем неинтересные процессы. Даже «личность» Ястреба как таковая исчезла. Не осталось ни его воспоминаний, ни мыслей. Но известная доля его стремлений и мотивов стала составляющей характера юной блуждающей звезды и приняла участие в результирующем векторе ее поведения. Вектор перестал носить случайный характер. Теперь он был даже несколько поляризован.

Что еще влияло на поведение юной блуждающей звезды? Ее собственные растущие знания и опыт. Все, что она узнавала о мире, в котором жила. Ее врожденное стремление расти и учиться. ДВИГАТЬСЯ. РАСТИ. ПОТРЕБЛЯТЬ. Теперь с помощью дисциплинированного ума Ястреба звезда научилась думать более четко, более ясно. Она узнала очень удобный способ формулировать задачу с помощью языка.

Я МАЛА, НО Я РАСТУ. ЕСТЬ ДРУГИЕ СУЩЕСТВА, ОНИ БОЛЬШЕ МЕНЯ, НО ОНИ НЕ РАСТУТ. Я СМОГУ СТАТЬ СИЛЬНЕЕ ИХ.

Она уже испытала свою силу на десятке макроконгломератов. Слит стал инструментом, подсоединенным к ее сознанию. Она смотрела его глазами, он полностью подчинялся ее желаниям. Крошечные ползающие и летающие существа вокруг горы тоже стали частью расширяющегося «Я» блуждающей звезды. А теперь она обзавелась новым слугой, непохожим на прежних.

Робот-инспектор давно привлекал ее внимание. Звезде было совсем трудно «проглотить» его целиком, включить его сознание, аналог человеческого, в собственное. Внешне робот не изменился — торпедообразное металлическое тело и плазменная овальная панель. Но теперь им управляли не суперкомпьютеры на планетах Альмалика. Теперь он служил разумному сгустку электронной плазмы, совсем недавно вырвавшемуся на свободу из камеры в недрах горы.

Юная звезда поиграла с новым инструментом, но так и не смогла разгадать сущности сложного комплекса трансфлексных полей, которые связывали новую часть ее сознания с очень могучими далекими существами. Впрочем, в данный момент это значения не имело. Далекие существа не были настолько сильны, чтобы взять под контроль саму звезду. Кроме того, сейчас она была

занята другими мыслями.

Почему она чувствовала притяжение к кусочку материи, чью ауру «сознание» Клифа определяло как «Молли Залдивар»?

Звезда смотрела на спящую Молли глазами слита, парившего над коттеджем. «Молли Залдивар, — думала звезда, — что мне до тебя?!»

Молли вдруг проснулась, ей хотелось кричать. «Спи!» — приказала звезда, и девушка снова погрузилась в оцепенение. Ее вскрика никто не услышал. В коттедже было пусто, а чтобы крикнуть громче, ей не хватало сил. Те, кто стояли на лужайке и смотрели на парящего над крышей слита, не слышали ее.

— У этой зверюги опасный вид. Вы уверены, что она не нападет? — спросил испуганный Руф.

— Я ни в чем не уверен, малыш, — захохотал рифник. — Было время, когда этот слит бегал за мной как собачка. Я взял его щенком, вырастил. Он не знал другого хозяина, кроме меня. Теперь… у него появился новый хозяин.

Рифник задумчиво рассматривал слита. Парившая в мерцающем поле бестия напоминала черного бескрылого пегаса в полете. Когти были готовы разорвать любое существо, дышащее воздухом.

— Хороший зверь, — сказал наконец рифник. — Но уже не мой.

— Зачем вы его сюда привезли? — сердито спросил Энди. — Ему нет на нашей планете места.

— Почему? Потому что он мой, господин монитор Квамодиан. — Я охотник, а это — мой товарищ. То есть был до сих пор. Да, с этим слитом я собрал лучшую коллекцию трофеев во всей Системе! Два десятка отборных пироподов. Темнотники из зарифовой зоны. Лунные кожекрылы! Создания из раскаленных глубин Венеры! В радиусе десятка светолет этому слиту не было равных.

— Вы так говорите, словно считаете убийство нормальным делом, — с отвращением заметил Энди Квам. — Всякое насилие — зло. Законы Альмалика не разрешают живому уничтожать живое.

В темных глазах рифника сверкнул огонек.

— И вы никогда не решились бы убить живое существо, монитор? Даже чтобы спасти Молли Залдивар?

Энди покраснел.

— Мы, члены Товарищества, имеем право нарушать некоторые законы Альмалика, — сказал он сухо. — И даже имеем право на насилие, в

некоторых ситуациях.

— Тогда помогите мне! — рявкнул рифник. — Я хочу выследить одну тварь, и вы могли бы поучаствовать со мной в охоте. Не знаю, что сейчас моим слитом управляет, но я хочу присоединить его шкуру к моей коллекции.

— Чушь! — воскликнул Энди. — Вы себе отдаете отчет? Возможно, им управляет блуждающая звезда!

Рифник гулко рассмеялся.

— Испугались, монитор?

— Нет! Впрочем… возможно. Мне просто смешно говорить об охоте на звезду, к тому же блуждающую!

Руф, который все это время только внимательно слушал, вдруг кашлянул, привлекая внимание. Он задал вопрос, который направил беседу в другое русло:

— Послушайте, проповедник, что это с луной?

Луна уже поднялась над горизонтом, ее диск почти достиг полнолуния. Она светилась тускло-красным светом и совершенно не была похожа на обычный серебристый яркий диск.

— Это Солнце, — сказал Энди. — Помнишь, каким красным и сердитым садилось оно за горизонт? Луна отражает его свет. А этот псих думает

охотиться на существо, которое вызвало такие потрясения.

— Но попробовать всегда можно, монитор, — жизнерадостно прогудел рифник. — Вы не одолжите флаер?

— Зачем?

— Для охоты! До холмов пешком далековато, и слита у меня больше нет. Был бы очень вам благодарен за флаер. День Звезды кончился.

— Проповедник, слушайте! — неожиданно воскликнул Руф. — Что это?

Квамодиан повелительным жестом заставил рифника замолчать. Они прислушались.

— Это Молли, — дрогнувшим голосом сказал Энди и бросился в дом. — Она зовет меня!

Когда Энди распахнул дверь в спальню, он увидел, что Молли не спит, а лежит с открытыми глазами, глядя в потолок. Она медленно повернула голову, посмотрела на Энди.

— Энди, я не сомневалась, что ты прибежишь. — На тебя всегда можно положиться.

Уши у Квамодиана пылали.

— Ты в порядке? — встревоженно спросил он. — Я слышал, ты кричала…

Она села на краю кровати.

— В порядке? Вроде бы, — трагическим голосом

ответила она. — Бедный Клиф! Как странно! Мне показалось, он со мной во сне разговаривал. Но не настоящий Клиф. Это было что-то странное, огромное, какой-то монстр.

Она тряхнула головой, потом весело улыбнулась Энди. Он понимал, что она заставила себя улыбнуться, при этом чувствуя себя глубоко несчастной. Ей стоило немалых усилий казаться веселой.

— Я вытащила тебя с самого Эксиона. Извини! Вечно у тебя одни неприятности по моей вине.

— Чепуха, чего там, — грубовато ответил он, впрочем, не сумев скрыть свои истинные чувства. Молли была тронута и погладила его по руке.

— Найдется что-нибудь поесть? — спросила она как-то не к месту. — Я проголодалась!

Руф был рад помочь и быстро приготовил огромное количество бутербродов.

— Твои родители не рассердятся? — поинтересовался Энди. — Мы расположились здесь как у себя дома, да еще объедаем вас.

Мальчик помрачнел.

— Все в порядке, проповедник, — сказал он.

Квамодиан недоверчиво посмотрел на мальчика.

— Где же твои родители? Из церкви они давно

уже должны бы вернуться.

— Оттуда они давно уехали… ненадолго уехали.

Маленькая кухня трудолюбиво гудела, производя новую еду и питье в соответствии с указанной Руфом программой. Энди сказал твердо.

— Руф, ты что-то скрываешь. Почему?

— Не спрашивайте, проповедник. Это… в общем, это моя тайна, в некотором роде.

На кухню вышла Молли. Она выглядела на удивление отдохнувшей и посвежевшей. Энди перестал задавать мальчику вопросы.

Они непринужденно болтали примерно с полчаса. Молли была совсем как в те далекие дни на Эксионе-4, Руф был рад случаю оказать девушке услугу. И даже рифник повеселел. Великан-охотник потребовал окончательного ответа: пойдет с ним Энди охотиться на блуждающую звезду или не пойдет? На секунду в уютной теплой гостиной идея показалась Энди почти разумной. Он даже позволил себе пофантазировать, представил погоню, жертву, азарт… Но это был не дикий лесной зверь, а плазменное создание, чьи возможности непредставимы для человека. Все равно что ставить капкан на сверхновую.

Потом Энди заметил, как Молли прячет в ла-

дони зевок, и почувствовал, до какой степени устал сам.

— Давайте немного отдохнем, — предложил он и вскоре уговорил всех разойтись по комнатам.

Только после этого он позволил себе растянуться на кушетке в гостиной. Дверь в комнату Молли была у него в изголовье. При малейшем признаке тревоги он готов был вскочить на ноги.

Последний раз он спал много-много часов назад на огромном расстоянии от Земли. Он закрыл глаза и почти мгновенно погрузился в глубокий сон.

16

Где в этот миг находилась блуждающая звезда? Попробуйте определить положение электрона в атомной оболочке в любой данный момент. Точно так же блуждающая звезда находилась одновременно и под холмом, и в небесах, и в теле слита, неутомимо патрулировавшего над домом, где спала Молли. Для звезды не было секретов в радиусе сотен миль, ее невидимые зонды тянулись в космическое пространство.

Но если ее местонахождение не имело четких границ, это не значит, что она находилась везде и нигде одновременно. Весьма значительная масса ее сконцентрировалась в скалистых недрах холма. Кроме того, звездное создание обнаружило новые забавные игрушки, стоившие потраченного времени. Например, старинный манипулятор, который Клиф использовал для оборудования мастерской. У машины была определенная функция, и звезда потратила несколько мгновений на изучение этой функции. Разгадав машину, звезда несколько долей секунды испытывала то, что можно назвать удовольствием. «Энергию в моторы, — подумала она. — Привести в движение,

разгрести мусор».

Металлические руки машины подняли первые попавшиеся предметы — желтый баллон с гелием, кусок скрученной арматуры весом в пятьсот фунтов… Звезда отшвырнула их в сторону…

Впрочем, звезда уже получила все, что можно было получить от этой игры. Пришла пора перейти к новому занятию.

Робот-инспектор был загадкой потруднее, но играть им было менее интересно. Его трасфлексная тяга почти не отличалась от двигательного аппарата и того, с чьей помощью передвигалась сама звезда. Ничего нового. Но звезда поняла, что раньше роботом управляли далекие создания, он был с ними связан через гиперпространственный транзит. Сигналы до сих пор достигали рецепторов робота. Это звезду раздражало. Призывы Альмалика были ей совсем не по душе.

У звезды уже начали проявляться эмоции.

Одно чувство не давало ей покоя — необъяснимое влечение к Молли Залдивар. Звезда все сильнее попадала под влияние чувства — мыслительные матрицы Клифа все глубже внедрялись в организацию поведения звезды. Блуждающая звезда не чувствовала несообразности, у нее не было подходящего стандарта. Процесс просто

доставлял ей беспокойство.

Но имелся способ решения проблемы. Получится? Можно было поддаться импульсу и посмотреть, что выйдет.

Звезда могла взять к себе и Молли Залдивар, если уж на то пошло.

17

— Мол-ли Зал-ди-вар…

Молли проснулась не сразу. Дюйм за дюймом поднималась она из глубин сна. Ей не хотелось оказаться лицом к лицу с суровой действительностью. Смерть Клифа, рождение блуждающей, которая теперь грозит Земле, всей Вселенной…

— Мол-ли…

Кто-то звал ее. Она с неохотой открыла глаза, посмотрела вокруг. В комнате никого не было. Посмотрев на часы, она поняла, что спала не больше двух часов.

— Кто здесь?

Ответом было молчание. Молли вздрогнула. В бестелесном голосе было что-то пугающее, неестественное, он чем-то отличался от обычных человеческих голосов. Его трудно было забыть, как страшный сон, который то и дело всплывает в памяти даже при свете дня. Теперь ей не уснуть.

Молли встала и тихо подошла к двери. За дверью, в гостиной, на кушетке спал Энди Квам. Он заворочался, что-то пробормотал. Бедняга Энди, подумала она с сочувствием и без звука закрыла дверь.

Если кто-то ее и звал, то явно не Энди.

Она подошла к окну, отодвинула шторы и… едва не вскрикнула от ужаса. Животное парило напротив, в нескольких дюймах от окна. Его трасфлексное поле бледно мерцало.

— Слит!

Огромные светящиеся зеленые глаза без зрачков слепо глядели на Молли, на кончиках металлических когтей блестели последние лучи заходящей луны. Поле слита завибрировало, дрожь передалась стеклу и породила тот потусторонний голос, который она слышала по сне.

— Мол-ли… пой-дем… ты… мне… нуж-на…

На миг она поддалась страху, повернулась, чтобы бежать, разбудить Энди, молить его о помощи, защите… Но что-то удержало Молли. Слит не мог разговаривать сам. Это подтвердил рифник. И имени Молли он тоже знать не мог. К тому же слит перестал быть животным как таковым, он больше не подчинялся собственным инстинктам. Он стал пленником существа, созданного Клифом, которое потом погубило своего создателя.

Молли открыла раму. Почему — она и сама не знала. Наверное, если бы зверь хотел напасть, то стекло для него не было преградой.

— Чего ты хочешь? — прошептала Молли.

Бестия повторила:

— Мол-ли… пой-дем.

На этот раз заговорило стекло. Это было даже более странно, если бы у слита появились рот, губы, гортань и язык и он по-настоящему заговорил.

Совершенно неожиданно Молли почувствовала отвращение, такое сильное, что она едва не вскрикнула.

— Нет! — прошептала она. — Нет!

И закрыла окно.

— Пойдем, — пел слит. Зверь пританцовывал в мерцающем облаке поля, ждал, когда Молли уступит. — Пойдем, — повторил бесплотный голосок стекла. — Мол-ли… пойдем. — Это было похоже не безумие.

— Нет! — решительно сказала она. — Уходи прочь!

Слит замолчал, не спуская с Молли слепых фосфорических глаз.

Потом медленно, но неотвратимо, как Джаггернаут, слит поплыл вперед. Он вышиб оконную раму. Посыпались осколки, затем слит метнулся к Молли.

Смертоносные когти протянулись к ней.

Она набрала полную грудь воздуха, чтобы за-

кричать, хотела повернуться и бежать, но…

Фосфорические глаза сверкнули холодным, парализующим огнем. Молли, потеряв способность двигаться, беспомощная и оглушенная, опустилась на ковер. Ей показалось, она падает, падает, падает…

Последнее, что она помнила, — когти слита. «Странно, но мне совсем не больно…» — успела подумать она.

Квамодиан проснулся из-за того, что сквозь широкое окно в гостиную бил солнечный свет. Он обнаружил себя на кушетке с обивкой из синтетического меха. Голова раскалывалась, боль пульсировала в каждой клеточке, в каждом суставе и косточке. Энди не сразу вспомнил, где находится.

Потом он вспомнил все: солнечные разряды, кошмарные существа — рифник и его слит, гибель Ястреба, рождение блуждающей звезды…

Он заставил себя сесть.

К валику кушетки кнопкой была пришпилена записка. Писавший — он пользовался обычной фоторучкой — спешил и явно не обладал красивым почерком.

«Проповедник, не хотел вас будить. Пошел сообщить родителям мисс Залдивар, что с ней все в

порядке. Встретимся там, если захотите.

P.S. Я не стал вас будить — вам нужно хорошенько выспаться. Еда на кухне. Руф».

Все остальные спали, судя по могучему храпу рифника. Из комнаты Молли не было слышно ни звука. Энди заколебался, положил руку на дверь. Не было смысла тревожить Молли. Мимо Энди никто и ничто не могло пробраться.

Квамодиан вышел из коттеджа. Утро было ясное. Очень ясное. Однако, подумал Энди, что-то здесь не так. В небе не было ни облачка, но воздух казался тяжелым, густым, как перед грозой, когда собираются темные тучи и на все вокруг ложится тревожный желтоватый отсвет. Прищурившись, он взглянул на солнце и сразу понял причину.

Красный, сердитый, покрытый пятнами лик светила доказывал — Солнце не успокоилось после вчерашнего. Теперь оно напоминало зловещее светило планеты, где Квамодиан оставил Клотильду Квай-Квич.

Прихрамывая, Квамодиан пересек широкую площадь, прогулка несколько взбодрила его.

Да, вчера денек выдался трудный. И очень беспокойный. Он нахмурился, вспоминая все нерешенные проблемы, с которыми ему предстояло еще столкнуться.

Быть может, новый день прояснит хоть часть из них. Особой уверенности в этом Квамодиан не испытывал.

Он стороной обошел церковь Звезды, выяснил у случайного прохожего дорогу к дому родителей Молли. Путь проходил мимо Муниципального Центра поселка, и это, как вскоре выяснилось, полностью соответствовало планам Энди. Дополнительная информация весьма пригодилась бы, но сможет ли он ее получить?

Муниципальный Центр оказался вовсе не тем гибридом библиотеки и ратуши, каким ожидал увидеть его Энди.

Под ногами чернел правильный круг закопченного цемента. Внезапно заговорил автомат:

— Добро пожаловать, дорогие гости! Вы приземлились у исторического памятника. Этой части поселка Мудрый Ручей придан в точности тот вид, какой он имел в день появления Посетителей, много-много лет тому назад.

— Мне не нужна экскурсия, — обратился в пустоту Энди, поскольку вокруг никого не было видно. — Мне нужна информация.

Ответа не последовало. Квамодиан понял, что имеет дело с автоматическим экскурсоводом низшего класса, даже не гомеостатом. Энди вошел в

ворота с массивными створками, и на секунду ему показалось, что он в преисподней. Воздух щипал глаза. Промышленные газы — отходы несовершенных технологических процессов — едва не задушили его. К ним добавились продукты сгорания плохо окисляемого минерального топлива. Щурясь, Энди увидел, что стоит посреди круга из кирпичных и деревянных домиков отвратительного вида.

В противоположном конце улицы стоял человек. Он смотрел в другую сторону и не двигался. Чувствуя раздражение, Энди зашагал к нему, не обращая внимания на весь этот спектакль.

Он подошел к приземистому зданию из серого бетона с надписью: «ПЛАН ЧЕЛОВЕКА». Из пустоты раздался веселый голос:

— Добро пожаловать! Это часть мемориального комплекса, она называется «Налоговая контора». В этой конторе каждый гражданин сообщал Плану Человека количество денежных знаков, полученных за год. Потом он был вынужден расстаться с определенной их частью. Здесь же находилась лавка снабжения, где он мог обменять оставшиеся знаки на одежду и прочие необходимые вещи. Тут же — призывной пункт, где молодые мужчины и женщины учились

пользоваться примитивным, но смертоностым оружием тех времен. Здесь же размещалось отделение главного общественного института эпохи — «Планирующий офис». Все действия граждан проверялись и корректировались примитивным центральным компьютером — Планирующей Машиной. Это, дорогие гости, один из нервных центров государственного аппарата тех времен.

Энди мрачно пошел дальше. Идиотский музей, подумал он с отвращением. Воздух так реалистично загрязнен углеводородами, сажей и фотохимикатами, продуктами работы примитивных двигателей внутреннего сгорания. Человек, к которому приближался Энди, был одет, очевидно, в костюм той эпохи. Форменный костюм из плотной ткани, уродливая короткая стрижка, на шее — что-то вроде массивного кольца-ошейника, излишне тугого и тяжелого. Человек стоял неподвижно, лицом к входу в здание, подняв руку в приветствии.

— Прошу прощения, — окликнул его Энди, — вы не поможете найти дом Хуана Залдивара?

Он тут же сообразил, что имеет дело с манекеном. Автомат жизнерадостно объяснил Энди:

— Этот манекен, дорогие гости, является точной копией так называемого опасника, в просторечии

— опа. Так называли самостоятельно действующих мужчин и женщин. Железный ошейник, который носили опасники, заключает внутри себя обезглавливающий заряд, который детонировался Планирующей Машиной при малейшем неповиновении опа.

Манекен, масс-детектор которого засек приближение Энди, повернулся и отвесил поклон.

— Великий Альмалик! — в отчаянии закричал Энди. — Мне нужна маленькая справка! Как найти дом господина и госпожи Залдивар?

Тишина и гудение сигнала-носителя.

— Кто-нибудь слышит меня?

Снова тишина, потом голос с сомнением произнес:

— Вас приглашают вернуться к историческому мемориалу. Выставка создана и работает при поддержке Товарищества Звезды в целях общественного осведомления.

— Я *сам* принадлежу к Товариществу! Я монитор Андрэ Квамодиан! Я требую, чтобы вы ответили на мой вопрос!

Тишина.

— Надеемся, выставка показалась вам интересной и полезной, — вздохнул автомат. Он явно не мог отвечать на вопросы, которые не относились

к выставке. Разозленный, Энди повернулся и пошел обратно — туда, откуда пришел.

Через полчаса, намотавшись по поселку, он отыскал все-таки Хуана Залдивара. Тот был занят наладкой какой-то сельскохозяйственной машины на краю поля. Симпатичный моложавый атлет, теперь свободный от влияния гипноза церковной службы, приветствовал Энди белоснежной ослепительной улыбкой, в которой, тем не менее, чувствовался вопрос.

— Меня тревожит Молли, — начал Квамодиан.

— Меня тоже, — кивнул Залдивар. — Она на опасном, порочном пути. Но мы не можем принуждать людей, они сами должны встать на путь спасения, как того требует Альмалик. Она должна решить сама: принимать Посетителей или…

— Я не об этом! — воскликнул Энди. — Вы понимаете, что ее едва не убило существо, в котором я сильно подозреваю блуждающую звезду?

У Хуана Залдивара был неподдельно потрясенный вид.

— Какой ужас! Нужно немедленно что-то предпринять! Ее единственная защита — Альмалик. Присоединение нельзя откладывать ни на минуту!

— Нет-нет, — застонал Квамодиан. — Послу-

шайте меня, Залдивар! Теперь это касается не только Молли, но и всего Товарищества, даже всей Вселенной, которой грозит опасность. Вы понимаете, что такое блуждающая звезда? Взгляните на Солнце!

Хотя Солнце поднялось высоко, вокруг царили предгрозовые сумерки. Залдивар с интересом посмотрел на Солнце.

— Любопытно, — кивнул он.

— Любопытно? Это смертельно опасно!

— Кому грозит опасность? Молли? — с вежливым недоумением поинтересовался Залдивар. — Не совсем улавливаю вашу мысль, монитор Квамодиан. Если беда грозит Молли, — вы это хотите сказать? — то я с вами согласен. Она и вам грозит, и всем, кто не принял Звезды, не принял в свое тело Посетителей.

Энди вздохнул и постарался взять себя в руки. Мир Альмалика, напомнил он себе, это великий дар для человечества. Те кто его принял, благословенны превыше других здоровьем, радостью, звезднодаанным покоем. Но иногда эти люди трудны на подъем, с ними нелегко иметь дело. Вот почему мониторы и другие добровольные агенты Товарищества не могли принимать Посетителей. Ему давно следовало бы смириться и восприни-

мать положение вещей спокойно.

Он сказал подчеркнуто спокойно:

— Хуан Залдивар, во имя Альмалика прошу вас оказать мне услугу. Вы находитесь в контакте с разумной звездой. Передайте ей предупреждение.

— Я уже это сделал, — дружелюбно сообщил Залдивар. — Альмалик знает все, что знаю я.

— Прекрасно.

Энди почувствовал некоторое облегчение и робость, вообразив всю мудрость и мощь многосоставного гражданина Вселенной по имени Лебедь, все разумы солнц, роботов и людей, связанных вместе фузоритами.

— Теперь вы должны помочь мне найти ответ на одну загадку. Почему вчера ударили разряды? Ответственен ли за это Альмалик?

Залдивар прищурился, посмотрел на Солнце, тряхнул головой.

— Нет, — торжественно заявил он. — Это была акция насилия. Было уничтожено специальное оборудование, погиб один человек. Альмалик против насилия, мы не отвечаем за эту акцию.

— Виновата ли блуждающая звезда? — Квамодиан пристально смотрел на Хуана Залдивара.

— Это нас не интересует, монитор, — безмя-

тежно отвечал последний. — Мы не станем сопротивляться.

— Но вам угрожает опасность! Даже разумным звездам! Враждебное существо вот-вот вырвется на свободу в галактические пространства!

— Мы не окажем сопротивления, — повторил Залдивар. — Совершая насилие, мы разрушаем сами себя.

Тихо извинившись, он принялся настраивать свою машину в зеленом кожухе.

В записке Руфа говорилось, что мальчик будет находиться в доме Залдиваров, но мальчика нигде не было. Вообще никого не было. Дверь стояла распахнутая, на звонок никто не вышел.

Откуда-то сверху доносилось воркование музыки. Квамодиан последовал на звуки, двери сами открывались перед ним — гомеостатический дом приветствовал гостя. Лестница-эскалатор вынесла Энди на крышу.

Там сидела Дейдра Залдивар. Ее музыкальный инструмент был особым устройством, которое превращало эмоции в музыкально модулированные звуки, в цветные объемные формы, в ароматы. Она улыбкой приветствовала гостя. Такая же молодая, как и Молли, со звездочкой на щеке, которая не портила ее. Госпожа Залдивар

была поглощена музицированием и не желала, чтобы ее прерывали.

— Руф? — переспросила она. — Ах да! Я его знаю, монитор. Но здесь мальчика нет.

— Очень странно, госпожа Залдивар, — нахмурился Энди. — Он сказал, что встретит меня здесь. Он вам ничего не говорил?

Дейдра рассеянно перебирала трепещущие струи звуков, наблюдая, как растет розовая светящаяся полусфера, затем она становится красной, темнеет и исчезает.

— Да нет же, монитор. Мы ничего не знаем, верно? — Она вопросительно взглянула куда-то мимо Энди. Квамодиан оглянулся, увидел блестящее черное яйцо робота-инспектора. Инспектор покачивался в облаке трансфлексного поля над клумбой роз.

— Инспектор? — неуверенно спросил Квамодиан. — Я… вас не заметил.

Замерцал плазменный овал.

— Я не инспектор, — пропел робот свои обычным высоким, сладким голосом. — Эта часть меня больше не функционирует.

— Почему?

— Она отключена, монитор Квамодиан. Но как заместитель инспектора я имею доступ к памяти

во всем объеме вплоть до момента отключения. С практической точки зрения можете считать нас адекватными единицами. Вам необходима моя помощь?

— Нет. То есть… да, нужна. Но сначала я хочу поговорить с госпожой Залдивар. Молли пережила потрясение, сейчас она в безопасности и отдыхает. Скоро она совсем поправится… Но ей угрожает опасность.

Вид у Дейдры был вежливо-озабоченный.

— Очень жаль, — сказала она. — Такая милая девчушка. Но, — Дейдра пожала плечами, улыбнулась роботу, — она ведь не член сообщества. Как и все неприсоединившиеся, она подвержена опасностям индивидуального существования.

Она вернулась к панели инструмента, быстро пробежала по клавишам красивыми тонкими пальцами, выстроила завораживающую башню из света, цвета, запахов и звуков.

— Когда Молли примет Посетителей, — сказала она, наблюдая за полетом композиции над крышей, — все станет прекрасно. В сообществе Звезды все всегда прекрасно.

Энди почувствовал, как все тяжелее становится груз отчаяния. Морщины на лбу прорезались глубже, сами по себе крепко сжались зубы. Он

резко повернулся к роботу.

— Вы можете объяснить, что с Солнцем? Мне необходима информация.

— В каком смысле, монитор Квамодиан? — вежливо уточнил робот.

— В смысле его внешнего вида. Взгляните только! И вчерашние разряды… Что происходит?

— У нас нет сведений, — признался робот.

— Верно ли, что Лебедь не имеет к этому отношения?

— Совершенно верно. — В голосе робота слышалось неодобрение. — Факт был доведен до вашего сведения компаньоном Хуаном Залдиваром. Вам должно быть известно, что Лебедь не опустится до насилия, никогда.

— Хорошо, но как быть с Солнцем? Может… — Мысль, вдруг вспыхнувшая в мозгу Квамодиана, заставила его запнуться. — А вдруг интеллект блуждающей звезды успел переселиться в Солнце?

— Солнце не является членом гражданина Лебедя, никогда не входило в другие ассоциации цивилизованной Вселенной. Это все, что мы знаем о его интеллектуальном статусе.

— Но его поведение угрожает всей планете, всем членам Товарищества, — запротестовал Эн-

ди. — Один человек уже погиб. Опасаюсь, вскоре угроза может перекинуться и на звезды Лебедя.

— Альмалик знает об этом, — промурлыкал робот. — Мыслящие звезды спокойны.

— Зато я встревожен! Я требую помощи!

Робот подплыл ближе, плазменный овал ярко засветился.

— Вы имеете право, монитор Квамодиан, — сладким голосом заверил он. — Я буду подчиняться, пока не получу указания от Альмалика или ваши приказы не войдут в противоречие с законами Альмалика.

— Отлично, — процедил Энди. — Для начала дайте последнему знать, что я очень встревожен данной проблемой. Подчеркните мое особое мнение: необходимы срочные меры.

— Какие именно? — с готовностью уточнил робот. Вопрос не застал Квамодиана врасплох.

— Попросите Альмалика пересмотреть мои рапорты по делу Соло Скотта и блуждающей звезды Клифа Ястреба. Поторопите его войти в контакт с Клотильдой Квай-Квич. Попросите предложить другие варианты действий.

— Он уже это сделал!

— Мне об этом неизвестно.

— Новой информации о мониторе Квай-Квич не

получено. Новые действия нам не предложены.

Квамодиан свирепо уставился на робота, едва сдержавшись от оскорбления в адрес бестолкового автомата. Неожиданно снизу донесся пронзительный крик. Кричащий звал Квамодиана.

— Проповедник! Вы там?

Одним прыжком Энди подскочил к поручню эскалатора, посмотрел вниз.

— Это ты, Руф?

Лицо мальчика покраснело от слез, он всхлипывал.

— Проповедник! Мисс Залдивар пропала! Квамодиану показалось, что пол крыши превратился в лед и этот лед сейчас провалится под его ногами. Время остановилось.

— Как?

— Не знаю… я думаю… ее унесла эта зверюга!

Мир померк. Голос мальчика растаял как дым, оставив тонкий завиток ужаса. Энди вздрогнул, взял себя в руки, попытался успокоиться и рассуждать логично. Но на такой подвиг он был сейчас не способен. Он помчался вниз по лестнице, не дожидаясь, пока на него обратят внимание детекторы и дадут ленте обратный ход.

За спиной загремел трубный голос робота:

— Монитор Квамодиан! Обождите! Я должен выяснить ваши намерения!

Квамодиан остановился, обернулся.

— Намерения? Я намерен спасти Молли!

— Каким образом, монитор?

— Каким образом… — Энди замешкался, но быстро нашел ответ и сказал: — С помощью рифника! Мы выследим чудовище и уничтожим!

Робот несколько понизил громкость, но все равно в барабанных перепонках Энди неприятно завибрировало:

— Это насилие, монитор! Вы намерены совершить насилие. Товарищи Звезды не могут соучаствовать в актах насилия.

— А я могу! — крикнул Энди. — Наша организация для того и существует — мы делаем то, что граждане Лебедя делать не имеют права.

Черное яйцо робота быстро подплыло к нему.

— Так было в прошлом. Но как стало известно, некоторые члены Товарищества, прикрываясь именем Альмалика, совершали акты бессмысленного насилия. Это была серьезная ошибка, монитор! Статус вашей организации пересмотрен. Применять насилие вам запрещается!

Огорошенный Квамодиан отпрянул, задел хрустальный орнамент в виде языка пламени,

украшение упало на пол, разлетелось вдребезги. Робот выпустил плазменное щупальце и собрал мусор.

— Не может быть! — выдохнул Квамодиан. — Нам… необходима свобода действий. Как же нам иначе защищать вселенских граждан?

— Мы не оказываем сопротивления, — безмятежно промурлыкал робот. — Это основной принцип этики Посетителей! Теперь и члены Товарищества не могут совершать насилия, прикрывшись нашим знаменем!

Энди постоял в молчании, посмотрел вниз, на мокрое от слез лицо мальчика, пнул носком осколок хрусталя. Осколок полетел через весь сад. Энди начал спускаться.

— Монитор Квамодиан! — пел робот. — Я уведомил вас!

Энди что-то неразборчиво прорычал в ответ и продолжал спуск. Робот поднял громкость до оглушающего уровня.

— Мы требуем ответа! Каковы ваши намерения?

Энди остановился, чтобы посмотреть в сторону робота.

— Я уже сказал. Я уничтожу чудовище, с вашего разрешения или без!

18

Горячее облако плазмы в пещере под горой успело давно растаять. Чрево инкубатора, родившего блуждающую звезду, давно остыло, энергия больше его не питала.

Но воздух пах озоном, оплавленной медью контактов, автономная система освещения мигала, не в силах рассеять густые черные тени.

Слит опустил Молли на пол. Над ней зависло облако бледной плазмы — это и была новая блуждающая звезда. Звезда отослала слита — девушка боялась зверя, и звезда этот страх ощутила. Молли лежала на холодном бетоне, всхлипывала. Что-то подсказало звезде устроить девушку поудобнее.

НУЖНО ПЕРЕДВИНУТЬ ЕЕ В УДОБНОЕ МЕСТО, подумала звезда, перебирая варианты способов. Несколько пикосекунд спустя ее выбор пал на одну из прошлых игрушек; старый манипулятор. Управлять им было не сложнее, чем электромобильчиком Молли, и звезда заставила механизм со скрипом двинуться по ржавым рельсам к входу в пещеру.

В принципе-управление манипулятором ничего сложного не представляло, требовался лишь

навык, которым блуждающая звезда пока не обладала. Машина так медленно реагировала на команды, так лениво пробиралась сквозь завалы мусора. Звезда отдыхала, впитывала вещество и энергию из воздуха и камня, потом снова бралась за манипулятор.

Молли встала на четвереньки, расширившимися от страха глазами глядя на лязгающий манипулятор, который на нее надвигался.

Звезда сделала паузу, еще раз попробовала поупражняться в человеческой речи. Через динамики радиопередатчика на манипуляторе она проскрежетала:

— Молли Залдивар! Как мне заставить тебя любить меня?

Молли побледнела.

— Монстр! Кто ты?

Блуждающая звезда перенастроила контуры передатчика, чтобы звук стал приятнее.

— Я… монстр? Почему ты меня не любишь? Я… люблю тебя, Молли.

Звезда почувствовала страх девушки — словно издалека, но почувствовала. Страх нарастал.

Молли в отчаянии поднялась на ноги и попыталась убежать. Стальные руки манипулятора легко поймали девушку, вернули обратно. Молли

закричала. Звездное существо сделало паузу, размышляя о процессах в живой материи. Вот зеленую ауру Молли пронизали красные вспышки, которые для звезды означали «боль». Понадобилось небольшое усилие, чтобы понять — неполадка в функционировании данного лучистого конгломерата вызвана силой, с которой манипуляторы сжимали относительно мягкое и слабое тело девушки.

Звезда осторожно опустила девушку на пол кабины старого манипулятора, принялась за методический анализ полученных сведений. Это был долгий процесс, он требовал более одной микросекунды. Материал для дедукции и интерполяции был обширен. Даже собственные поступки были не совсем ясны для звезды, она еще не определила ясно, что означает «любовь», хотя чувствовала, что именно так лучше всего назвать свое отношение к Молли. Выделив часть своего сознания, звезда ввела ее в сознание Молли, стараясь выяснить, какой был нанесен ему вред. Повреждение оказалось незначительным, пострадали какие-то несколько сотен тысяч нервных клеток и только относительно небольшое их количество погибло окончательно. Звезда внесла некоторые поправки в организацию тканей, пре-

кратила утечку жидкости из циркуляционной системы организма, соединила несколько пострадавших сосудов и связок, потом, для завершения картины, повысила тонус жизнедеятельности Молли и, довольная работой, вернула внесенную в мозг Молли часть своего сознания в основной массив, обитавший в плазменном облаке.

Молли чувствовала — что-то происходит, но не понимала, что именно. Она была близка к истерике. Она села, застучала в окно кабины — сквозь светящийся туман вокруг кабины засверкал оранжевый огонь и раздался голос слита:

— Почему ты сопротивляешься, Молли? — спросил потусторонний голос. — Почему ты меня не любишь?

Молли встала, бессильно опустилась на сиденье, хрипло засмеялась.

— Любить? Разве можешь ты любить?

— Да, могу. Почему ты боишься меня?

Молли вздрогнула.

— Почему? Потому что ты не имеешь права на существование, монстр. Ты — искусственный интеллект. Матрица твоего разума сотворена в плазменном облаке Клифом Ястребом и рифником…

Когда девушка упомянула Клифа, звезда отме-

тила золотистые вспышки, пронизавшие зеленое свечение ауры.

— Я — Клиф Ястреб, — сказала звезда.

— Ты? — Молли затаила дыхание, ее трясло от ужаса и от того, что она абсолютно не понимала, что же происходит. — Клиф погиб! Я видела, как он умер!

— Да, умер. Но я — та часть Клифа, которая уцелела. Клиф — часть меня. И ты должна меня любить.

Молли не выдержала напряжения и зарыдала. Подумав немного, блуждающая звезда вновь проникла в ее мозг, нашла знакомые центры и погрузила Молли в сон. Потом пересмотрела всю информацию относительно жизнедеятельности организованных масс живой материи. Информации было мало. Но некоторые проблемы были ясны. Девушке требуется место для отдыха. Ей нужен воздух для внутренних процессов сгорания. Ей понадобится жидкое соединение «H^2O», которое легко синтезируется из подручных материалов. И кроме того, ей будут необходимы специальные химикалии — для поддержания обмена веществ, класс которых описывался не очень понятным термином «пища».

Звезда решила заняться этими проблема-

ми немедленно. Сначала она открыла дверцы кабины манипулятора, потом отыскала полуоглушенного слита, вошла в него, вернула животное в туннель. После калеки-машины тело слита казалось мощным и послушным инструментом. Звезда метнула слита в пасть туннеля, потом вниз по вертикальному стволу. Поворот — и слит оказался рядом со спящей девушкой. Звезда испытывала упоение, повелевая слитом, в том числе и смертоносным излучением, которое могла исторгнуть из его слепых глаз. Могучие когти слита подняли спящую девушку, и слит помчался по туннелю в глубь горы, все дальше и дальше, пока звезда не отыскала колодец.

Здесь она сделала остановку, прозондировала дно. Ничего враждебного, никакой организованной живой материи не обнаружилось. Это была давно забытая база одного научного учреждения Плана Человека.

Прижав Молли к гладкому брюху, слит осторожно опустился в темноту, мимо невидимых во тьме стенок колодца, пока не очутился в пространстве, залитом призрачным зеленоватым светом. Это было что-то вроде большой сферической пещеры в недрах горы. Когда-то очень давно поток быстрых электронов пронесся сквозь

несколько фунтов ядерного топлива, произошел взрыв, расплавивший десятки тонн скальных пород, испарив их, в результате чего образовался подземный пузырь. Взрыв поддерживал его давлением достаточно долго, чтобы пузырь успел обрести форму. Давление упало, камень затвердел, осталась шарообразная пустота, пещера.

Бледное свечение испускала вся пещера, в особенности скопление тумана, висевшее в центре, словно солнце. В облако уходила металлическая башня, которую оплетала ажурная металлическая спираль лестницы. Она вела к огражденной платформе наверху.

Что это была за пещера?

Что это было за свечение?

Звезда не стала задумываться над этими вопросами. Она заботливо уложила Молли на дно пещеры, позволила ей проснуться.

В той степени, в которой нечеловеческое плазменное создание могло испытывать удовлетворение, оно испытывало его. С заданием оно справилось превосходно. Для привлекательной органической структуры по имени Молли Залдивар отыскалось укрытие, где ей ничто не угрожало, и сама звезда могла без помех вступать в контакт с Молли. Температура, давление

и химический состав среды вполне подходили для живого существа, насколько звезда могла судить.

Конечно, звезда была еще молодым существом, неопытным, и даже принимая во внимание поглощенные мыслительные структуры Клифа Ястреба, звезда не очень хорошо разбиралась в химии органических конгломератов и в их жизнедеятельности.

С точки зрения звезды весьма привлекательной была ионизирующая радиация в пещере, которая исходила от стен и более всего — от странного светящегося облака в центре. Для блуждающей звезды это был дополнительный запасной источник энергии. Она не подозревала, что для Молли это был смертельный приговор.

Молли проснулась от собственного крика. Озираясь по сторонам, она не понимала, где очутилась. Она увидела парящего слита, вскочила и хотела броситься бежать. Но бежать было некуда. Она поскользнулась на холодном черном камне, упала и некоторое время, всхлипывая, лежала неподвижно.

Звезда попробовала создать в воздухе модулированные колебания, заговорить с девушкой. Это было непросто. Даже с помощью поля слита. Под

рукой не было подходящей мембраны. Из башни и металлических ступенек лестницы звезде удалось извлечь только отвратительный скрежет, совершенно нечленораздельный.

На несколько пикосекунд звезда растерялась. Затем она выпустила плазменный палец-эффектор, прозондировала башню. Там обнаружился ряд приборов — они были такими же новенькими, как в тот день, когда их остановили. Звезда отыскала инструмент с гибкой мембраной и через нее обратилась к Молли:

— Молли Залдивар, ты не должна бояться. Я люблю тебя.

Девушка невольно вскрикнула, по пещере прокатилось эхо, отразилось от сферического потолка. Звезда терпеливо ожидала.

Дрожа, подскальзываясь по скользком полу, Молли встала, посмотрела вверх. С большим трудом она прошептала:

— Кто ты?

— Частью — Клиф Ястреб. Называй меня Клиф.

— Не могу! Ты чудовище!

— Чудовище? — Блуждающая звезда проанализировала термин, потом снова активизировала свой дистанционный громкоговоритель:

— Я твой любимый.

Лицо девушки сморщилось, но на этот раз Молли держала себя в руках. Улыбка ее была холодной и выглядела жутко в зеленом, без теней, свечении пещеры.

— Мой любимый! — ласково протянула она и задумалась. — Мне повезло. У какой девушки есть такой могучий любимый?

Звезда не понимала, что девушка близка к истерике. Она заметила, что аура Молли не приобрела нежного розовато-жемчужного оттенка, который звезда хотела вызвать. Звезда слишком мало знала о людях, чтобы понять Молли и ее поступки. Находясь в слите, она подплыла ближе, позволила девушке погладить густой мех. Пальцы Молли дрожали.

— Если я полюблю тебя, — с дрожью в голосе спросила Молли, — ты мне поможешь?

Могучие, неодолимые потоки энергии пронизали сознание звезды. Радость, возвышенное состояние духа или что-то близкое к этому. Звезда опустила слита к ногам Молли.

— Я сделаю для тебя все, — поклялась звезда через мембрану маленького громкоговорителя.

Молли тряслась, но не стала сопротивляться, когда страшные когти прижали ее к мягкому меху. Звезда почувствовала ее страх и постаралась

ободрить девушку.

— Здесь мы в безопасности, Молли. Здесь нам не страшны враги.

Но страх девушки почему-то не проходил.

— Я упала в воду, — прошептала она, — мне холодно…

Звезда повысила температуру меха слита, сделав его теплым. Но Молли все равно дрожала.

— Я человек, — прошептала она. — Мне нужна пища, вода. Я должна есть, иначе умру!

Перегруженный громкоговоритель прохрипел:

— Я принесу тебе еды! Я принесу все, что нужно. Но ты должна оставаться здесь, где мы в безопасности.

Звезда сделала пещеру уютнее: сжигающим лучом поля слита она высушила воду, принесла из башни мягкое сиденье. Она опустила дрожащую девушку на подушку и еще раз проникла в ее сознание, чтобы избавить Молли от ужаса. Девушка почти сразу заснула.

Используя тело слита, звезда покинула колодец. Миновав основной туннель, она вылетела в ночную тьму. Всего несколько секунд понадобилось звезде, чтобы домчаться до ближайшего человеческого жилища. Она спикировала на небольшой коттедж, раздавила какое-то четве-

роногое животное, залаявшее на слита, пробила стену и завладела холодильником с едой.

Сжав холодильник в могучих когтях, звезда вернулась к своему холму и здесь, задумавшись, остановилась.

Молли Залдивар едва не умирала от ужаса, это звезда была в состоянии заметить и понять. Но почему? Звезда, как и другие разумные существа, имела свойство заблуждаться. Она была уверена в совершенстве собственной структурной матрицы и не могла поверить, что Молли боялась именно ее — звезду. Поэтому она решила, что Молли испугалась слита. По обрывкам сведений из памяти Клифа Ястреба, звезда поняла, что огромные слепые глаза слита, его страшные когти — все это может привести в ужас существо, более слабое, чем слит. Звезда решила предстать перед Молли в ином облике.

Неподалеку от каменной полки, у входа в пещеру, лежал корпус робота-инспектора — на том же месте, где звезда его бросила. Звезда подключилась, подняла корпус в воздух, подхватила холодильник и помчалась по извивам коридоров к вертикальной шахте, а из нее нырнула в замороженный свет опалового «солнца» шаровой пещеры.

Молли не спала.

Звезда затормозила, зависла вне поля зрения девушки, покачивая в эффекторах холодильник. Молли уже не лежала, она находилась внутри башни и лихорадочно вращала ручки настройки древнего радио. Блуждающая звезда прислушалась — у робота была отличные рецепторы.

— Вызываю монитора Квамодиана! — всхлипывала девушка. — Энди, пожалуйста, отвечай!

Звезда знала, что передатчик не работает. Она повисла неподвижно, наблюдая за девушкой.

— Молли Залдивар вызывает монитора Квамодиана! Энди, я в ловушке! В пещере. Это существо… блуждающая звезда или, как там она называется… держит меня в ловушке… говорит, что любит меня! Она ни за что не отпустит меня!

Голова Молли поникла, но пальцы не выпустили регуляторов передатчика. Она всхлипнула.

— Прошу тебя, помоги! Это жуткое, отвратительное создание… чудовище… Я старалась обмануть его, сделать вид, что испытываю взаимность… чтобы оно меня отпустило! Ничего не вышло…

Робот, в котором сейчас обитала часть сознания звезды, подплыл к Молли. В его эффекторах покачивался тяжелый холодильник с едой. В

сознании звезды бушевали чувства, для которых она не имела пока названий, в которых мало разбиралась.

ИЗМЕНА. ГНЕВ. МЕСТЬ.

19

Взгляд рифника сверкал из-под насупленных русых бровей, словно плазменный овал панели робота-инспектора.

— Квамодиан, пришпорь лошадку! — ревел рифник. — Я прибавлю это адское создание к моим трофеям!

— Спокойно, рифник, — прошипел Квамодиан. — Плевал я на твою коллекцию. Меня волнует только жизнь Молли Залдивар!

Он навис над пультом флаера и в самом деле пришпорил машину, перейдя на максимальную скорость, отключив автомат управления — флаер мчался на аварийном ручном. Флаер был жалким оружием в сравнении со звездным существом. Обычный атмосферный флаер, имевший лишь несколько маломощных лучевых трансфлексных генераторов. Но ничего другого у Энди не было.

Они метеором мчались сквозь холодную дымку раннего утра, держа курс на скрытые в этой голубой дымке холмы и горный гребень. Над холмом с пещерой рифника все еще поднимался тонкий столб дыма, его сносило ветром. Квамодиан проводил дым взглядом, и вдруг щелкнул,

ожил приемопередатчик. В динамиках затрещало, загудело.

Энди нахмурился, наклонил голову поближе к динамику, прислушался.

— Что там? — проворчал рифник.

— Не знаю. Ничего не слышно.

В самом деле, слышен был только гул несущей волны. На секунду Энди подумал, что это Молли вызывает его. В памяти тут же ожили ее лицо, улыбка, смеющиеся глаза, огненные волосы. Но голос из динамика… нет, это был не ее голос.

Кто-то пытался связаться… голос медленно, с трудом что-то выговаривал. Энди вдруг стало тревожно.

— Что такое? — снова спросил рифник. — Квамодиан, что ты делаешь?

— Тихо!

Энди тронул настройку, стараясь сделать звук отчетливее. Это не робот и не транслятор-автомат, не достает механической четкости. И это не универсальный язык интергалактического общества, это был английский. И все же в звучании голоса было что-то чуждое, нечеловеческое. Это было похоже на монолог, гневный, отрывистый. Помехи не давали разобрать слова. Энди почему-то стало страшно.

Немного подняв флаер, он перешел на сверхзвуковую скорость. Черная лента дороги начала наматываться быстрее, промелькнули ближние холмы. Столб дыма превратился в темную полоску, остался позади.

Внизу, на дороге, что-то медленно двигалось.

Рифник схватил Энди за плечо.

— Это наша машина! Старый бульдозер, остался еще от Плана Человека… Теперь им, наверное, управляет звезда. Подбей его, парень!

Квамодиан дернул плечом, сбросил лапу рифника, всмотрелся. В самом деле, большая неуклюжая машина на смешных старинных гусеницах. Раздвоенные, как вилки, манипуляторы то поднимались, то опускались. Кабина была выкрашена в оранжевый.

— Флаер, — приказал Энди, — подбей эту штуку!

Флаер послушно выстрелил залпом посадочных ракет по ползущей машине. Как оружие эти ракеты не использовались, но могли послужить таковым. Залп миновал бульдозер, выбил несколько лунок в дорожном покрытии.

— Прошу прощения, — грустно сказал флаер, — я для таких операций не приспособлен.

— Стреляй в гусеницы! Используй все ракеты,

но останови его!

Бульдозер упорно полз вперед сквозь огненный ливень. Квамодиан развернул флаер, прошел над машиной, дав новый залп. Бульдозер повело вбок, казалось, машина скользит в луже огня. Энди увидел, как захлопала перебитая гусеница.

Бульдозер остановился. Флаер тут же завис над подбитой машиной. Энди и рифник смотрели вниз.

Сломанный бульдозер стоял поперек усеянной воронками дороги, несгоревшие остатки ракет испускали густой дым. Энди повернулся к рифнику.

— Я его остановил, — сказал он сердито. — Не вижу результата. Чего мы добились? Что скажешь?

— Скажу — вперед! И побыстрее! — рявкнул рифник. — Ты уничтожил один из инструментов звезды, но к самой бестии мы еще не приблизились. Вперед! Выкурим ее из норы!

Квамодиан пожал плечами и уже собрался отдать флаеру приказ…

Как вдруг завыла сирена. На панели во всей своей голографической трехмерности расцвели сигналы аварии. Пузырь-маркер выделил летящий объект, который показался из леса. Объект

светился бледно-зеленым светом.

— Это слит, монитор Квамодиан, — доложил флаер. — Космическое животное. Имеются указания: слит сейчас под контролем интеллекта, который вы ищете.

Реакция рифника была более краткой и бурной.

— Моя зверина! Осторожно! Он на завтрак может слопать дюжину таких флаеров!

— Осторожно? — передразнил Квамодиан. — Это пусть ваш слит поостережется. Флаер, ракеты остались?

— Две обоймы, монитор Квамодиан.

— Прикончи зверя!

Ранеты рванулись вперед, но… заряд почему-то не сработал. Хвосты трассеров погасли, брызнув красными искрами.

— Слит погасил их полем, — фыркнул рифник. — Надо применить что-нибудь посерьезнее.

— Давай последнюю обойму!

Энди ударил кулаком по выключателю ручной наводки трансфлексных лучей. Он развернул излучатели, послал вперед бледные смертоносные иглы лучей, направляя их на слита, который, приближаясь, рос прямо на глазах. Второй залп ракет привел так же к неуспеху, как и первый.

Флаер вдруг подкинуло. Энди грудью врезался в пульт.

— Неисправность, монитор, — заикаясь, доложил флаер. — Энергоснабжение…

Лучи побледнели, угасая, а тяговое поле исчезло еще быстрее. Зеленое свечение стало ярче. Сирена испустила серию приглушенных покашливаний — это следовало понимать как аварийное предупреждение.

— Держись! — крикнул Энди. — Сейчас мы вре-е…

И они врезались. Очень сильно — аварийные энергоподушки не сработали. Удар швырнул рифника и Энди на стенку кабины. Они покатились по кабине, как в пустой скорлупе кокосового ореха. Слит завис над ними. Вид его наводил ужас: размерами с лошадь, похожий на кошку, с могучими мышцами под черной кожей… Зеленые глаза-блюдца, слепые и холодные, уставились на них…

Рифник поднялся, каркнул хрипло:

— Он… может убить, монитор. Глаза!

Предупреждать Квамодиана не требовалось. Что-то уже запустило ледяные щупальца в его мозг, замораживая волю, пуская ледяной ток по позвоночнику и мышцам. Он напрягся, хотел

заставить конечности повиноваться, потянулся за пистолетом, который лежал под сиденьем, но холод надежно сковал члены. Он почти уже взял пистолет в руки, но тут рукоять выскользнула, пистолет покатился по перекошенному полу кабины. А слит висел, не спуская с флаера мертвящих глаз, его поле зловеще мерцало…

Затем огромные глаза слита несколько потускнели, и парализующие ледяные токи ослабели. Но Энди все равно не мог даже шевельнуться, он больше не был хозяином собственного тела, хотя понимал, что теперь не умрет глупой смертью. Существо по неизвестной причине уменьшило силу смертоносного излучения, которое высушило энергозапас флаера и едва не выпило жизнь из рифника и Энди.

— Я знал! — прохрипел рифник. — Я знал, он не убьет своего хозяина!

С невероятным трудом русоволосый гигант заставил себя встать, выпрямился, добрался до двери и вывалился наружу. Там он снова заставил себя встать — рядом с шелковистым телом космического зверя.

Забытый громкоговоритель снова щелкнул.

— Уходи, Квамодиан, — послышался голос. — Я дарю тебе жизнь. Но только уходи!

Это был тот самый нечеловеческий голос, наводящий ужас. Энди Квам, истратив последние силы, опустился на сиденье. Он видел, как сомкнулись вокруг рифника когти слита, как космическое существо рванулось в небо и унеслось вместе с рифником туда, где в просвете между холмами поднимался тонкий столб дыма.

Потом флаер дернулся, закачался, с трудом поднялся в воздух. Квамодиан не отдавал машине приказов, направление полета было известно. Поднявшись на сотню футов, флаер развернулся и полетел обратно в поселок.

Охота провалилась. Один охотник сам попал в плен, и его сейчас уносило к пещере, где росла и испытывала свои новые способности блуждающая звезда. Да и девушка, которую они пытались спасти, была сейчас такой же недостижимой для Энди, как самая дальняя из звезд.

Энди был уверен в одном — он проиграл. Он не справился даже с игрушкой блуждающей звезды, слитом. Возможностей обычного человека оказалось недостаточно.

20

Звезда в обличии робота-инспектора медленно погружалась в опаловый туман холодной пещеры. Холодильник вдруг показался тяжелым, и она его выпустила.

С грохотом, который прокатился по всей пещере, холодильник рухнул на каменный пол и раскололся. Грохот испугал Молли. Она подняла глаза — лицо ее казалось нечеловеческим в призрачно зеленоватом свете, — увидела черное лицо робота, вскрикнула.

На миг ее охватила безрассудная надежда — это робот из церкви Звезды, он пришел на помощь! Энди услышал ее зов и сам сейчас появится в пещере! Но надежда прожила недолго. Девушка с трудом встала, оставив бесполезный передатчик, начала спускаться по спиральной лесенке.

Мелодичный голос робота, который модулировался сейчас еще не очень опытной в этом деле блуждающей звездой, пропел:

— Молли Залдивар! Зачем ты обманула меня?

Она не ответила. Звезда проникла внутрь сознания девушки и прозондировала ее мысли.

— Я не причиню тебе вреда, — пропел робот. —

Не бойся… ведь я люблю тебя, Молли.

Лицо Молли дрогнуло, она подняла руки навстречу роботу.

— Если ты меня любишь, почему не хочешь отпустить?

— Потому что люблю… потому не могу отпустить… никогда.

— Тогда я ненавижу тебя, чудовище! — крикнула девушка изо всех сил.

В ее крике было отчаяние. Отчаяние в голосе, игра цветов в ауре — все это говорило звезде о ярости Молли. Звезда закружила робота колесом вокруг кружевной башни. Корпус показался звезде тесным. Она оставила робота безвольно висеть, а сама, превратившись в почти невидимое облачко плазмы, умостилась на металлических перилах, почти прямо под молочным туманом в центре пещеры.

Она снова заговорила с девушкой через динамики робота:

— Молли Залдивар, я силен, а ты слаба. Твоя ненависть не причинит мне вреда. Правильно?

Девушка бессильно кивнула, не проронив ни слова.

— Но и я не причиню тебе вреда, если в этом не будет необходимости… Мы останемся здесь,

пока… ты меня не полюбишь.

— Тогда я здесь и умру, — равнодушно сказала Молли.

Звезда потратила несколько наносекунд, обдумывая проблему. Наконец она сказала:

— Тогда я включу тебя в мое сознание, после того, как ты умрешь. И ты станешь частью меня, как Клиф Ястреб.

— Пожалуйста… не надо! — прошептала девушка.

Голос ее был слаб, но в нем уже чувствовалась ярость.

— Ты говоришь, что любишь меня, а если это правда, ты должен меня отпустить.

— Никогда, Молли Залдивар.

— Ты не имеешь права держать меня здесь!

— Имею. Я сильнее.

— Но есть существо сильнее тебя! — крикнула Молли. — Великий Альмалик сильнее тебя. Он отыщет тебя везде, как бы ты ни прятался.

Блуждающая звезда поискала в памяти значение слова «Альмалик». Потом нерешительно спросила:

— Что такое «Альмалик»?

— Альмалик, — ведущая звезда гражданина Лебедя. Он командует миллиардами фузоритов,

роботов, людей и звезд. И разыщет тебя в любом месте. Будь ты равен ему по силе, сообща они победят тебя!

Электронная плазма заволновалась, как поверхность тихого пруда, в который швырнули камень.

— Я уже столкнулась с роботом Альмалика, — сказала звезда. — И теперь он служит мне!

— Всего лишь робот! У Альмалика их миллиарды.

Блуждающая звезда ничего не ответила, задумчиво прильнула к поручню винтовой лестницы, изучая девушку. Та явно истощила запас жизненной энергии, зеленый огонь ауры постепенно мерк. Она ждала ответного хода блуждающей звезды.

Для звезды, которая мучительно овладевала тем, что люди называют эмоциями, Молли стала лучшим, хотя и ставящим в тупик, стимулом. В сознании звезды было много от Клифа Ястреба, чтобы придать силу и направления ее чувствам к Молли. Звезда теперь обладала двумя поведенческими составляющими, которые можно было бы определить как «любовь» и «жалость». Звезда понимала, что Молли — существо слабое, маленькое, смертное, напуганное. Она даже чув-

ствовала желание утешить девушку. Но у нее не было нужных эффектов.

Одновременно звезда понимала, что в некотором смысле эта девушка представляла для нее угрозу. Другое человеческое существо, Андрэ Квамодиан, испытывало к ней сильное влечение, с его стороны следовало ждать новых попыток нарушить положение вещей. Звезда полагала, что новые попытки окажутся неудачными, и тем не менее Квамодиан раздражал звезду. Она решила уделить часть внимания своим дистанционным орудиям — слиту и манипулятору, использовать их для разведки против поселка Мудрый Ручей.

Но некоторые загадки пока решению не поддавались, как ни старалась блуждающая звезда их разгадать.

Ответы на них находились далеко. Тогда звезда покинула свой железный насест, оставив дрожащую в страхе девушку одну с облаком опалового тумана.

Звезда послала свое сознание во Вселенную. Сначала она ощупала темные холмы над пещерой-пузырем, потом растянула поле восприятия, охватив несколько кубических миль. Она наблюдала за людьми, у которых похитила холодильник, изучала спящего Квамодиана, определила

положение собственных инструментов — слита и манипулятора. Потом потянулась дальше.

Она растягивала и растягивала поле восприятия, пока не объяла всю поверхность планеты, висевшей в пространстве между голой каменной луной и распухшим красным Солнцем — тем, что ударило по блуждающей звезде в первые минуты ее существования.

Солнце все еще сердилось. Блуждающая звезда внимательно изучила его, но не стала прикасаться — тройной плазменный шлепок не причинил ей вреда, но и дразнить светило она сочла неблагоразумным.

Звезда снова расширила поле восприятия, посылая щупальца-датчики к далеким звездам. Она обнаружила, что это тоже солнца, подобные земному: одиночные, двойные, тройные, пылающие в пустоте или в пылевых скоплениях. Некоторые уступали по размерам земной луне, некоторые намного превосходили массой и объемом злобное Солнце. Она заглянула дальше звезд, обнаружила там бесконечные пространства и свирепый холод. Потом в нескончаемой тьме она увидела огоньки других галактик. Ничего ранее не подозревавшая об их существовании, блуждающая звезда изучала их число и разнообразие. И

все время чувствовала присутствие непонятного наблюдателя, менее далекого, чем эти звездные скопления, но недоступного ее восприятию.

Она вернулась к ближним звездам.

Альмалик.

Пришло время разобраться с его сущностью.

Найти Альмалик было просто — в памяти пленного робоинспектора имелись координаты.

И звезда увидела великолепие могущественного Альмалика, его тринадцати солнц, каждое из которых превосходило размерами земное. Она изучила эти солнца, измерила их энергию. Шесть великолепных двойных звезд, иерархически организованных в три пары. Одна одиночная звезда со множеством планет. В видимом диапазоне тринадцать компонентов излучали разные цвета, но блуждающая звезда сразу заметила, что у них есть общее — некое золотистое свечение.

Альмалик заметил мимолетное прикосновение малютки-звезды.

ЗДРАВСТВУЙ, МАЛЫШ!

Это были не слова, Альмалик не разговаривал. Он послал сигнал, выражавший одновременно приветствие и снисхождение. Сигнал был силен, беззвучен, безмятежен.

МАЛЫШ, МЫ СЛЕДИМ ЗА ТОБОЙ. Беззвучный

голос был могуч, как гром, и нежен, как… что? У блуждающей звезды имелась одна аналогия — как любовь. МЫ ПОЛУЧИЛИ СООБЩЕНИЕ О ТЕБЕ, ТЫ УНИЧТОЖИЛА СУЩЕСТВА, БЫВШИЕ ЧАСТЬЮ НАС. МАЛЫШ, ЧЕГО ТЫ ХОЧЕШЬ?

Некоторое время звезда обдумывала вопрос, затем с трудом сформулировала ответ:

ЗНАНИЙ, ОПЫТА. — Пауза. — ХОЧУ ВСЕ.

Солнца Альмалика засветились золотым — это было как улыбка. Из-за пылевых туч, из-за тысячи иных звезд пришел ответ:

ЗНАНИЯ ТЫ МОЖЕШЬ ПОЛУЧИТЬ. ЗАДАВАЙ ВОПРОС.

ЗАЧЕМ ТЕБЕ МЕНЯ УНИЧТОЖАТЬ? — сразу же спросила блуждающая звезда.

Беззвучный голос Альмалика был спокоен, как прохладный ночной воздух, в нем чувствовалась бесконечная уверенность.

МАЛЫШ, МЫ НЕ ХОТИМ УНИЧТОЖАТЬ ТЕБЯ. МЫ НЕ МОЖЕМ УНИЧТОЖАТЬ ЖИВОЕ.

Зеленая вспышка гнева ослепила звезду. Противоречие! Слова Молли противоречили словам Альмалика. Звезда не знала, что такое обман, пока Молли не сказала, что любит, а потом своим поступком выдала ложь. Теперь звезда знала, что такое обман, но еще не подозревала, что всем

смертным свойственно ошибаться. Противоречие означало ложь, ложь — вражду. Багровая ненависть потрясла плазменную основу звезды.

Она замкнулась в себе, свернулась в светящийся клубок, погрузилась в недра горы. Планета как раз начала поворачиваться этой частью к зловещему утреннему солнцу.

Великолепие Альмалика исчезло. На некоторое время.

Звезда подплыла к Молли. Высоким певучим голосом робота она воскликнула:

— Мы уходим. Альмалик солгал. Я его ненавижу.

Измученная Молли лежала на подушках сиденья и смотрела на звезду.

— Я ненавижу Альмалик. Он думает, я маленькая, беспомощная. Но я расту. И буду дальше расти, пока не стану сильнее Альмалика.

В опаловом свете облака лицо девушки казалось мертвенно-бледным. Оно ничего не выражало. Молли равнодушно ждала, что еще скажет ей звезда.

— Я уничтожу Альмалик. И тогда ты полюбишь меня, Молли. Или я уничтожу и тебя.

21

Энди посадил флаер перед куполом контроля движения у станции трансфлекса и процедил сквозь зубы:

— Контроль движения! Соедините меня с Главным Штабом Товарищества Звезды! Альмалик-3.

— Ваши уполномочия, сэр? — вежливо поинтересовался купол.

— Полностью уполномочен! Высшая первоочередность!

— Одну минуту, сэр, — с сомнением сказал купол и секунду спустя сообщил: — Ищу ваш контур. Мы работаем с опозданием в двести секунд. Вы можете обождать?

— А что мне остается? — проворчал Энди и мрачно погрузился в объятия кресла. — Воинственные звезды, грубияны рифники — с кем только не приходится иметь дело!

Ответа не требовалось. Если это нужно, чтобы спасти Молли, он готов смириться.

На другом конце площади показалась маленькая бегущая фигурка. Подошвы взметали фонтанчики пыли, и когда мальчик достиг флаера, он совсем запыхался:

— Проповедник! — выдохнул Руф. — Где же мисс Залдивар?

— Все еще в пещере, — коротко ответил Энди. — Я так думаю. Потому что я ее не видел.

— Тогда… что вы будете делать?

— Ждать.

Но ждать долго не пришлось. Загудел громкоговоритель, и голос, принадлежавший явно не человеку, пропел:

— Товарищество Звезды. Говорит главнокомандующий отдела мониторов. Чем могу быть полезен?

— Можете послужить наилучшим образом, — воинственно заявил Энди, — если пришлете сюда аварийную бригаду. Говорит монитор Андрэ Квамодиан. Прошу… нет, отбой… Требую *немедленных* чрезвычайных мер!

Голос ответил с некоторой печалью:

— Ах, это вы, монитор Квамодиан! Мы уже приняли к сведению ваши сообщения.

— Ха! Еще бы! — рявкнул Энди. — На свободу вырвался искусственный разум в форме блуждающей звезды. Я потребовал у местных властей применить силу. Несколько человек и других живых существ уже пострадали в результате преступного эксперимента. Все это в моем рапорте.

И вы его проигнорировали.

— К сожалению, монитор, мы не увидели причин к действию.

— Думаете, я ошибся?

— Не «ошиблись», монитор, а просто необходимость жестких мер мы оцениваем намного ниже, чем вы.

— Понятно, — фыркнул Энди. — Тогда взгляните с другой стороны. Монитор Товарищества Звезды страдает параноидальным психозом. Он уверен, что на него и его друзей напали чудовища. В безумии он способен на акты насилия. Это повлечет дискредитацию статуса мониторов Товарищества. Ваша оценка необходимости жестких мер?

— Монитор, это просто ужасно! Мы немедленно высылаем аварийную бригаду! Кто же этот психически пострадавший монитор?

— Я, — отрезал Энди и отключил связь.

Флаер они оставили посреди площади перед воротам трансфлекса. Флаер тихо ворчал:

— Какая глупость! Вас выставят из мониторов как пить дать. Что я тогда буду делать? Возить каких-нибудь туристов…

Дом Руфа был в нескольких минутах ходьбы. Там Энди принял душ, поел, жадно выпил хо-

лодного густого молока, которым его угостила кухонная машина. Он решил использовать время до прибытия аварийной бригады, чтобы собраться с мыслями.

— Еще долго, проповедник? — нетерпеливо спросил Руф. — Они скоро будут здесь?

Квамодиан мысленно прикинул.

— Минут двадцать на обдумывание, полчаса на сбор бригады. Десять минут — на получение первоочередности и несколько секунд на транзит. Через час, думаю, прибудут.

— У-ух! Осталось двадцать минут! И я увижу этих трехголовых созданий, жуков с зелеными панцирями и…

— У нас не принято делать замечания насчет внешности, запомни, — строго оборвал мальчика Квамодиан. — Тебя родители этому не научили?

— Гм… учили, — признался мальчик.

— Кстати, — вспомнил Энди, — а где же они? Их опять нет дома?

Мальчик переступил с ноги на ногу.

— Дома, конечно. Просто… они заняты.

— Руф, что за вздор! Ты что-то скрываешь. Давай рассказывай!

— Это все чепуха, проповедник. Понимаете… они странно себя вели. Улетели на флаере в Ну-

ово Йорк.

— Нуово Йорк! Ого, две тысячи миль.

— Немного больше. Я так думаю, в оба конца уйдет по два дня пути.

— Но зачем?

— Это-то и странно. То есть… с родителями все в порядке. Они нормальные, совершенно. Просто они говорили то же самое, что говорите вы. Насчет искусственного разума, который вырвался на свободу, а робот-инспектор их не слушает, и что у них нет права прямого контакта с Альмаликом. Поэтому они решили слетать в Нуово Йорк и сообщить тамошним властям. Может, они заинтересуются.

Квамодиан был настороже.

— И все-таки ты что-то скрываешь, Руф, — сказал он, пристально глядя на мальчика. — Почему же ты сразу не рассказал? Чего стыдился? Ведь звезда в самом деле существует.

— Конечно, проповедник, только…

— Только — что?

Мальчик всхлипнул.

— Они о ней заговорили два дня назад. Когда улетели.

— Не может быть! Тогда она еще не родилась. А, я понял!

Мальчик кивнул с несчастным видом.

— Да, вот это-то меня и пугает слегка, проповедник. Они думали, что звезда уже существует, а на самом деле ее еще не было.

Они подошли к кубу трансфлекса, в запасе оставалось еще несколько минут, но бригада прибыла раньше времени. Времени аварийщики зря не теряли. Купол контроля приказал через радио флаера:

— Всем в сторону! Дорогу прибывшим с Альмалика-3!

— Ух ты! — прошептал Руф.

Глаза его сейчас напоминали кольца Сатурна, и тревога о родителях временно вылетела из головы.

— Где же они? Они должны выйти? Почему они не выходят? О!!!

Из куба станции вылетело полдюжины зеленых пружинок. Они вращались друг вокруг друга, издавая тонкий свист.

— Что это? — спросил пораженный Руф.

— Глазеть невежливо, — напомнил мальчику Квамодиан. — Не могу припомнить название… какой-то многочленный гражданин.

— А там? У-ух ты! Поглядите вон на того!

— Не волнуйся. Все это вселенские граждане.

Но даже Квамодиан задержал дыхание, когда из-за розового пузыря, почти прозрачного, показались узкие, как щели, глазницы и акульи зубы гражданина явно хищного происхождения. Остальная часть этого члена бригады оказалась не лучше: он прыгал на мощных когтистых лапах, как кенгуру, и имел две пары верхних конечностей, совершенно бескостных, как хоботы у слона. Каждый хобот оканчивался ярко-голубым органом, очень похожим на рыло крота.

Четвертый член бригады был человеком, причем настолько знакомым, что Энди вытаращил глаза. На ней было одеяние галактогражданина с утонченным вкусом, косметика изменила лицо до неузнаваемости, темные волосы вздымались ароматической башней. Но переменить костюм и грим, надеть на нее простое платье Молли — вместо этих ртутно-зеркальных обтягивающих брюк, пушистого корсажа и наплечников, убрать нарисованные на коже бриллианты, соскрести двухдюймовые ломаные брови, ярко-голубые тени с глаз и румяна со щек, — и будет точная копия Молли Залдивар.

Широкими шагами она направилась к Энди и вдруг замерла. Глаза широко раскрылись, как у испуганной куклы, на лице проступил насто-

ящий румянец. Яркие губы раскрылись, словно она собиралась изумленно вздохнуть. Но девушка не произнесла ни слова. Она лишь качнула головой и подошла к Квамодиану.

— Монитор Квамодиан… — голос ее чуть заметно дрогнул. — Вы меня не узнаете? Я старший монитор Клотильда Квай-Квич. Наверное, вы хотели бы узнать, как нам удалось вернуться в штаб-квартиру…

Энди проглотил комок в горле, вытер ладонь о куртку и протянул ее для рукопожатия.

— Очень рад, что вы выбрались. Я пытался узнать, что с вами, но никто не мог мне объяснить.

— Чепуха, перейдем к делу, — энергично сказала Клотильда. — Пожалуйста, будьте кратки, помните об ответственности. Ваши идиотские действия вынудили меня оставить очень интересную работу. Мне поручили разобраться, что вы здесь наворотили. И что, черт побери, собираетесь теперь делать.

— Но я не вмешиваюсь в… — ощетинился Квамодиан.

— Инспекторы безопасности движения считают иначе. Если вам нужно объяснять на пальцах, то извольте: блуждающая звезда, с которой дав-

но вступил в контакт Клиф Ястреб, старалась не допустить вашего вмешательства в судьбу новорожденной звезды. Вот почему она послала доктора Скотта на перехват. Вот почему она посадила вас в ловушку. И она будет вынуждена предпринять новые действия, если вы не остановитесь.

Времени поинтересоваться, каковы эти возможные действия, Клотильда ему не дала.

— У меня и членов бригады мало времени. Мы намерены использовать наше пребывание здесь более чем эффективно. Начнем с осмотра места происшествия — нелепого и ненужного, которое случилось только из-за вашей глупости.

— Но я ни при чем! — вспыхнул Энди и опустил руку, которую так и не пожали. — Да я из города не мог выбраться даже…

— Мы теряем время! — отрезала Клотильда, не обращая внимания на слабый протест Энди. — Мои товарищи передвигаются сами, а мне нужна машина.

— Да, конечно. — Он беспомощно пожал плечами. — Вот мой флаер.

Без лишних слов благодарности старший монитор величественно проследовала мимо и забралась в кабину. Энди, как громом пораженный,

последовал за ней. Мальчик поймал его за руку.

— Проповедник, что это на вас нашло?

— Не знаю, — грустно тряхнул головой Энди. — Просто не знаю.

Секунду спустя он сидел в кабине рядом с Клотильдой.

22

Теперь блуждающая звезда, которая заметно выросла, стала сильнее и умнее. Она чувствовала тревогу и заботу неведомого наблюдателя, но не просила ни помощи, ни защиты.

Для Молли, потерявшей всякую надежду, звезда не слишком изменилась. Это по-прежнему было облако электронной плазмы, управляемая буря заряженных частиц, которые мгновенно убили бы девушку, если бы энергия звезды не привязывала компоненты к центральной части.

Но звездное создание питалось и росло. Звезда ассимилировала нейтронные матрицы Клифа Ястреба, робота-инспектора, слита, сотен поглощенных ею живых организмов. До полной зрелости ей было, конечно, далеко. Просто она стала взрослее — и по размерам, и по возможностям, хотя до зрелого понимания самого себя этому существу предстояло пройти еще немалый путь.

Молли молча смотрела, как огненный вихрь призвал слита, вошел в черное тело космического чудовища и спикировал на нее. Слит осторожно, не причинив ни малейшей боли, подхватил

Молли острыми, как бритва, когтями — сейчас их прикрывали бронированные чехольчики наподобие ножен. Слит взлетел, пронизал светящийся туман в центре пещеры и помчался по извилистым коридорам к поверхности.

Молли не шевелилась. Она уже потеряла способность волноваться и даже испытывать страх. Она не сдалась, просто устала.

Она бы не стала сражаться, если бы знала, как близка к смерти из-за ионизирующего излучения облака в пещере. Но она об этом не знала.

Ее зеленую ауру, по которой звезда судила о состоянии Молли, больше не разнообразили оттенки эмоций. Ни изумрудной ненависти, ни фиолетово-голубого страха, ни искры любви. Эмоции покинули Молли.

Окружив Молли пузырем воздуха, который слит удерживал в своем поле, звезда покинула земную атмосферу.

Они мчались сквозь «густой» поток космического ветра — на расстоянии одной астрономической единицы он был настолько слаб, что земные приборы едва ли зарегистрировали его, он оказался весьма ощутимым при скоростях, которые развивал слит, движимый звездной энергией блуждающей звезды. Несмотря на «ветер», они

через несколько минут миновали газовые гиганты, Юпитер и Сатурн, пространство стало почти пустым, и звезда «пришпорила» слита.

Казалось, само время остановилось.

Теперь блуждающая звезда управляла не физическими энергиями, а трансфлексными полями и своими собственными. Совершая умопомрачительные прыжки между складками пространства, сквозь космический холод, призрачные океаны и головокружительные бездны, они устремились к золотистым солнцам Альмалика.

И достигли цели.

Тихий певучий голос прошептал на ухо Молли:

— Смотри! Я начал уничтожать Альмалик!

— Это тебе не по зубам, — угрюмо сказала Молли.

— Смотри! — снова прошептал голос, и наступила тишина.

Блуждающая звезда заставляла вибрировать молекулы воздуха в пузыре вокруг слита, производя слышимые человеческим ухом звуки. Громкость была невелика, но в атмосферном пузыре, где Молли завороженно созерцала великолепие тринадцати компонентов Альмалика в полном безмолвии межзвездного пространства,

голос показался оглушительным. Других звуков здесь не было, не считая стука сердца Молли, ее дыхания и вздохов слита.

— Я начинаю! — шепотом крикнула звезда.

Как коршун падает на землю, она спикировала на ближайшую планету.

Планета уступала размерами Плутону и находилась дальше от светила. Горизонт казался слишком закругленным, поверхность изуродовали шрамы замерзающих газов.

Звезда овладела планетой, вошла в нее… и стала планетой. Она жадно поглощала новые атомы, всасывая электроны в свои растущие мыслительные матрицы, пила энергию из льда и камня. Она опутала пространство зондами-щупальцами, обнаружила маленькую луну, а подальше — металлическую конструкцию с органическими организованными массами внутри. Блуждающая звезда не знала, что это был космический корабль. Ей не нужно было это знать.

Она притянула к себе корабль, который врезался в лед, образовав кратер. Со слитом она обошлась аккуратнее, но недостаточно ловко. Зверь ударился о башню окаменевших гидратов, взревел и обмяк. Вместе с исчезнувшим полем слита испарился воздушный пузырь вокруг

Молли. Теперь Молли лежала, открытая убийственному вакууму космического пространства.

Несколько наносекунд звезда оценивала происшествие. Она встревожилась, если так можно сказать о звезде.

Потом протянула зонд к каменному выступу-полке под слоем замерзших газов, потрясла девушку, создавая звуковые колебания.

— Молли Залдивар! — прогрохотала планета. — Что с тобой?

Девушка молчала. Свернувшись клубочком, она лежала на кристаллическом снегу рядом с мертвым слитом. Она не дышала — ей нечем было дышать. Темная кровь вскипела и замерзла на ее лице.

— Молли Залдивар! — застонала планета. — Ответь!

Но ответа не было.

Блуждающая звезда оценила свои силы, свое возросшее могущество. Она стала планетой, у нее была оболочка из твердых газов, каменная кора, подобие сердца из остывающей магмы. Звезда не привыкла к такому большому телу, и она жалела, что тело ее — такое холодное, безвоздушное, твердое — неласково к Молли.

Из разбившегося корабля появились органи-

ческие существа, облаченные в искусственные металлоидные шкуры. Звезда не знала, что эти галактограждане могли помочь Молли. Она выстрелила плазменным эффектором и уничтожила их. И тут же опять почувствовала сожаление — у этих конгломератов из органики были запасы воздуха, воды, тепла, герметические оболочки. Это можно было использовать.

Неважно! Теперь она стала планетой и распоряжалась всеми ее ресурсами. Она не даст Молли погибнуть.

Она закутала Молли в кокон из трансфлексного поля, нагрела замороженные газы вокруг нее. Взяв часть органической материи у погибших существ, звезда залечила повреждения на теле Молли, согрела ее окоченевшее тело, помогла ей снова начать дышать, раздула искорку жизни…

И девушка вздрогнула, открыла глаза…

— Что ты делаешь со мной, чудовище? — простонала она.

— Спасаю твою жизнь, — прогрохотали скалы. — И собираюсь уничтожить Альмалик.

— Не выйдет! — всхлипнула девушка.

— Смотри!

Поле звезды стало намного обширнее, она обняла все континенты сумеречного ледяного мира,

все его древние скалы, снежные моря…

И всей своей мощью блуждающая звезда готовилась нанести удар.

Она задержала бег планеты по орбите, направила его к внутренним областям системы, к великолепному белому солнцу — самой яркой звезде содружества.

Охваченная ненавистью, она мчалась роковым курсом, чтобы столкнуться со звездой.

Слит был жестоко ранен, но еще жив. Существо, самой эволюцией созданное для боев с пироподами в открытом космосе, нелегко было убить. Слит шевельнулся, огромные слепые глаза уставились в пространство, потом повернулись к Молли. Под толстой черной кожей волной перекатывались мощные мускулы. Ожило поле, слит поднялся над слоем замерзших газов.

Слит не был разумным существом вроде человека, хотя и обладал рудиментами сознания. Он догадывался, что им управляли, но теперь контроль исчез — звезда была полностью поглощена управлением планетой. И слит вспомнил о Молли Залдивар…

Когда звезда снова подумала о девушке, ее уже не было на старом месте.

Звезда устремилась в погоню и быстро отыска-

ла беглянку.

Верхом на шелковистой спине слита, закутанная в его трансфлексное поле, она все дальше уносилась от ледяной поверхности планеты, направляясь к внутренним мирам большой белой звезды, к которой приближалась и сама планета.

Блуждающая звезда метнула ей вслед щупальце плазмы — поток электронов, организованный трансфлексным полем. Щупальце легко пронизало атмосферный пузырь слита.

— Куда ты летишь, Молли Залдивар? — завизжал воздух над ухом Молли.

Та повернула голову, посмотрела на светящиеся щупальце, но не ответила. Звезда задумалась. Странно, но девушка показалась ей красивой. Ее волосы отливали огнем в лучах красного компонента Альмалика. Голубые солнца углубили фиолетовый оттенок глаз. Но какая разница? Почему матрицы Клифа Ястреба до сих пор оказывают на нее такое воздействие? Блуждающая звезда снова заставила воздух в пузыре слита вибрировать:

— Я люблю тебя, Молли Залдивар. Когда-то я была такой крохотной, что ты даже не могла меня видеть. Теперь я огромна, а ты — пылинка рядом со мной. Мы никогда не были равны, я не

знаю, как преодолеть пропасть между нами, но… я люблю тебя!

— Ты безумное чудовище! — сказала Молли, но взгляд ее потеплел.

Звезда задумалась на долю секунды.

— Куда ты летишь? — потребовала она ответа.

— К населенным планетам. На Каймар. Там они найдут способ расправиться с тобой. Их нужно предупредить.

— Ты ненавидишь меня?

Нахмурившись, девушка посмотрела на огненный эффектор, покачала головой.

— Ты не выбирал себе внешность.

Блуждающая звезда внимательно следила за аурой Молли — не сверкнет ли изумрудом ненависть. Но ненависти не было. Тогда звезда поспешила спросить:

— Теперь ты меня любишь?

Золотистое в свете Альмалика лицо девушки дрогнуло.

— Но как это возможно? Я человек, а ты… чудовище!

Ее фиолетово-голубые глаза влажно блеснули.

— Я люблю тебя…

— Сумасшедший! — всхлипнула девушка. — Мне жаль тебя. Ты искалечен обстоятельствами,

напрасно тратишь силы. — Она тряхнула головой, разноцветные огни солнц Альмалика затанцевали в волосах. — Мне очень жаль тебя!

Молли помолчала и добавила:

— Если я кого и люблю, так это малыша Энди. Да, монстр, я вернусь к нему. Как только доберусь до Каймара, передам предупреждение. Когда тебя уничтожат… вернусь трансфлексом на Землю. Мне жаль тебя, монстр.

— Они не смогут уничтожить меня.

— Смогут… если только ты не убьешь меня, чтобы я не успела предупредить.

Звезде понадобилось несколько микросекунд на размышление. Потом снова завибрировал воздух в пузыре:

— Я не убью тебя! — тихо вскрикнула она. — И меня они не сумеют уничтожить. Знаешь, что будет? Я покончу с Альмаликом раньше, чем ты успеешь его предупредить!

Звезда втянула огненное щупальце. Девушка изумленно посмотрела вслед огненной полосе.

Блуждающая звезда накапливала энергию, готовясь к нападению.

Она повысила напряжение полей, двигавших планетную массу. Гранитная кора заскрипела, застонала — звезда начала уплотнять шар, сплю-

щивать пики и горные хребты, сжимать снежные пустыни. Она формировала из планеты компактный снаряд и мчалась прямо на ослепительное солнце.

Я ПОГИБНУ, думала звезда, НО И АЛЬМАЛИК ТОЖЕ ПОГИБНЕТ.

Скопления фузоритов, составляющие заметную долю существа Альмалика, заметили враждебного пришельца. Предупрежденное Солнце лениво подняло защитный эффектор.

Но прореагировало не белое светило, лежавшее прямо по курсу. Эта звезда сохраняла спокойствие, игнорируя опасность. Расположенный над ним двойной гигант — золотой и голубой — выстрелил разрядом плазмы.

Разряд вылетел из недр желтого гиганта, и энергия его была чудовищной. Толщиной плазменная змея превосходила диаметр планеты, в которой обитала блуждающая звезда.

Но разряд попал в Молли Залдивар!

Блуждающая звезда уловила красный всплеск ужаса Молли, которая увидела летящее к ней золотое кольцо огня. ПОМОГИ МНЕ МОНСТР! Звезда не слышала слов, она поняла смысл крика о помощи и поспешила на выручку. Она создала вокруг девушки щит из витков плазмы, но золо-

тая рука Альмалика была сильнее. Она пробила защитную стену, опутала Молли и слита золотистыми нитями и унесла добычу к двойному желто-голубому Солнцу.

Блуждающая звезда не могла помочь Молли. Но ее пронзило чувство, которому она еще не знала названия. Это была безумная радость. ОНА ЗВАЛА МЕНЯ! ОНА ПРОСИЛА О ПОМОЩИ! ЕСЛИ Я НЕ МОГУ ЕЙ ПОМОЧЬ, ТО Я ЕЩЕ МОГУ ПРИКОНЧИТЬ БЕЛУЮ ЗВЕЗДУ! БЕРЕГИСЬ, АЛЬМАЛИК!

Блуждающая звезда замедлила полет, собираясь с силами, готовясь взять под контроль еще более могучие энергии. Она хладнокровно оценила свои возможности и пришла к выводу, что еще недостаточно сильна. Еще рано. Нужно стать сильнее.

Полужидкие массы железа и тяжелых элементов, запечатанные в недрах планеты, еще не растратили жар. Звезда принялась впитывать их энергию. Вдоль плазменных волноводов били управляемые молнии. Масса планеты была теперь для звезды, как камень для пращника, оружие для уничтожения врага.

Звезда повышала напряжение тяговых полей, пока не задымились раздавленные горные хребты, а снежные моря не вскипели. Кора

раскалывалась в судорогах землетрясений, а в возрожденной атмосфере заиграло полярное сияние.

Звезда разгонялась, готовая протаранить вражеское солнце.

Но и Альмалик был готов к бою.

Двойное Солнце снова ударило золотой змеей плазменного разряда. Словно острие шпаги, разряд пронзил защитные поля, кипящие моря, пробил кору. Блуждающая звезда хладнокровно оценила потери. СИЛЬНО, НО НЕ СЛИШКОМ. Я ЕЩЕ МОГУ ВЫИГРАТЬ БОЙ!

Плазменный клинок свернулся кольцами, как змея, отскочил, ударил во второй раз, в третий. Поверхность планеты покрылась раскаленными кратерами, сейсмические волны сотрясали ее тело. И блуждающая звезда почувствовала жгучую боль.

Но она не позволила уничтожить себя.

Она собрала последние резервы, напрягла поля, удерживая распадающийся мир в невидимом кулаке. И отважно — она училась на ходу — попыталась использовать энергию разрушающего разряда, золотой плазменной змеи.

Молли и слит давно исчезли из поля восприятия, плазменная сеть унесла их к внутренним

планетам. На расстоянии многих астрономических единиц не осталось ни одной молекулы вещества — все втянула в себя блуждающая звезда и обратила в энергию.

Она уцелела. Она продолжала упрямо двигаться вперед. Она гордилась своей дикой бунтарской энергией, она была готова к удару по белому Солнцу. И далекий наблюдатель, как и она, исполнился радости.

23

— Монитор Квамодиан! — радостно сообщил флаер. — Вам нужен инвертор, иначе вы ничего не услышите. А они о вас говорят.

Энди бросил взгляд на Клотильду, которая, презрительно поджав губы, осматривала кабину флаера.

— Не знаю, стоит ли, — тихо сказал Квамодиан.

Не удостоив его взглядом, девушка сказала громко:

— Ваше желание особой роли не играет, монитор. Несомненно, членам бригады понадобится задавать вопросы, чтобы получить справку или указание. Тратить время на перевод я не намерена, поэтому советую запастись соответствующим акустическим устройством.

Энди с ворчанием принял ушную вставку, которую протянул эффектор флаера.

— …старая развалина, — запищало в ухе. — Мы следуем за тобой, но будь добр, пошевеливайся.

Голос звучал несколько странно, как будто одновременно, хором разговаривали несколько человек. Квамодиан решил, что голос принадле-

жит зеленым спиралькам.

Не обращая внимания на реплику, он быстро проверил показания приборов на панели. Гомеостат флаера успел починить повреждения, запастись новыми обоймами ракет.

Едва ли они понадобятся, подумал Энди, но все-таки лучше, чем ничего.

— Кажется, мы в полной готовности, — объявил он.

— Приступим к делу? — нетерпеливо предложила старший монитор.

Квамодиан поднял флаер в воздух. Солнце ударило в глаза, когда он разворачивал машину. Красный диск, ставший раза в два больше нормального, потускнел, и Квамодиан почти свободно мог на него смотреть. Диск был усеян кляксами пятен. Он хотел обратить на это внимание старшего монитора, но передумал. Она новичок на Земле, могла и не понять, что у Солнца странный вид. Сама узнает, решил Квамодиан. В любом случае, это не играет особой роли. Главное, теперь у него есть подмога.

Они стрелой неслись на юг, миновали озеро и первые холмы. Зеленые пружинки легко следовали за флаером, розовая полупрозрачная сфера не отставала. Галактогражданин-хищник пока-

чивался на сиденье позади, а Руф сидел между ними, с опаской косясь на клыки хищника. В инверторе шел разговор, но Энди не обращал на это внимания. Мнение этих существ его не волновало. Ему нужна была их помощь.

Когда они достигли цели, уже начало темнеть. Хотя солнце не успело полностью закатиться, его потерявшие былую яркость лучи создавали лишь видимость вечерней зари. Энди описал круг над пещерой, высматривая слита или какую-нибудь другую опасность. Ничего подозрительного. На всей местности лежал зловещий багровый отсвет. Мертвый покой.

Он осторожно повел флаер к развороченному входу в пещеру.

— Пусто, — тоненькими голосами пропели пружинки. — Мы ничего не регистрируем. Ниже имеется второй вход.

Старший монитор бросила вопросительный взгляд на Энди.

— Заметны следы разрушений, — призналась она.

— Я же говорил!

— Да. Вероятно, произошла ошибка.

— Новые сигналы, — пропели зеленые спиральки. — Достойно внимания.

Зашелестел голос розового пузыря:

— В глубинной области этой зоны были приведены в действие силы значительной величины. Там до сих пор источник энергии с необычными характеристиками!

— Нужно расследовать! — почти извиняющимся тоном сказала старший монитор.

— Верно, — фыркнул Энди и послал флаер вокруг горы по спирали, отыскивая нижний вход.

Гражданин-облако оказался там раньше всех, повис у отверстия, как облачко пара у носика чайника.

— Идите вперед, — прошелестел он. — Неконцентрированная материя моего тела легко уязвима.

Квамодиан не ждал разрешения. Он направил флаер в черное отверстие, шаря лучом прожектора — не притаился ли где слит? Нет ли следов Молли? Он обнаружил лишь уходящий вниз коридор.

— Энергия высокой мощности, — пропели пружинки, кружа у стены со скрученными стальными подпорками. — Явные следы трансфлексных полей. Следы плазменной активности.

Руф, позабыв о зубастом бригаднике, перегнулся через плечо Энди.

— Ух ты! Здесь и в самом деле здорово шарахнуло!

В последнем сомнений не было. Флаер осторожно скользил вперед на силовой подушке. Квамодиан сразу понял, что источник взрыва имел особую природу. Впервые он по-настоящему представил, что скрывается за словами «блуждающая звезда». Хотя первоначальная масса звезды не превышала нескольких граммов, она уже командовала силами, способными скрутить стальные балки и сокрушать гранитные склады.

Бригадник-хищник что-то провыл. Инвертор в ухе перевел фразу:

— Осторожно! Старший монитор, не доложить ли нам сначала Альмалику?

Девушка закусила губу, но Квамодиан ее опередил:

— Нет! — рявкнул он. — Мы и так тянули слишком долго. То есть вы тянули. Может, Молли сейчас умирает там или даже…

Они приближались к концу коридора. Квамодиан посмотрел на Клотильду и направил флаер вниз, в отвесную шахту.

Флаер спускался первым, за ним — спиральки, потом — розовое облако. Туманный зеленоватый свет превратился в шар, они оказались в

обширном сферическом пространстве, в самом сердце холма.

— Поразительно, — прошептала Клотильда.

Облако прошелестело с опаской:

— Энергия достигла значительного напряжения! Я не хотел бы приближаться!

— Тогда оставайтесь на месте, — проворчал Квамодиан. — Интересно, что это такое? Есть предположения?

Монитор Квай-Квич покачала головой.

— Какая-то древняя военная база, мне кажется. Очевидно, еще времен Плана Человека. О том периоде мало архивных данных. Но этот ядерный огонь! — Она показала на фосфоресцирующее облако над платформой башни. — Какой источник энергии? Я почти готова вам поверить, монитор. С такой энергией можно попробовать создать блуждающую звезду!

Энди ехидно усмехнулся про себя. Не снимая вспотевших ладоней с рукояток наводки ракет, он опустил флаер еще на фут к влажному полу пещеры. Сплющенный короб оранжевой кабины, расчлененный мотор и гусеничные траки от манипулятора — какая сила так расправилась с машиной? Вот что-то еще… Примитивный пищевой рефрижератор с белым кожухом? Квам не

сразу сообразил, каково его назначение, а когда понял, содрогнулся. Значит, Молли была здесь. Пища предназначалась для нее.

Содержимое холодильника в беспорядке валялось на полу. Дверца перекосилась, пищевые пакеты разлетелись по всей пещере. А что это за черный корпус поперек решетки стока, через который из пещеры отводился избыток влаги?

Клотильда угадала первой.

— Робот-инспектор! — ахнула она. — Значит… все правда!

— Правда? — с обидой переспросил Руф. — Мисс Квай-Квич, мы вам то же самое всю дорогу твердим! Конечно, правда!

Но было поздно наслаждаться триумфом. Энди едва слышал обмен репликами. Прищурившись, напрягая внимание, он бросал луч прожектора во все стороны. Но больше ничего не нашел. Обломки, ажурная паутина башни, мерцающее облако ядерного тумана, слезящиеся стены. Больше ничего.

Он был уверен, что Молли была в этой пещере.

Куда она исчезла?

…Его отвлек нервный вздох гражданина-облака:

— Энергия ионизирует мой газ. Мне трудно

управлять телом. Я должен вернуться на поверхность.

— Вперед, — рассеянно сказал Энди.

— Нам следует сделать то же самое, — пролаял зубастый. — Здесь опасно оставаться!

— Одну минуту, — сказал Энди.

Он наблюдал, запоминал, анализировал. С бесстрастностью хладнокровного аналитика он признал, что до сих пор позволял страстям управлять своими действиями. Были забыты все навыки и приемы анализа и синтеза, составлявшие основу его обучения.

Теперь он пришел в себя. Перед его мысленным взором разворачивалась картина событий. Клиф Ястреб, бунтарь, авантюрист, искусный инженер-транзитник. Рифник, черствый женоненавистник. И они провели здесь месяцы, может, годы без всякого надзора, имея в своем распоряжении огромную энергию.

Все логично, отметил про себя Энди. Научное любопытство Ястреба, ненависть рифника к людям, а особенно — к фузоритному братству. Все сходится — люди, место, возможности. Они создали блуждающую звезду, и она в ответ убила первого, а второй исчез бесследно.

Но едва ли звезда причинила вред Молли.

Звезды здесь больше нет. Иначе ее сразу бы засекли члены бригады. Звезда исчезла. И, как предполагал Квамодиан, вместе с ней исчезла Молли.

— Энди, — неуверенно сказала Клотильда, — то есть монитор Квамодиан…

— Да? Что такое?

— Возможно, наши товарищи правы. Мне здесь не нравится.

Квамодиан нахмурился. Потом у него возникло ужасное подозрение.

— Клотильда! Что сказало облако?

— Вы имеете в виду…

— Да! Насчет энергии. Что он сказал?

— Что она ионизирует его газ. Ему нужен свежий воздух!

— Флаер! Анализ излучения, скорее!

— Я уже думал, вы не полюбопытствуете, — обиженно проворчал флаер. — Излучение смертельно, восьмикратное превышение допустимого уровня. Безопасное время на данном расстоянии — один час. Мы находимся в зоне облучения девятнадцать минут. Я намеревался дать предупреждение через шестьдесят секунд.

— Улетаем! — приказал Энди.

Флаер завертелся, взял направление на отвес-

ную шахту в потолке. Промелькнула смертоносная светящаяся сфера, потянулась тугая спираль коридора. Энди не замечал ни того, ни другого.

Как долго провела Молли в пещере, испытывая смертоносные лучи? Об этом Квамодиан мог только догадываться. С момента похищения прошло восемнадцать часов. Хотя бы половину времени она должна была провести в пещере. И если это так, она уже практически мертва.

24

Они вырвались из зева пещеры в прохладную ночь. Все страхи и печали Квамодиана оказались бессильны перед картиной, которая открылась его взору, едва лишь он поднял глаза.

Над ним распростерся небесный купол в кружевной сетке голубого и фиолетового огня. Бледные молнии титанических разрядов, беззвучно пульсируя, медленно извивались. Они были такими яркими, что от деревьев на склоне падали тени.

Зубастый бригадник подался вперед, Энди почувствовал его горячее дыхание на щеке. Дыхание слегка отдавало рыбой.

Зубастый провыл:

— Необычный для вашего неба спектакль, не правда ли? Что случилось?

— Думаю, наше собственное светило превратилось в блуждающую звезду. Почему — не знаю.

— Невозможно! — воскликнула старший монитор. — Солнце не относится к мыслящим светилам. С его стороны еще никогда не регистрировали и намека на сознательную деятельность.

Квамодиан показал на полярное сияние.

— Тогда объясните, что мы наблюдаем.

Послышался хор зеленых спиралек:

— Стелларная активность местного светила повысилась примерно в два раза. Три вывода: звезда вошла в стадию предновой, предыдущая оценка способностей Солнца была ошибочной, Солнце обрело сознание. Первый и второй варианты отклоняются как невозможные.

— Полагаете, Солнце превратилось в блуждающую? — с вызовом спросила Клотильда. — Какова вероятность феномена?

— Не имеем данных для сравнения.

— Доложите Альмалику! — приказала Клотильда. — У вас есть тразитный орган коммуникации.

— Мы принимаем сигналы Альмалика с помехами, — ответили пружинки. — Идет полная бессмыслица. Подтверждения о приеме наших донесений мы до сих пор не получили.

Квамодиан решил, что с него хватит.

— Забудьте про Альмалик! И на наше солнышко пока внимания не обращайте. Мы им позже займемся. Сейчас меня больше всего заботит судьба Молли Залдивар. Возможно, девушка где-то здесь, рядом. Попробуйте засечь ее.

Тишина.

— Попробуйте! — рявкнул Энди.

Зубастый с обиженным видом задрал пасть к небу.

— Чую добычу, — пролаял его голос в инверторе. — На одном из холмов, в той стороне.

— Добычу?

— Наследственная черта, — объяснил галактогражданин смущенно. — У нас особо чувствительные обонятельные рецепторы. Я засек подозрительные модуляции хемохарактеристик обтекающего воздушного потока. Как вы говорите, особый запах. Но, прошу прощения… старший монитор Квай-Квич является человеком — самкой, не так ли? А вы, монитор, самцом?

— Так! Ну и что?

— В таком случае добыча не тот объект, который вас интересует. Этот человек — самец. Он сильно ранен.

Они миновали покрытую воронками дорогу и начали снижаться к холму, на который указал зубастый. Обоняние не обмануло его.

Это был рифник. Он лежал, прислонившись к стволу сосны. В свете призрачных зарниц он казался очень измученным, кожа на лице посерела. Рука опухла, висела на перевязи. Он равнодушно смотрел на флаер и Квамодиана, который вы-

прыгнул из машины.

— Нам нужно поговорить! — с ходу заорал Квамодиан.

— Только покороче, — проворчал рифник. — Мне нездоровится.

— Где блуждающая звезда? Где Молли?

Рифник дернулся, сморщился от боли.

— Их нет. Куда они делись — не знаю.

— Когда это произошло?

Рифник устало покачал головой, вытащил из кармана черную палочку, откусил, принялся с отвращением жевать.

— Особый корень, растет на рифах. Гадость, но снимает боль. До сих пор это был мой личный заменитель Альмалика. Куда смылась звезда? Откуда мне знать. Она выбросила меня здесь вечером. Пару часов назад что-то пролетело, туда… — Он показал рукой вверх, в направлении холма с пещерой. — Я видел вспышку в небе.

— Северное сияние? Зарницу?

— Да нет! Зарницы пляшут с самого заката. Что-то другое. По-моему… — Голос затих, потом рифник встряхнулся и продолжал: — По-моему, звезда ушла в космос. Наверное, девчонку забрала с собой.

Тут в разговор вмешалась Клотильда.

— Энди! Этот человек умирает! Его нужно доставить в больницу!

Рифник мрачно усмехнулся, выплюнул струйку черной слюны.

— Неплохая идея, мисс. Только в больницу поздно. Мне нужно в церковь.

— Вот это да! — ахнул Руф, на лице которого плясали отсветы зарниц. — Никогда не думал, что он *такое* скажет.

— И не сказал бы, — рявкнул рифник, — будь у меня другой выход. Но я знаю, что придется, ваш робот-инспектор предупредил меня несколько недель назад. «Вредоносный фузоритный вирус». Видно, очень радовался, если роботы умеют радоваться. Сказал, что Посетители могут мне помочь, а врачи — нет. Кажется, не соврал.

— И вы присоединитесь к Альмалику?

Рифник с сожалением пожал плечами, поморщился от боли в руке.

— Я приручил последнего своего слита, — прохрипел он. — Кончилась вольная жизнь. — Приступ боли заставил его побледнеть. — Не воображайте, что мне это нравится, Квамодиан! Но у меня полтела как в огне.

— Отлично! Если тебе нужно в Мудрый Ручей, можешь сразу расплатиться за проезд.

Мальчик удивленно ахнул, и даже Клотильда метнула в Энди пораженный взгляд. Рифник провел языком по сухим губам.

— О чем ты? Мне сейчас не до шуток!

— Очень хорошо, потому что я не шучу. Я собираюсь оставить тебя догнивать здесь… если только ты не убедишь меня, что имеет смысл поступить иначе.

— Как?

— Проще простого, — сурово сказал Энди. — Расскажи мне правду. Чем вы здесь с Клифом занимались?

В глазах рифника сверкнуло бешенство. Обладай он трансфлексной энергией слита, Квамодиан был бы убит на месте, в лучшем случае — парализован. Такой ненавистью можно было сбить планету с ее орбиты.

Но ненависть быстро погасла, и рифник отвернулся. Он снова начал жевать, глотнул, сплюнул на камень черную струйку сока и сказал:

— Почему бы и нет? Теперь уже все равно. Посетители скоро выставят все мои секреты перед Альмаликом. Могу тебе и сам все рассказать прямо сейчас. Но только сначала помоги сесть во флаер, Квамодиан. Я не шучу, мне в самом деле очень плохо.

Энди помог великану-охотнику забраться в пузырь кабины. Автоматический контур кресла принял во внимание вес рифника, и подушки увеличили упругость. Рифник, уютно устроившись, посмотрел на собравшихся.

— Дело в том, — начал он, — что Клиф работал на меня. Наглый щенок! Он мнил себя выдающейся личностью, искал чистых научных знаний и так далее! Но мне нужно было лекарство от вируса. Вирус дремал во мне двадцать лет — я случайно подцепил его в рифах. Я не хотел умирать, Квамодиан, но и Посетителей впускать не хотел.

Он осторожно погладил толстыми загрубевшими пальцами перевязь, посмотрел на разноцветные всполохи в небе.

— Конечно, Посетители предлагали кое-что приятное. Бессмертие тела — это мне по душе. Лекарство от всех болезней. Сила, возможности. Я искал другой способ получить все это, не впуская в организм фузоритов. Блуждающая звезда — это способ. Ястреб был моим инженером.

— Итак, ты знал, что Ястреб создает блуждающую звезду? — Квамодиан подался вперед, пристально глядя в бледное, обескровленное лицо рифника.

— Две звезды. Первая убежала. — Рифник

усмехнулся, потом сморщился — новый приступ боли. — И вторая, кажется, тоже.

— Понятно, — сказал Энди, поглядев на сердитые зарницы. — Первая вошла в Солнце. Теперь наше светило — блуждающая звезда!

Рифник пожал плечами.

— Монитор Квамодиан! — воскликнула Клотильда. — Об этом нужно немедленно доложить! Поскольку члены бригады потеряли связь с Альмаликом, мы немедленно возвращаемся на станцию в поселок!

— Об этом уже доложено, — спокойно сказал Энди.

— Каким образом? Мы ведь только сейчас узнали…

— Родители Руфа. Они ведь знали о первой звезде, верно? — Руф с довольным видом кивнул, глаза его сияли. — Они поспешили в Нуово Йорк.

Рифник почесал бок, поежился, застонал.

— Все встало на свои места. Как теперь насчет того, чтобы отвезти меня в Мудрый Ручей?

— Еще одну минуточку, — совершенно спокойным тоном сказал Энди. — Еще один вопрос. Какое отношение имеет Молли Залдивар к тому, что произошло?

— Глупая девчонка! Она погубила Ястреба. Он

был в нее влюблен, а она старалась его остановить и все испортила.

Он застонал, схватился за грудь, согнулся пополам.

— Не знаю я, где она сейчас, — простонал он. — Разве тебе мало? Или ты хочешь, чтобы вирус меня прикончил?

По дороге в поселок Энди связался с куполом станции и запросил внеочередной сеанс связи.

— Тридцатиминутная задержка всех сообщений, господин Квамодиан, — ответил купол. — Я вас вызову, когда освободится канал.

Мрачно поджав губы, Энди приказал флаеру приземлиться у церкви Звезды. Энди чувствовал некоторое облегчение — теперь они знали причину странного поведения Солнца, и ответственность не так тяжело давила на плечи монитора. Сможет ли Альмалик справиться с проблемой или нет — Квамодиану было все равно. Сейчас его волновала только судьба Молли, унесенной в космос, обреченной на скорую смерть от смертельного излучения старой ядерной батареи. Что же касается рифника, то Энди не интересовало, погибнет тот или будет исцелен.

Внутри церкви их приветствовал новый робот-инспектор. Робот был взволнован присутствием

стольких галактограждан, и его черное тело-яйцо заметно подрагивало на подушке трансфлексного поля. Хотя день был будний, под куполом собрались в кружок несколько спасенных. Квамодиан и Клотильда возглавляли процессию. За ними хромал рифник, за рифником мягко ступал гражданин-хищник, потом — зеленые пружинки и в арьергарде плыло розовое облако.

Опустившись на колени, поклонявшиеся пели хвалу Альмалику. Хуан Залдивар встал, задал рифнику вопрос: понимает ли он природу симбиотической жизни, по собственной ли воле избрал он присоединение к симбиозу, готов ли впустить фузоритов в тело, кровь, кость и мозг? Понимает ли, что этот выбор — навсегда?

На каждый вопрос рифник отвечал хриплым «да».

Рифник встал на колени, и остальные спасенные встали на колени тоже. Их золотистые звездочки мерцали в полумраке зала. Они затянули песнь, голоса торжественно перекатывались под огромным куполом, где горели тринадцать солнц Альмалика.

Рифник вдруг протестующе вскрикнул, приподнялся, потом качнулся вперед и упал на раненую руку.

Квамодиан услышал сухой треск. Пять искорок отделились, танцуя, от звездочек на телах спасенных, поплыли к рифнику, собрались в облачко золотого пламени.

Облачко с шипением погрузилось в рифника.

Рука его медленно поднялась, тронула щеку. В воздухе поплыл густой сладкий аромат фузоритов-Посетителей.

Рифник перестал стонать.

В этот момент пение кончилось. Рифник вздрогнул, открыл глаза, легко поднялся и подошел к Энди, пожал руку.

— Спасибо, друг, — прогудел его мощный голос. На его покрытом шрамами лице играла ласковая улыбка. Над грязной лохматой бородой сияла звезда присоединения. — Боль исчезла.

К рифнику подошел Залдивар, взял за руку.

— Теперь ты спасен. Ты больше никогда не испытаешь боли, — торжественно сказал он.

Купол контроля связался, наконец, с Альмаликом. Но имелись затруднения.

— Какие еще затруднения? — взорвался Энди. — Мне нужно немедленно поговорить… а потом отправиться туда!

— Сожалею, — сладко пропел купол, — для этого требуется удостоверение первоочередности…

— Его я как раз и требую! Чрезвычайное происшествие!

— Но вчера вы тоже говорили о чрезвычайном происшествии, монитор.

— И был прав! Теперь у меня есть новые доказательства! Солнцам Альмалика грозит опасность!

— Энди, — прошептала Клотильда, — можно я с ним поговорю? Может, он меня выслушает.

Но Квамодиан оборвал ее одним свирепым взглядом, и она сразу подчинилась. После визита в пещеру, когда все убедились, что слова Квамодиана имеют действительную почву под собой, старший монитор стала намного мягче.

— Назовите эти факты, — пропел купол.

— Они уже должны быть известны Альмалику. Они находятся в памяти человека по прозвищу рифник, который только что принял Посетителей. Требую немедленной переброски бригады в систему Альмалика. Мы должны помочь ему в истолковании и использовании этих сведений.

Он не упомянул о главной причине. Едва ли его тревога о Молли произвела бы впечатление на купол контроля. Но Энди не терял отчаянной надежды, что Молли обнаружится где-то среди солнц Альмалика. И Квамодиан хотел в этот момент быть там.

— Секунду, — прозвенел купол.

Энди нетерпеливо заерзал.

Клотильда о чем-то размышляла, нахмурившись.

— Но у нас есть право внеочередности, — заметила она.

— Что ты имеешь в виду? — подскочил Энди.

— Ничего, Энди. Просто вся бригада — кроме тебя — может сейчас же отправиться на Альмалик и помочь получить разрешение для тебя.

— Согласны, — пропели зеленые пружинки. — В нетерпении. Срочно. Предлагаем не откладывать.

А галактогражданин-облако вздохнул:

— Против Альмалика могут быть направлены могущественные силы. Нужно срочно начать подготовку к отражению атаки.

— Поступайте, как хотите, — угрюмо сказал Квамодиан. — Я поступлю по-своему.

Клотильда с сомнением на него посмотрела, но ничего не сказала. Она была избавлена от такой необходимости. Сквозь вставки-коммуникаторы в их ушах донесся голос купола:

— Монитор Квамодиан, ваша просьба отклонена. Старший монитор Квай-Квич и остальные члены бригады, вы временно лишены права

внеочередности. Транзит в район Альмалика прекращен полностью.

Услышав новость, все были поражены ужасом. Зеленые пружинки бешено завертелись, что-то забормотали. Зубастый жалобно завыл и придвинулся поближе к Руфу, который широко открытыми глазами смотрел на Энди. Розовое облако тихо предрекало разнообразные несчастья и катастрофы, а рука Клотильды невольно сжала руку Энди.

— Почему? — потребовал ответа Энди. — Мы мониторы! Нам не могут отказать в праве транзита!

— Транзит в район Альмалика полностью прекращен, — мрачно доложил купол. — Штаб-квартира сообщает об аномальных астрономических явлениях в этой системе. Инспектор, будьте добры, расскажите подробнее.

Робот, которого они почему-то до сих пор не замечали, подплыл к флаеру. Овальный плазменный сенсор горел ярким холодным светом.

— Это правда, мониторы. Внешняя планета Альмалика-13 сошла с орбиты и, кажется, собирается протаранить центральное светило. Ее ускорение превосходит нормальное в несколько раз.

Квамодиан прищурился, предчувствуя недоб-

рое. Молли там! Теперь он был почти уверен в этом. Он должен туда попасть!

— Не удивительно! — рявкнул он так громко, что даже сам удивился. — Это-то я и хотел предотвратить! Чтобы свести потери к минимуму, я должен немедленно туда добраться. Может, еще не поздно и удастся избежать жертв.

— Невозможно, монитор, — прозвенел робот. — Столкновение планеты и Альмалика-13 ожидается в ближайшие несколько часов. Все трансфлексные станции заняты эвакуацией населения. Но их недостаточно, будет спасена лишь часть населения. Запрещены все встречные транзиты.

Клотильда громко вздохнула, зубастый задрал пасть к небу и протяжно жалобно завыл.

— Но… я д-должен т-туда попасть, — заикаясь, пробормотал Энди. — Чтобы помочь! Чтобы спасти! Еще можно что-то сделать…

Робот не ответил. Черный, блестящий, он замер, завис над пыльной площадью.

— Проповедник, что с ним? — со страхом прошептал Руф. — Он умер?

Плазменный сенсор робота вдруг погас совсем. Три кнута-эффектора выскользнули из-под скорлупы корпуса и безвольно повисли, чертя полосы

в пыли.

— Инспектор! — жалобно позвал Квам и услышал шепот Клотильды:

— Случилось что-то ужасное! Он потерял связь!

Вдруг эффекторы быстро втянулись под панцирь, овал сенсора ярко засветился.

— Новые указания главного штаба, — прогудел робот. — Блуждающая звезда уничтожила два оригинальных интеллекта в солнцах Альмалика и внедрила на их место собственные транзитные матрицы. Сейчас она атакует планеты Альмалика-13.

Квамодиан затаил дыхание.

— Вызови Лебедя! — потребовал он.

— Святой Альмалик, ведущая звезда Лебедя вызывает вас, — прервал его робот. — Ваше право транзита подтверждено. Вы и ваши спутники отправляетесь через местную станцию немедленно.

25

В сотнях световых лет от Земли блуждающая звезда крепла и закалялась в яростной борьбе. Гигантское создание из плазмы и свободных электронов вело монолог, размышляло, словно звездный Гамлет:

МОРЯ МОИ КИПЯТ… ИЗ РАН СОЧИТСЯ МАГМА-КРОВЬ… КОРА ПРОБИТА ВАРВАРСКИМИ КОПЬЯМИ ЗВЕЗДЫ… И ВСЕ ЖЕ Я СТРЕМЛЮСЬ ВПЕРЕД… К ОГРОМНОМУ СВЕТИЛУ…

Мимо мелькали внутренние планеты Альмалика. Еще несколько часов, и они растворятся в кипящем море взорванного светила.

Но Альмалик по-прежнему не оказывал сопротивления. Он безмятежно сиял впереди, прекрасный, спокойный, ничуть не встревоженный нападением.

Блуждающая звезда стала опытнее. Она пережила миллиарды циклов внутреннего развития. Она познала «эмоции», познала злость, и спокойная гордость Альмалика вызывала у нее еще большую злобу.

ЕСЛИ ОН ПРИЗНАЕТ МЕНЯ! ЕСЛИ ПРИЗНАЕТ, ЧТО ВЕЛЕЛ СОЛНЦУ УНИЧТОЖИТЬ МЕНЯ! ЕСЛИ

ИЗВИНИТСЯ ЗА ОБМАН, ЗА ТО, ЧТО ПРЕЗИРАЛ МЕНЯ… ВОЗМОЖНО, ТОГДА Я ОТВЕДУ УДАР…

Но Альмалик не обращал на агрессора ни малейшего внимания.

Впрочем, другие обитатели системы не были столь хладнокровны. Блуждающая звезда обнаружила, что стала объектом нападения. Голубой компонент обрушил на нее плазменный клинок. Клинок пробил сердце звезды, втянулся и ударил снова.

Звезда агонизировала — такой боли она еще никогда не испытывала. Но она не погибла. Она собрала силы и стала искать способ отбить атаку. И нашла такой способ. Проносясь мимо пятой планеты Альмалика, она сорвала с орбиты целую связку лун, сплавила их в одно тело собственными матрицами и этой новой массой укрепила защиту.

Восстановив силы, она принялась впитывать в себя энергию голубых и золотых разрядов, скручивала собственные поля и с новой силой бросала вперед свою растущую массу. Но огромное белое Солнце демонстративно не замечало усилий блуждающей звезды.

На этом первая стадия сражения завершилась.

Хотя блуждающая звезда ни разу не ударила в

ответ по голубому и желтому гигантам, те уже были побеждены.

Израсходовав энергию на плазменные выстрелы, они исчерпали свои силы. Плазменные кнуты втянулись и пропали. Голубой гигант померк, сжался, а желтый — распух, покраснел.

Разумная жизнь покинула эти звезды. Голубой гигант снова увеличился, золотое Солнце стало ярче и приняло прежний облик. Теперь это были лишь скопления ядерного газа, обыкновенные атомные топки, которые больше не управлялись транзитными матрицами звездного интеллекта.

Это была безоговорочная победа блуждающей звезды. Но главный враг, большая белая звезда, по-прежнему сияла впереди.

Звезда чувствовала, что Альмалик наблюдает за ней, но не испытывала страха. Ее удивляло, что он не просит пощады, не вступает в переговоры. Это тревожило блуждающую звезду.

Но она не свернула с намеченного пути. Она мчалась вперед, чтобы покончить с белым светилом, наказать его. Выпустив энергозонды, она подкрепилась, впитала в себя астероидное облако, протянула щупальца к безжизненному спутнику четвертой планеты, сплавила его с собственной массой.

Тринадцать светил или погибнут, или потеряют в войне способность поддерживать в себе разум. Будут разрушены сотни планет и около тысячи обитаемых астероидов. Миллиарды живых существ сгорят в белом пламени, когда наступит смерть гордой звезды…

И среди них, подумала звезда и почувствовала боль, будет и обычный конгломерат земной органической материи по имени Молли Залдивар.

Я НЕ ХОЧУ, ЧТОБЫ МОЛЛИ ЗАЛДИВАР ПОГИБЛА, НО ОНА ДОЛЖНА ПОГИБНУТЬ. Я НЕ СПАСУ ЕЕ, НО Я НЕ ХОЧУ ЕЕ ГИБЕЛИ, ПОТОМУ ЧТО Я ЕЕ ЛЮБЛЮ.

Не уменьшая скорости, звезда протянула вперед тонкие нити сенсоров, прочесывая кубические мили пустоты, пока, наконец, не нашла Молли. Девушка сидела верхом на слите, далеко опередив блуждающую звезду. Слит спускался в атмосферу третьей планеты. Рука золотого гиганта, пленившего Молли, исчезла со смертью властелина, но Молли осталась жива. И она почувствовала осторожное прикосновение блуждающей звезды.

Она подняла голову, без ошибки отыскала место в пространстве, где концентрированная масса и энергия мчались к конечной цели.

— Это ты, монстр?

Звезда не ответила. Она слушала и наблюдала.

— Монстр, я знаю, ты здесь. Мне все равно.

Она помолчала секунду, облокотилась о черную меховую спину слита, глядя на облачный диск планеты внизу.

— Ты натворил столько зла, монстр, — вздохнула она. — И все-таки… ты старался быть добрым со мной. Чудовище, мне жаль тебя, мне жаль, что тебе пришлось воевать с Альмаликом!

Звезда ничего не ответила, но прозондировала ауру Молли, обнаружила тень печали и рядом — золотистое свечение. Что это? Любовь? Привязанность, симпатия — по крайней мере, так решила звезда.

Она уменьшила толщину щупальца до предела, ей достаточно было видеть девушку. Она могла в любой миг сорвать Молли со спины слита, втянуть в ядерное сердце и вместе с ней помчаться дальше, к гордому белому солнцу.

Но звезда не сделала этого.

Она только наблюдала, как Молли, защищенная полем слита, исчезла в верхних ионизированных слоях атмосферы, быстро опускаясь к поверхности с ее городами и миллиардами галактожителей.

Третья планета была сине-зеленым миром. Красивым миром. Миром тихих морей и щедрых материков. По берегам морей и рек стояли великолепные города.

Звезда смотрела, как слит парит над башнями большого города. Еще не поздно, еще можно было подхватить беглянку.

Но звезда только наблюдала за ней. И все ближе становился миг, который уничтожит, расплавит этот мир и вместе с ним — организованный конгломерат органического вещества по имени Молли Залдивар.

26

Флаер, в сопровождении зеленых пружинок и розового облака, падал в бесконечность транзитного перехода. Потом они вынырнули в порту города Каймара, жемчужины всех городов столичной планеты Каймар, главного мира в системе Альмалика.

Рука Клотильды испуганно сжала руку Энди. Руф тихо вздохнул за спиной.

— Проповедник! Кажется, мы попали в нехорошее место!

Огромный центральный купол города был полон галактограждан всех видов и расцветок. Много было гуманоидов и даже людей: спокойные гиганты рифники, земляне. Но здесь же находились галактограждане самых причудливых форм или вообще не имевшие формы — жидкие и газообразные создания, существа из упорядоченной энергии, не имевшие в себе ни грамма вещества. Диафрагма транзитного куба уже принимала беглецов, которым повезло попасть в очередь. Крики, свист, электронные сигналы, тысячи голосов тех, кто не смог попасть в передатчик станции, сливались в общий

гул. Прямо перед флаером повисло два десятка кристаллических граждан. Острые, как бритва, голубые прозрачные грани красиво сверкали в лучах Альмалика. Квамодиан опустил флаер на рампу, вылез из пузыря кабины, поднырнул под кристалльников.

— Нужно выбраться из этой толпы, — пропыхтел он. — Штаб-квартира прямо вот там… Если я не ошибаюсь…

— Ты не ошибся, Энди, — задыхаясь, воскликнула Клотильда. — Они должны еще… — Она не договорила, ей не хватало дыхания. Им оставалось одно — прокладывать путь сквозь толпу галактограждан. Было ясно, что станция не успеет перебросить всех, и все же относительный порядок и спокойствие сохранялись. Все знали, что обречены, и мужественно ждали конца.

Наконец, Энди и Клотильда со своими спутниками выбрались на свободное пространство и смогли перевести дух. Менее всего досталось зубастому. Зубастый посмотрел на юного Руфа и коротко пролаял:

— Пусть детеныш сядет мне на плечи, — перевел инвертор в ухо Энди. — Иначе нам не пробраться.

— Никогда! — вспыхнул Руф. — Я сам. Вперед,

проповедник, мы теряем время.

Больше других помяли розовое облако. От основной массы оторвалось несколько кусков розового пенистого вещества. Некоторые из них пытались влиться обратно, другие безнадежно затерялись в плотной толпе. Зеленые пружинки просто-напросто укоротили свои взаимоцентрические орбиты, нашли оптимальную скорость и расстояние между сочленами организма.

— Ладно! — сказал Энди. — Пошли!

Шум в толпе за их спинами заставил всю компанию обернуться. Все смотрели вверх, направив на кристаллический потолок купола десятки тысяч глаз, фоторецепторов, радарных сканеров и прочих органов восприятия.

В голубом небе был виден пламенный шар агрессора. Скорость его была так велика, что огненный шар в ореоле молний заметно перемещался по небосводу.

Энди с трудом оторвал взгляд от жуткого зрелища.

— У нас даже меньше времени, чем я думал. Пошли!

Большой зал Товарищества Звезды был пуст. В зале, где могли сидеть тысячи галактограждан, не было ни души, лишь тринадцать солнц Аль-

малика сияли на потолке.

— Не понимаю, — скорбно сказала Клотильда. — Я предполагала хотя бы здесь найти кого-нибудь…

В инверторе Энди зазвенел хор пружинок:

— Никакой индикации… никаких следов функционирования… здание покинуто…

Мальчик крепко сжал руку Энди.

— Но Альмалик велел нам явиться сюда, разве не так?

— Да, он дал разрешение, — сказал Квамодиан, осматривая зал. — Видимо, что-то произошло…

Розовое облако устало проговорило:

— Непонятное сообщество высшего уровня наблюдает за нами…

Квамодиан рухнул на мягкое сиденье и постарался собраться с мыслями. Времени слишком мало! Он рассчитывал на помощь в штаб-квартире. Возможно, он немного оторвался от действительности, но он в самом деле ожидал увидеть здесь толпы поклоняющихся, застать кипучую деятельность в многочисленных секциях и кабинетах. Он предполагал, что у входа их встретит робот-монитор, направит прямо к какому-нибудь влиятельному лицу и… они начнут действовать, чтобы спасти эту планету и Альмалика.

Он не предполагал, что здание окажется брошенным.

Остальные ждали решения Энди, и он понял, что принимать решение ему все-таки придется, за всех. С каждой секундой времени оставалось все меньше.

Он встал.

— Ладно, пойдем обратно к станции. Может, там отыщется кто-нибудь из мониторов.

— Опять через толпу? — воскликнул Руф.

— Ничего другого не остается. Если только у тебя не появилась идея получше.

Но едва они собрались покинуть здание, в ушах мягко пророкотал голос:

— Подождите!

Они замерли. Девушка умоляюще смотрела на Энди. Она ничего не сказала вслух, но губы ее шевельнулись, как бы произнося одно-единственное слово:

— Альмалик?

Квамодиан кивнул, и тут голос заговорил снова:

— Смотрите…

Купол поднялся на трансфлексной подушке, открывая великолепие небес. Днем звезд не было видно. В небе пламенел шар блуждающей звезды,

уничтожая красоту безмятежных облаков. Он приближался к ним.

— Это мисс Залдивар! — крикнул мальчик. — Смотрите, проповедник! Это она, на слите!

Они провели в Большом зале не больше четверти часа, но Энди был совершенно покорен величием Альмалика, наблюдавшего за ним. Даже близость девушки, ради которой он пересек половину Вселенной, не могла разрушить чары бессмертной звезды.

Того, что рассказала Молли, было достаточно, чтобы вызвать у него прилив энергии. Молли скоро должна была умереть.

— Энди, милый, — прошептала она, и голос показался ему небывало теплым и любящим, — не подходи ко мне! Я облучилась там, в пещере... Чудовище-звезда пыталась спасти мне жизнь. Вернее, она дала мне жизнь, в тот момент я была мертва. Если ты подойдешь близко, можешь погибнуть.

Энди сделал шаг вперед, но Молли остановила его жестом руки.

— Прошу тебя, — прошептала Молли. — Не надо. Что ты хотел сообщить? Зачем ты прилетел?

Запинаясь, он передал ей рассказ рифника, и Молли выслушала его. Глаза ее широко раскры-

лись, потом взгляд метнулся в сторону — она заметила, как рука Клотильды ищет руку Энди.

Затем Молли сказала:

— Спасибо, Энди. Ты всегда был самым лучшим другом… — Самообладание едва ей не изменило, но она смогла взять себя в руки и улыбнулась. — Я не боюсь покинуть этот мир, но я очень жалею, что покидаю тебя.

В следующее мгновение ее уже не было в зале. Взобравшись на слита, она умчалась в небо. Тем временем огромный купол зала величественно опустился, окончательно скрыв Молли.

27

Звезда потеряла Молли. Она потратила драгоценные пикосекунды, попыталась нащупать ее, но напрасно. Девушку спрятала чья-то могучая сила. Звезду наполнило чувство тягостной тревоги. Но на эмоции не оставалось времени. Она все ближе и ближе подходила к белому Солнцу, своему врагу, и нужно было собрать все силы для главного удара.

Третья планета осталась далеко позади. Звезда стремительно миновала орбиту второй планеты, которая находилась по другую сторону светила. Огромный диск сиял прямо впереди, неумолимо рос.

ПО-ПРЕЖНЕМУ НЕ ОБРАЩАЕТ НА МЕНЯ ВНИМАНИЯ. НЕ СОПРОТИВЛЯЕТСЯ. НЕ ПРЕДЛАГАЕТ ВСТУПИТЬ В ПЕРЕГОВОРЫ, НЕ ЖЕЛАЕТ ПРИНОСИТЬ ИЗВИНЕНИЯ ЗА НАПАДЕНИЕ НА МЕНЯ. НАБЛЮДАЕТ ЗА МНОЙ, ДРАЗНИТ…

— Чудовище! Подожди!

Звезда сосредоточилась, увидела, что вслед за ней мчится верхом на слите Молли. От нее исходила непонятная звезде энергия, отчего звезда почувствовала неуверенность. Слабое

человеческое существо, нестойкий конгломерат органических молекул не имел права распоряжаться такими энергиями. Тем более сейчас, когда время существования данного организма истекало.

Блуждающая звезда потратила несколько наносекунд, проверяя, не Альмалик ли наделил девушку такой силой. Потом звезда отбросила эту идею. Теперь это не имело значения. До столкновения оставались минуты. Уже сейчас вокруг кипела тонкая внешняя атмосфера белого Солнца. Быть может, остановиться уже невозможно — инерция планетарной массы слишком велика.

Она послала Молли сообщение по плазменному эффектору.

— Чего ты хочешь, Молли Залдивар? — пропел воздух в пузыре слита. — Теперь ты любишь меня?

Ее ответ заставил содрогнуться раскаленную кору планеты.

— Люблю ли я тебя, чудовище? Не знаю. Не могу сказать… И все-таки… Да, возможно, что люблю… Если это так важно сейчас…

Тело блуждающей звезды содрогнулось, кипящие магмовые океаны затянуло тучами испарений. На мгновение могучие тиски полей,

которыми она сжимала планету, ослабли. В небесах заплясали чудовищные молнии. Но Молли продолжала:

— У меня не осталось времени любить. Тело мое умирает, и я хочу сообщить тебе нечто. Чудовище, выслушай меня. АЛЬМАЛИК ТЕБЕ НЕ ВРАГ.

Теперь звезда затряслась от ярости. Сквозь трещины в скальной коре выступила белая магма.

— Ложь! Снова ложь! Солнце Земли хотело убить меня! А оно подчинялось Альмалику. Товарищи Альмалика, двойные звезды, пытались меня уничтожить!

Но голос Молли был тверд.

— Нет! Один раз я тебе солгала, потому что боялась тебя. Но Альмалик никогда не лгал и не пытался причинить тебе вреда. Да, Солнце Земли ударило в тебя… но это был твой собственный брат!

Блуждающая звезда остановила эффектор, которым собиралась расправиться с обманщицей, и озадаченно повторила:

— Мой брат?

— Да! Еще один искусственный плазменный интеллект, вырвавшийся на волю перед тобой. Он занял Солнце и хотел убить тебя, а потом добрался сюда и оккупировал две звезды — желтую

и голубую. Это он сражался с тобой!

Но ты его победил, его больше нет, и ты должен остановиться, пока не поздно!

Звезда молчала. Ее плазменный мозг обрабатывал новую информацию.

— Брат? — прошептала она. Жуткое подозрение заставило кору планеты содрогнуться. — Если это правда… если это правда, я совершаю ужасное и непоправимое…

Значит, Альмалик всегда был ее другом… и всего через несколько минут он будет уничтожен!

Аккуратно перестроив сеть сенсоров, звезда бросила сканирующие зонды вниз, к белому Солнцу. Она прощупала окружающее пространство. Скорость планетарного тела была огромна, остановиться уже невозможно. Слишком рьяно тратила звезда энергию на разгон планеты. Слишком поздно.

Звезда быстро рассчитала вероятные траектории, чтобы отклонить полет, миновать Альмалик, уйти во мрак пространства…

Невозможно. Слишком поздно!

Хорошо… Она попробовала другой вариант — путь через корону Альмалика. Сама планета погибнет, баланс белого Солнца нарушится, но Альмалик уцелеет…

Тоже невозможно. Тоже слишком поздно.

Впав в отчаяние, звезда попробовала рассчитать курс сквозь верхний слой белой звезды. Альмалик будет ранен, начнется небывалое извержение энергии из нижних слоев, но он не погибнет…

И это тоже оказалось невозможным. Слишком велика скорость, слишком мало времени оставалось до столкновения. Она столкнется с белым Солнцем лоб в лоб. И оба они исчезнут в адском огне сверхновой, погибнет все на расстоянии светового года.

МНЕ ЖАЛЬ, ТЕПЕРЬ Я ОЧЕНЬ ЖАЛЕЮ, МНЕ ЖАЛКО МОЛЛИ ЗАЛДИВАР. МНЕ ЖАЛКО АЛЬМАЛИК. ЖАЛКО МИЛЛИАРДЫ СУЩЕСТВ НА ОБРЕЧЕННЫХ ПЛАНЕТАХ, МНЕ ЖАЛКО СЕБЯ.

Звезда послала по щупальцу-эффектору сообщение для Молли. Надежды больше не было.

Но контакт пропал.

Звезда прочесала пространство вокруг. Необъяснимым образом Молли и слит исчезли.

Матрицы звезды были потрясены скорбью. В отчаянии блуждающая звезда бросила энергию к белому диску Альмалика. Солнце выбросило навстречу струи огня, планетарное тело раскололось. Но все было напрасно. Осколки, размерами

с астероид, мчались по инерции.

СМОТРИ, МАЛЫШ, ВОТ ГОЛУБАЯ ЗВЕЗДА. БЕРИ ЕЕ СЕБЕ. ИСПОЛЬЗУЙ ЕЕ ЭНЕРГИЮ, ЕСЛИ ХОЧЕШЬ.

Блуждающая звезда знала, кто говорит с ней, — это был сам Альмалик, огромный солнечный диск.

Голубая звезда?

Из чистого любопытства она выбросила в том направлении зонд. В самом деле, голубой гигант ждал нового обитателя.

Блуждающая звезда вдруг почувствовала, что какая-то сила помогает ей. Сила, которой она не могла подобрать имя. Это был не только Альмалик, но вся сумма разумных существ — органических, неорганических, звездных, — все они подбадривали ее.

И она переместилась вдоль собственного сенсора, вошла в ожидавшее ее светило.

В матрицы ее сознания влилась новая энергия. Ресурсы гигантской звездной топки были теперь в ее распоряжении.

Могучими плазменными руками потянулась она к остаткам покинутой планеты, к ее усилиям присоединилась энергия белого пламени Альмалика и пламя золотое. Некоторое время

блуждающая звезда озадаченно размышляла. Что произошло? Золотая звезда была мертва, она не могла участвовать в операции.

Но она участвовала, помогала отвести опасность! Золотые потоки плазмы соединились с белыми и голубыми. Вместе они ловко растащили осколки в стороны.

Осколки не выдержали атаки трех солнц. Распавшись на миллионы мелких частиц, они миновали диск Альма-лика и по кометным орбитам унеслись в пространство.

Опасность миновала. Альмалик был спасен.

Теперь у блуждающей звезды было время понять, что она приобрела, получив могучее звездное тело… и что потеряла. Она чувствовала гордость и одобрение далекого наблюдателя, который стал еще более близок, хотя и не был уже блуждающей звездой.

Вселенский звенящий хор звездных голосов приветствовал нового собрата. ПРИСОЕДИНЯЙСЯ К НАМ, БРАТ. БУДЬ ОДНИМ ИЗ НАС. СТАНЬ ЕДИНЫМ СО ВСЕМИ СУЩЕСТВАМИ, КОТОРЫЕ МЫСЛЯТ, СТАНЬ ЕДИН С АЛЬМАЛИКОМ.

Одной своей частью блуждающая звезда радовалась, а другой испытывала муки печали. Молли погибла, она потеряна навсегда.

В могучем хоре почувствовалось скрытое удовольствие. ПОСЛУШАЙ, БРАТ. ТЫ ДАЛ ЕЙ СИЛУ. МЫ ДАЛИ ЕЙ ДОМ — ПУСТОВАВШЕЕ СОЛНЦЕ.

Не веря себе, блуждающая звезда выстрелила ярко-голубым сенсором в сторону золотого Солнца. И золотое Солнце встретило ее сенсор собственным. Золотая и голубая нити встретились, переплелись. Звезды смотрели на них и радовались.

Голос, который заговорил с блуждающей, не был голосом человека, но было в нем что-то знакомое, веселое, нежное. Что-то очень напоминало голос Молли Залдивар.

— Здравствуй, монстр! — весело сказал голос. — Добро пожаловать! Навсегда!

ДИТЯ ЗВЕЗД
Фредерик ПОЛ